An Ellery Queen Mystery

179

pb

# THE GREEK COFFIN MYSTERY



ELLERY QUEEN

POCKETBOOK EDITION COMPLETE AND UNABRIDGED

# Тайна греческого гроба
# Эллери Квин

Аннотация
Эллери Квин. «Тайна греческого гроба»
Предисловие
Книга первая
Глава 1. ТЕРРИТОРИЯ
Глава 2. АДВОКАТ
Глава 3. ЙОТА
Глава 4. НОВОСТИ
Глава 5. АНАЛИЗ
Глава 6. ГОСТЬ
Глава 7. РАБОТА
Глава 8. ЕДИНОДУШИЕ
Глава 9. ЧАЙНИК
Глава 10. ЕРУНДА!
Глава 11. СОСЕДИ
Глава 12. КОНТАКТЫ
Глава 13. ОПОЗНАНИЕ
Глава 14. ГРЕЗЫ
Глава 15. ОБЪЯСНЕНИЕ
Глава 16. ГРЕХИ
Глава 17. РЕКОГНОСЦИРОВКА
Глава 18. ОБВИНЕНИЕ

Глава 19. БАЛЛИСТИКА
Глава 20. АРГУМЕНТАЦИЯ
Книга вторая
Глава 21. ЭКСТРАКТ
Глава 22. ЛОСКУТКИ
Глава 23. ЛАБИРИНТ
Глава 24. ЕСТЕСТВЕННО!
Глава 25. РАЗДОР
Глава 26. ИЗВЕЩЕНИЕ
Глава 27. КОНСТАТАЦИЯ
Вызов читателю
Глава 28. ВОР
Глава 29. ИЗОБЛИЧЕНИЕ
Глава 30. НОРА
Глава 31. АПОФЕОЗ

## Аннотация

Эллери Квин – псевдоним двух кузенов: Фредерика Дэнни (1905-1982) и Манфреда Ли (1905-1971). Их перу принадлежат 25 детективов, которые объединяет общий герой, сыщик и автор криминальных романов Эллери Квин, чья известность под стать популярности Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро. Творчество братьев-соавторов в основном укладывается в русло классического детектива, где достаточно запутанных логических ходов, ложных следов, хитроумных ловушек.

Эллери Квин – не только псевдоним двух писателей, но и действующее лицо их многих произведений – профессиональный сочинитель детективных историй и сыщик-любитель, приходящий на помощь своему отцу, инспектору полиции Ричарду Квину, когда очередной криминальный орешек оказывается тому не по зубам.

# Эллери Квин
# «Тайна греческого гроба»

# Предисловие

Написание предисловия к книге «Тайна греческого гроба» показалось мне особенно интересной задачей, из-за того что мистер Эллери Квин какое-то время необычайно упорно противился изданию этого произведения, явно не желая представить его на суд публики.

Вообще-то нам без особых проблем удавалось упросить того порой довольно капризного молодого человека написать очередной роман о его приключениях, случившихся в те времена, когда его отец занимал должность инспектора в Главном полицейском управлении Нью-Йорка.

Почему же тогда, спросите вы, мистер Квин так сопротивлялся публикации истории о деле Халкиса? По двум причинам, чье сочетание уже любопытно. Во-первых, дело Халкиса возникло, когда Квин только пробовал себя на поприще неофициального следователя, действовавшего под прикрытием полномочий инспектора полиции, и в то время знаменитый аналитико-дедуктивный метод Эллери сложился еще не полностью. Во-вторых, — и это, как я уверен, наиболее веская причина, — мистер Эллери Квин

тяжело переживал совершенно унизительное поражение, нанесенное ему в деле Халкиса. Ни один человек, какой бы скромностью он ни отличался, — а Эллери Квин, мне кажется, первым согласится, что от этого он далек, — не пожелает выставлять напоказ свои неудачи. Его позор был публичным, и рана в его душе не заживала. «Нет, — решительно заявил он, — повторное самобичевание не доставит мне удовольствия, даже на страницах книги».

И только когда мы — издатели и я — обратили внимание мистера Квина, что дело Халкиса (публикуемое теперь под названием «Тайна греческого гроба») не только не провал его, но, напротив, величайшая удача, он заколебался — и это очень человеческая реакция, на что я рад указать тем циникам, которые считают, что в Эллери Квине нет ничего человеческого... В конце концов он поднял руки и уступил.

Я искренне убежден, что именно удивительные преграды, возникшие перед Эллери в деле Халкиса, заставили его ступить на путь, который позднее привел его к таким блистательным победам. До окончания этого расследования Квину пришлось пройти и...

Однако было бы неприлично испортить вам

удовольствие от знакомства с этой историей. Можете поверить на слово человеку, знающему подробности всех без исключения дел, в которых Эллери Квин проявил прославленную остроту своего ума, — полагаю, он простит мне эту дружественную восторженность, — что «Тайна греческого гроба» со всех точек зрения самое необычное приключение.

Удачного расследования!

Дж. Дж. Мак-К.

Ссылки на карты места преступления:

http://oldmaglib.com/book/q/Queen_Ellery__The_Greek_Coffin_Mystery_map1.jpg

http://oldmaglib.com/book/q/Queen_Ellery__The_Greek_Coffin_Mystery_map2.jpg

# Книга первая

*В науке, истории, психологии, во всяких исследованиях, которые требуют размышлений о внешнем виде явлений, очень часто все оказывается не так, как представляется сначала. Прославленный американский мыслитель Лоуэлл говорил: «Разумный скептицизм — первейшая черта хорошего критика». Я думаю, что в точности такую же теорему можно сформулировать для студента, изучающего криминологию...*

*Человеческий разум внушает страх и причиняет мучения. Если в какой-либо его части имеются отклонения от нормы — пусть даже настолько незначительные, что никакие инструменты современной психиатрии их не обнаруживают, — результат может привести в замешательство. Как описать мотив? А страсть? А мыслительный процесс?*

*Вот мой совет, категорическое мнение человека, занимающегося непредсказуемыми фантазиями мозга так давно, что уже и не вспомнить, когда это началось: пользуйтесь глазами, пользуйтесь маленькими серыми клеточками, которыми снабдил вас Господь, но оставайтесь настороже. В преступности есть образцы, шаблоны, но нет логики. Разобраться в путанице, извлечь из хаоса порядок — вот ваша задача.*

***Из заключительной лекции профессора Бахмана по курсу прикладной криминологии в Мюнхенском университете (1920)***

ГЕОРГ ХАЛКИС СКОНЧАЛСЯ В ВОЗРАСТЕ 67 ЛЕТ ОТ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ

Георг Халкис, известный во всем мире торговец произведениями искусства, знаток и коллекционер, основатель и владелец галереи Халкиса и один из последних представителей старинной нью-йоркской семьи Халкис, ослепший три года назад, скончался в субботу утром в личной библиотеке в своем доме в возрасте 67 лет.

Смерть пришла внезапно, хотя мистер Халкис

уже несколько лет практически не выходил из дому из-за органического заболевания, которое, по словам его личного врача д-ра Дункана Фроста, и вызвало слепоту.

Всю свою жизнь мистер Халкис прожил в Нью-Йорке, и благодаря ему в США появились некоторые чрезвычайно ценные произведения искусства — одни теперь выставлены в музеях, другие хранятся в коллекциях его клиентов и в его собственной галерее на Пятой авеню.

У мистера Халкиса осталась единственная сестра Дельфина, замужем за Гилбертом Слоуном, управляющим галереей Халкиса, племянник Алан Чини, сын миссис Слоун от первого брака, и кузен Деметриос Халкис — все они проживают в доме покойного по адресу: Нью-Йорк, Восточная Пятьдесят четвертая улица, дом 11.

Из уважения к неоднократно выраженной воле усопшего служба и погребение, которые состоятся во вторник 1 октября, будут строго закрытыми.

## Глава 1
## ТЕРРИТОРИЯ

С самого начала в деле Халкиса прозвучала мрачная нотка. Все началось со смерти старого

торговца произведениями искусства, и это особенно гармонировало с тем, что должно было произойти впоследствии. Тема смерти этого старика развивалась своим чередом, она прошла контрапунктом в похоронном марше, где явно не слышалось скорбного оплакивания. В конце трагическая мелодия смерти зазвучала громче, выражая в оркестровом крещендо осознание вины, и погребальная песнь вызвала эхо, разносившееся по всему Нью-Йорку еще долгое время после того, как замерла последняя нота.

Нечего и говорить, что, когда Георг Халкис умер от сердечного приступа, никто, и в том числе Эллери Квин, не заподозрил, что прозвучало лишь вступление к симфонии убийств. Правда, весьма сомнительно, знал ли вообще Эллери Квин о смерти Георга Халкиса, пока его решительным образом не заставили обратить внимание на этот факт. Но случилось это лишь через три дня, уже после похорон, когда останки слепого старика по всем правилам поместили туда, где, как все считали, им было суждено пребывать вечно.

Вот чего никак не отметили газеты, объявившие о смерти Халкиса — в некрологе, который Эллери, с его-то отвращением к такому чтиву, тоже пропустил, — так это интересное местопо-

ложение могилы старика. А такая информация показала бы старого жителя Нью-Йорка с любопытной стороны.

Унылое жилище Халкиса, построенное из бурого песчаника на Восточной Пятьдесят четвертой улице, соседствовало с церковью давних традиций, выходившей фасадом на Пятую авеню и занимавшей половину территории квартала между Пятой и Мэдисон-авеню, ограниченного Пятьдесят пятой улицей с севера и Пятьдесят четвертой улицей с юга. Между домом Халкиса и самой церковью находилось церковное кладбище, одно из старейших в городе. Именно здесь назначено было покоиться костям усопшего. Семья Халкис, представители которой почти двести лет посещали эту церковь, не волновалась по поводу статьи Санитарного кодекса, запрещавшей похороны в центре города. Они имели право покоиться под сенью небоскребов Пятой авеню, поскольку владели одним из подземных склепов, скрытых от глаз прохожих. Эти сводчатые галереи были устроены на три фута ниже поверхности земли и поэтому не портили дерн кладбища надгробными памятниками.

Похороны прошли спокойно, без слез и посторонних. Покойник, забальзамированный и

обряженный в вечерний костюм, лежал в большом черном блестящем гробу, установленном на похоронных носилках в гостиной, на первом этаже дома Халкиса. Службу провел преподобный Джон Генри Элдер, пастор соседней церкви, — тот самый преподобный Элдер, следует отметить, чьи проповеди и диатрибы получали серьезное освещение в городской прессе. Не было никакого волнения и — если не считать характерного эпизода, когда госпожа Симмс, экономка усопшего, решила грохнуться в обморок, — никаких истерик.

И все-таки, как позднее заметила Джоан Бретт, что-то было не так. Это наблюдение, предполагаем мы, можно приписать той сверхъестественной женской интуиции, которую медики-мужчины склонны считать полным вздором. Тем не менее она определила свое ощущение в типичной для нее вычурной английской манере, как «напряженность в воздухе». Кто вызвал эту напряженность, какое лицо или группа лиц несли ответственность за ее появление — если это действительно было, — Джоан Бретт не могла или не захотела сказать. Напротив, казалось, что церемония проводила гладко, с подобающим, и не более того, оттенком глубоко личной, неак-

центируемой скорби. Например, когда скромный ритуал завершился, члены семьи и несколько друзей и служащих гуськом прошли мимо гроба, в последний раз молча прощаясь с покойным, и вернулись на свои места. Поблекшая Дельфина всплакнула, но всплакнула аристократически — слеза, прикосновение платка, вздох. Деметриос, которого никто и никогда не называл иначе как Демми, уставился бессмысленным взглядом идиота на холодное, мирное лицо лежавшего в гробу кузена и, похоже, был очарован этим зрелищем. Гилберт Слоун похлопал жену по пухлой руке. Алан Чини слегка покраснел; он засунул руки в карманы пиджака и стоял, угрюмо глядя в пространство. Насио Суиза, директор художественной галереи Халкиса, в безупречном траурном костюме и с приличествующим случаю печальным лицом, отошел в угол. Вудраф, поверенный покойного, громко высморкался. Все было очень естественно и безобидно. Стерджесс, организатор похорон, человек озабоченный и деловитый, с повадками банковского служащего, подал знак своим подручным, и они быстро закрыли гроб крышкой. Осталось только одно — организовать последнюю процессию. Алан, Демми, Слоун и Суиза заняли места рядом с

носилками, затем, преодолев обычное в таких случаях замешательство, подняли гроб на плечи. Стерджесс окинул их придирчивым взглядом, преподобный Элдер забормотал молитву, и кортеж решительно двинулся из дома.

Но Джоан Бретт, как потом предстояло оценить Эллери Квину, была очень проницательной молодой особой. Если она почувствовала «напряженность в воздухе», значит, напряженность в воздухе была. Но откуда — с какой стороны? Связать ее с личностью было затруднительно. Напряженность могла исходить от бородача доктора Уордса, который вместе с миссис Вриленд замыкал процессию, или от тех, кто нес гроб с телом, или от тех, кто шел сразу же за ними вместе с Джоан. В сущности, напряженность могла просочиться из дома, возникнув по какой-нибудь пустяковой причине, например из-за причитаний миссис Симмс, лежавшей у себя в комнате, или оттого, что дворецкий Уикс, сидя в кабинете покойного, с глупым видом почесал подбородок.

Естественно, на пути никаких препятствий быть не могло. Процессия прошла не через парадный вход на Пятьдесят четвертую улицу, а через заднюю дверь в сад и на лужайку, окруженную шестью особняками Пятьдесят четвертой и Пять-

десят пятой улиц. Дальше калитка на западной стороне двора, и вот уже кладбище. Прохожие, а также любопытствующие, слетевшиеся, как мухи, на Пятьдесят четвертую улицу, вероятно, почувствовали себя обманутыми, но из-за них-то и был выбран закрытый путь. Нашлись там и репортеры, и фотографы, они прилипли к ограде, заглядывая на маленькое кладбище через железные прутья и храня необычное молчание. Действующие лица трагедии не обращали внимания на зрителей. Выйдя на лужайку, они встретились с другой маленькой группкой, окружившей прямоугольную яму в траве и аккуратно перевернутый дерн. Здесь присутствовали два могильщика — помощники Стерджесса — и церковный сторож Ханивел, а в сторонке топталась, вытирая блестящие, слезящиеся глаза, маленькая старушка в нелепом, старомодном черном капоре.

Раз уж мы решили доверять интуиции Джоан Бретт, то отметим, что напряженность по-прежнему сохранялась.

Затем последовали действия столь же невинные, как и те, что происходили до этого. Обычные ритуальные приготовления. Могильщик наклонился далеко вперед и потянул за ручку

поржавевшей железной двери, погруженной горизонтально в землю. Слабая струйка затхлого воздуха. Гроб осторожно опустили вниз, в старый, облицованный кирпичом склеп. Топтание могильщиков по кругу, тихий обмен парой фраз и медленное проталкивание гроба в одну из многочисленных ниш подземного склепа. Лязг железной двери. Забрасывание ее землей и укладка сверху дерна...

И каким-то образом — в этом была совершенно уверена Джоан Бретт, рассказывая о впечатлениях того момента, — напряженность в воздухе исчезла.

## Глава 2
## АДВОКАТ

Исчезла, надо сказать, ненадолго, всего лишь пока похоронная процессия, пройдя тем же маршрутом через сад-двор в обратном направлении, не возвратилась в дом.

Затем напряженность материализовалась снова, сопровождаемая вереницей жутких событий, которые полностью раскрыли ее источник, но это произошло гораздо позднее.

Первое предупреждение о том, что должно

было случиться, подал Майлс Вудраф, адвокат покойного. Общую картину тех минут можно представить довольно четко. Преподобный Элдер вернулся в дом Халкиса утешить его обитателей, а с ним явился и раздражающе суетливый церковный сторож Ханивел. Маленькая старушка с блестящими, слезящимися глазами, встретившая кортеж на кладбище, естественно, присоединилась к процессии на обратном пути и, оказавшись в гостиной, принялась придирчиво обследовать освободившиеся похоронные носилки, пока организатор похорон Стерджесс и его помощники устраняли мрачные следы своей работы. Никто не приглашал маленькую старушку зайти, но никто и не обращал на нее внимания, кроме разве что слабоумного Демми, который уставился на нее с почти разумной неприязнью. Остальные расселись на стульях или вяло бродили по комнате. Общего разговора у них не завязывалось, и, похоже, никто, кроме организатора с помощниками, не знал, чем заняться.

Майлс Вудраф, чувствуя себя, как и все, не в своей тарелке и желая заполнить тягостную паузу, забрел в библиотеку — абсолютно бесцельно, как он скажет потом. Когда он вошел, Уикс, дворецкий, сконфуженно и не без труда поднялся на ноги

— наверное, дремал. Вудраф махнул ему рукой и все так же без определенной цели, поглощенный неприятными мыслями, пересек комнату и подошел к стене между двумя книжными шкафами, где находился сейф Халкиса. Вудраф упорно утверждал, что, вращая диск сейфа и набирая комбинацию, открывающую тяжелую круглую дверцу, он действовал совершенно машинально. Разумеется, заявил он позднее, он не намеревался это искать, а тем более проверять, не пропало ли оно. Да и зачем, если он видел его и держал в руках всего за пять минут до выхода похоронной процессии из дома? Однако факт остается фактом: Вудраф обнаружил, случайно или намеренно, что оно пропало вместе со стальным ящиком, — и это открытие прозвучало предупреждением, которое — совсем как в «Доме, который построил Джек» — снова вызвало напряженность, которая, в свою очередь, потянула за собой дальнейшие жуткие события.

Характерна реакция Вудрафа на пропажу. Он резко крутанулся, так что Уикс подумал, что он не в себе, и заорал на дворецкого страшным голосом:

— Ты касался этого сейфа?

Уикс, заикаясь, ответил отрицательно. Вудраф

тяжело дышал. Он хотел броситься в погоню за похитителем, но даже примерно не представлял себе, кто бы это мог быть.

— Давно ты здесь сидишь?

— Да с тех пор, как процессия направилась на кладбище, сэр.

— Кто-нибудь входил в эту комнату, пока ты тут сидел?

— Ни одной живой души, сэр. — В подтверждение своих слов напуганный Уикс потряс розовым черепом, и венчик белых, как хлопок, вьющихся волос заколыхался над ушами. Поза господина и повелителя, которую принял Вудраф, внушала Уиксу ужас. Массивное тело Вудрафа, его красное лицо и резкий голос произвели на старого слугу такое сильное впечатление, что он чуть не разрыдался.

— Ты спал! — прогремел Вудраф. — Ты клевал носом, когда я сюда вошел.

— Только дремал, сэр, — плаксиво промямлил Уикс. — Правда, сэр, только дремал. Я не спал ни минуточки. Как только вы вошли, я сразу услышал, ведь так, сэр?

— Гм... — Вудраф немного смягчился. — Видимо, так. Попроси мистера Слоуна и мистера Чини немедленно прийти сюда.

Когда оба приглашенных с озадаченным видом вошли в библиотеку, Вудраф стоял перед сейфом в мессианской позе. Он молча устремил на них проницательный взгляд в привычной для него манере, которой он пользовался при допросе свидетелей в суде. В Слоуне он сразу же заметил нечто подозрительное, но что именно, понять не смог. Алан же, как обычно, был хмур, а когда подошел поближе, до Вудрафа донесся крепкий запах виски. Тратить слова впустую Вудраф не стал. Он указал на открытый сейф и пристально вгляделся в каждого из них. Слоун, крепкий мужчина в полном расцвете сил и щегольски одетый, покачал львиной головой. Алан ничего не сказал, только безразлично пожал узкими плечами.

— Ладно, — сказал Вудраф. — Я вас понял. Но я собираюсь в этом разобраться, джентльмены. Прямо сейчас.

И тут Вудраф показал себя во всем блеске. Не допуская возражений, он вызвал в кабинет всех присутствующих в доме. Это может показаться удивительным, но через четыре минуты после возвращения похоронной процессии в дом Халкиса Вудраф собрал в библиотеке всех — всех, включая организатора похорон Стерджесса с помощниками, — и получил сомнительное удо-

влетворение, услышав от каждого, что ни один из них в течение всего дня не только ничего не брал из сейфа, но даже вообще не подходил к нему.

Именно в этот драматический и отчасти нелепый момент Джоан Бретт и Алана Чини посетила одна и та же мысль. Оба они бросились к двери, толкаясь по дороге, выскочили из комнаты в коридор и помчались в холл. Охваченный неясными подозрениями, Вудраф испустил хриплый крик и устремился за ними. Совместными усилиями Алан и Джоан отперли дверь холла, наперегонки подбежали к незапертой двери на улицу, распахнули ее и оказались перед собравшейся там толпой, вызвав у присутствующих некоторое удивление. Следом уже пыхтел Вудраф. Джоан своим чистым контральто спросила громко:

— Кто-нибудь входил в дом за последние полчаса?

Алан крикнул:

— Хоть кто-нибудь?

Вудраф зачем-то тоже подал голос. Молодой человек, стоявший в группе репортеров за калиткой, коротко бросил:

— Никто!

А другой репортер немедленно затянул:

— В чем дело, док? Какого черта вы не даете

нам войти? Мы ничего там не тронем.

Зеваки с улицы поддержали его жидкими аплодисментами. Джоан покраснела и без видимой причины принялась поправлять волосы.

Алан снова крикнул:

— Может, кто-нибудь выходил?

И в ответ раздалось оглушительное:

— Нет!

Вудраф, чья самоуверенность была поколеблена этим публичным спектаклем, покашлял, увлек молодую пару обратно в дом и тщательно запер за собой двери — на этот раз обе.

Но Вудраф был не тот человек, чью самоуверенность можно было поколебать надолго. Входя в библиотеку, где остальные сидели и стояли с одинаково выжидательными лицами, он уже полностью овладел собой, опять начал задавать одному за другим резкие вопросы, но в конце концов почти зарычал от разочарования, поняв, что большинство обитателей этого дома знали комбинацию сейфа.

— Хорошо же, — приговаривал он, — хорошо. Здесь кто-то пытается меня надуть. Кто-то лжет. Но мы это узнаем, узнаем скоро, очень скоро, обещаю вам. — Он бегал перед ними взад и вперед. — Я тоже умею быть хитрым, как все вы. Это мой

долг, мой долг, понимаете вы?

И все закивали, как китайские болванчики.

— Мой долг — обыскать всех до одного в этом доме. Прямо сейчас. Немедленно.

И все перестали кивать.

— О, я знаю, кое-кому из присутствующих эта идея не нравится. Вы думаете, мне она нравится? Но я все равно намерен ее осуществить. Его стянули прямо у меня из-под носа!

В этот момент, несмотря на всю серьезность ситуации, Джоан Бретт прыснула. Нос Вудрафа действительно покрывал значительную часть территории.

Насио Суиза, сама безупречность, чуть улыбнулся:

— Да будет вам, Вудраф. Что за театр. Всему этому наверняка есть простое объяснение. Вы драматизируете.

— Вы так думаете, Суиза, вы так думаете? — Вудраф перевел проницательный взгляд с Джоан на Суизу. — Вижу, вам не понравилась моя мысль о личном обыске. Почему?

Суиза хмыкнул.

— Разве я подсудимый, Вудраф? Держите себя в рамках. Вы дергаетесь, как курица, которой отрубили голову. Возможно, это вы сами, —

многозначительно подчеркнул он, — вы сами ошибаетесь, думая, что видели этот ящик в сейфе за пять минут до похорон.

— Ошибаюсь? Вы так думаете? Когда один из вас окажется вором, вы увидите, что я не ошибаюсь!

— Я-то уж, во всяком случае, не стану, подняв руки, подвергаться этой безобразной процедуре, — заметил Суиза, демонстрируя белоснежные зубы. — Попробуйте, вот только попробуйте меня обыскать, старина.

В этот момент случилось неизбежное — Вудраф совсем перестал собой владеть. Он бушевал, неистовствовал, тряся тяжелым кулаком под тонким носом Суизы, и бессвязно выкрикивал:

— Ей-богу, я вам покажу! Клянусь, я покажу вам, какое бывает безобразие! Еще как поднимете ручки!

Закончил он тем, что должен был сделать с самого начала, — схватился за один из телефонов на письменном столе покойного, лихорадочно набрал номер, заикаясь, объяснил что-то невидимому вопрошателю и со стуком швырнул трубку на рычаг. Суизе он заявил непререкаемым тоном:

— Увидим, приятель, будут вас обыскивать или нет. По приказу окружного прокурора Сэмпсона

до прибытия его сотрудника никто из присутствующих не должен покидать этот дом!

## Глава 3
## ЙОТА

Помощник окружного прокурора Пеппер, представительный молодой человек, появился в доме Халкиса через полчаса после звонка Вудрафа, и с этого момента все пошло гладко. Он владел даром вызвать людей на разговор, поскольку знал цену лести — этого таланта судебный адвокат Вудраф был напрочь лишен. После короткой беседы с Пеппером даже сам Вудраф, к своему удивлению, почувствовал себя лучше. Никого не обеспокоило присутствие круглолицего типа с сигарой, сопровождавшего Пеппера, — детектива Кохалана, приписанного к бюро окружного прокурора, поскольку Кохалан по знаку Пеппера остался стоять в дверях кабинета и скромно, не говоря ми слова, курил свою черную сигару.

Вудраф скоренько оттащил Пеппера в уголок и выложил ему историю с похоронами.

— Вот какое дело, Пеппер. За пять минут до выноса тела я зашел в спальню Халкиса, — он махнул на другую дверь, ведущую из библиотеки,

— забрал там ключ Халкиса от его стального ящика, вернулся сюда, открыл сейф, открыл стальной ящик, и оно лежало там, прямо у меня перед глазами. Теперь же...

— Что лежало-то?

— А я не сказал? Должно быть, я слишком взволнован. — Пеппер не стал говорить, что это бросается в глаза, и терпеливо ждал, пока Вудраф обтирал платком покрытое испариной лицо. — Новое завещание Халкиса! Новое, понимаете? Никаких сомнений, что в стальном ящике лежало новое завещание. Я достал его, и на нем стояла моя личная печать. Я положил его обратно в ящик, запер ящик, запер сейф, вышел из комнаты...

— Одну минуту, мистер Вудраф. — Обращаясь к мужчинам, от которых он желал получить информацию, хитроумный Пеппер всегда добавлял вежливое «мистер». — У кого-нибудь еще был ключ от этого ящика?

— Больше ни у кого, Пеппер, абсолютно ни у кого! Ключ существует в единственном экземпляре, мне говорил недавно сам Халкис. Я нашел этот ключ у него в одежде, в спальне, а заперев ящик и сейф, положил к себе в карман. Прицепил к своим ключам, точнее. И он до сих пор у

меня. — Вудраф залез в карман и достал футляр для ключей. Дрожащими пальцами он выбрал маленький ключик, отсоединил его и передал Пепперу. — Клянусь, он все время был у меня в кармане. Никто не мог его у меня украсть.

Пеппер с серьезным видом кивнул.

— Да и времени для этого не было. Я вышел из библиотеки, тут как раз начали формировать процессию, и мы отправились хоронить. Когда я вернулся, какой-то инстинкт, что ли, заставил меня снова зайти сюда, открыть сейф — и, ей-богу, ящик с завещанием исчез!

Пеппер сочувственно покачал головой.

— Есть соображения, кто его взял?

— Соображения? — Вудраф окинул взглядом комнату. — У меня масса соображений, но никаких доказательств! Теперь вникните, Пеппер. Вот какая у нас ситуация. Первое: все, кто был в доме в тот момент, когда я видел завещание в ящике, до сих пор здесь; никто из дома не ушел. Второе: все, кто присутствовал на похоронах, вышли из дома одной группой, вместе прошли по двору на кладбище, были на виду все время, пока длились похороны, и не вступали в контакт с посторонними лицами, не считая нескольких человек, с которыми встретились у могилы. Третье: когда

вся группа вернулась в дом, даже эти посторонние пришли вместе со всеми, и они также до сих пор находятся здесь.

У Пеппера заблестели глаза.

— Чертовски интересная ситуация. Иначе говоря, если кто-либо из первоначальной группы украл завещание и передал его постороннему человеку, то это ничего ему не даст, поскольку обыск чужаков все равно обнаружит завещание, если только оно не спрятано где-нибудь по дороге на кладбище. Очень интересно, мистер Вудраф. Так кто же эти посторонние, как вы их называете?

Вудраф показал на маленькую старушку в антикварном капоре:

— Вот одна из них. Некая миссис Сьюзен Морс, полоумная старуха, живет в одном из шести домов, окружающих двор. Соседка.

Пеппер кивнул, и Вудраф указал на сторожа, он стоял, трепеща, позади преподобного Элдера.

— Этот, маленький, который съежился, пономарь из соседней церкви, Ханивел. Рядом с ним двое в рабочей одежде, могильщики, они служат вон у того парня — Стерджесса, владельца похоронного бюро. А теперь пункт четвертый: пока мы были на кладбище, никто не входил в дом и не

выходил из него — этот факт я установил, опросив репортеров, которые болтаются на улице. После чего я сам запер двери, и с этого момента никто не мог отсюда выйти.

— Да, есть над чем подумать, мистер Вудраф, — начал Пеппер, но был прерван гневным выкриком, раздавшимся у него за спиной. Обернувшись, он обнаружил молодого Алана Чини, тот стоял весь красный и грозил пальцем Вудрафу. — Это кто? — спросил Пеппер.

Алан раскричался:

— Слушайте, офицер, не верьте ему! Он не опрашивал репортеров! Это сделала Джоан Бретт — мисс Бретт. Правда, Джони?

У Джоан имелось все то, что можно было бы определить как базу для высокомерия: высокая, стройная фигура англичанки, надменный подбородок, очень светлые голубые глаза и нос, стремящийся задраться вверх. Она посмотрела сквозь молодого Чини куда-то в направлении Пеппера и произнесла с ледяной, мелодичной отчетливостью:

— Опять вы напились, мистер Чини. И пожалуйста, не называйте меня Джони. Я этого не выношу.

Алан устремил затуманенный взгляд на чье-то

плечо, а Вудраф сообщил Пепперу:

— Понимаете, он снова надрался — это Алан Чини, племянник Халкиса, и...

— Прошу прощения, — перебил его Пеппер и направился к Джоан. Она следила за его приближением с некоторым вызовом. — Не вам ли пришла мысль опросить репортеров, мисс Бретт?

— Вообще-то да! — У нее на щеках появились два розовых пятнышка. — Конечно, мистер Чини также об этом подумал. Мы вышли с ним вместе, а мистер Вудраф следом за нами. Замечательно, что этому юному горькому пьянице хватило мужества вступиться за честь дамы...

— Да-да, я с вами согласен. — Пеппер улыбнулся — для прекрасного пола в его арсенале имелась обворожительная улыбка. — А вы, мисс Бретт, находитесь здесь...

— Я была секретарем мистера Халкиса.

— Огромное вам спасибо.

Пеппер вернулся к поникшему Вудрафу.

— Итак, мистер Вудраф, вы собирались мне рассказать...

— Я просто хотел обрисовать общую картину, Пеппер, вот и все. — Вудраф откашлялся. — Я собирался вам сказать, что во время похорон

в доме оставались лишь двое: миссис Симмс, экономка, которая после смерти Халкиса совсем упала духом и с тех пор не выходит из своей комнаты, и дворецкий Уикс. Так вот Уикс — это самая невероятная часть истории, — Уикс сидел в библиотеке все время, пока мы отсутствовали. И он клянется, что сюда никто не входил. Все это время сейф находился в поле его зрения.

— Отлично. Теперь у нас что-то появилось, — оживленно сказал Пеппер. — Если Уиксу можно доверять, то мы можем несколько ограничить вероятное время кражи. Она должна была произойти в течение тех самых пяти минут — от момента, когда вы посмотрели на завещание, и до выхода из дома похоронной процессии. Кажется, довольно просто.

— Просто? — переспросил Вудраф с сомнением в голосе.

— Конечно. Кохалан, иди сюда.

Детектив неуклюже протопал через комнату под озадаченными взглядами собравшихся.

— Послушай. Мы ищем украденное завещание. Оно должно быть в одном из четырех мест: или спрятано в доме, или находится у кого-то из присутствующих здесь, или брошено где-нибудь во дворе по пути на кладбище, или обнаружится на

самом кладбище. Будем исключать возможности одну за другой. Подожди минуту, пока я поговорю по телефону с шефом.

Он набрал номер бюро окружного прокурора, быстро переговорил с окружным прокурором Сэмпсоном и вернулся, потирая руки.

— Окружной прокурор направляет нам в помощь полицию. Как-никак, мы расследуем уголовное преступление. Мистер Вудраф, вы назначаетесь ответственным за то, чтобы никто из присутствующих не выходил из этой комнаты, пока мы с Кохаланом прогуляемся по двору и кладбищу. Минуточку внимания, пожалуйста!

Все уставились на Пеппера, оцепенев от сомнений, таинственности и замешательства.

— Мистер Вудраф выполняет мое поручение, поэтому прошу вас оказывать ему содействие. Никто не должен покидать эту комнату. — И они с Кохаланом вышли из библиотеки.

Через пятнадцать минут они вернулись с пустыми руками и застали в библиотеке четверых новоприбывших. Это были сержант Томас Вели, чернобровый гигант из штата инспектора Квина, двое его людей — Флинт и Джонсон, а также полицейская надзирательница, матрона с внушительной, даже мощной фигурой. Пеппер

и Вели отошли в угол посовещаться. Вели, как всегда, имел вид холодный и отчужденный.

— Двор и кладбище охвачены, так? — пророкотал он.

— Да, но было бы неплохо, если бы ты со своими людьми тоже внимательно осмотрел всю эту территорию, — сказал Пеппер. — Чтобы знать наверняка.

Вели прогудел что-то своим подчиненным, после чего Флинт с Джонсоном вышли. Вели, Пеппер и Кохалан приступили к систематическому обыску дома. Начали они с того места, где находились, то есть с кабинета Халкиса, затем осмотрели спальню и ванную комнату покойного и смежную с ними комнату Демми. Они вернулись, и Вели, не снисходя до объяснений, снова принялся обследовать кабинет. Он обшарил все вокруг сейфа, в ящиках письменного стола, на котором стояли телефоны, осмотрел книги и книжные шкафы вдоль стен... Ничего не ускользнуло от его цепких глаз, даже маленький столик в нише, с электрическим чайником и чайной посудой. С полнейшей серьезностью Вели снял плотно прилегающую крышку чайника и заглянул внутрь. Ворча, он вышел из библиотеки в холл, и далее поиски продолжались в гостиной,

столовой, кухне, туалетах и кладовой в задней части дома. С особой тщательностью сержант исследовал оставшиеся атрибуты похорон, подготовленные гробовщиком Стерджессом, но ничего интересного не обнаружил. Полицейские поднялись по лестнице и с яростью вестготов обрушились на спальни, пощадив лишь святилище миссис Симмс, затем вскарабкались на чердак и подняли там клубы пыли, обыскивая старые конторки и кофры.

— Кохалан, — сказал Вели, — возьми на себя подвал.

Кохалан грустно пососал погасшую сигару и потопал вниз по лестнице.

— Ну, сержант, — проговорил Пеппер, когда они вдвоем привалились к голой стене чердака, чтобы перевести дух, — кажется, нам придется теперь приступить к грязной работе. Черт подери, мне совсем не хотелось обыскивать этих людей.

— После такого дерьма, — заметил Вели, рассматривая свои перепачканные пальцы, — для меня это будет настоящим удовольствием.

Они спустились вниз, где к ним присоединились Флинт и Джонсон.

— Ну что, ничего нет, ребята? — прогудел Вели.

Джонсон, маленький и незаметный, с грязно-

серыми волосами, почесал нос и сказал:

— Ни йоты. Больше того, мы пообщались с одной молодой особой — служанкой, наверное, — из дома на другой стороне двора. Она рассказала, что наблюдала за похоронами через заднее окно и с тех пор постоянно поглядывала во двор. И вот, сержант, эта бабенка говорит, что после того, как закончились похороны, кроме двух человек, — думаю, что это были мистер Пеппер и Кохалан, — никто не выходил из задней двери этого дома. И из других домов тоже никто во двор не выходил.

— А что на самом кладбище, Флинт? Есть там эта самая йота?

— На кладбище тоже ничего, — запнувшись, ответил Флинт. — Банда репортеров болтается у железной ограды кладбища со стороны Пятьдесят четвертой улицы. Они говорят, что после похорон на кладбище не было ни одной живой души.

— Что у тебя, Кохалан?

Поскольку Кохалану удалось снова раскурить сигару, он выглядел гораздо счастливее остальных и энергично помотал круглой головой.

Вели пробормотал:

— Непонятно, чему ты радуешься, тупой бугай, — и вышел в центр комнаты. Подняв голову, он

гаркнул, как на плацу: — Внимание!

Народ оживился, выпрямился на сиденьях, скука улетучилась. Алан Чини, который сидел в углу, свесив руки и тихо раскачиваясь, поднял голову. Миссис Слоун уже давно осушила последнюю благопристойную слезу. Даже на лице преподобного Элдера появилась надежда. Джоан Бретт посмотрела на сержанта с тревогой.

— Теперь уясните себе, — жестко сказал Вели. — Я не хочу наступать никому на ноги, вы понимаете, но у меня работа, и я ее выполню. Я собираюсь обыскать каждого в этом доме — если потребуется, до самой кожи. Украденное завещание может быть только у человека, который находится здесь. Если у вас хватит ума, вы отнесетесь к этому как к забаве. Кохалан, Флинт и Джонсон берутся за мужчин, а надзирательница, — он повернулся к мускулистой женщине-полицейской, — проводит дам в гостиную, закроет дверь и тоже займется делом. И не забудьте! Если вы не найдете завещания у этих дам, обыщите экономку и ее комнату наверху.

Кабинет забурлил переговорами, разными комментариями и несмелыми протестами. Вудраф крутил большими пальцами у живота и благожелательно поглядывал на Суизу. Заметив это,

Суиза усмехнулся и предложил себя Кохалану в качестве первой жертвы. Женщины гуськом вышли из комнаты, а Вели схватился за телефон.

— Главное полицейское управление... Дайте мне Джонни... Джонни? Прямо сейчас пришли Эдмунда Круса на Пятьдесят четвертую, дом 11. Срочная работа. Поторопись.

Он прислонился к столу рядом с Пеппером и Вудрафом, наблюдая, как три детектива отводят каждого мужчину в сторону и исследуют его тело с бесстыдной тщательностью и беспристрастностью. Следующей жертвой должен был стать преподобный Элдер, безропотно дожидавшийся своей очереди.

— Преподобный... Погоди, Флинт, не этого! В вашем случае, преподобный, я отказываюсь от обыска.

— Не нужно, сержант, — отозвался священник. — По вашим данным, я такой же подозреваемый, как остальные. — Он улыбнулся при виде нерешительности на суровом лице Вели. — Ну хорошо. Я обыщу себя сам, сержант, в вашем присутствии.

Возникшие у Вели сомнения, уместно ли полиции касаться одежд священнослужителя, не помешали ему внимательно наблюдать, как

пастор вывертывает карманы, расстегивается и заставляет Флинта провести руками по своему телу.

Устало притащилась полицейская матрона и лаконично буркнула, что ничего. За ней в комнату вернулись женщины — миссис Слоун, миссис Морс, миссис Вриленд и Джоан. Все они покраснели и прятали глаза от мужчин.

— Эта толстуха наверху — экономка, что ли? — она тоже в порядке, — сказала надзирательница.

Наступило молчание. Вели и Пеппер обменялись мрачными взглядами. Вели, столкнувшись с невозможностью выполнить задание, злился, а Пеппер напряженно думал.

— Кто-то нас провел, — с угрозой в голосе произнес Вели. — Что, мать, крепко уверена?

Женщина только фыркнула. Пеппер взял Вели за лацкан.

— Слушай, сержант, — тихо сказал он. — Тут и правда что-то не так, но мы своими лбами не сможем пробить каменную стену. Возможно, в доме есть тайник или что-либо в этом роде, а мы не нашли его. Если он существует, твой эксперт по архитектуре, Крус его найдет. В конце, концов мы сделали все, что в наших силах. И нельзя же вечно держать здесь эту публику, особенно тех,

кто тут не живет.

Вели раздраженно почесал в затылке.

— Дьявол, инспектор меня убьет.

Дальше пошло быстро. Вели отступил, и Пеппер вежливо сообщил собравшимся, что посторонние лица, не проживающие в этом доме, могут быть свободны, однако остальные не должны покидать здание без официального разрешения и без предварительного личного досмотра. Вели поманил надзирательницу и Флинта, крепкого молодого человека, направился с ними в холл и занял пост у парадной двери. Увидев его у выхода, миссис Морс пискнула от ужаса.

— Обыщите эту леди еще раз, — рыкнул Вели своей матроне.

Преподобному Элдеру он, натянуто улыбнувшись, позволил пройти, но сторожа Ханивела обыскал сам. В это время Флинт заново осмотрел гробовщика Стерджесса, его двух помощников и скучающего Насио Суизу.

И опять с нулевым результатом.

После того как все посторонние удалились, Вели, громко топая, вернулся в библиотеку, не забыв поставить Флинта на страже перед домом, откуда тот должен был одновременно наблюдать за парадным входом и входом в подвал, к которому

вели несколько каменных ступеней. Джонсона он отправил караулить черный ход на площадке деревянной лестницы, спускавшейся во двор, а Кохалана послал к Задней двери, расположенной на уровне двора в дальней части подвала.

В библиотеке Пеппер с серьезным видом беседовал с Джоан Бретт. Наказанный Чини ерошил себе волосы и сердито поглядывал Пепперу в спину. Вели нашел взглядом Вудрафа и погрозил ему мозолистым пальцем.

## Глава 4
## НОВОСТИ

Внешность Эдмунда Круса настолько идеально соответствовала типажу рассеянного профессора, что Джоан Бретт, видя это печальное, вытянутое, как у лошади, лицо, длинный, узкий нос и погасшие глаза, с трудом удержалась от смеха. Однако мистер Крус заговорил, и это побуждение умерло в момент рождения.

— Владелец дома? — Голос у него искрил и потрескивал, как электрический разряд.

— Тот парень, который отдал концы, — откликнулся Вели.

— Возможно, — в некотором смущении сказала

Джоан, — я смогу быть вам полезной.

— Когда построен дом?

— Ох... я... я не знаю.

— Тогда отойдите в сторону. А кто знает?

Миссис Слоун изящно высморкалась в крошечный кружевной платочек.

— Ему... гм... лет восемьдесят, никак не меньше.

— Он перестраивался, — энергично вставил Алан. — Это точно. Тысячу раз перестраивался. Дядя мне говорил.

— Это, не существенно, — раздраженно бросил Крус. — А план дома имеется?

Они переглянулись с сомнением.

— Ну! — рявкнул Крус. — Кто-нибудь здесь знает хоть что-нибудь?

Похоже, никто ничего не знал. То есть пока Джоан, разжав прелестные губки, не пролепетала:

— О, погодите-ка. Это такие чертежи, да?

— Давайте, давайте, барышня. Где они?

— Мне кажется... — задумчиво сказала Джоан.

Она кивнула, как хорошенькая птичка, и направилась к письменному столу покойного. Пеппер оценивающе хмыкнул, когда она принялась копаться в нижнем ящике. В конечном счете она извлекла потрепанную старую картинную папку,

битком набитую пожелтевшими бумагами.

— Это папка со старыми оплаченными счетами, — пояснила она. — Мне кажется...

Ей казалось верно, поскольку тут же она обнаружила белый лист с прикрепленным к нему комплектом сложенных синек.

— Это то, что вам нужно?

Крус выхватил связку бумаг у нее из рук, разложил их на столе и принялся водить острым носом по чертежам, время от времени кивая сам себе. Потом вдруг, не говоря ни слова, вышел из комнаты с планами в руке.

Апатия, будто туман, снова окутала библиотеку.

— Кое-что ты обязан знать, Пеппер.

Вели потащил Пеппера в сторону и по дороге довольно мягко, на его взгляд, взял Вудрафа за руку. От такого обращения Вудраф побелел.

— Итак, мистер Вудраф. Кто-то увел завещание. Должна же быть какая-то причина. Вы говорили, что это новое завещание. Так скажите нам, кто и что по нему потерял?

— Видите ли...

— С другой стороны, — задумчиво произнес Пеппер, — мне не кажется, что ситуация, если не брать в расчет ее криминальную сторону, так

серьезна. Мы всегда сможем установить намерения завещателя по копии, хранящейся в вашем офисе, мистер Вудраф.

— Черта с два вы сможете, — фыркнул Вудраф. Он придвинулся к ним ближе и осторожно огляделся по сторонам. — Мы не можем установить намерения старика! Вот что самое смешное. Вам нужно понять следующее. Старое завещание Халкиса имело силу до утра прошлой пятницы. Условия старого завещания были просты: Гилберт Слоун должен был унаследовать галерею Халкиса, то есть торговлю произведениями искусства и антиквариатом вместе с частной художественной галереей. В том завещании упоминались два доверительных фонда: один для Чини, племянника Халкиса, другой для его кузена Демми — вон того слабоумного парня. Дом и личные вещи были завещаны его сестре миссис Слоун. Затем, как обычно, указывались денежные суммы: миссис Симмс, Уиксу и другим служащим, детально расписывалось дарение предметов искусства музеям и так далее.

— Кто был назначен душеприказчиком?

— Джеймс Дж. Нокс.

Пеппер свистнул, а Вели приуныл.

— Вы имеете в виду мультимиллионера Нокса?

Коллекционера?

— Его самого. Он был лучшим клиентом Халкиса и, наверное, другом, раз Халкис назвал его душеприказчиком.

— Хреновый друг, — заметил Вели. — Что ж он сегодня не был на похоронах?

— Мой дорогой сержант, — Вудраф вытаращил глаза, — Вы что, газет не читаете? Мистер Нокс — важная персона. Он был уведомлен о смерти Халкиса и собирался прибыть на похороны, но в последний момент его вызвали в Вашингтон. Точнее, сегодня утром. В газетах пишут о личной просьбе президента — что-то в связи с федеральными финансами.

— А когда он вернется? — с агрессивным видом спросил Вели.

— Об этом, наверное, не знает никто.

— Ладно, это не важно, — сказал Пеппер. — Перейдем к новому завещанию.

— Новое завещание. Да. — Вудраф бросил на него хитрый взгляд. — И здесь мы подходим к самому таинственному моменту. В тот четверг вечером мне позвонил Халкис. Он велел принести ему в пятницу утром — на следующее утро — полный проект нового завещания. Теперь внимание: новое завещание должно было в точ-

ности дублировать существующее, кроме одного пункта — я должен опустить имя Гилберта Слоуна, который был прежде указан получателем галереи Халкиса, и оставить место пустым, чтобы можно было вписать новое имя.

— Слоун, да? — Пеппер и Вели одновременно посмотрели в сторону названного человека, который стоял, напоминая раздувшегося голубя, за стулом миссис Слоун, уставясь в пространство остекленевшим взглядом. Одна рука у него дрожала. — Дальше, мистер Вудраф.

— Итак, утром в пятницу я первым делом составил новое завещание и примчался сюда задолго до полудня. Халкиса я застал одного. Старикан всегда был довольно крепок — хладнокровный, практичный, деловой, если хотите, — но в то утро его что-то расстроило. Как бы то ни было, он сразу же дал понять, что никто, и даже ваш покорный слуга, не должен знать имя нового бенефициария галереи. Я положил завещание перед ним, чтобы ему было удобно заполнить пробел. Он велел мне отойти в другой конец комнаты — обратите внимание! — и затем, я предполагаю, вписал имя на оставленном месте. Сам промокнул чернила, быстро закрыл страницу, позвал мисс Бретт, Уикса и миссис Симмс засвидетельствовать его

подпись, подписал завещание, с моей помощью опечатал его и положил в стальной ящичек, который держал в сейфе, потом сам же запер ящичек и сейф. И вот что мы имеем — ни одна душа, кроме Халкиса, не знала, кто этот новый бенефициарий.

Вели и Пеппер пережевывали услышанное. Затем Пеппер спросил:

— Кто знал условия старого завещания?

— Все знали. Его обсуждали по всему дому. Сам Халкис не делал из него секрета. Что касается нового завещания, Халкис не давал особых указаний держать в тайне сам факт составления нового документа, и у меня не было никаких причин его замалчивать. Естественно, об этом знали три свидетеля, и они, я думаю, распространили эту новость по дому.

— И этот парень Слоун все знал? — прошипел Вели.

Вудраф кивнул:

— Ну, еще бы! Он в тот же день позвонил мне в офис — очевидно, уже услышал, что Халкис подписал новое завещание, — и поинтересовался, касаются ли изменения каким-либо образом его персоны. Ну и я сказал, что кто-то занял его место, но кто именно, никому, кроме Халкиса, не

известно, а он...

Пеппер сверкнул глазами:

— Черт подери, мистер Вудраф, вы не имели права!

Упавшим голосом Вудраф произнес:

— Ну, Пеппер, наверное, это не было... Но знаете, я подумал, что, может быть, бенефициарием стала миссис Слоун и в этом случае Слоун получит галерею через нее, поэтому он в любом случае не потеряет.

— А, бросьте, — резко оборвал его Пеппер. — Вы поступили неэтично. И опрометчиво. Да что теперь на воду дуть. Когда за пять минут до похорон вы заглядывали в ящик с новым завещанием, вы узнали имя нового бенефициария?

— Нет, я не собирался вскрывать завещание, пока не закончатся похороны.

— Вы уверены, что там был подлинный документ?

— Абсолютно уверен.

— Содержался ли в новом завещании пункт об аннулировании?

— Да.

— Что-что? — подозрительно проворчал Вели. — Какой еще пункт?

— Его довольно, чтобы обеспечить нам го-

ловную боль, — Пояснил Пеппер. — Пункт об аннулировании включается в новое завещание, чтобы установить намерение завещателя отменить все предыдущие завещания. Это значит, что старое завещание, действовавшее до утра прошлой пятницы, утратило силу независимо от того, найдется новое или нет. И если мы его не найдем и не сможем установить личность нового владельца галереи, будет считаться, что Халкис умер, не оставив завещания. Поганая ситуация!

— Это значит, — хмуро добавил Вудраф, — что имущество Халкиса будет распределено по закону строго в соответствии с нормами наследования.

— Дошло, — изрек Вели. — Если не будет найдено новое завещание, этот Слоун все равно получит свой кусок. Ближайшей родственницей Халкиса, я полагаю, является его сестра миссис Слоун... Очень хитро!

Эдмунд Крус, который все это время, как дух, то возникал в библиотеке, то снова выскальзывал за дверь, швырнул чертежи на стол и приблизился к беседующей троице.

— Ну, Эдди? — спросил Вели.

— Ничего. Ни панелей, ни потайных шкафов. Никаких пустот в стенах между комнатами. Потолок и пол сплошные — старинной постройки.

— Проклятье! — воскликнул Пеппер.

— Нет, господа, если только завещание не находится у кого-либо из присутствующих, — продолжал эксперт по архитектуре, — можете мне поверить, в доме его нет.

— Но должно быть! — вышел из себя Пеппер.

— Однако его нет, молодой человек. — Крус развернулся, зашагал через комнату, и через минуту они услышали, как хлопнула парадная дверь.

Троица выразительно помолчала. Потом Вели без объяснений с грохотом выскочил вон из кабинета, чтобы вернуться несколько минут спустя. Все его громадное тело излучало угрюмую беспомощность.

— Пеппер, — сказал он. — Я сдаюсь. Только что сам осмотрел этот двор и кладбище. Делать нечего. Должно быть, его уничтожили. Как думаешь?

— Есть у меня одна идея, — отозвался Пеппер. — Но и только. И сначала я должен переговорить с шефом.

Вели засунул руки в карманы и осмотрел поле сражения.

— Ладно, — проворчал он. — Я сматываюсь. Слушайте, люди!

Его, конечно, слушали, но от долгого ожидания жизнь как будто ушла куда-то, и они просто уста-

вились на Вели по-собачьи покорными глазами.

— Уйдя из этого дома, я закрою эту комнату и те две за ней. Поняли? Никому сюда не заходить. Ничего не трогать в комнатах Халкиса и Деметриоса Халкиса — пусть все остается как есть. И еще одно. Если хотите, можете выходить из дома и входить обратно, но каждый раз вас будут обыскивать, поэтому не пытайтесь хитрить. Это все.

— Минуточку, — послышался чей-то глуховатый голос. Вели медленно обернулся. Вперед вышел доктор Уордс — человек среднего роста, с бородой как у древних пророков, но почти обезьяньего сложения. Живые, блестящие, близко посаженные карие глаза смотрели на сержанта чуть ли не со смехом.

— Что вам-то надо? — свирепо рыкнул Вели, он стоял широко расставив ноги и заполнял собой все пространство в середине комнаты.

Врач улыбнулся:

— Вы же знаете, сержант, ваши распоряжения не создадут серьезных неудобств постоянным обитателям этого дома. Но меня они затронут самым неприятным образом. Видите ли, я здесь просто гость. Должен ли я бесконечно злоупотреблять гостеприимством этого печального крова?

— Да кто вы такой? — Вели угрожающе шагнул

вперед.

— Меня зовут Уордс, я гражданин Великобритании и скромный подданный его величества короля, — прищурясь, отозвался бородач. — Я медик, специалист по глазным болезням. Несколько недель я наблюдал мистера Халкиса.

Вели фыркнул. Пеппер подошел к нему и что-то шепнул на ухо. Вели кивнул, и Пеппер сказал:

— Естественно, доктор Уордс, мы не хотим стеснять ни вас, ни ваших хозяев. Вы вольны уйти, когда захотите. Конечно, — с улыбкой продолжил он, — вы не станете перед отъездом возражать против последней формальности — тщательного осмотра вашего багажа и вас лично?

— Возражать? Разумеется, нет, сэр. — Доктор Уордс поиграл своей косматой каштановой бородой. — Хотя, с другой стороны...

— О, прошу, останьтесь, доктор! — заверещала миссис Слоун. — Не оставляйте нас в это ужасное время. Вы были так любезны...

— Да, пожалуйста, доктор.

Это раздался новый голос, глубокий грудной голос статной женщины — смуглой, самоуверенной красавицы. Врач поклонился и пробормотал нечто невнятное, а Вели неприязненно осведомился:

— А вы кто такая, мадам?

— Миссис Вриленд. — Ее глаза предостерегающе сверкнули, а голос сделался грубым, и Джоан, которая с горестно-покорным видом опиралась о стол Халкиса, храбро улыбнулась, уткнувшись оценивающим взглядом в мощные лопатки доктора Уордса. — Я здесь живу. Мой муж является... являлся... выездным представителем мистера Халкиса.

— Не понимаю. Что значит «выездной представитель»? Где ваш муж, мадам?

Женщина возмущенно вспыхнула.

— Что за тон! Вы не имеете права говорить со мной так непочтительно!

— Брось, сестренка. Отвечай на вопрос. — И Вели посмотрел на нее холодным взглядом, а уж если взгляд Вели становился холодным, это был действительно очень холодный взгляд.

Фонтан гнева сразу смолк.

— Он... он где-то в Канаде. Собирает информацию в нескольких местах.

— Мы пытались его разыскать, — неожиданно вмешался в разговор Гилберт Слоун. Напомаженные черные волосы, короткие, геометрически точно подстриженные усики и мешки под водянистыми глазами придавали ему беспутный вид.

— Пытались... Он разъезжал по Квебеку в поисках каких-то старинных вязаных ковриков — это все, что нам удалось о нем узнать. Мы оставили для него сообщение в последнем отеле, который он использовал как базу, но никакого ответа от него пока нет. Может быть, он узнает о смерти Георга из газет.

— А может, и не узнает, — кратко отреагировал Вели. — О'кей. Доктор Уордс, вы остаетесь?

— Да, поскольку меня попросили. Буду очень рад остаться. — Доктор Уордс отступил назад и ухитрился оказаться рядом с величавой фигурой миссис Вриленд.

Вели угрюмо на него посмотрел, сделал знак Пепперу, и они направились в холл. Вудраф кинулся за ними, чуть не наступая им на пятки. Они вышли из библиотеки, и Пеппер тщательно прикрыл дверь.

Вели спросил:

— Что вам еще, Вудраф?

Адвокат резко сказал:

— Слушайте. Несколько минут назад Пеппер решил обвинить меня в ошибке. Мне не нужно никакого снисхождения. Я хочу, чтобы вы меня тоже обыскали, сержант. Вы сами, я с этим никак не связан.

— Ну не надо же так это воспринимать, мистер Вудраф, — успокаивающе сказал Пеппер. — Я уверен, что вы не имеете к пропаже никакого отношения.

— А я считаю эту идею чертовски удачной, — возразил Вели. Не церемонясь, он принялся энергично обшаривать, обхлопывать и общипывать Вудрафа, чего тот, судя по выражению лица, никак не ожидал. Кроме того, сержант чрезвычайно дотошно изучил все бумаги у него из карманов. Наконец он отступил от своей жертвы:
— Вы чисты, Вудраф. Пошли, Пеппер.

У палатки Флинт, крепкий молодой сыщик, отбивался от поредевшей кучки репортеров, упрямо цеплявшихся за решетку калитки. Вели пообещал прислать ему смену, после чего решительно открыл калитку и ступил на тротуар. Репортеры тут же облепили их с Пеппером.

— Ваше мнение, сержант!

— Что случилось?

— Ну же, Вели, не будь таким молчуном всю жизнь!

— Сколько тебе дали, чтобы ты молчал?

Вели сбросил их со своих могучих плеч, и они с Пеппером нырнули в ожидавшую их полицейскую машину.

— И что мне сказать инспектору? — проворчал Вели, когда машина тронулась с места. — Вот уж он меня похвалит!

— Что за инспектор?

— Ричард Квин. — Сержант угрюмо уставился в красную шею сидевшего перед ним водителя. — Ладно, мы сделали все, что смогли. Оставили дом вроде как в осаде. И я пришлю кого-нибудь из ребят снять отпечатки с сейфа.

— Ничего хорошего это не даст. — Пеппер покусывал ноготь. Вся его живость исчезла. — Окружной прокурор тоже, наверное, устроит мне взбучку. Постараюсь держать дом Халкиса в поле зрения. Заскочу сюда завтра, посмотрю, как дела. А если эти ослы в доме запротестуют по породу ограничения их передвижения...

— Будет здорово, — отозвался Вели.

## Глава 5
## АНАЛИЗ

В четверг утром — это было 7 октября, и день выдался исключительно хмурый — окружной прокурор Сэмпсон созвал военный совет. Именно в этот день Эллери Квина формально познакомили с запутанной проблемой, которая в конце

концов получила название «дело Халкиса». Эллери тогда был молод и дерзок[1], и, поскольку в то время его связи с органами полиции города Нью-Йорка еще не были такими крепкими, все считали, что он просто вмешивается не в свое дело, хотя и были вынуждены с ним мириться из-за уникальности его положения — ведь он, как-никак, сын инспектора Ричарда Квина. Следует признать, что даже и самого инспектора посещали иной раз сомнения в способности Эллери объединить интеллект с практической криминологией. Однако несколько отдельных случаев, где Эллери применил свой еще формирующийся дар дедукции, установили прецедент, который был принят во внимание, и потому он также оказался в числе советников, собравшихся на звуки набата в кабинет окружного прокурора Сэмпсона.

По правде говоря, о смерти Георга Халкиса Эллери вообще ничего не слышал, соответственно и об украденном завещании тоже. Поэтому он принялся донимать окружного прокурора

---

**[1] ПРИМЕЧАНИЯ: 1**

Напомним, что история «Тайны греческого гроба» по времени предшествовала тем делам Квина, которые уже были представлены публике. Описываемые здесь события произошли вскоре после того, как Эллери Квин закончил колледж. (Примеч. Дж. Дж. Мак-К.)

вопросами, ответы на которые знали все присутствующие, кроме самого Эллери. Окружной прокурор еще не был тем терпимым коллегой, которым он станет несколько лет спустя, и вопросы воспринимал с явным раздражением. Инспектор тоже был порядком раздосадован, о чем и заявил со всей прямотой, и его сыну, несколько сконфуженному, пришлось забиться в мягкую глубину одного из лучших кожаных кресел Сэмпсона и умолкнуть.

Все были чрезвычайно серьезны: Сэмпсон, находившийся в самом начале карьеры прокурора, худой и жилистый человек в самом расцвете сил — с горящими глазами, энергичный, нимало не огорченный этой колючей проблемой, казавшейся просто смехотворной до настоящего расследования; умница Пеппер, входивший в штат прокуроров Сэмпсона, политический назначенец, он источал сейчас отчаяние всем своим сильным и здоровым телом; старый Кронин, первый помощник окружного прокурора, обладающий более значительным опытом, чем молодые его коллеги, — рыжий, нервный, готовый к действиям, как заряженный кольт, и мудрый, как старый олень. Присутствовал инспектор Ричард Квин, уже поседевший, с гу-

стой шевелюрой и пышными усами и больше обычного напоминавший птицу худым, заостренным, морщинистым лицом, — стройный, невысокий пожилой джентльмен, отличавшийся несовременным пристрастием к галстукам, выносливостью борзой собаки и широким знанием преступного мира. Инспектор раздраженно крутил в руках табакерку.

Ну и, разумеется, присутствовал самолично Эллери Квин — временно усмиренный Эллери. Излагая возникавшие у него теории, Эллери размахивал поблескивавшими стеклами пенсне. Улыбаясь, он улыбался всем лицом — очень приятным, надо сказать, лицом, с удлиненными тонкими чертами и крупными ясными глазами мыслителя. Во всем остальном он напоминал других молодых людей, чьи воспоминания об альма-матер еще не успели покрыться плесенью: высокий, худощавый, широкоплечий и спортивный. В данный момент он наблюдал за о. п. — окружным прокурором Сэмпсоном, И о. п. Сэмпсон явно чувствовал себя неуютно.

— Итак, джентльмены, мы снова сталкиваемся с теми же проблемами, — пробормотал Сэмпсон. — Много материала, но никаких видимых результатов, которые привели бы нас к цели. Тебе

удалось что-нибудь еще обнаружить, Пеппер?

— Абсолютно ничего существенного, — уныло отозвался Пеппер. — Естественно, как только представился случай, я сразу взялся за Слоуна. Он единственный, кому повредило появление нового завещания Халкиса. Но Слоун был нем как рыба — вчера говорить отказался наотрез. Что я мог поделать? Ведь у нас нет никаких доказательств.

— Есть способы, — зловеще заметил инспектор.

— Чепуха, Кью, — оборвал его Сэмпсон, обычно называвший инспектора первой буквой его фамилии. — Против него нет ни малейшей улики. Нельзя запугивать таких людей, как Слоун, только из-за подозрения, что теоретически у него есть мотив. Еще что, Пеппер?

— Мы с Вели здорово влипли, и понимаем это. У нас не было никакого права изолировать этот дом от остального мира, и вчера Вели пришлось отозвать двоих парней. Я так легко не сдаюсь, поэтому всю ночь проторчал там в засаде — не думаю, чтобы они об этом догадывались.

— Что-нибудь обнаружил? — полюбопытствовал Кронин.

— Да. — Пеппер замялся. — Кое-что видел...

Нет, — спохватился он, — не думаю, чтобы это имело значение. Она еще совсем ребенок и не способна...

— О ком, черт побери, ты говоришь, Пеппер? — рявкнул Сэмпсон.

— О мисс Бретт. Джоан Бретт, — нехотя ответил Пеппер. — Я видел, как она шныряла по библиотеке Халкиса в час ночи. Конечно, ей не следовало туда заходить, Вели всех об этом предупредил недвусмысленно.

— Прелестная личная секретарша нашего загадочного покойника, я правильно понял? — протянул Эллери.

— Угу. Так вот, — медленно продолжил Пеппер, у которого, видимо, внезапно появились трудности с изложением, — она немного покрутилась вокруг сейфа...

— Ха! — сказал инспектор.

— ... но, как я догадываюсь, ничего не нашла, потому что после этого еще постояла минутку посреди кабинета — выглядела она очаровательно в своем неглиже, — потом топнула ножкой и убралась.

— Ты ее допросил? — осведомился Сэмпсон.

— Нет. Поймите же, на самом деле я не думаю, что в этом направлении что-то не так, — начал

Пеппер, разведя руками, но Сэмпсон сухо сказал:

— Тебе придется преодолеть слабость к хорошеньким личикам, Пеппер. Я пойму, если она будет допрошена, и еще пойму, если она ответит на все вопросы, черт бы все это побрал!

— Ты научишься, Пеппер, — засмеялся Кронин. — Помню однажды, когда одна дама обняла меня за шею прекрасными нежными маленькими ручками и...

Сэмпсон нахмурился и кашлянул. Пеппер собирался что-то сказать, но покраснел так, что даже уши загорелись, и решил лучше промолчать.

— Что-нибудь еще?

— Так, рутинные мелочи. Кохалан и матрона по-прежнему дежурят в доме Халкиса. Они продолжают обыскивать всех, кто выходит из дома. Кохалан ведет список, — сказал Пеппер, нащупал в нагрудном кармане и вытащил потрепанную полоску бумаги, абсолютно непрофессионально и неаккуратно исписанную карандашом, — список всех, кто заходил в дом после нашего ухода во вторник. Это полный перечень до вчерашнего вечера.

Сэмпсон выхватил бумагу и прочитал вслух:

— Достопочтенный Элдер. Миссис Морс — эта старая перечница, да? Джеймс Дж. Нокс — зна-

чит, он вернулся. Репортеры Клинток, Эйлере, Джексон. А это кто такие, Пеппер? Эта парочка — Роберт Петри и миссис Дьюк?

— Старые богатые клиенты покойного. Зашли отдать последний долг.

Сэмпсон рассеянно скомкал список.

— Ну, Пеппер, это твое дело. Когда Вудраф позвонил, ты сам захотел им заняться, и я дал тебе шанс. Мне бы не хотелось постоянно твердить одно и то же, но я буду обязан тебя отстранить, если такие занятия, как любование обликом мисс Бретт, несомненно прекрасным обликом, будут тебя отвлекать от исполнения обязанностей... Ладно, хватит об этом. Расскажи о своих соображениях. Какие есть идеи?

Пеппер тяжело вздохнул:

— Не хочется провалиться... Ну вот одна идея для начала, шеф. По имеющимся у нас фактам складывается абсолютно невозможная ситуация. Завещание должно находиться в доме, но его там нет. Просто чепуха какая-то — Он хлопнул по столу Сэмпсона. — И все данные кажутся невозможными из-за одного факта: что Вудраф видел завещание в сейфе за пять минут до похорон. Но, сэр, этот факт подтверждается только его словом! Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Ты хочешь сказать, — задумчиво протянул инспектор, — что Вудраф лгал, говоря, что видел завещание в это время? Иными словами, завещание могли украсть гораздо раньше, до этого пятиминутного интервала, и укравшее его лицо могло избавиться от него за стенами дома в такой момент, когда его перемещения не принимались во внимание?

— Именно, инспектор. Мы ведь должны руководствоваться логикой? Это завещание, не растворилось же оно в воздухе?

— А почему ты решил, — возразил Сэмпсон, — что завещание не могли вытащить за те пять минут и сразу сжечь, порвать на мелкие кусочки или еще как-нибудь уничтожить?

— Но, Сэмпсон, — снисходительно проговорил Эллери, — вы не сумеете с таким же успехом сжечь или порвать стальной ящик.

— Тоже верно, — пробормотал окружной прокурор. — Куда к дьяволу запропастился этот ящик?

— Вот я и говорю! — торжествовал Пеппер. — Вудраф врет. Этого завещания, как и стального ящика, не было в сейфе, хотя он сказал, что видел его там!

— Но зачем? — воскликнул инспектор. — Зачем ему врать?

Пеппер пожал плечами, а Эллери с удивлением сказал:

— Джентльмены, ни один из вас не рассматривает эту задачу должным образом. Ведь это такая задача, которую просто нужно проанализировать, приняв во внимание все возможности.

— А вы ее проанализировали, я полагаю? — кисло спросил Сэмпсон.

— А... да. Именно. И мой анализ приводит к интересной, я бы сказал, очень интересной возможности.

Эллери выпрямился в кресле, улыбаясь. Инспектор взял понюшку табаку, но ничего не сказал. Пеппер наклонился вперед, обратившись в слух, глядя на Эллери с зарождающимся интересом, словно только что заметил его присутствие.

— Позвольте мне еще раз повторить известные нам факты, — оживленно продолжал Эллери. — Вы согласитесь, что существуют две взаимоисключающие возможности: одна, что в данный момент нового завещания не существует; другая, что в данный момент новое завещание существует.

Рассмотрим первую. Если сейчас завещания не существует, это значит, что Вудраф солгал, говоря, будто видел его в сейфе за пять минут до похорон.

Это значит, что завещания в то время там не было, что оно было ранее уничтожено неизвестным лицом или неизвестными лицами. Или же Вудраф сказал правду, завещание было похищено после того, как он его видел, в тот самый пятиминутный интервал, и затем его уничтожили. В этом последнем случае вор мог сжечь или порвать завещание и избавиться от остатков, хотя бы спустив их в канализацию. Но как я указал некоторое время назад, тот факт, что стальной ящик так и не был обнаружен, свидетельствует о невероятности версии с уничтожением. Остатки стального ящика не найдены, где же он тогда? Предположительно вынесен из дома. Если стальной ящик был вынесен, то похоже, что и завещание было вынесено, а вовсе не уничтожено. Но, говорите вы, при данных обстоятельствах, если Вудраф сказал правду, ящик нельзя было вынести из дома. Таким образом, начав рассуждения с первой основной возможности, мы достигли тупика. В любом случае, если завещание действительно уничтожено, то больше ничего нельзя сделать.

— И это, — сказал Сэмпсон инспектору, — это вы называете помощью. Господи, — раздраженно воскликнул он, снова повернувшись к Эллери, — мы все это без вас знаем! Что вы предлагаете?

— Инспектор, дорогой, — со скорбным видом обратился Эллери к отцу, — вы позволяете этому человеку оскорблять вашего сына? Послушайте, Сэмпсон. Вы предвосхищаете то, что я собирался сказать, а для логики это губительно. Отбросив первую теорию, как негодную, мы возьмемся за альтернативный вариант — что в данный момент завещание существует. И что мы имеем? Положение дел просто расчудесное. Внимание, джентльмены! Все, кто покинул дом, чтобы присутствовать на похоронах, вернулись обратно. Двое оставались в доме, а один из них, Уикс, все время находился в самом кабинете, где стоит сейф. Во время похорон никто в дом не входил. У тех, кто оставался в доме или сопровождал гроб, никаких контактов с посторонними не было. Все, кто был на кладбище и кому можно было передать завещание, также пришли в дом.

Однако, — в ускоренном темпе продолжал он, — в доме завещания не нашли, равно как ни у одного из присутствовавших, а также ни во дворе, ни на самом кладбище! И теперь я прошу вас, заклинаю, умоляю, — заключил Эллери, С озорным видом поглядывая на слушателей, — задать мне все объясняющий вопрос: что это за единственная вещь, которая *покинула* дом во

время похорон, *не* вернулась в дом и *ни разу не была осмотрена с тех пор*, как обнаружилась пропажа завещания?

Сэмпсон сказал:

— Что за ерунда. Все было обыскано, причем чертовски тщательно, как вам известно, молодой человек.

— Да, конечно, сынок, — мягко сказал инспектор. — Они ничего не пропустили. Ты что, не понял, когда излагались факты?

— О, моя живая и дышащая жизнью душа! — простонал Эллери. — «Кто больше слеп, чем тот, кто не желает видеть...» — И он тихо произнес: — Ничего не пропустили, мой почтенный предок, ничего — кроме самого гроба с телом Халкиса!

Инспектор закрыл глаза, Пеппер беззвучно выругался, Кронин загоготал, а Сэмпсон с размаху хлопнул себя по лбу. Эллери откровенно насмехался.

Пеппер пришел в себя первым и ухмыльнулся в ответ Эллери.

— Умно, мистер Квин, — сказал он. — Это умно.

Сэмпсон откашлялся в носовой платок.

— Я... гм... ладно, Кью, сдаюсь. Продолжайте, молодой человек.

Инспектор не сказал ничего.

— Ну, джентльмены, — подчеркнуто медлительно произнес Эллери, — приятно говорить перед такой благодарной аудиторией. Споры приостанавливаются. В волнении последних минут перед похоронами вору, наверное, довольно легко было открыть сейф, вынуть небольшой стальной ящик с завещанием и, уловив подходящий момент, опустить его в гроб под складки внутренней обивки или под погребальные одежды мистера Халкиса.

— Ясно, — пробормотал инспектор Квин. — Захоронение завещания вместе с телом столь же эффективно, как и его уничтожение.

— В точку, папа. Зачем уничтожать завещание, если, спрятав его в гробу, который предполагалось немедленно похоронить, вор достигал того же результата? Разумеется, поскольку Халкис умер естественной смертью, у вора не было повода подумать, что кто-либо захочет снова заглянуть в этот гроб до дня Страшного суда. Ergo[2], завещание изъято из пределов, доступных смертным, так же основательно, как если бы оно было сожжено, и пепел его был отправлен в

---

**[2] ПРИМЕЧАНИЯ: 2**
Следовательно (лат.).

канализацию.

Для этой теории существует и психологическое подтверждение, — развивал свою мысль Эллери. — Единственный ключ от стального ящика носил при себе Вудраф. Поэтому, вероятно, вор не сумел бы открыть ящик в доме за этот краткий пятиминутный промежуток до выхода процессии из дома. Он не мог или не осмеливался нести ящик с завещанием с собой — слишком громоздко, слишком опасно. Alors, messieurs[3], возможно, ящик с завещанием находится в гробу Халкиса. Если вы принимаете это как информацию, распорядитесь ею, как сочтете нужным.

Инспектор Квин вскочил на крохотные ножки.

— Кажется, необходима немедленная эксгумация.

— Похоже на то. — Сэмпсон снова покашлял и посмотрел на инспектора. — Как Эллери... кхе-кхе... как... подчеркнул Эллери, нет уверенности, что завещание находится там. Возможно, Вудраф солгал. Но мы должны открыть гроб и убедиться. Как ты считаешь, Пеппер?

— Я думаю, — улыбнулся Пеппер, — что таким блестящим анализом мистер Квин попал не в

---

**[3] ПРИМЕЧАНИЯ: 3**
Итак, господа (фр.).

бровь, а в глаз.

— Прекрасно. Договорись об эксгумации на завтрашнее утро. Незачем больше суетиться сегодня.

Пеппер засомневался.

— Может возникнуть заминка, шеф. Все-таки эксгумация не связана с подозрением в убийстве. Как нам объяснить судье?

— Зайди к Бредли. К таким вещам он относится без предрассудков, я потом сам ему позвоню. Затруднений не будет, Пеппер. Берись за дело. — Сэмпсон потянулся к телефонному аппарату и набрал номер в доме Халкиса. — Кохалана... Кохалан, говорит Сэмпсон. Сообщи присутствующим в доме, что все они должны быть завтра утром на совещании... Да, можешь им сказать, что мы эксгумируем тело Халкиса... Экс-гу-ми-ру-ем, идиот!.. Кто? Хорошо, дай мне с ним поговорить. — Он прижал трубку к груди и сказал инспектору: — Там Нокс... тот самый Нокс... Алло! Мистер Нокс? Это окружной прокурор Сэмпсон... Да, плохое дело. Очень печально... Кое-что прояснилось, и нам необходимо эксгумировать тело... Нет, совершенно необходимо, сэр... Что?.. Естественно, я очень об этом сожалею, мистер Нокс... Да, можете не беспокоиться. Мы обо всем позаботимся.

Он осторожно положил трубку на рычаг и сказал:

— Сложная ситуация. Нокс был назван душеприказчиком в отсутствующем завещании, и если оно не найдется, и мы не сможем установить нового бенефициария по галерее, то не будет и никакого душеприказчика. Будет считаться, что Халкис умер, не оставив завещания... Кажется, Нокс очень об этом печется. Если завещания в гробу не окажется, надо проследить, чтобы он был назначен распорядителем. Сейчас Нокс совещается с Вудрафом. Предварительное обследование имущества. Говорит, что будет там весь день. Большая любезность с его стороны проявлять такую заботу.

— Он будет на эксгумации? — спросил Эллери. — Всегда хотел познакомиться с мультимиллионером.

— Сказал, что не сможет. Рано утром ему нужно уехать из города.

— Еще одна мечта детства разбита, — печально вздохнул Эллери.

## Глава 6

# ГОСТЬ

Итак, именно в пятницу, 8 октября, мистер Эллери Квин познакомился с действующими лицами трагедии Халкиса, с местом действия и с тем, что в тот момент он посчитал наиболее интересным, — с «напряженностью в воздухе», которую за несколько дней до того ощутила мисс Джоан Бретт.

В пятницу утром все собрались в гостиной дома Халкиса — подавленное и напуганное общество. В ожидании помощника окружного прокурора Пеппера и инспектора Квина Эллери увлекся беседой с высокой бело-розовой молодой англичанкой, обладательницей прелестных форм.

— Насколько я понимаю, вы та самая мисс Бретт?

— Сэр, — строго ответила она, — у вас преимущество: вы меня знаете, а я вас нет. — Ее восхитительные голубые глаза смотрели сурово, но в них промелькнула улыбка.

Эллери усмехнулся:

— Это не совсем верно, моя дорогая. Не кажется ли вам, что, если бы у меня было преимущество, моя система кровообращения это бы знала?

— Гм... Он еще и нахал. — Она чопорно сложила

белые ручки на коленях и бросила взгляд в сторону двери, где стояли, разговаривая, Вудраф и сержант Вели. — Вы полицейский?

— Самый настоящий призрак одного из них. Эллери Квин, наследник прославленного инспектора Квина.

— Не могу сказать, что вы очень убедительны в качестве призрака, мистер Квин.

Эллери окинул ее взглядом с головы до ног очень по-мужски, оценивая ее рост, стройность и изящность.

— Во всяком случае, — заметил он, — вас-то уже в призрачности никак не обвинишь.

— Мистер Квин! — Она улыбнулась и выпрямилась в кресле. — Зачем вы клевещете на мою фигуру?

— О, дух Астарты! — прошептал Эллери. Он снова, очень придирчиво рассмотрел ее фигуру, заставив ее покраснеть. — Если бы вы не сказали, я бы не обратил на это внимания.

Они вместе посмеялись, и Джоан заявила:

— А я дух другого рода, мистер Квин. Я обладаю действительно сильной психической чувствительностью.

Вот так Эллери и узнал абсолютно неожиданно о напряженности в воздухе в день похорон. Те-

перь же возникла новая напряженность, когда он извинился и встал, чтобы встретить отца и Пеппера, — он заметил, какие убийственно свирепые взгляды бросает на него молодой Алан Чини.

Буквально по пятам за Пеппером и инспектором Квином шел детектив Флинт, таща на буксире коротконогого и толстого, обильно потеющего пожилого человечка.

— А это еще кто? — прорычал Вели, преградив вход в гостиную.

— Говорит, что живет здесь, — ответил Флинт, крепко сжимавший руку толстяка. — Что мне с ним делать?

Инспектор, швырнув на стул шляпу и плащ, шагнул вперед:

— Кто вы такой, сэр?

Вновь прибывший был в замешательстве. Тучный голландец с волнистыми седыми волосами и неестественно розовыми щеками тяжело дышал, раздувал щеки и выглядел очень встревоженно. Из другого угла комнаты Гилберт Слоун произнес:

— Все в порядке, инспектор. Это мистер Ян Вриленд, наш разведчик. — Голос прозвучал безразлично и сухо.

— А-а! — Квин взглянул на него внимательно.

— Так вы мистер Вриленд?

— Да, да, — выпалил Вриленд. — Это мое имя. Почему такая суматоха, Слоун? Что здесь за люди? Я думал, мистер Халкис... А где миссис Вриленд?

— Я здесь, дорогой, — раздался певучий, приторный голос, и миссис Вриленд предстала в дверном проеме. Человечек заспешил к ней, быстро поцеловал в лоб — она была вынуждена наклониться и гневно сверкнула дерзкими глазами, — отдал шляпу и пальто Уиксу и снова замер на месте, изумленно осматриваясь.

Инспектор поинтересовался:

— Как это вышло, что вы только что приехали, мистер Вриленд?

— Вернулся вчера вечером в отель в Квебеке. — Вриленд говорил краткими периодами, перемежая речь громким сопением. — Нашел телеграмму. Ничего не знал о смерти Халкиса. Был потрясен. А для чего все это собрание?

— Сегодня утром мы проводим эксгумацию тела Халкиса, мистер Вриленд.

— Вот как? — Человечек огорчился. — Значит, я пропустил похороны. Ца-ца-ца! Но зачем выкапывать? Разве...

— Вы не считаете, инспектор, — нетерпеливо произнес Пеппер, — что нам пора начинать?

* * *

Церковный сторож Ханивел беспокойно сновал по кладбищу перед свежим прямоугольником, прочерченным по дерну там, где для погребения Халкиса выкапывалась земля. Ханивел показал границы ямы, и двое мужчин, поплевав на ладони, взялись за лопаты и принялись энергично копать.

Пока шла работа, никто не проронил ни слова. Женщин оставили в доме; из мужчин, связанных с делом, присутствовали лишь Слоун, Вриленд и Вудраф. Суиза выразил отвращение к этому зрелищу, доктор Уордс просто пожал плечами, а Алан Чини упорно держался за подол Джоан Бретт. Квины, сержант Вели и некто новый — высокий и худой, с черными заросшими щеками, омерзительно вонючей сигарой, зажатой в зубах, и с черным кофром у ног — стояли рядом, наблюдая за могучими взмахами лопат. На Пятьдесят четвертой улице вдоль железной изгороди выстроились репортеры с камерами наготове. Полицейские не позволяли толпе скапливаться на улице. Из-за ограды кладбища осторожно выглядывал дворецкий Уикс. Детективы прислонились к изгороди. Из окон, выходящих во двор,

высовывались соседи и вытягивали шеи.

На глубине трех футов лопаты ударили по железу. Словно пираты в поисках клада, могильщики энергично и даже с энтузиазмом сгребли землю, очистив горизонтальную поверхность железной двери, ведущей вниз, в склеп. Закончив труд, они выскочили из неглубокой ямы и оперлись на лопаты.

Железную дверь открыли. Почти тотчас широкие ноздри высокого, худощавого человека с сигарой быстро затрепетали, и он буркнул себе под нос что-то неразборчивое. Выйдя вперед под озадаченными взглядами собравшихся, он опустился на колени и низко наклонился, принюхиваясь. Затем он поднял голову, встал на ноги и бросил инспектору:

— Здесь что-то подозрительное!

— В чем дело?

Но, как инспектор Квин знал по прошлому опыту, в такие минуты высокий, худощавый, жующий сигару человек не поддавался волнению, движению и шуму. Доктор Сэмюэль Праути, помощник судебно-медицинского эксперта округа Нью-Йорк, действовал медленно, но верно. У Эллери участился пульс, а Ханивел вообще остолбенел. Не ответив на вопрос, доктор Праути

просто сказал могильщикам:

— Полезайте туда и вытащите тот новый гроб, чтобы можно было поднять его сюда.

Рабочие осторожно спустились в черную яму, и некоторое время оттуда доносились их хриплые голоса и шарканье ног. Затем показалось что-то большое, блестящее и черное, и, в соответствии с подаваемыми сверху указаниями, рабочие поспешно повернули этот предмет должным образом...

В конце концов гроб поставили на землю, немного в стороне от зияющего склепа.

— Он напоминает мне герра Франкенштейна, — шепнул Эллери Пепперу, глядя на доктора Праути. Но ни один из них не улыбнулся шутке.

Доктор Праути водил носом, как ищейка. Теперь уже все чувствовали отталкивающий, тошнотворный запах. С каждой секундой он становился все более явственным. Лицо Слоуна посерело, он вытащил носовой платок и чихнул.

— Этот чертов труп бальзамировали? — спросил доктор Праути, наклонясь над гробом.

Ответа не последовало. Могильщики начали отвертывать крышку. На Пятой авеню как раз в этот драматический момент бесчисленные автомобили устроили какофонию приблизительных

сигналов — мистический аккомпанемент, вволю подходящий к характеру всей сцены. Крышку подняли...

Одна вещь сразу стала ужасающе и невероятно очевидной. Это и было источником запаха смерти.

Втиснутое поверх одеревенелого, мертвого, забальзамированного тела Георга Халкиса лежало скрюченное и — там, где плоть была открыта небу, — посиневшее и покрытое пятнами... разлагавшееся тело мужчины. *Второй* труп!

В такие моменты жизнь становится омерзительной, ее отталкивает в сторону жуткое упорство смерти, и само время останавливается.

Краткий миг они все были просто куклами на картинке — неподвижные, пораженные, онемевшие, и в расширенных глазах не было ничего, кроме ужаса.

Потом Слоуна стошнило, колени у него подогнулись, и в поисках поддержки он по-детски вцепился в мясистое плечо Вудрафа. Ни Вудраф, ни Ян Вриленд даже не шелохнулись — они не могли оторвать глаз от незваного гостя, проникшего в гроб Халкиса.

Доктор Праути и инспектор Квин изумленно переглянулись. Старый джентльмен подавил

крик и бросился вперед, держа носовой платок у лица и жадно вглядываясь в гроб.

Пальцы доктора Праути скользнули в перчатки — начиналась его работа.

Эллери Квин расправил плечи и поднял глаза к небу.

* * *

— Убит. Задушен, — сказал доктор Праути после быстрого осмотра. Ему удалось с помощью сержанта Вели перевернуть тело. Первоначально жертва лежала лицом вниз, прильнув к безжизненному плечу Халкиса. Теперь стало видно лицо — глубоко запавшие глаза были открыты, показывая глазные яблоки, очень сухие и коричневатые. Но само лицо пострадало не столь сильно. На темной коже виднелся синяк неправильной формы. Нос, теперь уже расплывшийся, при жизни определенно был острым и торчащим. Линии и складки лица должны были выглядеть жесткими, пока их не коснулось гниение.

Приглушенным тоном инспектор Квин произнес:

— Ей-богу, эта личность как будто знакомая!

Пеппер наклонился через его плечо, пристально вглядываясь. Он прошептал:

— Мне тоже так кажется, инспектор. Хотелось бы знать...

— А завещание и стальной ящик там? — сухим, каркающим голосом спросил Эллери.

Вели и доктор Праути покопались, пощупали, подергали...

— Нет, — с отвращением сказал Вели. Он посмотрел на свои руки и исподтишка обтер их о брюки сзади.

— Кого это теперь волнует! — воскликнул инспектор. Он поднялся на ноги, дрожа всем своим хрупким телом. — Ты продемонстрировал изумительную дедукцию, Эллери! — воскликнул он. — Изумительную! Откройте гроб, и найдете в нем завещание... Тьфу! — Он сморщил нос. — Томас!

Вели подошел к нему. Инспектор в резкой манере произнес несколько слов, Вели кивнул и тяжело зашагал к калитке кладбища.

Инспектор сказал жестко:

— Слоун, Вриленд, Вудраф, возвращайтесь в дом. Сейчас же. Никому об этом ни слова. Риттер!

Дородный детектив отлепился от ограды.

— Убери газетчиков. Нам не нужно никакого шума. Живей!

Риттер бросился в сторону калитки, выходив-

шей на Пятьдесят четвертую улицу.

— Вы, сторож, как вас там... Вы здесь командуете. Положите крышку на место и доставьте это чертово... все это в дом. Пошли, док. Нас ждет работа.

## Глава 7
## РАБОТА

В такой работе инспектор Квин разбирался, наверное, лучше любого другого сотрудника Главного полицейского управления Нью-Йорка.

В пять минут дом был снова осажден, гостиная превратилась в импровизированную лабораторию, гроб с его жутким двойным грузом разместили на полу. Библиотеку Халкиса экспроприировали для зала совещаний и у всех выходов поставили охрану. Дверь в гостиную была закрыта, и Вели для надежности привалился к ней широкой спиной. Доктор Праути, сняв пальто, занимался на полу вторым трупом. В библиотеке помощник окружного прокурора Пеппер звонил по телефону. Другие сотрудники, то и дело получая таинственные задания, сновали из дома на улицу или во двор и обратно.

Эллери Квин столкнулся с отцом, и они доволь-

но грустно друг другу улыбнулись.

— Ну, одно-то уж точно, — сказал инспектор. — Твое наитие раскрыло убийство, о котором иначе никто бы даже не заподозрил.

— Это страшное лицо будет мне сниться, — пробормотал Эллери. Глаза у него покраснели, и он безостановочно крутил в пальцах пенсне.

Инспектор с видимым удовольствием, в несколько приемов втянул понюшку табаку.

— Приведите его в порядок, док, насколько это возможно, — абсолютно спокойно сказал он доктору Праути. — Я хочу собрать здесь всю эту компанию, чтобы попытаться его идентифицировать.

— Он у меня уже почти готов. Куда вы хотите его поместить?

— Лучше достать его из гроба и положить на полу. Томас, найди одеяло и закрой все, кроме лица.

— Мне нужно держать запас розовой воды или что-нибудь в таком роде, чтобы заглушать вонь, — пожаловался доктор Праути, скорчив гримасу.

* * *

Когда все предварительные дела были закончены и второму телу был поспешно придан

более-менее презентабельный вид, оказалось, что никто из этих перепуганных, мертвенно-бледных людей, по очереди входивших в гостиную, не может опознать мертвеца. Уверены? Да. Никогда, говорили все, они не видели раньше этого человека. А вы, Слоун? О нет! Слоун был очень, очень не в себе, вид трупа вызывал у него тошноту, и он часто подносил к носу бутылочку с нюхательной солью. Джоан Бретт посмотрела внимательно, только силой воли заставив себя сохранять спокойствие. Больную миссис Симмс, поднятую с постели, ввели в гостиную Уикс и один из детективов. Она не имела понятия о том, что произошло, и, посмотрев долгим, полным ужаса взглядом в незнакомое мертвое лицо, взвизгнула и упала в обморок, после чего Уиксу потребовалось объединить усилия уже с тремя детективами, чтобы доставить ее обратно в комнату на верхнем этаже.

Все обитатели дома снова столпились в библиотеке Халкиса. За ними поспешили инспектор и Эллери, оставив в гостиной доктора Праути в компании с двумя трупами. Пеппер нетерпеливо ожидал их в дверях.

Его глаза сияли.

— Задачка решена, инспектор! — тихо, но энер-

гично сообщил он. — Я знал, что где-то видел раньше это лицо. И могу сказать, где вы его видели, — в галерее преступников![4]

— Похоже на правду! Он кто?

— Я только что позвонил Джордану, юристу и в прошлом моему партнеру, — это было, сэр, до того, как меня назначили в ведомство Сэмпсона. Мне сразу показалось, что этот парень мне знаком. И Джордан освежил мою память. Его имя Альберт Гримшоу.

— Гримшоу? — Инспектор ненадолго задумался. — Подделка документов?

Пеппер улыбнулся:

— Прекрасная память, инспектор. Но это было лишь одно из его достижений. Около пяти лет назад я защищал его, представляя адвокатскую фирму «Джордан и Пеппер». Мы проиграли, и он получил пять лет. Значит, он должен был только что выйти из заключения!

— Вот как? Из Синг-Синг?[5]

— Да!

Они вошли в комнату. Все головы повернулись

---

**[4] ПРИМЕЧАНИЯ: 4**

Собрание фотографий арестованных преступников, выставляемое в полицейском участке.

**[5] ПРИМЕЧАНИЯ: 5**

Синг-Синг — тюрьма в штате Нью-Йорк.

в их сторону.

Инспектор сказал одному из детективов:

— Хессе, сгоняй в управление и тщательно прочитай досье Альберта Гримшоу, специалиста по подделке документов, которого пять лет назад посадили в Синг-Синг.

Детектив исчез.

— Томас!

Вели навис над инспектором.

— Дай кому-нибудь задание проследить передвижения Гримшоу после его освобождения. Узнай, давно ли он вышел, могли ему скостить срок за примерное поведение.

Пеппер сообщил:

— Еще я позвонил шефу и известил его о новом событии. Он велел мне представлять здесь нашу сторону — сам он занят следствием по поводу того банка. Обнаружено ли что-либо на теле, позволяющее точно его идентифицировать?

— Ничего. Сущие пустяки: пара монет, старый пустой бумажник. Нет даже меток на одежде.

Эллери встретился взглядом с Джоан Бретт.

— Мисс Бретт, — спокойно сказал он, — несколько минут назад, когда вы смотрели на тело в гостиной, я не мог не заметить, что... Вы знаете этого человека? Почему вы сказали, что никогда

его не видели?

Джоан вспыхнула и топнула ногой.

— Мистер Квин, это оскорбительно! Я не стану...

Инспектор холодно произнес:

— Так вы его знаете или нет?

Она прикусила губу.

— Это довольно длинная история, и я не думала, что смогу чем-то помочь, поскольку не знаю его имени...

— Вообще говоря, полиция сама прекрасно сможет сделать выводы, — намеренно строго сказал Пеппер. — Если вам что-то известно, мисс Бретт, а вы нам не рассказываете, вас могут привлечь за сокрытие информации.

— Вот как? — Джоан вскинула голову. — Но я ничего не скрываю, мистер Пеппер. Сначала я не была уверена. Он выглядит так... что... — Она передернулась. — Теперь, обдумав все, я действительно припомнила, что видела его. Один, нет, два раза. Хотя, как я говорила, его имя мне не известно.

— Где вы его видели? — Инспектор был резок и, кажется, не замечал, что она молода и красива.

— В этом самом доме, инспектор.

— Ха! Когда?

— Я к этому подхожу, сэр. — Джоан Бретт специально сделала паузу и почти полностью обрела прежнюю уверенность. Она одарила Эллери дружеской улыбкой, и он ободряюще ей кивнул. — Первый раз я его увидела в прошлый четверг.

— Тридцатого сентября?

— Да. Этот человек появился в дверях приблизительно в девять часов вечера. Как я дважды упоминала, я не знаю...

— Это Гримшоу, Альберт Гримшоу. Дальше, мисс Бретт.

— Впустила его служанка, как раз в тот момент, когда я случайно проходила через холл...

— Какая служанка? — спросил инспектор. — Я не видел служанок в этом доме.

— О!

Похоже, она очень удивилась.

— Но тогда, — ах, какая же я глупая, — конечно, вы не могли знать. Видите ли, в доме работали две служанки, но эти невежественные, суеверные женщины настояли на расчете в тот же день, как умер мистер Халкис. Мы не смогли их уговорить остаться «в этом доме смерти, мэм», как выразилась одна из них.

— Это верно, Уикс?

Дворецкий тупо кивнул.

— Продолжайте, мисс Бретт. Видели вы что-нибудь еще?

Джоан вздохнула:

— Не слишком много, инспектор. Я видела, как служанка постучала в кабинет мистера Халкиса, впустила туда этого Гримшоу и вышла. На тот вечер это все.

— Вы видели, как он уходил? — вставил Пеппер.

— Нет, мистер Пеппер... — Она томно протянула его фамилию, и Пеппер сердито отвернулся, как бы желая скрыть непрошеные эмоции, неуместные для прокурора.

— А при каких обстоятельствах, мисс Бретт, вы видели этого человека второй раз? — спросил инспектор, скользнув взглядом по остальным: все внимательно слушали, подавшись вперед.

— Еще раз я его увидела на следующий вечер — то есть в прошлую пятницу.

— Кстати, мисс Бретт, — перебил ее Эллери со странной интонацией, — я думал, что вы работали у мистера Халкиса секретарем?

— И вы правы, мистер Квин.

— А Халкис был слеп и беспомощен?

Она выразила неодобрение гримаской.

— Слеп, но вряд ли беспомощен. А что?

— Разве Халкис ничего вам не говорил в четверг о посетителе — человеке, который должен прийти вечером? Не просил вас организовать встречу?

— О, я поняла... Нет, не просил. Он не сказал мне ни слова о посетителе, ожидаемом в четверг вечером. Появление Гримшоу было для меня сюрпризом. На самом деле и для мистера Халкиса это могло быть сюрпризом! Но позвольте мне продолжить. — Искусно дернув темной густой бровью, она ухитрилась передать досаду подобающим для девушки образом. — Вы меня все время перебиваете... В пятницу все было иначе. После обеда в пятницу вечером — это было первого октября, инспектор Квин, — мистер Халкис вызвал меня в библиотеку и тщательно меня проинструктировал. Это были очень строгие инструкции, инспектор, и...

— Ну, вперед, вперед, мисс Бретт, — нетерпеливо сказал инспектор. — Обойдемся без прикрас.

— На свидетельском месте в суде, — вмешался Пеппер, — вы были бы, несомненно, очень неприятным свидетелем.

— Нет, правда? — мурлыкнула Джоан. Она устроилась на столе Халкиса и скрестила ножки, чуть приподняв юбку. — Хорошо. Я буду образ-

цовым свидетелем. Это правильная поза, мистер Пеппер?.. Мистер Халкис мне сообщил, что вечером ждет двух посетителей. Довольно поздно. Один из них должен прийти, так сказать, инкогнито — он очень обеспокоен сохранением своей личности в тайне, и мистер Халкис поручил мне проследить, чтобы никто его не видел.

— Любопытно, — пробормотал Эллери.

— Вот как? — переспросила Джоан. — Что ж, очень хорошо. Я должна была впустить этих двоих сама и позаботиться, чтобы по пути нам не попались слуги. После этого мне надлежало отправиться спать — именно так, честное слово! Естественно, когда мистер Халкис добавил, что его дела с этими двумя джентльменами имеют чрезвычайно конфиденциальную природу, я не задавала больше вопросов и выполнила все распоряжения, как безупречный секретарь, каким я всегда была. Я не какая-то вертихвостка.

Инспектор нахмурился, и Джоан застенчиво потупилась.

— Гости прибыли в одиннадцать часов, — продолжала она, — и один из них, я увидела сразу, был тот, что заходил накануне вечером, — вы называете его Гримшоу. Другой, таинственный джентльмен, был закутан до глаз, и я не видела

его лица. У меня создалось впечатление, что он средних лет или старше, но это действительно все, что я могу вам о нем рассказать, инспектор.

Инспектор Квин крякнул. — Этот таинственный джентльмен, как вы его обозначили, может иметь очень большое значение для нас, мисс Бретт, Вы не могли бы описать его получше? Как он был одет?

Джоан в задумчивости покачала ногой.

— На нем было пальто, и он не снимал котелка, но я даже не могу вспомнить ни покроя, ни цвета его пальто. И это в самом деле все, что я могу вам рассказать о вашем... — она поежилась, — ужасном мистере Гримшоу.

Инспектор покачал головой, явно выражая недовольство:

— Но теперь мы говорим не о Гримшоу, мисс Бретт! Вспомните же. Должно быть что-то еще, связанное со вторым персонажем. Не произошло ли в тот вечер каких-либо событий, которые могут оказаться важными, — хоть что-нибудь, что поможет нам добраться до этого человека?

— О господи. — Она засмеялась, болтая стройной ногой. — Вы, стражи закона и порядка, так настойчивы. Ну ладно, если вы считаете важным инцидент с кошкой миссис Симмс...

Эллери проявил интерес:

— Кошка миссис Симмс? Вот восхитительная мысль! Да, это может оказаться очень важно. Давайте нам душераздирающие детали, мисс Бретт.

— Хорошо. У миссис Симмс есть бесстыдная и дерзкая кошка по имени Тутси. Эта Тутси вечно сует свой холодный носик в такие места, куда хорошие кошки не должны совать свои холодные носики. Гм... вы улавливаете, мистер Квин? — Увидев угрожающую вспышку во взгляде инспектора, Джоан вздохнула и произнесла покаянным тоном: — Правда, инспектор, я вовсе не глупая грубиянка. Просто весь этот кавардак... — Она замолчала, и в ее чарующих голубых глазах что-то мелькнуло: страх, нервозность или серьезный ужас. — Наверное, виноваты нервы, — устало проговорила девушка. — А когда я нервничаю, я начинаю капризничать и хихикать, как молодая нахалка... Да, так вот что произошло, — отрывисто сказала она. — Когда я открыла дверь, незнакомец, закутанный до самых глаз, вошел первым. Гримшоу находился позади и немного сбоку. Кошка миссис Симмс, хотя обычно живет у нее в спальне, незаметно от меня спустилась по лестнице в холл и разлеглась на ковре прямо

перед парадной дверью. После того как я открыла дверь и этот таинственный мужчина сделал шаг вперед, он вдруг замер с поднятой ногой и чуть не упал, чтобы не наступить на кошку, которая коварно устроилась у него на пути и бесшумно умывала мордочку. Вообще-то, пока я не увидела этот почти акробатический трюк, выполненный джентльменом из-за маленькой Тутси, — кстати, типичное для миссис Симмс имя кошки, вам не кажется? — я ее даже не замечала. Потом, конечно, я ее отпихнула, Гримшоу тоже вошел в дом, сказав: «Халкис ждет нас», и я провела их в библиотеку. Вот и весь инцидент с кошкой миссис Симмс.

— Не слишком плодотворно, — признал Эллери. — А этот укутанный человек, он что-нибудь говорил?

— Знаете, это очень невоспитанная личность, — сказала Джоан, немного нахмурясь. — Он не только не промолвил ни единого слова — в конце-то концов он мог понять, что я не рабыня, — но когда я подвела их к двери в библиотеку и хотела постучать, он практически оттолкнул меня от двери и открыл ее сам! Он не стучал, они с Гримшоу проскользнули внутрь и закрыли дверь у меня перед носом. Я так разозлилась, что готова

была грызть чайную чашку.

— Потрясающе, — прошептал Эллери. — Вы уверены, что он не издал ни звука?

— Несомненно, мистер Квин. Как я сказала, я разозлилась и стала подниматься наверх. — Именно в этот момент мисс Джоан Бретт продемонстрировала необычайную живость темперамента. То, о чем она говорила, затронуло в ней источник затаенной вражды или боли, поскольку ее глаза сверкнули и она бросила взгляд, полный горечи, в сторону молодого Алана Чини, который прислонился к стене в десяти футах от нее, ссутулясь и засунув руки в карманы. — Я услышала, как кто-то, царапая ключом замочную скважину, пытается отпереть входную дверь. Я повернулась на лестнице и — внимание! — увидела, как в холле топчется, едва держась на ногах, мистер Алан Чини, совершенно, совершенно одуревший.

— Джоан! — укоризненно выдавил Алан.

— Одуревший? — в замешательстве повторил инспектор.

Джоан решительно кивнула:

— Ну да, инспектор, он ничего не соображал. Я могла бы сказать — надрался. Или во хмелю. Или накачался. До положения риз. Наверное, найдется

сотни три выражений, описывающих состояние, в котором я увидела мистера Чини тем вечером. Короче говоря, он был пьян как сапожник!

— Это правда, мистер Чини? — спросил инспектор.

Алан слабо усмехнулся:

— Не стоит удивляться, инспектор. Когда я в загуле, я забываю, где живу и в какой стране. Я не помню, но если Джоан говорит, что так было, значит, так и было.

— Это правда, инспектор. — Джоан даже головой затрясла. — Он был отвратительно, мерзко пьян и весь в грязи. — Она впилась глазами в Алана. — Я испугалась, что в таком бессмысленном состоянии он поднимет шум. А мистер Халкис сказал, что в доме должно быть тихо, поэтому у меня выбор был очень невелик, понимаете? Мистер Чини изобразил типичную для него глупую улыбку, я сбежала вниз, крепко схватила его за руку и повела наверх, пока он не переполошил весь дом.

Дельфина Слоун с надменным видом сидела на краешке стула, переводя взгляд с сына на Джоан.

— Вообще говоря, мисс Бретт, — ледяным тоном произнесла она, — я не вижу оправданий для этого позорного...

— Прошу вас! — Инспектор бросил на миссис Слоун колючий взгляд, и она тут же смолкла. — Продолжайте, мисс Бретт. — Стоявший у стены Алан, похоже, готов был провалиться сквозь землю, только бы не присутствовать при этой сцене.

Джоан разгладила юбку и промямлила без прежней горячности:

— Наверное... мне не следовало... Во всяком случае, — она подняла голову и вызывающе поглядела на инспектора, — я привела мистера Чини в его комнату и позаботилась, чтобы он лег в постель.

— Джоан Бретт! — выкрикнула миссис Слоун, задыхаясь от возмущения. — Алан Чини! Вы что, оба признаетесь...

— Я его не раздевала, миссис Слоун, — холодно сказала Джоан, — если вы на это намекаете. Я его просто выругала, — по ее тону было ясно, что она считала это обязанностью не секретаря, а матери, — и он успокоился, чтобы не соврать, почти сразу. Он успокоился, но после того, как я накинула одеяло, его стало тошнить...

— Вы отклоняетесь от сути дела, — резко перебил ее инспектор. — Видели вы еще что-нибудь, связанное с этими двумя посетителями?

Джоан говорила теперь совсем тихо, кажется,

она была поглощена изучением узоров ковра под ногами.

— Нет. Я спустилась вниз взять сырых яиц; это могло бы немного помочь мистеру Чини. На кухню надо пройти мимо этого кабинета, и я заметила, что в щели под дверью нет света. Из чего я заключила, что, пока я была наверху, посетители удалились, а мистер Халкис отправился спать.

— Когда вы проходили мимо этой двери, как вы говорите, сколько времени прошло с момента появления этих визитеров?

— Трудно судить, инспектор. Возможно, полчаса или больше.

— И вы больше не видели этих двоих?

— Нет, инспектор.

— И вы уверены, что это произошло вечером в пятницу, то есть накануне дня смерти Халкиса?

— Да, инспектор Квин.

После этих слов наступила полная, угнетающе глубокая тишина. Джоан сидела и кусала губы, ни на кого не глядя. Алан Чини, судя по выражению лица, тяжело страдал.

Увядшие и непривлекательные черты миссис Слоун, державшейся чопорно, как Красная коро-

лева[6], напряженно вытянулись. Насио Суиза, развалившийся в кресле у противоположной стены, тоскливо вздыхал, осуждающе направив в пол клинышек бородки. Гилберт Слоун нюхал свою соль. Миссис Вриленд уставилась взглядом Медузы на розовые, старческие щечки мужа. В общем, веселенькая атмосфера. Даже доктор Уордс забился в самый дальний угол библиотеки — темный, как его борода. Вудраф и тот выглядел подавленным.

Спокойный голос Эллери заставил всех поднять глаза:

— Мисс Бретт, а кто именно находился в доме вечером в прошлую пятницу?

— Точно я не могу сказать, мистер Квин. Две служанки, конечно же, но они уже отправились спать, миссис Симмс удалилась к себе, а Уикс ушел — очевидно, у него был свободный вечер. Я могу отчитаться только за... мистера Чини.

— Ну это мы выясним довольно скоро, — проворчал инспектор. — Мистер Слоун! — Он повысил голос, и Слоун чуть не выронил из дрожащих пальцев крошечную бутылочку цветного стекла. — Где были вы вечером в прошлую пятницу?

---

**[6] ПРИМЕЧАНИЯ: 6**

Красная королева — персонаж книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

— О, в галерее, — поспешил откликнуться Слоун. — Заработался допоздна. Я довольно часто работаю там до ночи.

— С вами кто-нибудь был?

— Нет, нет! Я один!

— Гм... — Старый инспектор полез в табакерку. — И когда же вы появились дома?

— О, далеко за полночь.

— Вы что-нибудь знали о посетителях Халкиса.

— Я? Разумеется, нет.

— Забавно, — сказал инспектор, отставляя табакерку в сторону. — Кажется, мистер Халкис и сам был таинственной личностью. А вы, миссис Слоун, — где вы были вечером в ту пятницу?

Она облизала усохшие губы и быстро заморгала.

— Я? Была наверху, спала. Мне ничего не известно о гостях брата — ничего.

— В котором часу вы заснули?

— В десять часов я уже поднялась наверх. Я... У меня болела голова.

— Болела голова. Гм... — Инспектор повернулся к миссис Вриленд: — А вы, миссис Вриленд? Где и как вы провели пятничный вечер?

Миссис Вриленд всколыхнулась своим монументальным телом и закокетничала:

— В опере, инспектор, в о-пе-ре.

У Эллери возникло назойливое желание куснуть: «В какой опере?» — но он все-таки сдержался. Вокруг этой представительницы прекрасного пола распространялся аромат духов — дорогих духов, конечно, но разбрызганных слишком щедрой рукой.

— Одна?

— С другом. — Она сладко улыбнулась. — Мы потом поужинали в «Барбизоне», и я вернулась домой приблизительно в час ночи.

— Войдя в дом, вы не заметили, был ли свет в кабинете Халкиса?

— Не заметила.

— Встретили кого-нибудь внизу?

— Было темно, как в могиле. Я не видела даже привидений, инспектор. — Из глубины ее горла вырвался смешок, но никто не разделил ее веселья. Миссис Слоун приняла еще более чопорную позу; было очевидно, что эту шутку она сочла опрометчивой, весьма опрометчивой.

Подергав задумчиво ус, инспектор поднял голову и наткнулся на взгляд ярких карих глаз доктора Уордса.

— Ах да, доктор Уордс, — сказал он, довольный. — А вы?

Доктор Уордс поиграл бородой.

— Я провел вечер в театре, инспектор.

— В театре. Да-да, конечно. И вернулись вы, стало быть, до полуночи?

— Нет, инспектор. После театра я прогулялся по развлекательным заведениям. И вернулся много позже полуночи.

— Весь вечер вы провели в одиночестве?

— В полном.

Старый инспектор взялся за табакерку, его проницательные глазки блестели. Миссис Вриленд сидела с застывшей улыбкой и широко распахнутыми глазами, пожалуй даже чересчур. Все остальные тихо скучали. Инспектор Квин, допросивший за свою профессиональную карьеру тысячи людей, развил в себе особое полицейское чутье на ложь.

Что-то такое было в слишком гладких ответах доктора Уордса, в напряженной позе миссис Вриленд...

— Не верится мне, что вы говорите правду, доктор, — напрямик заявил он. — Конечно, ваша щепетильность мне понятна... Ведь в тот вечер вы были с миссис Вриленд, так?

Женщина ахнула, Уордс подвигал своими косматыми бровями. Ян Вриленд в замешатель-

стве вглядывался то в доктора, то в жену, и его толстенькое личико сморщилось от обиды и тревоги.

Вдруг доктор Уордс хмыкнул.

— Прекрасно, инспектор. Очень верная догадка. — Он слегка поклонился миссис Вриленд. — Вы позволите, миссис Вриленд?

Она вскинула голову, как норовистая кобыла.

— Видите ли, инспектор, я не хотел поставить даму в неудобное положение. Я действительно сопровождал миссис Вриленд в «Метрополитен», а потом в «Барбизон»...

— Послушайте! Я не думаю... — взволнованно протестуя, перебил его Вриленд.

— Дорогой мистер Вриленд, это был самый невинный вечер, который только можно представить. И очень приятный к тому же. — Доктор Уордс внимательно всматривался в расстроенную физиономию старого голландца. — Из-за ваших продолжительных отлучек, сэр, миссис Вриленд чувствовала себя очень одиноко, а у меня в Нью-Йорке друзей нет — естественно, что мы сблизились, разве это непонятно?

— Нет, мне это не нравится, — по-детски объявил Вриленд. — Мне это совсем не нравится, Люси.

Надув губы, он приблизился вперевалку к жене и потряс перед ее лицом коротким толстым пальцем. Она вцепилась в ручки кресла и была на грани обморока. Инспектор резко одернул Вриленда, и миссис Вриленд откинулась на спинку, прикрыв глаза. Доктор Уордс пожал широкими плечами. В другой части комнаты Гилберт Слоун шумно вздохнул, деревянное лицо миссис Слоун чуть оживилось. Инспектор метнул в них острым взглядом, затем остановился на нескладной фигуре Деметриоса Халкиса...

Если оставить в стороне отрешенное, идиотическое выражение его лица, Демми был уродливой, сухопарой и более молодой копией своего кузена Георга Халкиса. Его большие, пустые глаза смотрели остановившимся взглядом, выпяченная нижняя губа отвисла, затылок был почти плоский, а череп — огромный, неправильной формы. Демми бесшумно слонялся по комнате, ни с кем не разговаривая, близоруко уставляясь на лица, сцепляя и расцепляя руки со странной систематичностью.

— Послушайте, вы, мистер Халкис! — позвал инспектор.

Демми продолжал волочить ноги по кабинету.

— Он что, глухой? — раздраженно спросил ста-

рый Квин, не обращаясь ни к кому конкретно.

Джоан Бретт ответила:

— Нет, инспектор. Он просто не знает английского. Грек, понимаете?

— Он ведь кузен Халкиса?

— Верно, — неожиданно вмешался Алан Чини. — Но у него вот здесь не хватает. — И он со значением коснулся своей собственной круглой головы. — В умственном отношении он считается идиотом.

— Это чрезвычайно интересно, — мягко произнес Эллери Квин. — Ведь слово «идиот» имеет греческое происхождение и этимологически означало просто невежественного человека в эллинском обществе. А вовсе не слабоумного.

— Значит, он идиот в современном английском значении, — уныло отозвался Алан. — Дядя привез его сюда из Афин лет десять назад. Он последний отпрыск этой фамилии, появившийся здесь. Большинство Халкисов стали американцами по крайней мере шесть поколений назад. Демми никак не давался английский язык, а мама говорит, что он и по-гречески не умеет ни писать, ни читать.

— Ну а я с ним поговорю, — сказал инспектор, доведенный до крайности. — Миссис Слоун, ведь

он также и ваш кузен?

— Да, инспектор. Бедный мой дорогой Георг... — Ее губы скривились, и она собралась заплакать.

— Ну-ну, — поспешно остановил ее инспектор. — Вы знаете этот язык? Я имею в виду, вы говорите на греческом, или как он там лопочет?

— Достаточно, чтобы объясняться с ним.

— Пожалуйста, узнайте о его перемещениях в тот вечер, в пятницу.

Миссис Слоун вздохнула, поднялась, разгладила платье, поймала высокого, костлявого идиота за руку и энергично его встряхнула. Озадаченный, он медленно повернулся и беспокойно всмотрелся в ее лицо, потом улыбнулся и тоже взял ее за руку. Она громко произнесла:

— Деметриос!

Он опять улыбнулся, и она заговорила на иностранном языке, с запинками и гортанным произношением. Он громко засмеялся и сжал ее руку сильнее. Он реагировал как ребенок: звуки родной речи наполнили его ликованием. Его ответ прозвучал примерно в той же манере, но немного шепеляво. Голос у него оказался низкий и скрипучий.

Миссис Слоун повернулась к инспектору:

— Он говорит, что в тот вечер Георг отправил

его спать около десяти часов.

— Его спальня рядом с комнатой Халкиса?

— Да.

— Спросите, слышал ли он что-либо из библиотеки, после того как лег в постель.

Еще один обмен чуждыми звуками.

— Нет, он говорит, что ничего не слышал. Сразу же заснул и беспробудно спал всю ночь. Он спит как дитя, инспектор.

— И он никого не видел в библиотеке?

— Но как бы он увидел, инспектор, ведь он спал.

Демми смотрел то на кузину, то на инспектора с довольным, хотя и несколько смущенным выражением лица.

Старик кивнул:

— Спасибо, миссис Слоун. Все в порядке.

Инспектор подошел к столу, подвинул к себе телефон и набрал номер.

— Алло! Говорит Квин... Послушай, Фред, как зовут того грека-переводчика, который вечно болтается по зданию уголовного суда?.. Как? Триккала? Т-р-и-к-к-а-л-а?.. О'кей. Разыщи его сию минуту и пошли в дом 11 по Восточной Пятьдесят четвертой улице. Пусть спросит меня. — Он бахнул трубкой и повернулся. — Прошу вас всех

ждать меня здесь.

Инспектор поманил Эллери и Пеппера, молча кивнул сержанту Вели и зашагал к двери. Широко раскрытые глаза Демми проследили за троицей с детским удивлением.

* * *

Они поднялись по застеленной ковром лестнице и по жесту Пеппера повернули направо. Он указал на дверь недалеко от лестницы, и инспектор в нее постучал. Женский голос, полный слез, испуганно булькнул:

— Кто там?

— Миссис Симмс? Это инспектор Квин. Могу я зайти ненадолго?

— Кто-кто? Ах да! Одну минуту, сэр, только одну минуту. — Они услышали скрип кровати, шорох и аханье, пыхтение. — Входите, сэр. Входите.

Инспектор вздохнул, открыл дверь, и трое мужчин оказались перед особой довольно устрашающего вида. Полные плечи миссис Симмс были закутаны старой шалью. Седые волосы растрепались — жесткие пряди торчали вокруг всей головы, придавая ей некоторое сходство со статуей Свободы. Лицо покраснело и опухло от слез, а грудь, подобающая столь объемистой женщине,

тяжело колыхалась в такт покачиваниям старинного кресла-качалки. Теплые домашние тапочки прятали распухшие ноги. И у этих бесформенных ног отдыхала древняя персидская кошка — очевидно, та самая авантюристка Тутси.

Трое мужчин торжественно входили в комнату, а миссис Симмс смотрела на них с таким тупым животным страхом, что Эллери чуть не прыснул.

— Как вы себя чувствуете, миссис Симмс? — приветливо поинтересовался инспектор.

— Ох, ужасно, сэр, ужасно. — Миссис Симмс закачалась быстрее. — Что это за жуткий мертвец был в гостиной, сэр? Он... оно напугало меня до смерти!

— Значит, вы никогда не видели прежде этого мужчину?

— Я? — пронзительно взвизгнула она. — Святые угодники! Я? Матерь Божья, нет!

— Хорошо, хорошо, — поспешно сменил тему инспектор. — Скажите, миссис Симмс, помните ли вы, что было вечером в прошлую пятницу?

Мокрый носовой платок замер у ее носа, в глазах появилось более осмысленное выражение.

— Вечером в прошлую пятницу? Накануне... накануне того дня, когда умер мистер Халкис? Помню, сэр.

— Очень хорошо, миссис Симмс, очень хорошо. Я понимаю так, что спать вы легли рано, верно?

— Действительно, сэр. Мистер Халкис сам мне велел.

— Он сказал вам еще что-нибудь?

— Так, ничего важного, сэр, если вы к этому клоните. — Миссис Симмс высморкалась. — Он только позвал меня в кабинет и...

— Позвал, говорите вы?

— То есть позвонил мне. У него на столе есть звонок, который проведен вниз, на кухню.

— Сколько было времени?

— Время? Дайте сообразить. — Она задумчиво поджала губы. — Я бы сказала, примерно без четверти одиннадцать.

— Вечера, разумеется?

— А чего же еще? Конечно, вечера. И когда я вошла, он велел мне немедленно принести электрический чайник с водой, три чашки с блюдцами, заварку, сливки, лимон и сахар. Немедленно, он сказал.

— Когда вы вошли в библиотеку, он был один?

— О да, сэр. Совершенно один, бедняжка, сидел за столом такой славный и здоровый... Подумать только, что...

— Сейчас не нужно думать, миссис Симмс,

— сказал инспектор. — А что происходило после этого?

Он промокнула глаза.

— Я сразу принесла чайную посуду и поставила ее на столик рядом с письменным столом. Он спросил, все ли я принесла, что он приказал...

— Однако это странно, — пробормотал Эллери.

— Вовсе нет, сэр. Он же не видел, понимаете? Потом он сказал резче — он как будто нервничал, мне так показалось, сэр, извините, что я об этом говорю, хотя вы и не спрашивали, — он сказал: «Миссис Симмс, я хочу, чтобы вы сейчас же отправились спать. Вы поняли?» Тогда я сказала: «Да, мистер Халкис» — и сразу же пошла к себе в комнату и легла спать. И это все, сэр.

— Он ничего не говорил о гостях, которые ожидались в тот вечер?

— Мне, сэр? О нет, сэр. — Миссис Симмс снова высморкалась и крепко вытерла нос платком. — Хотя я действительно подумала, что у него может собраться небольшая компания, принимая во внимание три чашки и все прочее. Но спрашивать мне не положено, ясно же?

— Конечно, конечно. Значит, вы не видели в тот вечер посетителей?

— Нет, сэр. Как я говорила, я поднялась к себе в

комнату и легла. Я так устала, сэр, после тяжелого дня, да еще с ревматизмом. Мой ревматизм...

Тутси поднялась, зевнула и принялась умываться.

— Да, да. Мы понимаем. Пока это все, миссис Симмс, и огромное вам спасибо, — сказал инспектор, и они заторопились из комнаты.

Эллери спускался по лестнице с задумчивым видом. Пеппер полюбопытствовал:

— Вы думаете...

— Дорогой Пеппер, — ответил Эллери, — так уж я устроен. Проклятый склад ума: я всегда думаю. Меня преследует то, о чем писал Байрон в «Чайльд Гарольде», — помните изумительную песнь первую? «Ищу забвенья, но со мною мой демон злобный, мысль моя»[7].

Пеппера тоже одолевали подозрения.

— Ну-у, — протянул он, — пожалуй, что-то тут есть.

## Глава 8
## ЕДИНОДУШИЕ

Когда они были уже на пороге кабинета, из

---

**[7] ПРИМЕЧАНИЯ: 7**
Перевод В. Левика.

гостиной, через холл, послышались голоса. Любознательный инспектор зарысил в ту сторону, открыл дверь и без церемоний шагнул в комнату. Пеппер и Эллери — покорно следом. Они застали там доктора Праути, жевавшего сигару у окна на кладбищенский двор, и человека, которого раньше не видели, — он возился у благоухающего трупа Гримшоу. Этот новый тут же выпрямился и вопросительно посмотрел на доктора Праути. Помощник судмедэксперта кратко представил обоих Квинов и Пеппера и сказал:

— Это доктор Фрост, личный врач Халкиса, он только что вошел, — после чего сразу вернулся к окну.

Доктор Дункан Фрост был видный, аккуратный мужчина лет пятидесяти или старше — тот тип солидного врача, с которым приличная публика Пятой и Мэдисон-авеню, а также Вест-Сайда общается ради сохранения здоровья. Он пробормотал какую-то учтивость и опять с острым интересом уставился на раздувшееся тело.

— Вижу, вы исследуете нашу находку, — заметил инспектор.

— Да. Очень интересно. В самом деле интересно, — отозвался доктор Фрост, — и совершенно непостижимо. Каким образом этот труп пробрал-

ся в гроб Халкиса?

— Если бы мы это узнали, нам бы жилось легче.

— Наверняка его там не было, когда хоронили Халкиса, — сухо сказал Пеппер.

— Естественно! И это делает всю ситуацию такой занятной.

— Мне кажется, доктор Праути сказал, что вы были личным врачом Халкиса? — оборвал инспектор.

— Верно, сэр.

— Раньше вы никогда не видели этого человека? Может быть, лечили его?

Доктор Фрост покачал головой:

— Он мне абсолютно незнаком, инспектор. А я был связан с Халкисом очень много лет. Я ведь и живу здесь же, через двор, — на Пятьдесят пятой улице.

— Когда умер этот человек? — спросил Эллери.

Помощник судмедэксперта повернулся спиной к окну, хмуро улыбнулся и, обменявшись взглядом с коллегой, проворчал:

— Мы с Фростом это обсуждали как раз перед вашим появлением. Трудно сказать при поверхностном осмотре. Прежде чем отвечать определенно, я должен обследовать обнаженный

труп и его внутренности.

Доктор Фрост добавил:

— Очень многое зависит от того, где хранилось тело до его захоронения вместе с Халкисом.

— О! — уцепился Эллери. — Значит, он умер больше трех дней назад? До вторника, дня похорон Халкиса?

— Я бы ответил утвердительно, — согласился Фрост, и Праути небрежно кивнул. — Внешние трупные изменения свидетельствуют, как минимум, о трехдневном сроке.

— Окоченение прошло уже давно. Отмечается вторичная дряблость. Омертвение кожи завершено, насколько мы можем судить, не сняв одежду, — раздраженно излагал доктор Праути. — Особенно это касается передних поверхностей, ведь тело лежало в гробу лицом вниз. Точки давления одежды и части, находившиеся в контакте с какими-либо острыми краями и жесткими стенками, отмечены пятнами. Но это детали.

— Все это означает... — подтолкнул Эллери.

— То, что я упомянул, само по себе значит не слишком много, — отозвался помощник судмедэксперта, — и в том числе не позволяет фиксировать точное время смерти, хотя пятна, разумеется, указывают по крайней мере на трех-

суточный срок, но он может быть и удвоен. До вскрытия ничего нельзя сказать. Другие признаки, которые я вкратце затронул, лишь определяют минимальное значение. Прекращение трупного окоченения указывает на промежуток времени от одного до полутора дней, иногда до двух дней. Вторичная дряблость — это третья стадия, а немедленно после смерти вы обычно получаете состояние первичной дряблости, то есть общее расслабление. Затем наступает окоченение. Когда окоченение проходит, наступает вторичная дряблость — возврат к расслабленности мышц.

— Да, но это же не... — начал инспектор.

— Естественно, имеются и другие признаки, — заметил доктор Фрост. — Например, на брюшной полости формируется зеленое «пятно» — одно из первых проявлений гниения, — которое характерно расширяется от газов.

— Да, оно помогает установить время, — сказал доктор Праути. — Но нужно всегда иметь в виду массу вещей. Если до захоронения в гробу тело содержалось в сухом месте, сравнительно защищенном от воздушных потоков, то гниение не должно развиваться так быстро, как в обычных условиях. Минимум три дня, я в этом уверен.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо произнес

инспектор, — покопайтесь в этом теле, док, и дайте нам знать, когда он умер, по возможности точнее.

— Скажите, — вдруг вмешался Пеппер, — а как насчет тела Халкиса? С ним-то все в порядке? В смерти Халкиса не было ничего странного?

Инспектор изумленно вскинул брови на Пеппера. Потом хлопнул себя по ноге и воскликнул:

— Браво, Пеппер! Вот это мысль! Доктор Фрост, ведь вы были лечащим врачом Халкиса на момент его смерти?

— Был.

— Значит, вы составляли свидетельство о смерти.

— Верно, сэр.

— В его смерти было что-либо необычное?

Фрост окаменел.

— Дорогой сэр, — холодно процедил он, — вы считаете, что я мог официально приписать его смерть сердечному заболеванию, если бы это было не так?

— Осложнения? — проворчал доктор Праути.

— Не в момент смерти. Халкис давно и серьезно был болен. Не менее двенадцати лет он страдал тяжелой формой компенсаторной гипертрофии — расширением сердца из-за недостаточности

митрального клапана. А около трех лет назад у него появилась довольно скверная язва желудка, и это ухудшило ситуацию. Операция исключалась из-за сердца, и я вводил ему препараты внутривенно. Но начались кровотечения, которые привели к слепоте.

— Это обычный результат подобных случаев? — с любопытством спросил Эллери.

Доктор Праути сказал:

— Нашей хваленой медицинской науке об этом мало что известно, Квин. Нельзя сказать, что это обязательное следствие, но так бывает после кровотечений, вызванных язвой или раком желудка. Нельзя знать заранее.

— Во всяком случае, — продолжил доктор Фрост, кивком согласившись с мнением коллеги, — мы с приглашенным мной специалистом надеялись, что слепота — лишь временное явление. Иногда такая слепота проходит сама по себе, так же таинственно, как и возникает. Однако положение не изменилось, и зрение к Халкису так и не вернулось.

— Не сомневаюсь, что все это крайне интересно, — сказал инспектор, — но нас больше волнует вероятность смерти Халкиса не от болезни сердца, а...

— Если вы питаете какие-либо сомнения насчет достоверности установленной причины смерти, — оборвал его доктор Фрост, — то можете спросить доктора Уордса, находившегося здесь, когда я официально объявил о кончине. Не было никакого насилия и ничего столь мелодраматического, инспектор Квин. Внутривенные инъекции, направленные против язвы, осложненные строгой диетой, которой он, естественно, был вынужден придерживаться, истощили сердце. Кроме того, несмотря на мои специальные предписания, он упорно продолжал руководить галереей, пусть даже через посредство мистера Слоуна и мистера Суизы. Сердце просто не выдержало.

— А яд? — не отступал инспектор.

— Уверяю вас, не было ни малейших признаков отравления.

Инспектор обернулся к Праути.

— Не мешало бы также сделать вскрытие Халкиса, — сказал он. — Я должен быть уверен. Одно убийство уже есть, и откуда мы знаем, что не два, — при всем уважении к доктору Фросту?

— А даст ли что-нибудь вскрытие Халкиса? — забеспокоился Пеппер. — Как-никак, тело забальзамировано.

— Нет особой разницы, — отозвался помощник

судмедэксперта. — При бальзамировании никакие жизненно важные органы не удаляются. Если что-то не так, я это выясню. По существу, бальзамирование даже облегчает задачу. Оно сохраняет тело, поэтому на нем нет следов разложения.

— Я думаю, — сказал инспектор, — что мы узнаем чуть больше об обстоятельствах смерти Халкиса. Возможно, в них есть ключ к этому парню, Гримшоу. Док, вы проследите, чтобы с телами все было в порядке?

— Само собой.

Доктор Фрост надел шляпу и пальто и довольно прохладно попрощался. В кабинете Халкиса инспектор обнаружил присланного из управления эксперта по дактилоскопии, который деловито проводил осмотр комнаты. При виде инспектора он оживился и подошел поближе.

— Что-нибудь нашел, Джимми? — понизив голос, спросил инспектор.

— Отпечатков много, но это ничего не значит. Тут их видимо-невидимо. По всему помещению. За неделю здесь, наверное, побывал миллион человек.

— Что ж, — вздохнул инспектор, — сделай, что сможешь. Еще нужно сходить через холл в гостиную и снять отпечатки с трупика человека,

которого, как мы считаем, звали Гримшоу. Принес из управления его досье?

— Ага. — Джимми ринулся из комнаты.

Появился Флинт и объявил инспектору:

— Пришел автобус из морга.

— Впусти ребят. Но вели подождать в холле, пока Джимми не закончит.

Через пять минут эксперт вернулся в кабинет с довольным видом.

— Это точно Гримшоу. Отпечатки соответствуют досье. — Он погрустнел. — Осмотрел гроб, но там тоже слишком много отпечатков. Ничего не удастся получить. Такое впечатление, что каждый житель города приложил к нему свою пятерню.

Комната наполнилась фотографами, засверкали бесшумные вспышки. Библиотека превратилась в миниатюрное поле боя. Зашел попрощаться доктор Праути; два тела и гроб вынесли из дома. Уехали Джимми и фотографы, а инспектор с Эллери и Пеппером опять притопали в библиотеку.

## Глава 9

# ЧАЙНИК

Раздался громкий стук в дверь, и сержант Вели приоткрыл ее на дюйм. Кивнув, он впустил в библиотеку какого-то мужчину и снова закрыл дверь.

Вновь прибывший был похож на пудинг — пухлый и сладкий. Узнав в нем переводчика-грека Триккалу, инспектор сразу же поручил ему расспросить Демми по поводу его перемещений в прошлую пятницу вечером.

Алан Чини ухитрился скользнуть в кресло рядом с Джоан Бретт. Он вздохнул и робко прошептал:

— Очевидно, таланты моей матушки как переводчицы с греческого не завоевали у инспектора доверия. — Этим тонким замечанием он надеялся завязать разговор с Джоан, но она, повернув голову, бросила на него равнодушный взгляд, и ему осталось только натянуто улыбнуться.

Между тем в глазах Демми появилось что-то осмысленное. По тому, как расплылось в улыбке его глупое лицо, и как он вдруг затараторил, стало понятно, что и в нем, не привыкшем быть в центре всеобщего интереса, может пробудиться хоть и аморфное, но все-таки тщеславие.

— Он говорит, — доложил Триккала в слащавой манере, соответствующей всему его облику, — что в тот вечер кузен отправил его спать и он ничего не видел и не слышал.

Инспектор с любопытством разглядывал высокое, нескладное, карикатурное подобие мужчины, стоявшее рядом с переводчиком.

— Теперь спросите, что произошло на следующее утро, когда он проснулся, — в субботу, в прошлую субботу, в тот день, когда умер его кузен.

Триккала выпалил в Демми очередью резких звуков, которые, кажется, невозможно воспроизвести, и Демми, часто мигая, отозвался с запинкой на том же языке. Переводчик повернулся к инспектору:

— Он говорит, что в то утро его разбудил голос кузена Георга, который звал его из своей спальни, это рядом. Он говорит, что встал, оделся, прошел в спальню кузена и помог ему встать и одеться.

— Спросите его, во сколько это было, — приказал старый инспектор.

Последовал краткий диалог.

— Он говорит, в половине девятого утра.

— Как же так, — вдруг спросил Эллери, — почему этот Демми должен был помогать Георгу

Халкису одеваться? Разве вы не говорили раньше, мисс Бретт, что, несмотря на слепоту, беспомощным Халкис не был?

Джоан повела безупречно очерченной линией плеч:

— Знаете ли, мистер Квин, он очень тяжело переживал свою слепоту. Мистер Халкис всегда был деятельным человеком и никогда не признался бы даже самому себе, что потеря зрения существенно повлияла на его обычную жизнь. Вот почему он стремился сохранить за собой всю полноту руководства галереей. Вот почему он также настаивал, чтобы никто никогда не касался ни одного предмета в его кабинете или спальне. Никто даже стул не мог передвинуть с привычного места. Таким образом, он всегда знал, где что находится, и мог перемещаться по своим комнатам абсолютно легко, как зрячий.

— Но вы не отвечаете на мой вопрос, мисс Бретт, — мягко произнес Эллери. — Из ваших слов следует, что он должен был отказаться от помощи, выполняя простые действия, например если нужно встать с постели и одеться. Уж конечно, он мог одеваться сам?

— Вы считаете себя ужасно проницательным, мистер Квин? — улыбнулась Джоан, и Алан Чини

поднялся и вернулся на старое место у стены.
— Не думаю, что Демми собирался внушить нам представление, что он действительно поднимал мистера Халкиса с постели и даже физически помогал одеться. Видите ли, была одна вещь, с которой мистер Халкис не мог справиться сам, и должен был просить о помощи.

— И что же это такое? — Играя своим пенсне, Эллери настороженно глядел на Джоан.

— Выбор одежды! — торжествующе воскликнула она. — Он был чрезвычайно разборчив и носил только первоклассную одежду. Но слепота не позволяла ему выбрать то, что он хотел надеть. И в этом ему всегда помогал Демми.

Демми, который тупо таращил глаза во время этого непонятного антракта в его допросе, должно быть, почувствовал пренебрежение к своей персоне, поскольку внезапно разразился потоком греческих слов.

Триккала сказал:

— Он хочет продолжить. Он говорит, что одел кузена Георга по расписанию. Он...

Оба Квина хором переспросили:

— По расписанию?

Джоан рассмеялась:

— Жалко, что я не владею греческим... Пони-

маете, инспектор, Демми никак не мог усвоить тонкости гардероба мистера Халкиса. Как я говорила, мистер Халкис очень придирчиво относился к одежде — у него было много костюмов, и каждый день он надевал что-то другое. Совершенно другой ансамбль. Если бы Демми обладал средними способностями слуги, эта задача не представляла бы для него труда. Но Демми от природы страдает слабоумием, и мистер Халкис остроумно разрешил эту проблему. Он составил расписание на греческом, где четко связал выбор определенного костюма с каждым днем недели. Таким образом, бедняжка Демми не подвергал ежедневно свои жалкие мозги серьезному испытанию. Это было гибкое расписание. Если мистер Халкис хотел надеть другой костюм, не тот, который предписан для этого дня, он давал Демми устные инструкции на их родном языке.

— Это расписание использовалось постоянно? — спросил инспектор. — Халкис не разрабатывал новый вариант каждую неделю?

— О нет! Это было семидневное расписание, повторявшееся каждую неделю. Если на его костюмах появлялись признаки изношенности или то, что мистер Халкис на ощупь воспринимал как признаки изношенности, он просто просил

своего портного сделать точную копию старого костюма. Этой же схемы он придерживался с галантерейщиком, сапожником и так далее. Поэтому расписание ни разу не изменялось с того самого момента, как мистер Халкис ослеп.

— Интересно, — прошептал Эллери. — Наверное, в расписании были учтены и вечерние костюмы?

— Вот и нет. Каждый вечер мистер Халкис неукоснительно надевал строгий вечерний костюм — это не утомляло память Демми и не было включено в расписание.

— Хорошо, — буркнул инспектор. — Триккала, спросите-ка этого недоумка, что там дальше.

Триккала с жаром заговорил, помогая себе жестами. Демми почти ожил. Он что-то долго и очень дружелюбно рассказывал, и в конце концов Триккала, отчаявшись, был вынужден его остановить.

— Он говорил, — вытирая пот со лба, сообщил Триккала, — как одевал кузена Георга в соответствии с расписанием. Около девяти часов они с кузеном перешли из спальни в библиотеку.

Джоан сказала:

— У мистера Халкиса было заведено каждое утро в девять часов совещаться в кабинете с ми-

стером Слоуном. Закончив с мистером Слоуном обсуждение дел, запланированных на этот день, обычно он вызывал меня, и я писала под его диктовку.

— Об этом он ничего не сказал, — продолжал Триккала. — Он сказал, что оставил кузена за письменным столом и вышел из дому. Я не могу точно понять, что он пытается выразить, инспектор Квин. Что-то о докторе, но его речь так сбивчива. Он что, не совсем в своем уме?

— Не совсем! — рявкнул инспектор. — К несчастью. Мисс Бретт, вы догадываетесь, что он пытается сказать переводчику?

— Могу предположить, что он хочет рассказать о визите к доктору Беллоузу, психиатру. Понимаете, мистер Халкис всегда старался улучшить умственное состояние Демми, хотя ему неоднократно говорили о безнадежности всяких усилий. Доктор Беллоуз заинтересовался случаем Демми, привлек человека, знающего греческий, и наблюдал Демми в своем кабинете, в нескольких кварталах отсюда. Демми посещал доктора Беллоуза дважды в месяц, по субботам. Наверное, и в тот день он ходил на прием. Во всяком случае, вернулся он около пяти часов дня. К тому времени мистер Халкис уже умер, и в этой суматохе

никто не подумал известить Демми. Поэтому, входя в дом, он ничего не знал о смерти кузена.

— Это было очень печально, — вздохнув, заметила миссис Слоун. — Бедный Демми! Я ему сказала, и он ужасно расстроился. Расхныкался, как ребенок. Несмотря на слабоумие, он по-своему очень любил Георга.

— Хорошо. Триккала, скажите ему, чтоб оставался здесь, и сами подождите. Он может понадобиться нам снова. — Инспектор повернулся к Гилберту Слоуну: — Очевидно, именно вы, мистер Слоун, были следующим, кто после Демми увидел Халкиса утром в прошлую субботу. Вы встретились с ним, как обычно, здесь ровно в девять?

Слоун нервно прочистил горло.

— Н-нет, не ровно в девять, — сказал он своим немного манерным голосом. — Видите ли, хотя мы с Георгом встречались в кабинете каждое утро ровно в девять, но в прошлую субботу я проспал — накануне вечером заработался в галерее особенно поздно. Поэтому я спустился лишь в четверть десятого. Георг, видимо, немного... гм... да нет, как следует рассердился, что я заставил его ждать. Он был зол и раздражен — в последние месяцы это с ним часто случалось, вероятно из-за растущего ощущения беспомощности.

Инспектор Квин поднес понюшку к тонким ноздрям, вдохнул и не торопясь спросил:

— Когда вы вошли в комнату в то утро, что-нибудь в ней было не так?

— Не понял... Конечно, все так. Все было как обычно. Нормально, можно сказать.

— Он был один?

— О да. Он упомянул, что Демми ушел из дому.

— Расскажите точно, что происходило, пока вы были с ним.

— Ничего важного, инспектор, уверяю вас...

Инспектор оборвал его:

— Расскажите все, мистер Слоун. Я буду судить, что важно, а что нет!

— Между прочим, — отметил Пеппер, — тут никто ничего, кажется, не считает важным.

Подчеркивая ритм, Эллери пробормотал:

— Wi machen wir's, das alles frisch and neu — Und mit Bedeutung auch gefallig sei?[8]

Пеппер посмотрел на него удивленно:

— А?

— Гёте в раздумье, — серьезно пояснил Эллери.

— Не обращайте на него внимания... Ничего, Пеппер, мы изменим их отношение! — Инспек-

---

**[8] ПРИМЕЧАНИЯ: 8**

Чтоб сразу показать лицом товар, новинку надо ввесть в репертуар. *Гёте И.В.* Фауст. Театральное вступление. Пер. Б. Пастернака.

тор пристально посмотрел на Слоуна. — Вперед, мистер Слоун. Вперед. Поведайте нам все. Даже если это будет рассказ о том, как и сколько раз Халкис кашлял.

Слоун был в замешательстве.

— Но... Попробую, сэр. Мы быстро обсудили все намеченные на день дела. Мне показалось, что у Георга на уме было что-то еще, кроме продаж и коллекций.

— Так-так!

— Он был груб со мной, очень груб. Это меня очень расстроило, уверяю вас, инспектор. Мне не нравился его тон, о чем я ему прямо заявил. Да. Он извинился, но не искренне, а раздраженно — было ясно, что он разозлен. Возможно, он понял, что перешел границы, и резко сменил тему. Он пощупал красный галстук у себя на груди и сказал гораздо более спокойным тоном: «Кажется, Гилберт, этот галстук потерял форму». Конечно, он просто поддерживал беседу. Я его успокоил, сказав: «О нет, Георг, он выглядит вполне прилично». Халкис возразил: «Он какой-то мятый, я ощущаю это. Гилберт, перед уходом напомни мне позвонить Баррету и заказать ему несколько новых галстуков, таких же, как этот». Баррет — это его галантерейщик. Впрочем, мне следовало

сказать «был»... В этом был весь Георг: его очень беспокоил внешний вид, хотя я никаких дефектов в галстуке не заметил. Не знаю, насколько все это... — Он замялся в нерешительности.

Не дав инспектору заговорить, Эллери решительно воскликнул:

— Продолжайте, мистер Слоун! Так вы напомнили ему о галстуке перед уходом?

Слоун бросил на него взгляд:

— Естественно. Думаю, что мисс Бретт это подтвердит. Вы помните, да, мисс Бретт? — озабоченно спросил он, повернувшись к девушке. — Вы вошли в эту комнату как раз перед тем, как у нас с Георгом заканчивался разговор о делах, и готовились писать под диктовку.

Джоан уверенно кивнула.

— Вот, вы видите? — торжествующе сказал Слоун. — Это я и собирался сообщить. Перед уходом я сказал Георгу: «Ты просил, Георг, напомнить тебе о галстуках». Он кивнул, и я вышел из дому.

— И это все, что произошло в то утро между вами и Халкисом? — спросил инспектор.

— Все, сэр. Все было точно так, как я рассказал, — подлинные наши слова. Я не сразу отправился в галерею — у меня была назначена деловая встреча в городе, — поэтому лишь через два часа,

приехав в галерею, я узнал от одной из наших служащих, мисс Бом, что вскоре после моего ухода из дому Георг скончался. Мистер Суиза уже отправился сюда. Я тут же вернулся — галерея находится в нескольких кварталах отсюда, на Мэдисон-авеню.

Пеппер что-то шепнул инспектору, Эллери наклонил к ним голову, и все трое быстро обменялись соображениями. Инспектор кивнул и, блеснув глазами, повернулся к Слоуну:

— Я уже вас спрашивал, мистер Слоун, заметили ли вы в этой комнате утром в прошлую субботу что-либо необычное, и вы ответили отрицательно. Некоторое время назад вы слышали, как мисс Бретт свидетельствовала, что человек, тело которого мы нашли, Альберт Гримшоу, вечером накануне смерти Халкиса приходил к нему вместе с таинственным типом, изо всех сил старавшимся, чтоб его не узнали. Мне кажется, что этот таинственный парень может быть для нас очень важен. Подумайте как следует: было ли в этой библиотеке, возможно на столе, что-нибудь такое, чего здесь быть не должно? Какая-нибудь вещь, которую мог оставить этот загадочный человек, и которая могла бы послужить ключом для установления его личности?

Слоун покачал головой:

— Не припомню ничего такого. Хотя и сидел у самого стола. Я уверен, если бы на нем было что-то не принадлежавшее Георгу, я должен бы это заметить.

— Не рассказывал ли вам Халкис о посетителях, приходивших к нему накануне вечером?

— Ни слова, инспектор.

— Хорошо, мистер Слоун. Оставайтесь поблизости.

Со вздохом облегчения Слоун погрузился в кресло рядом с женой. А инспектор, изобразив на усталом лице доброжелательную улыбку, фамильярно поманил Джоан Бретт.

— Ну, дорогая, — произнес он отеческим тоном, — до сих пор вы были нам очень полезны, и я очень ценю вас как свидетеля. Вы меня очень заинтересовали. Расскажите мне что-нибудь о себе.

Ее голубые глаза сверкнули.

— Инспектор, вас видно насквозь! Уверяю вас, у меня нет никакого досье. Я просто бедная служанка — таких у нас в Англии называют «леди-помощь».

— Вы прелестная, славная и такая милая молодая леди, — прошептал старик. — Тем не менее...

— Тем не менее, вы хотите знать обо мне все, — засмеялась она. — Очень хорошо, инспектор Квин. — Она разгладила юбку на округлых коленях. — Меня зовут Джоан Бретт. Я работала у мистера Халкиса чуть более года. Может быть, мой акцент, теперь, правда, несколько испорченный вашим ужасным нью-йоркским произношением, уже сообщил вам, что я леди — леди, инспектор! — английского происхождения. Убогая родовитость, знаете ли. Я приехала к мистеру Халкису с рекомендательным письмом от сэра Артура Юинга, британского торговца произведениями искусства и эксперта, у которого я работала в Лондоне. Сэр Артур знал репутацию мистера Халкиса и дал мне очень хорошие рекомендации. Я приехала в подходящий момент — мистер Халкис крайне нуждался в помощи. И он нанял меня, с очень приличным гонораром, уверяю вас, в качестве его личного секретаря. Я считаю, что мое знание этого бизнеса произвело на него впечатление.

— Гм... Вы говорите не совсем то, что я хотел услышать...

— О! Больше личных сведений? — Она поджала губы. — Извольте. Мне двадцать два года, и я достигла брачного возраста, как вы понимаете,

инспектор. На правом бедре у меня родинка, я испытываю ужасающую страсть к Эрнесту Хемингуэю, считаю ваших политиков скучными и просто обожаю ваше метро. Cela suffit?[9]

— Ну вот, мисс Бретт, — проговорил инспектор, — теперь вы злоупотребляете стариковской добротой. Я хочу знать, что произошло в прошлую субботу утром. Не заметили ли вы в то утро чего-то такого в этой комнате, что могло бы указать на личность загадочного ночного гостя?

Она невозмутимо помотала головой:

— Нет, инспектор, я не заметила. Все казалось в полном порядке.

— Тогда просто расскажите, что произошло.

— Дайте подумать. — Она приложила палец к нижней розовой губке. — Я вошла в кабинет, как вам сказал мистер Слоун, до того, как они с мистером Халкисом закончили разговор. Я слышала, как мистер Слоун напомнил мистеру Халкису о галстуках. Затем мистер Слоун ушел, и я минут пятнадцать писала под диктовку мистера Халкиса. Когда он закончил, я спросила: «Мистер Халкис, хотите, я позвоню в магазин Баррета и закажу для вас новые галстуки?» Он ответил: «Нет,

---

**[9] ПРИМЕЧАНИЯ: 9**
Этого достаточно? (фр.)

я сам». Он протянул мне конверт, запечатанный, с наклеенной маркой, и попросил немедленно его отправить. Меня это слегка удивило — обычно я занималась всей его корреспонденцией...

— Письмо? — задумчиво спросил инспектор. — Кому оно было адресовано?

Джоан нахмурилась:

— Мне очень жаль, инспектор, но я правда не знаю. Понимаете, я не изучала его пристально. Кажется, адрес был написан от руки, чернилами, а не напечатан на машинке — что в общем-то естественно, потому что машинки здесь нет, — но... — Она пожала плечами. — Во всяком случае, выходя из комнаты с письмом, я видела, что мистер Халкис снял трубку своего телефона, а он всегда пользовался старинным аппаратом, требующим диалога с оператором, который спрашивает нужный вам номер. Телефон с наборным диском был установлен для моего удобства. Так вот, я слышала, как он называл номер Баррета, своего галантерейщика. И я вышла, чтобы отправить письмо.

— Который был час?

— Думаю, без четверти десять.

— После этого вы видели Халкиса живым?

— Нет, инспектор. Прошло полчаса, я была

наверху, у себя в комнате, когда снизу донесся чей-то крик. Я бросилась вниз и в кабинете обнаружила миссис Симмс в обмороке, а мистера Халкиса — мертвым за письменным столом.

— Значит, он умер в этом промежутке — от без четверти десять до четверти одиннадцатого?

— Получается так. Миссис Вриленд и миссис Слоун кинулись вслед за мной, увидели мертвое тело и начали вопить. Я попыталась их образумить, убедила позаботиться о бедняжке Симмс и сразу же позвонила доктору Фросту и в галерею. Доктор Фрост появился поразительно быстро — одновременно с доктором Уордсом, который только что проснулся, как я думаю, — и доктор Фрост объявил о смерти мистера Халкиса. А нам пришлось перетаскивать миссис Симмс наверх и приводить ее в чувство.

— Понятно. Подождите минуту, мисс Бретт.

Инспектор увлек в сторону Пеппера и Эллери.

— Что думаете, ребята? — осторожно спросил он.

— Думаю, мы движемся кое-куда, — прошептал Эллери.

— Как вы все это понимаете?

Эллери поднял глаза к потолку. Пеппер почесал голову.

— Будь я проклят, если могу что-либо понять в том, что мы узнали, — сказал он. — Я уже давно, еще когда мы копались с делом о завещании, имел все эти факты, но я не вижу...

— Что ж, Пеппер, — хмыкнул Эллери, — возможно, вы, как американец, попадаете в последнюю категорию китайской классификации, которую упоминает Бертон[10] в «Анатомии меланхолии», а именно: «Китайцы говорят, что у нас, европейцев, один глаз, у них самих — два, а весь остальной мир вообще состоит из слепцов».

— Будь серьезнее! — досадливо воскликнул инспектор. — Послушайте, вы оба. — И он что-то произнес очень решительно.

От этих слов Пеппер слегка побледнел и явно почувствовал себя неловко, но затем расправил плечи и, судя по выражению лица, принял решение. Джоан, устроившись на письменном столе, терпеливо ждала. Если она и поняла, что должно произойти, то не подала виду. Алан Чини еще больше напрягся.

— Что же, посмотрим, — заключил инспектор. Повернувшись спиной к остальным, он сухо сказал Джоан: — Мисс Бретт, позвольте вам задать

---

**[10] ПРИМЕЧАНИЯ: 10**

Бертон Роберт (1577–1640) — английский ученый, писатель и англиканский священник.

необычный вопрос. Расскажите подробно, что вы делали ночью в эту среду, то есть двое суток назад?

На кабинет опустилась настоящая могильная тишина. Даже Суиза, вытянувший ноги во всю длину на ковре, насторожился. Все взгляды устремились на Джоан в ожидании ее реакции. В тот момент, когда прозвучал вопрос Квина, стройная нога Джоан перестала раскачиваться как маятник и замерла неподвижно. Затем движение возобновилось, и она ответила легкомысленным тоном:

— В самом деле, инспектор, ничего необычного в вашем вопросе нет. События предыдущих дней — смерть мистера Халкиса, смятение в доме, подготовка к похоронам и сами похороны — совершенно меня измотали. В среду днем подышала воздухом в Центральном парке, рано пообедала и вернулась сразу же после обеда. Примерно час я читала в постели и заснула часов в десять. Вот и все.

— Вы крепко спите, мисс Бретт?

Она ответила со смешком:

— О, очень крепко.

— И вы крепко проспали всю ночь?

— Конечно.

Инспектор прижал ладонью напрягшуюся руку Пеппера и спросил:

— Тогда как вы объясните, мисс Бретт, что в час ночи мистер Пеппер видел, как вы прокрались в эту комнату и принялись возиться с сейфом Халкиса?

Если раньше тишина в комнате оглушала, то теперь ее интенсивность способна была вызвать землетрясение. Никто даже не дышал. Чини перевел дикий взгляд с Джоан на инспектора, прищурился и злобно уставился в побелевшее лицо Пеппера. Доктор Уордс, игравший с ножом для бумаги, позволил ему выскользнуть из руки, причем пальцы так и остались сжатыми.

Саму Джоан этот вопрос, похоже, взволновал менее всех остальных. Она улыбнулась и обратилась непосредственно к Пепперу:

— Вы видели, как я прокралась в этот кабинет, мистер Пеппер, и видели, как я возилась с сейфом? Вы уверены?

— Дорогая мисс Бретт, — сказал инспектор, похлопывая ее по плечу, — если вы думаете ввести нас в заблуждение, это не принесет вам ни малейшей пользы. И не ставьте мистера Пеппера в затруднительное положение, не вынуждайте называть вас лгуньей. Что вы здесь делали в

такой час? Что вы искали?

С удивленной усмешкой Джоан покачала головой:

— Но, дорогой инспектор, я действительно не понимаю, о чем это вы оба говорите.

Инспектор мельком взглянул на Пеппера.

— Говорю пока только я, мисс Бретт... Ну, Пеппер, кого же вы здесь видели — призрак или эту молодую леди?

Пеппер пнул ковер.

— Это была мисс Бретт, все верно, — пробормотал он.

— Видите, дорогая, — добродушно продолжил инспектор, — кажется, мистер Пеппер знает, о чем говорит. Пеппер, вы помните, как была одета мисс Бретт?

— Разумеется, помню. Пижама и халат.

— Какого цвета халат?

— Черного. Я дремал в большом кресле в той стороне, и, кажется, меня не было видно. Мисс Бретт очень осторожно вошла в кабинет, закрыла дверь и включила маленькую лампу на столе. Света было достаточно, чтобы я мог увидеть, как она одета и что делает. Она открыла сейф и внимательно просмотрела все бумаги, которые там находились. — Последнюю фразу Пеппер вы-

палил очень быстро, словно был рад закончить рассказ.

С каждом новым произнесенным словом девушка все более и более бледнела. Она досадливо кусала губу, а на глазах у нее выступили слезы.

— Это правда, мисс Бретт? — невозмутимо спросил инспектор.

— Я... я... Нет, неправда! — крикнула она, спрятала лицо в ладонях и разрыдалась.

Подавив вырвавшееся было ругательство, молодой Алан бросился вперед и мускулистыми руками схватил Пеппера за аккуратный воротничок.

— Как ты смеешь, мерзкий лжец, порочить невинную девушку! — взревел он.

Побагровевший Пеппер вырвался из рук Чини, а сержант Вели, несмотря на огромную свою массу, уже через мгновение оказался рядом с Чини и так решительно схватил молодого человека за руку, что тот скривился от боли.

— Ну-ну, мой мальчик, — мягко проговорил инспектор, — сохраняйте самообладание. Это же не...

— Это провокация! — завопил Алан, вертясь под рукой Вели.

— Ну-ка, посиди, щенок! — взорвался инспек-

тор. — Томас, устрой этого проказника в углу и постой с ним рядом.

Вели ответил рычанием, выражавшим такую радость, какой он еще никогда не испытывал, и насильно сопроводил Алана к креслу в дальнем конце комнаты. Вопли Чини перешли в жалобы и скоро стихли.

— Алан, не надо. — Слова Джоан, прозвучавшие тихо и сдавленно, всех поразили. — Мистер Пеппер говорит правду. — Она всхлипнула. — Я... была в кабинете в среду ночью.

— Вот это благоразумно, дорогая, — оживленно сказал инспектор. — Всегда говорите правду. И что вы там искали?

Она заговорила быстро, не повышая голоса:

— Я подумала, что если признаюсь, то объяснить это будет трудно... Это действительно трудно. Я... ох, я проснулась в час ночи и вдруг вспомнила, что мистер Нокс, душеприказчик, или как еще он называется, вероятно, захочет получить перечень некоторых облигаций, которыми владел мистер Халкис. Поэтому я спустилась вниз, чтобы их просмотреть, и...

— В час ночи, мисс Бретт? — сухо спросил старик.

— Да, да. Но когда я увидела их в сейфе, то осо-

знала, насколько это глупо просматривать их в такое неподходящее время, поэтому я положила их обратно, поднялась по лестнице и снова легла спать. Вот, инспектор. — У нее на щеках загорелись красные пятна, а взгляд уперся в ковер.

Чини смотрел на нее с ужасом. Пеппер вздохнул.

Инспектор почувствовал, что кто-то тянет его за рукав, и обнаружил рядом Эллери.

— Что, сынок? — тихо спросил он.

Но Эллери заговорил громко, с воодушевлением:

— Это объяснение мне кажется довольно обоснованным.

На мгновение его отец замер на месте, но тут же подхватил:

— Да, в самом деле. Ах, мисс Бретт, вы немного расстроены, и вам нужно отвлечься. Не могли бы вы подняться наверх и попросить миссис Симмс немедленно спуститься к нам?

— Я буду... очень рада, — откликнулась Джоан чуть слышно. Она соскользнула со стола, влажно и благодарно блеснула глазами в сторону Эллери и быстро исчезла.

Доктор Уордс задумчиво изучал лицо Эллери.

* * *

Миссис Симмс явилась во всем своем великолепии — облаченная в кричащее одеяние и в сопровождении Тутси, не отставшей от ее растоптанных туфель. Джоан скользнула на стул рядом с дверью и молодым Аланом, но он не взглянул на нее, а свирепо сосредоточился на седом венце миссис Симмс.

— А, миссис Симмс! Входите. Присаживайтесь! — воскликнул инспектор.

Она царственно кивнула и тяжело рухнула в кресло.

— Итак, миссис Симмс, помните ли вы события утра прошлой субботы, того утра, когда умер мистер Халкис?

— Я помню, — сказала она с содроганием, от которого по всему ее телу разбежались мелкие волны. — Я помню, сэр, и буду их помнить до своего смертного часа.

— Не сомневаюсь. Ну, миссис Симмс, расскажите нам, что случилось в то утро.

Миссис Симмс несколько раз подняла и опустила мясистые плечи, словно старый петух, собиравший энергию для вдохновенного «кукареку».

— В эту комнату я вошла в четверть одиннадцатого, сэр, чтобы прибраться, унести чайную посуду, оставшуюся с вечера, и все такое. Это мои ежедневные обязанности, сэр. Входя в дверь...

— Э-э... миссис Симмс. — Голос Эллери стал так ласково почтителен, что толстые щеки миссис Симмс немедленно раздвинулись в улыбке: какой приятный молодой человек! — Вы убираете в доме сами? — В его тоне слышалось недоверие, что такая важная персона, как миссис Симмс, занималась столь низкой работой.

— Только в личных комнатах мистера Халкиса, сэр, — поспешила она объяснить. — Понимаете, мистер Халкис испытывал священный ужас перед молодыми служанками. Бесцеремонные молодые идиотки — вот как обычно он их называл. Он всегда настаивал, чтобы я сама приводила в порядок его личные покои.

— А, значит, вы убирались и в спальне мистера Халкиса?

— Да, сэр, и у мистера Демми тоже. Вот этим я и собиралась заняться субботним утром. Но когда я вошла, то... — ее грудь вздыбилась, как морская волна, — то увидела, что бедный мистер Халкис лежит на письменном столе. То есть, сэр, его голова лежала на столе. Я подумала, он спит.

Поэтому я — да простит меня Господь! — я дотронулась до его руки, а она была холодная, такая холодная, и я потрясла его, а потом закричала, и это все, что я помню, сэр, могу поклясться на Библии. — Она тревожно посмотрела на Эллери, словно он сомневался в изложенных ею фактах. — Когда я очнулась, Уикс с одной из служанок шлепали меня по лицу, подносили нюхательную соль и все такое прочее, и я поняла, что нахожусь наверху, в своей постели.

— Другими словами, миссис Симмс, — сказал Эллери все тем же почтительным тоном, — вы ничего не трогали ни в библиотеке, ни в спальнях?

— Нет, сэр, чего не было, того не было.

Эллери что-то шепнул инспектору, тот кивнул и спросил:

— Кто-нибудь из проживающих в этом доме, кроме мисс Бретт, мистера Слоуна и Деметриоса Халкиса, видел Халкиса живым в прошлую субботу утром?

Все энергично помотали головой, и никто не помедлил ни мгновения.

— Уикс, — сказал инспектор, — вы уверены, что не входили в эти комнаты в прошлую субботу от девяти до девяти пятнадцати?

Белоснежные завитки над ушами Уикса затре-

петали.

— Я, сэр? Нет, сэр!

— Вопрос возможного момента, — пробормотал Эллери. — Миссис Симмс, вы касались этих комнат за семь дней после смерти Халкиса?

— Пальцем не дотронулась, — дрожащим голосом произнесла экономка. — Я была больна, сэр.

— А служанки?

Джоан сказала приглушенно:

— Кажется, я вам говорила раньше, мистер Квин, что они уволились в день смерти мистера Халкиса. Они отказывались даже войти в эти комнаты.

— Вы, Уикс?

— Нет, сэр. Мы ничего не касались до вторника, дня похорон, сэр, а потом нам велели ничего не трогать.

— Вот поразительно! Как насчет вас, мисс Бретт?

— У меня были другие дела, мистер Квин.

Эллери окинул всех быстрым взглядом.

— Ну хоть кто-нибудь касался чего-то в этих комнатах с прошлой субботы?

Нет ответа.

— Вдвойне поразительно. Иначе говоря, создается, по-видимому, такая ситуация. После

немедленного увольнения служанок домашнее хозяйство осталось без присмотра. Миссис Симмс была прикована к постели. Весь дом пребывал в волнении, и некому было заниматься уборкой. А после похорон, во вторник, когда обнаружилась пропажа завещания, никто не прикасался к этим комнатам по распоряжению мистера Пеппера, я полагаю.

— Люди из похоронного бюро работали в спальне мистера Халкиса, — осмелилась напомнить Джоан. — Готовили тело к погребению.

— И при поисках завещания, мистер Квин, — добавил Пеппер, — хотя мы обшарили все комнаты, но я могу лично вас заверить, ничего отсюда не взяли и ничего существенно не изменили.

— Думаю, похоронное бюро можно не принимать в расчет, — сказал Эллери. — Мистер Триккала, узнайте, что ответит мистер Халкис.

— Хорошо, сэр.

Триккала и Демми вернулись к неистовому диалогу. Триккала бросал вопросы резкими и взрывными фразами. Лицо слабоумного заметно побледнело, и он стал заикаться, лопоча быстро и бессвязно.

— Здесь не все чисто, мистер Квин, — нахмурился Триккала. — Он пытается сказать, что после

смерти его кузена даже не входил в эти спальни, но есть что-то еще...

— Если мне будет дозволено, сэр, — вмешался Уикс. — Мне кажется, я знаю, что пытается сказать мистер Демми. Понимаете, его настолько выбила из колеи смерть мистера Халкиса, настолько расстроила, — сейчас он, можно сказать, как ребенок, который страшится мертвеца, — что он отказывался ночевать в прежней комнате, рядом со спальней мистера Халкиса, и по распоряжению миссис Слоун мы приготовили ему опустевшую комнату служанки наверху.

— С тех пор он и живет там. Бедный Демми сейчас как рыба на суше, — со вздохом добавила миссис Слоун. — Иногда с ним возникают проблемы.

— Все же надо увериться, — сказал Эллери уже несколько другим тоном. — Мистер Триккала, спросите его, был ли он в этих спальнях с той субботы.

Триккале можно было и не переводить отрицательный ответ Демми, столько в нем было ужаса. Бедняга съежился, отбежал в угол и вжался в него, кусая пальцы и тревожно озираясь, как дикий зверь. Эллери задумчиво за ним наблюдал.

Инспектор повернулся к бородатому врачу-ан-

гличанину:

— Доктор Уордс, некоторое время назад я поговорил с доктором Дунканом Фростом, и он сказал, что вы осматривали тело Халкиса сразу же после смерти. Это верно?

— Совершенно верно.

— Каково ваше профессиональное мнение о причине смерти?

Доктор Уордс поднял густые каштановые брови.

— Причина точно та, какую указал доктор Фрост в свидетельстве о смерти.

— Прекрасно. Теперь несколько личных вопросов, доктор. — Инспектор втянул понюшку и доброжелательно улыбнулся. — Вы не откажетесь рассказать об обстоятельствах, которые привели вас в этот дом?

— По-моему, не так давно я уже их касался, — равнодушно ответил доктор Уордс. — Я специалист по глазным болезням из Лондона. Получив крайне важный для меня годичный отпуск, я посетил Нью-Йорк. В отеле, где я остановился, у меня побывала мисс Бретт...

— Опять мисс Бретт. — Квин бросил на девушку испытующий взгляд. — Как же это — разве вы были знакомы?

— Да, через сэра Артура Юинга, прежнего нанимателя мисс Бретт. Я лечил сэра Артура от неострой трахомы, тогда же познакомился с этой молодой дамой, — сказал врач. — Когда она узнала из газет, что я в Нью-Йорке, она навестила меня в отеле, чтобы возобновить наше знакомство, и поинтересовалась, смогу ли я обследовать глаза Халкиса.

— Понимаете, — на одном дыхании выпалила Джоан, — увидев в сообщениях о причаливших судах объявление о прибытии мистера Уордса, я рассказала о нем мистеру Халкису и предложила его пригласить для консультации.

А мистер Уордс продолжал:

— Я был страшно измотан — мои нервы и сейчас далеко не в порядке — и сначала даже слышать не хотел о работе во время отпуска. Но мисс Бретт трудно отказать, и в конце концов я согласился. Мистер Халкис был очень любезен, он настоял, чтобы я был его гостем, пока нахожусь в Штатах. Я наблюдал его чуть более двух недель.

— Вы согласились с заключением доктора Фроста и врача-специалиста о природе слепоты Халкиса?

— О да, и мне кажется, несколько дней назад я говорил об этом присутствующим здесь бравому

сержанту и мистеру Пепперу. Мы очень мало знаем о феномене амавроза — полной слепоты, когда она вызвана кровотечениями при язве или раке желудка. С медицинской точки зрения это увлекательнейшая проблема, и я сам провел несколько экспериментов с целью стимулировать возможность спонтанного восстановления зрения. Но успеха я не достиг, и состояние Халкиса не изменилось — последнее тщательное обследование я провел неделю назад, в четверг.

— Вы уверены, доктор, что никогда не видели раньше этого Гримшоу, второго человека из гроба?

— Нет, инспектор, не видел, — теряя терпение, ответил доктор Уордс. — Мне вообще ничего не известно ни о личных делах Халкиса, ни о его посетителях и ни о чем другом, что вы можете посчитать имеющим отношение к вашему расследованию. В настоящее время единственное, что меня заботит, — это возвращение в Англию.

— Насколько я помню, — сухо заметил инспектор, — еще на днях у вас были совсем другие настроения... Уехать вам, доктор, будет не так-то просто. Теперь мы расследуем убийство.

Он подавил протест, готовый вырваться из богатой бороды врача, круто повернувшись в

сторону Алана Чини. Тот отвечал лаконично. Нет, он не может ничего добавить к уже данным показаниям. Нет, он никогда ранее не видел Гримшоу, и, более того, зло добавил он, его ничуть не волнует, если убийцу Гримшоу вообще не найдут. Инспектор довольно комично приподнял бровь и обратился с вопросами к миссис Слоун. И снова результат не оправдал надежд — как и сын, она ничего не знала, и расследование ей было безразлично. А волновало ее лишь одно: восстановить жизнь в доме, чтобы он хотя бы внешне обрел пристойность и мир. Столь же бесполезным оказался опрос миссис Вриленд, ее мужа, Насио Суизы и Вудрафа. Оказалось, что никто из них не знал и даже не видел раньше Гримшоу. По этому вопросу инспектор оказал особенно сильное давление на дворецкого Уикса, но тот, проведя на службе у Халкиса восемь лет, выразил уверенность, что Гримшоу никогда не появлялся в доме до прошлой недели, и даже тогда он, Уикс, его не видел.

Инспектор стоял в центре комнаты, и его фигурка наводила на мысль о Наполеоне на Эльбе. Глаза его горели почти безумным огнем. Вопросы так и сыпались из его седоусого рта. Заметил ли кто-нибудь подозрительную активность в доме

после похорон? Нет. Посещал ли кто-либо из них кладбище после похорон? Нет. Видел ли кто-либо из них кого-нибудь на кладбище после похорон? И снова всеобщее отрицание — нет!

Он в нетерпении поманил пальцем сержанта Вели, и тот, громко топая, приблизился. Инспектор уже был очень раздражен и резко приказал сержанту отправиться на кладбище и лично допросить сторожа Ханивела, преподобного Элдера и кто там еще имеет отношение к церкви. Вели должен был по возможности найти очевидца каких-нибудь интересных событий на кладбище после похорон. Следовало также опросить соседей — в доме пастора с другой стороны двора и еще в четырех особняках, выходивших окнами во двор. Он должен быть абсолютно уверен, что не упустил возможного свидетеля возможного посещения кладбища возможным подозреваемым — особенно ночью.

Вели, привыкший к вспышкам раздражения начальника, сдержанно усмехнулся и двинулся к выходу.

Инспектор покусал ус и огляделся. То, что он увидел, вызвало в нем еще один приступ гнева, на этот раз гнева отеческого.

— Эллери! — воскликнул он. — Какого черта ты

там торчишь?

Его сын с ответом не спешил. Его сын, можно сказать, сделал пикантно-интересную находку. Его сын без всякого видимого повода — это-то и казалось самым неуместным — насвистывал главную тему из Пятой симфонии Бетховена перед самым обычным чайником, стоявшим на столике в небольшой нише с другой стороны комнаты.

## Глава 10
## ЕРУНДА!

Все-таки странный молодой человек этот Эллери Квин. Уже несколько часов он терзался от неопределенного ощущения надвигающихся событий, от нереального чувства, не имевшего формы, — короче, интуиция ему подсказывала, что он вплотную приблизился к выдающемуся открытию. Он принялся бродить по библиотеке, путаясь у других под ногами, хлопая по мебели, щелкая по корешкам книг и досадуя на самого себя. Дважды прошел он мимо чайника на столике, удостоив его лишь беглым взглядом, но на третий раз ноздри у него чуть-чуть задрожали — возбужденные не ощутимым запахом, а менее

осязаемым ароматом диссонанса. Наморщив лоб, Эллери смотрел на него какое-то время, а затем снял крышку и заглянул внутрь. Что бы он ни ожидал там увидеть, но увидел только воду.

Тем не менее, когда он поднял голову, глаза его уже заблестели, и он не мог оставить свои мысли без музыкального сопровождения, чем вызвал раздражение отца. Вопросу инспектора было суждено остаться без ответа, поскольку Эллери сразу же обратился к миссис Симмс, вернувшись к обычной для него резкой манере разговора:

— Когда в прошлую субботу утром вы обнаружили Халкиса мертвым, где находился этот столик с чайной посудой?

— Где находился? У письменного стола, сэр, не там, где он стоит теперь. У стола, куда я его переставила накануне вечером по распоряжению мистера Халкиса.

— Это хорошо. — И Эллери повернулся, чтобы видеть всех присутствовавших. — А кто потом переставил столик в нишу?

Как всегда, отозвалась Джоан Бретт, и все взгляды, окрашенные багрянцем подозрений, снова обратились к ее высокой, стройной фигуре.

— Я, мистер Квин.

Инспектор нахмурился, но Эллери улыбнулся

отцу и произнес:

— Так это вы, мисс Бретт. Когда и зачем, скажите на милость?

Она рассмеялась несколько беспомощно.

— Кажется, почти все сделала именно я... Понимаете, в день похорон была такая суматоха — все бегали по библиотеке и искали завещание. Столик, стоявший здесь, у письменного стола, всем мешал, и я, переставив его в нишу, просто освободила место. Но я это сделала без всякого злого умысла.

— Разумеется, — снисходительно промолвил Эллери и снова повернулся к экономке: — Миссис Симмс, когда в пятницу вечером вы готовили чайную посуду, сколько заварочных пакетиков вы взяли?

— Пригоршню, сэр. Их было шесть, насколько я помню.

Инспектор не спеша вышел вперед, за ним Пеппер, и оба они принялись озадаченно и с интересом разглядывать столик. Он был небольшой, старый и ничего особенного собой не представлял. На нем стоял серебряный поднос, а на подносе, рядом с электрическим чайником, — три чашки с блюдцами и ложками, серебряная сахарница, тарелка с тремя засохшими, невыжатыми

кусочками лимона, еще одна тарелка с тремя неиспользованными заварочными пакетиками и серебряный кувшинчик со свернувшимися, пожелтевшими сливками. Во всех чашках на дне виднелся засохший чайный осадок, а по краям, на внутренней стороне, — желтовато-коричневый ободок. Все три серебряные ложки потускнели. На всех трех блюдцах лежали пожелтевшие заварочные пакетики и засохшие, выжатые кружочки лимона — по одному на каждом. И больше ничего, насколько могли видеть инспектор с Пеппером.

Даже для инспектора, уже привыкшего к эксцентричным выходкам сына, это было чересчур.

— Я не понимаю, что...

— Доверься твоему Овидию, — со смешком остановил его Эллери. — «Имей терпение, все сноси, и эта неудача однажды приведет тебя к успеху».

Он снова приподнял крышку чайника, заглянул внутрь, затем, достав из карманного набора инструментов, с которым был неразлучен, крошечную стеклянную пробирку, накапал в нее затхлой холодной воды из чайника, положил на место крышку, заткнул пробирку пробкой и спрятал ее в оттопыренный карман. Проделав эти манипуляции под взглядами всех присутству-

ющих, в которых росло недоумение, он поднял весь поднос со столика, перенес к письменному столу и со вздохом удовлетворения установил его там. Пораженный новой мыслью, он резко повернулся к Джоан Бретт:

— Когда во вторник вы переносили столик, вы ничего не трогали на этом подносе, ничего не переставляли?

— Нет, мистер Квин, — смиренно отозвалась она.

— Прекрасно. Можно даже сказать, идеально. — Он оживленно потер руки. — Итак, леди и джентльмены, у всех нас было утомительное утро. Может быть, немного подкрепить силы чаем?

— Эллери! — холодно произнес инспектор. — В конце концов, все имеет свои границы. Сейчас не время для таких... таких...

Траурный взгляд Эллери приковал его к месту.

— Отец! Ты отвергаешь то, чему Колли Сиббер[11] посвятил целую речь? «О чай! Ты мягкий, ты трезвый, мудрый и почтенный напиток, ты, словно женщина, щекочешь язык, умиротворяешь, раскрываешь сердце и прогоняешь сон!»

---

**[11] ПРИМЕЧАНИЯ: 11**

Сиббер Колли (1671–1757) — английский актер, драматург и поэт, основоположник жанра сентиментальной комедии.

Джоан хихикнула, и Эллери ответил ей полупоклоном. Детектив инспектора Квина, прикрыв рот рукой, шепнул своему напарнику:

— Ерунда какая-то! Черт знает что, а не расследование убийства.

Взгляды обоих Квинов скрестились над чайником, и дурное настроение покинуло инспектора. Очень спокойно он отступил назад, словно говоря: «Сын, этот мир твой. Делай с ним все, что пожелаешь».

По-видимому, Эллери имел четкий план действий. Довольно бесцеремонно он бросил миссис Симмс:

— Принесите, пожалуйста, еще три заварочных пакетика, шесть чистых чашек с блюдцами и ложками, лимон и сливки. Vitement, Madame la gouvernante![12] Поторапливайтесь!

Экономка ахнула, фыркнула и выплыла из комнаты. Эллери энергично подхватил сетевой шнур чайника, походил вокруг письменного стола, нашел сбоку розетку и вставил в нее вилку. К тому времени, когда миссис Симмс вернулась из кухни, вода в стеклянной верхней части чайника уже забулькала. В мертвой тишине, которая совсем

---

**[12] ПРИМЕЧАНИЯ: 12**
Быстро, мадам экономка! (фр.)

не смущала Эллери, он стал разливать кипяток по чашкам, что принесла миссис Симмс, причем даже не положил туда заварку. Чайник опустел на пятой чашке. Пеппер озадаченно заметил:

— Но, мистер Квин, это же несвежая вода. Она простояла больше недели. Вы что, намерены ее пить?

Эллери улыбнулся:

— Я сглупил. Конечно. Миссис Симмс, я побеспокою вас еще раз. Заберите этот чайник, налейте свежей воды и принесите обратно. И шесть чистых чашек.

Стало совершенно ясно, что миссис Симмс изменила мнение об этом молодом человеке. Подтверждением тому был уничтожающий взгляд, адресованный его смиренно склоненной голове. Эллери схватил чайник и сунул его в руки миссис Симмс. Когда она ушла, он деловито погрузил три пожелтевших, использованных заварочных пакетика в три чашки с несвежей водой. У миссис Слоун вырвался негромкий возглас брезгливости. Неужели этот юный язычник собирается... Не может этого быть! Ерунда! Между тем Эллери продолжал выполнять таинственный ритуал. Он подождал, пока старые пакетики пропитаются водой, а затем принялся энергично давить каж-

дый из них покрытой пятнами ложкой. Миссис Симмс внезапно возникла в библиотеке с новым подносом, уставленным целой дюжиной чистых чашек с блюдцами и с чайником.

— Надеюсь, что этого будет достаточно, мистер Квин, — язвительно проговорила она. — Чашки подходят к концу, знаете ли!

— Чудесно, миссис Симмс. Вы просто бриллиант чистейшей воды. Удачная фраза, не правда ли?

Эллери бросил давить пакетики, чтобы включить чайник, а затем с новыми силами вернулся к прерванному обряду. Несмотря на все его усилия, из старых пакетиков получилась какая-то бурда, лишь отдаленно напоминающая чай. Эллери улыбнулся и довольно кивнул, будто этот факт что-то ему доказал, терпеливо дождался, пока в чайнике закипит свежая вода, и стал наполнять новые чашки, расставленные миссис Симмс. Когда после шестой чашки чайник опустел, он вздохнул и тихо произнес:

— Дорогая миссис Симмс, кажется, вам придется опять идти за водой — вон у нас какая компания.

Однако никто не пожелал выпить с ним чашечку чаю, даже британцы — Джоан Бретт с доктором Уордсом, — и Эллери, с сожалением обозревая

письменный стол, весь заставленный чашками, должен был прихлебывать чай в одиночестве.

Если придерживаться голых фактов, то взгляды, устремленные на его невозмутимое лицо, говорили красноречивее всяких слов, что большинство присутствовавших пришло к общему выводу: по умственному развитию Эллери внезапно опустился до уровня Демми.

* * *

Изящно промокнув губы носовым платком, Эллери поставил пустую чашку и, продолжая улыбаться, исчез в спальне Халкиса. Инспектор с Пеппером покорно пошли следом.

Это была большая и темная комната без окон — жилище слепого человека. Эллери включил свет и окинул взглядом новое поле исследования. В комнате царил значительный беспорядок: запачканная и неубранная кровать, груда одежды на стуле рядом с кроватью, в воздухе ощущался слабый, но неприятный запах.

— Вероятно, эссенция для бальзамирования или что-то в этом роде, — заметил Эллери, двигаясь через комнату к старинному высокому комоду. — Как говорил Эдмунд Крус, это старый и крепкий дом, но в нем забыли предусмотреть

хорошую вентиляцию.

Эллери критически оглядел комод, ничего не касаясь. Затем со вздохом приступил к осмотру ящиков. В самом верхнем он обнаружил нечто любопытное — два листа бумаги — и увлеченно принялся читать один из них.

— Что еще ты нашел? — рявкнул инспектор, и они с Пеппером заглянули в листок из-за плеч Эллери.

— То самое расписание, которым пользовался наш слабоумный друг, одевая кузена, — пробормотал Эллери. Было видно, что один лист содержит записи на иностранном языке, а другой написан по-английски, и он являлся, по-видимому, переводом содержания первого листа. — Я обладаю достаточными знаниями по филологии, чтобы распознать тут выродившийся современный греческий письменный язык, — продолжал Эллери. — Какая все-таки удивительная вещь — образование!

Улыбок от инспектора и Пеппера Эллери не дождался. Тогда он вздохнул и начал читать вслух английское расписание.

Оно гласило:

«Понедельник: серый твидовый костюм, черные башмаки, серые носки, светло-серая рубашка,

пристегиваемый воротничок, серый клетчатый галстук.

Вторник: темно-коричневый двубортный костюм, коричневые туфли из кордовской кожи, коричневые носки, белая сорочка, красный муаровый галстук, воротник-стойка, желтовато-коричневые гетры.

Среда: светло-серый однобортный костюм в черную полоску, черные остроносые туфли, черные шелковые носки, белая сорочка, черный галстук-бабочка, серые гетры.

Четверг: синий однобортный костюм из грубой шерсти, черные башмаки, синие шелковые носки, белая сорочка в синюю полоску, синий в горошек галстук, подходящий мягкий воротничок.

Пятница: желтовато-коричневый твидовый костюм с одной пуговицей, коричневые зернистые шотландские туфли, желтовато-коричневые носки, желтовато-коричневая рубашка, пристегиваемый воротничок, желтовато-коричневый галстук в полоску.

Суббота: темно-серый костюм с тремя пуговицами, черные остроносые туфли, черные шелковые носки, белая сорочка, зеленый муаровый галстук, воротник-стойка, серые гетры.

Воскресенье: синий саржевый двубортный костюм, черные туфли с квадратными носами, черные шелковые носки, темно-синий галстук, галстук-стойка, белая сорочка с полужесткой грудью, серые гетры».

— Ну и что с того? — спросил инспектор.

— Что с того? — повторил за ним Эллери. — В самом деле, что с того?

Он подошел к двери и выглянул за нее в библиотеку.

— Мистер Триккала! Подойдите-ка сюда на минуту.

Грек-переводчик послушно скользнул в спальню.

— Триккала, — сказал Эллери, протягивая ему бумагу с греческим текстом, — что здесь написано? Прочитайте вслух.

Триккала выполнил просьбу. Это был дословный перевод английского расписания, которое Эллери только что прочитал инспектору и Пеппери.

Отослав переводчика обратно в библиотеку, Эллери стал очень целенаправленно просматривать другие ящики комода. Ничто его не интересовало, пока он не добрался до третьего ящика и не обнаружил там длинный плоский

пакет, запечатанный и невскрытый. Он был адресован *мистеру Георгу Халкису, 11, Восточная Пятьдесят четвертая улица, Нью-Йорк*. На пакете в левом верхнем углу стоял штамп *«Галантерея Баррета»*, а в левом нижнем углу напечатано: *«Доставлено посыльным»*. Эллери надорвал пакет. Внутри он обнаружил шесть красных муаровых галстуков — все одинаковые. Он бросил пакет на комод и, не найдя в ящиках больше ничего любопытного, перешел в смежную комнату, к Демми. Небольшое помещение с одним окном, выходящим во двор, типичное жилище отшельника — пустая коробка с высокой кроватью, напоминающей больничную койку, комод с зеркалом, платяной шкаф и стул. Никаких признаков индивидуальности.

Эллери помедлил немного, но скучная атмосфера комнаты не удержала его от тщательного осмотра ящиков комода Демми. Единственным предметом, возбудившим его любопытство, был листок бумаги, идентичный греческому расписанию, найденному у Халкиса, — экземпляр, полученный через копирку, в чем он немедленно убедился, сравнив их визуально.

Он вернулся в спальню Халкиса, а инспектор с Пеппером отправились обратно в библиотеку. Те-

перь Эллери действовал быстро. Он сразу прошел к стулу, на котором была свалена груда одежды, и просмотрел каждую вещь: темно-серый костюм, белая сорочка, красный галстук, воротник-стойка, на полу, рядом со стулом, пара серых гетр и пара черных остроносых туфель с запихнутыми в них черными носками. Он задумался, похлопывая своим пенсне по ноге, затем перешел к большому платяному шкафу, открыл его и изучил содержимое. На вешалках, кроме двенадцати комплектов повседневной одежды, располагались три смокинга и официальный фрак. Многочисленные галстуки висели с внутренней стороны двери, перемешанные как попало. Всевозможные туфли и ботинки с распорками внутри и несколько пар домашних туфель стояли внизу шкафа. Эллери удивило, что на полке сверху лежало так мало шляп — всего три: фетровая шляпа, котелок и шелковый цилиндр.

Закрыв дверцу и захватив пакет с галстуками, он вернулся в кабинет, где Вели секретничал с его отцом. Встретив вопросительные взгляды, Эллери обнадеживающе улыбнулся и направился к телефону на столе. Он попросил справочную, задал несколько вопросов, повторил номер и сразу же его набрал. Еще серия вопросов, обра-

щенных к кому-то на том конце линии, и Эллери, широко улыбаясь, повесил трубку. У владельца похоронного бюро Стерджесса он выяснил, что вся одежда, которую он обнаружил на стуле в спальне Халкиса, была там оставлена помощниками Стерджесса, раздевавшими покойного. Именно эта одежда была на Халкисе, когда он умер, и ее сняли, чтобы набальзамировать тело и переодеть для похорон во фрак.

Эллери потряс пакетом и весело спросил:

— Это кому-нибудь знакомо?

Отозвались двое — Уикс и, как всегда, Джоан Бретт. Эллери благожелательно улыбнулся девушке, но сначала повернулся к дворецкому:

— И что вам об этом известно, Уикс?

— Это не от Барретта, сэр?

— Верно.

— Он был доставлен в прошлую субботу ближе к вечеру, через несколько часов после смерти мистера Халкиса.

— Вы сами его приняли?

— Да, сэр.

— Что вы с ним сделали?

— Я... — Уикс испугался. — Да просто положил на столик в холле, сэр, насколько помню.

Улыбка начала увядать.

— На столик в холле, Уикс? Это точно? А позднее вы не брали его оттуда, не перекладывали куда-либо еще?

— Нет, сэр, я уверен. — Уикс определенно был напуган. — На самом деле, сэр, из-за волнения по поводу смерти и всего остального я совсем забыл об этом пакете и вспомнил, только когда увидел его у вас в руке.

— Странно... А вы, мисс Бретт? Какова ваша связь с этим вездесущим пакетом?

— Я его видела на столике в холле вечером в субботу, мистер Квин. Это все, что я могу о нем сказать.

— Вы его касались?

— Нет.

Эллери посерьезнел.

— Ну же, — спокойно сказал он, обращаясь ко всем собравшимся. — Кто-то из вас взял пакет со столика в холле и убрал в третий ящик комода в спальне Халкиса, где я его обнаружил. Кто?

Никакого ответа.

— Очень хорошо, — резко бросил Эллери. Он пересек комнату и протянул пакет инспектору. — Папа, это может оказаться важным. Нужно съездить с этим пакетом в магазин Баррета и выяснить — кто его заказал, кто доставил и все

остальное.

Инспектор рассеянно кивнул и поманил одного из детективов.

— Ты слышал мистера Квина, Пигготт? Отправляйся.

— Выяснить про вот эти галстуки, шеф? — спросил Пигготт и почесал подбородок.

Вели взглянул на него, и Пигготт, прижав пакет к узкой груди и сконфуженно кашлянув, проворно ретировался.

— Тебя еще что-то здесь интересует, сынок? — шепнул инспектор.

Эллери покачал головой. В уголках его рта образовались тревожные складки. Старик резко хлопнул в ладоши, все зашевелились и выпрямились на своих сиденьях.

— На сегодня все. Я хочу, чтобы вы уяснили себе одну вещь. Всю прошедшую неделю вас донимали поисками украденного завещания — с учетом всех обстоятельств это было не очень важное дело, поэтому вас не слишком ограничили в свободе передвижения. Но теперь все вы по горло увязли в расследовании весьма колоритного убийства. Скажу вам откровенно, пока мы ничего о нем не знаем. Нам лишь известно, что убитый, имевший уголовное прошлое, дважды таинственным

образом посещал этот дом, причем второй раз в компании мужчины, который очень старался сохранить инкогнито — в чем преуспел.

Инспектор обвел взглядом комнату.

— Преступление усугубляется тем фактом, что убитый обнаружен в гробу человека, умершего естественной смертью. И похороненного, нужно добавить, прямо рядом с домом.

В такой ситуации все вы находитесь под подозрением. Что и как произошло, знает один Господь. Но поймите меня правильно — все вы без исключения остаетесь под моим наблюдением, пока мы не разберемся, что к чему. Те, кому требуется заниматься бизнесом, как Слоун и Вриленд, могут ездить по делам. Но вы оба, джентльмены, должны неукоснительно сообщать, где вы будете находиться, чтобы мы смогли легко вас найти или с вами связаться. Мистер Суиза, вы можете отправляться домой, но ваше местонахождение тоже должно быть нам известно. Вудраф, вас это, конечно, не касается. Остальные, до отмены мной этого положения, могут покидать этот дом, только получив разрешение и сообщив, куда они направляются.

Все молчали. Инспектор с грозным видом взялся за пальто. Он отдал своим людям распоря-

жения о постах в доме, назначил ответственными Флинта и Джонсона. Пеппер велел Кохалану оставаться на месте в качестве представителя бюро окружного прокурора, Пеппер, Вели и Эллери тоже надели пальто, вся четверка двинулась к двери.

На пороге инспектор повернулся и еще раз окинул взглядом присутствовавших в комнате.

— И еще хочу всем вам сказать здесь и сейчас, — отчеканил он неприязненным тоном. — Нравится это вам или нет — мне все равно! Всего хорошего! — И он затопал из дома. Замыкавший процессию Эллери рассмеялся про себя.

## Глава 11
## СОСЕДИ

Обед у Квинов в тот вечер оказался делом тяжелым. Тогда еще их квартира на третьем этаже коричневого дома на Западной Восемьдесят седьмой улице была поновее, передняя казалась просторнее, гостиная еще не успела состариться, а при том, что юный Джуна, квиновский парнишка с обязанностями «прислуги-за-все», — Джуна был тогда действительно очень юн и соответственно не так сдержан и серьезен, как стал годы спустя,

эту квартирку всякий назвал бы приятной, а атмосферу в ней радостной. Но не в этот вечер: Wetlschmerz[13] инспектора пеленой висела в комнатах. Он часто и свирепо лазил в табакерку, отвечал Эллери зло и односложно, чуть не орал на ошарашенного Джуну и неутомимо бегал из гостиной в спальню и обратно. Расположение духа старика не улучшилось и с приходом гостей; Эллери пригласил их к обеду, но задумчивый вид Пеппера и усталые вопрошающие глаза окружного прокурора Сэмпсона не оказали никакого воздействия на настроение хозяина.

В результате Джуна подавал аппетитные блюда в тишине, и также в молчании они принимались и поглощались. Эллери один из всех четверых был спокоен. Он ел, как всегда, с удовольствием, хвалил Джуну за качество еды, цитировал Диккенса за пудингом и Вольтера за кофе...

Только отложив в сторону салфетку, Сэмпсон, наконец, произнес:

— Ну что, Кью, старая история. Сбиты с ног, подавлены, побиты. Опять эта поганая головоломка. И как ее сложить?

Инспектор поднял ввалившиеся глаза.

---

**[13] ПРИМЕЧАНИЯ: 13**
Мировая скорбь (нем.).

— Спроси вон у моего сына. — Он снова уткнулся в кофейную чашку. Ему вроде бы нравился ход событий.

— Ты воспринимаешь все это слишком серьезно, папа, — сказал Эллери, с комфортом попыхивая сигаретой. — У этой задачи есть свои особенности, но я бы не сказал... — Он глубоко затянулся и выдохнул струю дыма. — Я бы не сказал, что она неразрешима.

— Да-а-а? — Все трое уставились на него.

— Пожалуйста, не давите на меня, — пробормотал Эллери. — В такие моменты я начинаю выражаться языком классической античности, но мне известно, что, например, Сэмпсон терпеть не может эту привычку. Кроме того, на полный желудок логические построения вызывают у меня только неприязнь. Джуна, будь хорошим мальчиком, принеси еще кофе.

Сэмпсон решительно отрубил:

— Если вы что-то знаете, Эллери, выкладывайте! Что там?

Эллери принял от Джуны кружку.

— Слишком рано, Сэмпсон. Не хотелось бы говорить сейчас.

Сэмпсон вскочил на ноги и возбужденно зашагал по ковру.

— Вот так всегда! Старая история! «Слишком рано»! — Он фыркнул, как жеребец. — Пеппер, введи меня в курс. Самые последние сведения.

— Что можно сказать, шеф, — начал Пеппер. — Вели накопал целую кучу, но все без толку, как я понимаю. Например, Ханивел — церковный сторож — утверждает, что кладбище никогда не запирают, но за все время после похорон ни он, ни его помощники не видели ничего подозрительного.

— Это гроша ломаного не стоит, — проворчал инспектор. — Кладбище и двор не охраняются. Можно было сто раз туда войти и выйти незамеченным. Особенно ночью. Тьфу!

— А что соседи?

— И того меньше, — отозвался Пеппер. — Вели подготовил полный отчет. Понимаете, у всех домов по южной стороне Пятьдесят пятой улицы и по северной стороне Пятьдесят четвертой есть выходы во двор. На Пятьдесят пятой дома с востока на запад располагаются в таком порядке. Номер 14 на углу Мэдисон-авеню принадлежит миссис Сьюзен Морс, той взбалмошной старой даме, которая посетила похороны. Номер 12 — дом доктора Фроста — врача, лечившего Халкиса. Номер 10, рядом с церковью, — это дом священника,

там живет преподобный Элдер. На Пятьдесят четвертой, с востока на запад, мы имеем: номер 15, на углу Мэдисон-авеню, принадлежит мистеру и миссис Рудольф Ганц...

— Бывший производитель мясных консервов?

— Да. А между домами Ганца и Халкиса — номер 13 — пустой и заколоченный.

— Кто владелец?

— Не волнуйтесь, — проворчал инспектор. — Это фамильная собственность, и принадлежит она нашему знаменитому мистеру Джеймсу Дж. Ноксу, его Халкис назначил душеприказчиком в украденном завещании. Когда-то, много лет назад, Нокс тут жил, но потом переехал в более престижный район, и с тех пор это место пустует.

— Я просмотрел документы, — добавил Пеппер. — Дом, конечно, свободен от долгов, на продажу не выставлен. Думаю, что Нокс держится за него по сентиментальным причинам. Это вроде как дом предков и построен в то же время, что и жилище Халкиса. Да, ну так вот, никто во всех этих домах — владельцы, слуги или в одном случае гости — не смогли дать Вели никакой информации. Понимаете, во двор можно попасть через черный ход из любого дома на обеих улицах.

Но с Мэдисон-авеню туда доступа нет, разве что через подвалы Морс или Ганца. И нет никаких проходов во двор с Пятьдесят четвертой, Мэдисон и Пятьдесят пятой.

— Иначе говоря, — нетерпеливо проговорил Сэмпсон, — попасть во двор можно только через сами дома, церковь или кладбище, правильно?

— Да. Что касается кладбища, то к нему ведут лишь три пути — через церковь, через калитку с западной стороны двора и через единственные ворота в ограде — фактически это высокая калитка — со стороны Пятьдесят четвертой улицы.

— Но это тоже ничего не значит, — сварливо произнес инспектор. — Это не существенный момент. Существенно то, что все, кого опросил Вели, отрицают посещения кладбища ночью или в любое другое время после похорон Халкиса.

— За исключением миссис Морс, папа, — мягко поправил Эллери. — Ты забыл о ней. Вспомни, как Вели рассказал, что она призналась в милой привычке ежедневно бродить над головами мертвецов на кладбище.

— Да, — сказал Пеппер, — но не ночью, а днем. Ночные посещения кладбища она отрицала. Во всяком случае, шеф, все соседи являются прихожанами этой церкви, кроме Нокса, разумеется.

Но его и нельзя назвать соседом.

— Он католик, — проворчал инспектор. — Посещает замечательный собор на Вест-Сайде.

— А кстати, где сейчас Нокс? — спросил окружной прокурор.

— Выехал из города сегодня утром. Не знаю точно, куда именно, — сказал старик. — Я велел Томасу получить ордер на обыск — мы не можем ждать, пока Нокс вернется, а мне позарез надо осмотреть этот его пустой дом по соседству.

— Видите ли, шеф, — объяснил Пеппер, — у инспектора возникла идея, что в доме могли спрятать тело Гримшоу, пока не представился случай его похоронить в гробу Халкиса.

— Удачная мысль, Кью.

— Так или иначе, — продолжил Пеппер, — но секретарь Нокса отказался раскрыть местонахождение магната, и нам необходим ордер.

— Это может быть и вовсе не важно, — заметил инспектор, — но будь я проклят, если упущу хоть что-то.

— Прекрасный принцип действия, — со смехом заметил Эллери.

Повернувшись, отец посмотрел на него холодно и неодобрительно.

— Считаешь себя самым умным? — тихо сказал

он. — Ладно... Послушайте, джентльмены. С этим пустым особняком связана проблема. До сих пор мы не знаем точно, когда придушили Гримшоу — сколько дней он мертв. Ну ладно, вскрытие покажет. А пока у нас имеются основания для отдельных предположений. Потому что, если Халкис умер до того, как убили Гримшоу, это определенно означает — учитывая, где мы нашли тело, — что похоронить Гримшоу в гробу Халкиса планировалось заранее. Ясно? В этом случае пустой дом был бы для убийцы удобным местом, чтобы подержать там тело Гримшоу, пока не закончатся похороны Халкиса и можно будет использовать зарытый гроб.

— Да, но взгляни на это по-другому, Кью, — возразил Сэмпсон. — Пока нет результатов вскрытия, разумно предположить, что Халкис умер после убийства Гримшоу. Это означало бы, что убийца никак не мог строить расчеты на внезапную смерть Халкиса и что ему вдруг представится случай похоронить жертву в его гробу, следовательно, он должен был спрятать тело там, где произошло убийство, — а у нас нет особых резонов предполагать, что убийство произошло в соседнем доме. В любом случае я не понимаю, чем это направление может быть нам полезно,

пока мы не узнаем, когда убили Гримшоу.

— Вы считаете, — задумчиво проговорил Пеппер, — что Гримшоу задушили и оставили на месте убийства? Затем, когда умер Халкис, в голове убийцы блеснула идея похоронить тело в гробу Халкиса, и он притащил труп на кладбище, возможно, через калитку с Пятьдесят четвертой улицы?

— Вот именно, — резко подтвердил Сэмпсон. — Шансы десять к одному, что строение, соседствующее с домом Халкиса, не имеет никакого отношения к этому преступлению. Думаю, что все это просто неуместное предположение.

— Возможно, оно не так уж неуместно, — мягко сказал Эллери. — С другой стороны, моему слабому уму кажется, что вы, джентльмены, начали готовить рагу, не купив необходимых продуктов. Не лучше ли нам дождаться результатов вскрытия?

— Ждать, ждать, — проворчал инспектор. — Я уже успел состариться в ожидании.

Эллери засмеялся:

— Если верить Чосеру, твой возраст — определенное преимущество, падре. Помнишь «Птичий парламент»? «Ведь старые поля, как говорят, дают все новый урожай из года в год».

— Еще что-нибудь, Пеппер? — рявкнул Сэмпсон.

Эллери он игнорировал полностью.

— Рутинная работа. Вели поспрашивал привратника из универмага, напротив дома Халкиса и кладбища, — он целыми днями стоит у входа в магазин с Пятьдесят четвертой улицы. Поговорил и с патрульным копом. Но ни тот ни другой не видел никакой подозрительной деятельности в дневное время после похорон. Коп из ночной смены тоже ничего не видел, но признал, что тело можно было протащить на кладбище незаметно для него. А ночной сторож в универмаге со своего места просто не мог наблюдать за кладбищем — он должен постоянно находиться внутри магазина. Ну вот и все.

— Если мы и дальше будем сидеть и болтать, вместо того чтобы заниматься делом, я наверняка рехнусь, — разозлился инспектор и плюхнулся в кресло напротив камина.

— «La petience est amere, mais son fruit est doux», — прошептал Эллери. — Что-то сегодня меня тянет к цитатам.

— Вот, что я получил, отправив сына учиться в колледж, — пожалел себя инспектор. Теперь говорит со мной свысока. Ну вот что ты сказал?

— «Терпение горько, но плод его сладок», — с усмешкой ответил Эллери. — И сказал это лягушатник.

— Кто? Какой еще лягушатник?

— О, он пытается сострить, — устало сказал Сэмпсон. — Наверное, он хотел сказать «француз». Похоже на Руссо.

— Знаете, Сэмпсон, — восхитился Эллери, — иногда вы демонстрируете просто блистательные признаки интеллекта!

## Глава 12
## КОНТАКТЫ

На следующее утро — это была суббота, и октябрьское солнце сияло вовсю — подорванный накануне моральный дух инспектора Квина значительно окреп. Непосредственной причиной этого духовного возрождения послужило то, что доктор Сэмюэль Праути явился собственной персоной с результатами вскрытия тел Халкиса и убитого.

Окружной прокурор Сэмпсон, прикованный к своей конторе из-за дела, требующего его личного участия, прислал к инспектору в полицейское управление своего заместителя Пеппера. Когда

доктор Праути ввалился в кабинет, жуя свою первую за день сигару, он застал в ожидании не только самого инспектора, но еще Пеппера, сержанта Вели и любопытствующего Эллери.

— Ну, док? Ну, ну? — заторопил его инспектор. — Какие новости?

Доктор Праути ухмыльнулся, сложился пополам и осторожно поместил свое длинное тело в самое удобное кресло.

— Небось вы хотите знать насчет Халкиса? В этом направлении все в порядке. Свидетельство доктора Фроста — чистая правда. Никаких признаков насилия. Сердце у него было паршивое, и оно не выдержало.

— Нет следов яда?

— Ни малейших. Все о'кей. Теперь перейдем ко второму трупу. — Доктор Праути энергично почавкал сигарой. — Все указывает, что смерть наступила раньше, чем у Халкиса. Долго рассказывать. — Он усмехнулся. — Тут уйма обстоятельств, и делать четкое заключение рискованно. Потеря тепла тела в этом случае дает нам не так много. Но мы кое-что получили от трупных изменений в мышцах и мертвенной бледности. Зеленое пятно на поверхности и внутри брюшной полости из-за химико-бактериального действия хорошо разви-

то, а число и расположение мертвенно-бледных, гнилостных пятен внутри и снаружи соответствуют приблизительно семидневному периоду до вчерашнего вечера. Давление газов, вынужденные слизистые выделения изо рта и ноздрей, внутреннее разложение дыхательного горла, некоторые признаки в желудке, кишечнике и селезенке — все это соответствует уже упомянутому периоду. Кожа натянута, но начинает слабеть в области наибольшего вздутия — брюшной полости. Зловонные газы, особенная тяжесть внизу — да, я сказал бы, что мистер Альберт Гримшоу был убит за шесть с половиной суток до эксгумации, произведенной вчера утром.

— Иначе говоря, — уточнил инспектор, — Гримшоу был задушен поздно вечером в пятницу или в начале ночи в субботу.

— Верно. Я бы сказал, что естественный процесс разложения немного замедлился. Не удивлюсь, если вы установите, что до захоронения в гробу Халкиса тело содержалось в сухом месте с очень слабым доступом воздуха.

Эллери чувствовал себя неуютно.

— Не очень приятное занятие. Наши бессмертные души, по-видимому, помещены в очень ненадежные тела.

— О, это вы расстроились из-за того, что разложение наступает так быстро? — Доктора Праути это позабавило. — Могу вам кое-что сообщить в утешение. Матка женщины остается не затронутой разложением до семи месяцев после смерти.

— Если это вы называете утешением...

Инспектор перебил:

— Нет ли сомнений, док, что Гримшоу умер от удушения?

— Никаких. Кто-то задушил его голыми руками. Следы пальцев проявились довольно хорошо.

— Доктор. — Эллери откинулся в кресле, лениво покуривая. — А как с той пробой стоялой воды, что я вам дал?

— Ах это! — Помощник судмедэксперта заскучал. — Видите ли, некоторые соли — главным образом, соли кальция — присутствуют в любой жесткой воде. Наша питьевая вода, как вам известно, жесткая. А кипячение осаждает эти соли. Нетрудно провести химический анализ и по осадку в содержимом определить, кипяченая это вода или нет. Я могу абсолютно уверенно утверждать, что полученная от вас проба показывает кипячение и, более того, после нагревания исходной воды сырая вода в нее не добавлялась.

— Благослови Господь вашу ученую голову,

доктор, — пробормотал Эллери.

— Да ладно. Что-нибудь еще?

— Нет, и огромное вам спасибо, док, — сказал инспектор.

Доктор Праути раскрутился, словно кобра, и моментально исчез.

— Теперь посмотрим, как обстоят наши дела, — начал старик, оживленно потирая руки. Он заглянул в свои заметки. — Этот парень Вриленд. Его поездка в Квебек подтверждается показанием проводников поезда, корешком билета, регистрацией в отеле, временем отъезда и прочим. Гм... Деметриос Халкис. Провел весь день в кабинете доктора Беллоуза — имеется в виду та суббота... Отчет об отпечатках пальцев в доме Халкиса ничего не дает. Отпечатки Гримшоу обнаружены на письменном столе в библиотеке вместе с многими другими отпечатками. Вероятно, каждый из домочадцев в то или иное время касался стола, особенно в ходе поисков завещания. Отпечатки на гробе — тоже ничего. Много смазанных и четких пальчиков, но, когда гроб стоял в гостиной, к нему подходили все, и присутствие чьих-либо отпечатков нельзя вменить в вину их владельцам... Томас, что Пигготт обнаружил у Баррета?

— Все соответствует, — отозвался Вели. — Пиг-

готт нашел служащего, принявшего телефонный заказ. Служащий сказал, что сам Халкис — и он божится, что это был Халкис, с которым он много раз говорил по телефону, — позвонил в прошлую субботу утром и заказал полдюжины красных муаровых галстуков. Время и манера заказа вопросов не вызывают. Посыльный Баррета показал квитанцию с подписью Уикса, получившего пакет. Все в полном порядке.

— Ну, тебя это должно удовлетворить, — зло сказал инспектор сыну, — хотя какой в этом толк, мне понять не дано.

— А что с пустым домом, сержант? — спросил Пеппер. — Ордер получили?

— Все было зазря, — буркнул инспектор.

— Ордер-то мы получили, но Риттер, один из наших людей, обыскал эту развалину и говорит, что там и искать-то нечего, — гудел Вели. — Дом действительно пуст — никакой мебели, кроме разбитого сундука в подвале. Риттер сказал, что ничего не нашел.

— Риттер, да? — прошептал Эллери, щурясь в табачном дыму.

— А теперь... — инспектор взял со стола еще один лист бумаги, — вот и сам Гримшоу.

— Да, шеф особенно меня просил узнать, что вы

на него накопали, — сказал Пеппер.

— Много накопали, — мрачно произнес инспектор. — Освобожден из Синг-Синг двадцать восьмого сентября, то есть на той неделе, когда и был убит. Срок ему за хорошее поведение не сокращали. А посадили его за подделку на пять лет. Три года после преступления он находился на свободе, был в бегах, его никак не могли разыскать. Еще раньше, пятнадцать лет назад, он был приговорен к двум годам заключения за неудавшуюся попытку кражи картины из Чикагского музея, где он работал в обслуживании.

— Это я и имел в виду, когда говорил, что он делал успехи не только в изготовлении фальшивок, — заметил Пеппер.

Эллери насторожился:

— Музейный вор? Вас не поражает такое чересчур счастливое совпадение? Встречаются крупный торговец произведениями искусства и музейный вор...

— В этом что-то есть, — проурчал инспектор. — Что касается его передвижений после двадцать восьмого сентября, то их проследили от Синг-Синг до отеля «Бенедикт» на Западной Сорок девятой улице — так, третьеразрядная забегаловка, — где он зарегистрировался под собственным именем

Гримшоу.

— Кажется, он не пользовался псевдонимами, — сказал Пеппер. — Наглый плут.

— Поговорили с людьми в отеле? — спросил Эллери. Вели ответил:

— Из дневного портье и менеджера ничего вытянуть не удалось. Я вызвал ночного портье, он скоро должен быть здесь. Может, что-то знает.

— А больше ничего о его телодвижениях, инспектор? — спросил Пеппер.

— Есть, сэр. Его видели с женщиной в баре на Западной Сорок пятой улице, он там раньше часто болтался. Это было на прошлой неделе, в среду, на другой день после освобождения. Шик здесь, Томас?

— Ждет за дверью. — Вели поднялся и вышел из комнаты.

— Кто это — Шик? — спросил Эллери.

— Владелец бара. Старый знакомец.

Вели вернулся, ведя на буксире крепкого, краснолицего мужчину такого, знаете, типа: «А! Привет, парень, рад тебя видеть!» Но сейчас во всю ширь его физиономии было крупно написано: «Бывший бармен». Он сильно нервничал.

— Д-добр-утро, инспектор. Денек-то, а?

— Так себе, — буркнул старик. — Садись, Барни.

Хочу задать тебе несколько вопросов.

Шик вытер пот, струившийся с лица.

— Об этом толкуете, инспектор, да? Что-то личное?

— О чем ты? А, выпивка?[14] Черт с ней, нет. — Инспектор резко хлопнул по столу. — Слушай меня, Барни. Мы знаем, что некто Альберт Гримшоу, только что выпущенный из тюрьмы, на прошлой неделе в среду вечером посетил твой кабак. Так?

— Должно быть, так, инспектор. — Шик тревожно заерзал. — Парень, которого кокнули, да?

— Я уже сказал, кто меня интересует, и ты все слышал. В ту ночь его видели с какой-то женщиной. Что ты о ней знаешь?

— Ну, инспектор, скажу я вам, это полный отпад, — доверительно забасил Шик. — Я эту девку не знаю, никогда ее раньше не видел.

— Как она выглядит?

— Массивная дама. Здоровая такая блондинка. Почти туша. Я бы дал ей лет тридцать пять. И мешки под фонарями.

— Дальше. Что было-то?

— Они появились часов в девять — довольно

---

**[14] ПРИМЕЧАНИЯ: 14**

Действие романа происходит во время «сухого закона», действовавшего в США с 1920-го по 1933 год.

рано, делать у нас в это время нечего. — Шик кашлянул. — Сели. Гримшоу заказал небольшую порцию. Дама ничего не захотела. Очень скоро они начали ругаться, ну, форменная битва, я вам скажу. Мне было не разобрать, что они говорят, хотя уловил имя дамы — он называл ее Лили. Похоже, он старался уломать ее что-то сделать, а она ни в какую. И вдруг она вскакивает, посылает все к черту и выходит из заведения, а он вроде как в дураках. Он переживал и говорил сам с собой. Еще пять — десять минут посидел, потом смылся. Вот и все, инспектор.

— Лили, говоришь, крупная блондинка? — Инспектор взялся за свой аккуратный подбородочек и глубоко задумался. — Хорошо, Барни. Приходил ли Гримшоу еще после того вечера в среду?

— Нет. Могу присягнуть, инспектор, — не задумываясь сказал Шик.

— Ладно. Пошел вон.

Шик проворно поднялся и быстрой рысью покинул кабинет.

— Хотите, чтобы я взялся за версию крупной блондинки? — пробормотал Вели.

— И срочно, Томас. Возможно, он был с ней связан до того, как его сцапали. Если они ссорились, то это наверняка означает, что они знакомы

давно, а не один день, проведенный им на воле. Поищи в его досье.

Вели вышел, но вернулся, подталкивая перед собой бледного молодого человека с бегающими глазами.

— Это Белл, ночной портье из «Бенедикта», шеф. Иди, иди, парень, никто тебя не укусит. — Он пихнул Белла на стул и навис над ним.

Инспектор сделал знак, чтобы Вели отошел в сторону.

— Все в порядке, Белл, — сердечно произнес он. — Вы среди друзей. Нам просто нужно получить немного информации. Давно вы дежурите по ночам в отеле «Бенедикт»?

— Четыре с половиной года, сэр. — Портье мял пальцами фетровую шляпу.

— Двадцать восьмого сентября начиналось ваше дежурство?

— Да, сэр, я не пропустил ни одной ночи в...

— Знали вы остановившегося у вас человека по имени Альберт Гримшоу?

— Да, сэр, знал. Этого человека, как пишут в газетах, нашли убитым на церковном кладбище на Пятьдесят четвертой улице.

— Прекрасно, Белл. Рад, что вы хорошо осведомлены. Это вы его регистрировали?

— Нет, сэр. Дневной портье.

— Тогда откуда же вы его знаете?

— Это забавная история, сэр. — Белл уже утратил часть своей боязливости. — На той неделе, когда он проживал у нас, однажды вечером случилось кое-что... ну, подозрительное, что ли, и поэтому я его запомнил.

— Когда конкретно? — вцепился инспектор. — И что именно случилось?

— Вечером в тот четверг.

— Ха!

— Да, сэр, в тот вечер с Гримшоу захотели повидаться пять человек. И все в течение примерно получаса или чуть больше.

Инспектор держался великолепно. Он откинулся назад и взял понюшку табаку, словно сообщение Белла не имело никакого значения.

— Продолжайте, Белл.

— Часов в десять вечера я увидел, как Гримшоу вошел в вестибюль с улицы вместе с каким-то мужчиной. Они шли рядом и быстро разговаривали, будто спешили. О чем они говорили, я не разобрал.

— Как выглядел попутчик Гримшоу? — спросил Пеппер.

— Не могу сказать, сэр. Он был весь закутан...

— Ха! — второй раз воскликнул инспектор.

— ...весь закутан. Наверное, не хотел, чтобы его узнали. Если увижу его снова, то, может быть, и узнаю, но поклясться не смогу. Как бы то ни было, они прошли в лифт, и больше я их не видел.

— Одну минуту, Белл. — Инспектор повернулся к сержанту: — Давай сюда ночного лифтера.

— Я его уже вызвал, шеф, — сказал Вели. — Хессе должен его доставить с минуты на минуту.

— Чудесно. Вперед, Белл.

— Как я говорил, было около десяти часов. Практически сразу же — точнее, пока Гримшоу с приятелем еще ждали лифта — вошел еще один мужчина, подошел к стойке и спросил Гримшоу. Он интересовался, какой у него номер. Я сказал: «Вот он, сэр», но тут они вошли в лифт, и я сказал: «У него номер 314». Этот мужчина выглядел как-то чудно, как будто нервничал. Ну, он пошел к лифту и стал ждать, пока кабина спустится. Лифт один только у нас, — не вполне правильно грамматически добавил Белл. — «Бенедикт» — маленький отель.

— И?..

— И, сэр, где-то через минуту я заметил, что по вестибюлю слоняется женщина и тоже нервничает. Тут она подходит к стойке и спрашивает:

«У вас есть свободная комната рядом с номером 314?» Я догадался, что она слышала наш разговор с мужчиной, подошедшим перед ней. Что-то здесь не так, подумал я и стал принюхиваться. Особенно когда заметил, что никакого багажа у нее нет. По счастью, у нас пустовал номер 316, соседний с комнатой Гримшоу. Я взял ключ и крикнул коридорному: «Встречай!» — но нет, она отказалась от его услуг, говорит, хочу подняться сама и все такое. Я дал ей ключ, и она вошла в лифт. А того мужчины уже не было.

— Как она выглядела?

— Если бы увидел ее снова, то, наверное, смог бы узнать. Небольшого роста, плотная, средних лет.

— Под каким именем она зарегистрировалась?

— Миссис Дж. Стоун. Кажется, она пыталась изменить почерк. Писала коряво, но явно нарочно.

— Блондинка?

— Нет, сэр. Черные волосы, начинающие седеть. Да, так вот, она заплатила за одну ночь вперед — за комнату без ванной, — поэтому я сказал себе: «Внимание. В наше время эта работа может быть опасной, если...»

— Стоп, стоп, не отклоняйтесь от сути. Вы сказали, что всего их было пятеро. Расскажите об

остальных двоих.

— Хорошо, сэр. В следующие пятнадцать — двадцать минут к стойке подходили еще двое мужчин и спрашивали, проживает ли здесь Альберт Гримшоу. И если проживает, то в каком номере.

— Они были вместе?

— Нет, сэр. Порознь, с интервалом в пять или десять минут.

— А этих двоих вы сможете опознать?

— Уверен. Знаете, — Белл заговорил доверительным тоном, — меня поразило, как все они нервничали, словно боялись, как бы их не увидели. Даже тот самый первый тип, который пришел вместе с Гримшоу, вел себя очень странно.

— Вы видели, как эти люди уходили из отеля?

Прыщеватое лицо Белла вытянулось.

— Наверное, я заслуживаю наказания, сэр. Я должен был понаблюдать. Но сразу после этого у нас возникла суета — выезжала целая группа девушек, выступающих в шоу, — вот, наверное, пока я был занят с ними, все и ушли.

— А женщина? Когда она выписалась?

— Это еще один чудной момент. Когда я пришел на работу на следующий вечер, дневной портье мне и говорит: горничная доложила, что в 316-м

номере на постели никто не спал. А ключ, как полагается, торчал в двери. Должно быть, она передумала оставаться. Поскольку она заплатила вперед, то все в порядке.

— Что можно сказать о других вечерах: в среду, в пятницу? У Гримшоу были посетители?

— Не могу сказать, сэр, — извиняющимся тоном ответил ночной портье. — Я знаю только, что у стойки никто о нем не спрашивал. Он освободил номер в пятницу вечером, около девяти часов, и нового адреса не оставил. У него тоже не было никакого багажа — и это еще одно обстоятельство, которое заставило меня его запомнить.

— Надо бы взглянуть на эту комнату, — пробормотал инспектор. — Кто-нибудь занимал комнату 314 после отъезда Гримшоу?

— Да, сэр. С тех пор как он выехал, ее занимали три разных клиента.

— Уборка производилась ежедневно?

— О да.

Пеппер безутешно покачал головой:

— Если что-то там и было, то теперь уж вы ничего не найдете.

— Да, тем более через неделю.

— Гм... Белл, — медлительно произнес Эллери, — а в номере Гримшоу была ванная?

— Да, сэр.

Инспектор откинулся назад.

— Что-то мне подсказывает, — добродушно сказал он, — что нам предстоят активные действия. Томас, через час собери всех, кто связан с этим делом, в доме 11 по Пятьдесят четвертой улице.

Когда Вели вышел, Пеппер пробормотал:

— Боже мой, инспектор, если окажется, что в числе пяти гостей Гримшоу есть люди, уже связанные с этим делом, мы получим такую неразбериху! И это после того, как все заявили, что никогда не видели Гримшоу.

— Запутанное дело, да? — Инспектор заставил себя усмехнуться. — Никуда не денешься, такова жизнь.

— Ох, папа! — простонал Эллери.

Белл изумленно переводил взгляд с одного лица на другое. Загрохотали ботинки Вели.

— Все устроено. И еще Хессе ждет с ночным лифтером из «Бенедикта».

— Давай его сюда.

Ночным лифтером из «Бенедикта» оказался молодой негр, лиловый от страха.

— Как тебя зовут, сынок?

— Уайт[15], са. У-у-уайт.

— О господи, — сказал инспектор. — Хорошо, Уайт, ты помнишь человека по фамилии Гримшоу, он останавливался в отеле «Бенедикт»?

— За-задушенного джентльмена, са?

— Да.

— Д-да, са, п-помню, — выстучал зубами Уайт. — Хорошо помню.

— Помнишь, как в четверг вечером он вошел к тебе в лифт в компании с другим мужчиной?

— Да, са. Конечно.

— Как выглядел другой человек?

— Понятия не имею, кэп. Нет, са. Не помню, как он выглядел.

— Помнишь хоть что-нибудь? Поднимал наверх других людей, выходивших на этаже Гримшоу?

— Я поднимал наверх много-много людей, капитан. Миллионы, кажется. Все время поднимаю наверх людей, са. Только помню, как поднимаю миста Гримшоу и его друга и они выходят на третьем этаже и, вижу, входят в 314-й, закрывают дверь. 314-й совсем рядом с лифтом, са.

— О чем они говорили в лифте?

Негр застонал.

---

**[15] ПРИМЕЧАНИЯ: 15**
Уайт (англ. white) — белый.

— Голова у меня пустая, са. Ничего не могу упомнить.

— Какой голос был у второго мужчины?

— Я... не знаю, са.

— Ладно, Уайт. Можешь идти.

Уайт пропал мгновенно.

Инспектор встал, надел пальто и сказал Беллу:

— Подождите меня здесь. Я вернусь скоро — хочу, чтобы вы опознали для меня кое-кого, если сможете.

Пеппер смотрел в стену.

— Знаете, мистер Квин, — сказал он Эллери. — Я по уши увяз во всем этом. Шеф все взвалил на мои плечи. Моя цель — завещание, но, похоже, мы его так и не найдем. Где же, черт побери, это завещание?

— Пеппер, дружище, — сказал Эллери, — боюсь, что завещание перешло в категорию не поддающихся логике вещей. Я отказываюсь опровергать свой собственный хитроумный вывод — если уж я называю его так сам, — что завещание было брошено в гроб и похоронено вместе с Халкисом.

— Когда вы это объясняли, казалось, что все так и есть.

— Я в этом убежден. — Эллери прикурил следующую сигарету и глубоко затянулся. — В этом

случае я могу сказать, у кого находится завещание, если оно еще существует.

— Вы? — Пеппер явно не верил. — Не улавливаю. И у кого же?

— Пеппер, — со вздохом ответил Эллери, — это задачка для младенца. У кого же еще, как не у того, кто похоронил Гримшоу?

## Глава 13
## ОПОЗНАНИЕ

У инспектора Квина были все резоны запомнить это прекрасное, яркое сияющее октябрьское утро. Оно также стало, можно сказать, праздником для молодого Белла, отельного клерка без мании величия, но с сильной тягой к оному. Миссис Слоун это утро принесло одно беспокойство. Можно лишь смутно предположить, что оно принесло другим, — но «другим» за исключением мисс Джоан Бретт.

С учетом всех обстоятельств мисс Джоан Бретт пережила ужасное утро. Ничего удивительного, что она была обижена и обида пролилась чистыми, как жемчуг, слезами. И без того нелегкая судьба, по-видимому, решила, в своей обычной бесцельной манере, стать еще тяжелее. Пара-

доксально, что, несмотря на обильную поливку слезами, почва все-таки едва ли была подготовлена к засеиванию семенами нежной страсти.

Короче говоря, такое было чересчур даже для дочери доблестного британского героя.

И все это началось с исчезновения молодого Алана Чини.

Отсутствие Чини сначала не бросилось в глаза инспектору. Расположившись в библиотеке Халкиса, он провел смотр своих сил и приказал ввести жертвы. Его внимание было целиком поглощено наблюдением за индивидуальной реакцией. Белл — с зорким взглядом и чувством собственной значимости — стоял у кресла инспектора, как воплощение справедливости закона. Они медленно входили один за другим — Гилберт Слоун и Насио Суиза, безупречный директор частной художественной галереи Халкиса, миссис Слоун, Демми, Вриленды, доктор Уордс и Джоан. Вудраф немного запоздал. Уикс и миссис Симмс встали у стены, постаравшись найти место как можно дальше от инспектора... И когда все вошли, острые глазки Белла сузились, руки пришли в движение, губы свирепо задрожали, и в довершение всего он несколько раз торжествующе кивнул, неумолимый, словно

отпрыск фурии.

Никто не произносил ни слова. Каждый при взгляде на Белла тут же отводил глаза.

Инспектор с суровым видом причмокнул.

— Рассаживайтесь, пожалуйста. Ну, Белл, мой мальчик, видишь ли ты в этой комнате кого-либо из тех, кто посещал Альберта Гримшоу вечером в четверг, тридцатого сентября, в отеле «Бенедикт»?

Кто-то тяжело вздохнул. Быстро, как змея, инспектор повернул голову на звук, но виновник мгновенно затаился. Одни были равнодушны, другие заинтересованы, третьи вообще утомлены всем на свете.

Белл распорядился своим шансом наилучшим образом. С громким хлопком он сложил руки за спиной и начал прогуливаться по комнате перед усевшейся компанией, разглядывая ее критически, очень критически. Наконец он победоносно указал на франтоватую фигуру... Гилберта Слоуна.

— Вот один из них, — с живостью произнес он.

— Так. — Инспектор угостился понюшкой, держась довольно невозмутимо. — Меня это не удивляет. Ну, мистер Гилберт Слоун, мы вас поймали на маленькой невинной лжи. Вчера вы

сказали, что никогда прежде не видели Альберта Гримшоу в лицо. Теперь ночной портье отеля, где останавливался Гримшоу, указал на вас как на человека, посетившего Гримшоу вечером накануне убийства. Что вы можете сообщить от себя?

Слоун слабо шевельнулся, как рыба в траве.

— Я... — начал он, но голос пресекся, горло перехватило, и Слоун замолчал, чтобы очень старательно его прочистить. — Я не знаю, инспектор, о чем говорит этот человек. Несомненно, здесь какая-то ошибка...

— Ошибка? Вот как. — Инспектор обдумал ответ, затем сардонически подмигнул. — Вы, конечно, не берете пример с мисс Бретт, Слоун? Вспомните, что вчера она высказывалась точно теми же словами...

Слоун что-то промямлил, а Джоан вспыхнула, но продолжала сидеть неподвижно, глядя прямо перед собой.

— Белл, это ошибка или вы действительно видели этого человека в тот вечер?

— Я видел его, сэр, — сказал Белл. — Его.

— Ну, Слоун?

Слоун с вызовом закинул ногу на ногу.

— Это же... это просто смешно. Я ничего об этом не знаю.

Инспектор Квин улыбнулся и повернулся к Беллу:

— Которым из них он был?

Белл смутился.

— Точно не помню, каким он был по счету. Но уверен, что он был одним из них, сэр! Абсолютно уверен!

— Видите ли... — энергично начал Слоун.

— Я уделю вам внимание в другой раз, мистер Слоун. — Инспектор махнул рукой: — Дальше, Белл. Кто-нибудь еще?

Выпятив грудь, Белл снова начал прохаживаться с видом охотника на крупного зверя.

— Да! — сказал он. — Тут я могу присягнуть.

И он так резко метнулся через комнату, что миссис Вриленд испустила сдавленный вопль.

— Вот! Вот та самая леди! — кричал Белл. Он указывал на Дельфину Слоун.

— Гм... — Инспектор сложил руки на груди. — Что, миссис Слоун, я полагаю, вы тоже не знаете, о чем мы говорим?

Кровь медленно, но обильно прихлынула к белым как мел щекам женщины. Она несколько раз облизнула губы.

— Нет, инспектор. Не знаю.

— И вы тоже говорили, что никогда ранее не

видели Гримшоу.

— Не видела! — исступленно закричала она. — Нет, нет!

Инспектор печально покачал головой, тем самым философски комментируя лживость свидетелей по делу Халкиса.

— Есть кто-то еще, Белл?

— Да, сэр.

Твердым шагом Белл пересек комнату и хлопнул по плечу доктора Уордса.

— Этого джентльмена я узнал бы в любом месте, сэр. Невозможно забыть его густую каштановую бороду.

Инспектор был неподдельно изумлен. Он уставился на английского врача, а английский врач уставился на него, никак не изменив выражения лица.

— Которым он был?

— Самым последним, — уверенно ответил Белл.

— Разумеется, — сказал доктор Уордс холодным, как всегда, тоном, — вы должны понимать, инспектор, что это вздор. Сущая чепуха. Что могло меня связывать с вашим американским преступником? Какие мотивы могли побудить меня встречаться с этим типом, даже если я его знал?

— Вы меня спрашиваете, доктор Уордс? — Старик улыбнулся. — Это я спрашиваю вас. Вы идентифицированы человеком, который общается с тысячами людей, человеком, чья профессия учит запоминать лица. И, как сказал Белл, запомнить вас совсем нетрудно. Так что, сэр?

Доктор Уордс вздохнул:

— Мне кажется, инспектор, что сама... да, особенность этой моей несчастной косматой физиономии предоставляет мне убедительную возможность для опровержения. Черт побери, сэр, неужели вы не понимаете, что изобразить меня проще простого — нужно лишь приладить такую же бороду?

— Браво, — шепнул Эллери Пепперу. — Наш лекарь быстро соображает.

— Слишком быстро, — так же тихо отозвался Пеппер.

— Это очень умно, доктор, действительно очень умно, — оценил инспектор. — И довольно справедливо. Очень хорошо, мы принимаем ваше высказывание и согласны, что вас изобразил кто-то другой. Все, что от вас требуется, сэр, — отчитаться в своих перемещениях вечером тридцатого сентября в то время, когда кто-то разыгрывал вашу роль. Итак?

Доктор Уордс нахмурился:

— Четверг... вечером... Дайте подумать. — Он погрузился в размышления, затем пожал плечами. — Ну нет, инспектор, это не по правилам. Как вы можете предполагать, что я вспомню, где был в определенный час более недели назад?

— Вы же вспомнили, где были вечером в ту пятницу, когда я вас об этом спросил, — сухо заметил инспектор. — Впрочем, вашу память требуется немного встряхнуть...

Звук голоса Джоан заставил его, как и всех остальных, повернуться. Сидя на краешке стула, она натянуто улыбалась.

— Дорогой доктор, — сказала она. — Я должна сказать, что вы или чересчур галантны, или же... Вчера вы по-рыцарски защищали миссис Вриленд, а теперь пытаетесь сберечь мою несчастную подпорченную репутацию. Или и правда забыли?

— Боже мой! — внезапно воскликнул доктор Уордс, и его карие глаза загорелись. — Вот глупец, какой же я глупец, Джоан. Видите ли, инспектор, — какая все же любопытная вещь человеческая память, да? — видите ли, сэр, в прошлый четверг в это время я был с мисс Бретт!

— Вот как? — Инспектор медленно перевел

взгляд с врача на Джоан. — Очень мило.

— Да, — заторопилась Джоан. — Это было после того, как я видела, что горничная впустила в дом Гримшоу. Я вернулась к себе, а доктор Уордс постучал в дверь и спросил, не хочу ли я прогуляться куда-нибудь в город...

— Конечно, — пробормотал англичанин, — и мы вскоре вышли из дому, доплелись до какого-то кафе на Пятьдесят седьмой улице — не могу припомнить, как оно называлось, — и весело провели вечер. Вернулись мы, кажется, в полночь, так, Джоан?

— По-моему, так, доктор.

Старик проворчал:

— Очень мило. Очень... Ну, Белл, вы все-таки думаете, что вот этот сидящий здесь человек и был тем самым последним посетителем?

— Я знаю, что это он, — упрямо сказал Белл.

Доктор Уордс хрюкнул, и инспектор, подпрыгнув, вскочил на ноги. Его добродушия как не бывало.

— Белл, — рявкнул он, — это отчет — будем называть это «отчетом» — за троих: Слоун, миссис Слоун, доктор Уордс! А еще двое мужчин? Вы видите кого-то из них здесь?

Белл помотал головой:

— Я уверен, что среди сидящих здесь джентльменов ни одного из них нет, сэр. Один из тех двоих был очень высокий — почти гигант. У него были седеющие волосы, красное лицо, типа обожженное на солнце, а выговор как у ирландца. Сейчас не могу вспомнить, пришел ли он между этой дамой и этим джентльменом, — он показал на миссис Слоун и доктора Уордса, — или был одним из первых двоих.

— Высокий ирландец, — пробормотал инспектор. — Каким образом он-то возник? В этом деле не было человека с таким описанием... Хорошо, Белл. Раскладываем ситуацию. Гримшоу входит вместе с мужчиной — с закутанным мужчиной. Затем появляется еще один. Затем входит миссис Слоун. За ней следующий мужчина, и под конец доктор Уордс. Двое из троих оставшихся — это присутствующий здесь Слоун и высокий ирландец. А третий? Есть ли здесь кто-нибудь, похожий на него?

— Правда не знаю, сэр, — с сожалением произнес Белл. — У меня все смешалось. Возможно, этот мистер Слоун был закутан, и, может быть, другой — недостающий — пришел позднее. Я... я...

— Белл! — прогремел инспектор.

Белл вздрогнул.

— Нельзя допустить, чтобы все так и осталось. Ты что, не уверен?

— Я... Нет, сэр, нет.

Инспектор угрюмо огляделся, оценивая аудиторию по шкале своих проницательных старых глаз. Было ясно, что он осматривает комнату в поисках человека, чье описание Белл не вспомнил. И вот в его глазах вспыхнул неистовый блеск, и он проревел:

— Проклятие! Я знал, что кого-то не хватает. Чувствовал! Чини! Где этот щенок Чини?

В ответ пустые взгляды.

— Томас! Кто дежурил у парадной двери?

Вели с виноватым видом вскочил и очень тихо сказал:

— Флинт, инспектор... Квин.

Эллери спрятал улыбку. Прежде он ни разу не слышал, чтобы поседевший на службе бывалый сержант обращался к старику так официально. Судя по бледности, Вели откровенно испугался.

— Достать его!

Вели выскочил с такой скоростью, что инспектор, исторгавший из недр своего крохотного существа страшное рычание, даже чуть приутих. Сержант привел дрожащего Флинта — почти такого же внушительного, как он сам, но в данный

момент просто сильно перепуганного.

— Ну, Флинт, — угрожающим тоном произнес инспектор, — входи. Входи!

Флинт заладил:

— Да, шеф. Да, шеф.

— Флинт, ты видел, как Алан Чини выходил из дома?

Флинт судорожно дернул кадыком.

— Да, сэр. Да, шеф.

— Когда?

— Вчера вечером, шеф. В одиннадцать пятнадцать, шеф.

— Куда он направлялся?

— Он что-то сказал про клуб в центре города.

Инспектор спокойно спросил:

— Миссис Слоун, ваш сын принадлежит к какому-нибудь клубу?

С трагическим видом Дельфина Слоун заламывала руки.

— Нет, инспектор, нет. Не могу понять...

— Когда он вернулся, Флинт?

— Он... не возвращался, шеф.

— Не возвращался? — Голос инспектора стал еще спокойнее. — Почему же ты не доложил об этом сержанту Вели?

Флинт умирал в муках.

— Я-а... как раз собирался доложить, шеф. Я заступил вчера в одиннадцать, и меня должны сменить через пару минут. Я собирался доложить об этом, шеф. Подумал, может, он где-то загулял. И вообще, шеф, у него не было никаких вещей, ничего такого...

— Подожди меня за дверью. Я еще займусь тобой, — проговорил старик все тем же вселяющим ужас, ровным голосом.

Флинт вышел с видом приговоренного к смерти[16].

Сержант Вели дергал посиневшей щекой и бубнил:

— Это не Флинт виноват, инспектор Квин. Это моя вина. Вы велели мне собрать всех. Я должен был сам это сделать — мы бы спохватились раньше...

— Заткнись, Томас. Миссис Слоун, у вашего сына есть счет в банке?

Дрожащим голосом она сказала:

— Да. Да, инспектор. В Коммерческом нацио-

---

**[16] ПРИМЕЧАНИЯ: 16**

К сведению читателей мистера Квина, которым сотрудники инспектора Квина знакомы по уже опубликованным романам, следует заметить, что за свой провал детектив Флинт был наказан и переведен из отдела по расследованию убийств. Позднее, помешав дерзкой краже, он был восстановлен в должности. Хронологически настоящее дело является самым ранним из представленных до сих пор публике. (Примеч. Дж. Дж. Мак-К.)

нальном банке.

— Томас, позвони в Коммерческий национальный банк и узнай, снимал ли Алан Чини сегодня утром деньги.

Чтобы подойти к столу, сержанту Вели нужно было протиснуться мимо Джоан Бретт. Он пробормотал извинения, но она не двинулась. И даже Вели, поглощенного личными невзгодами, поразили ужас и отчаяние в глазах девушки. Стиснув руки на коленях, она едва дышала. Вели потер свою бульдожью челюсть и обошел ее стул кругом. Сняв телефонную трубку, он все еще не сводил с нее взгляда, но теперь уже обычного своего тяжелого взгляда.

— Вы можете предположить, мадам, — отрывисто спросил инспектор у миссис Слоун, — куда направился ваш сын?

— Нет. Я... Вы же не думаете...

— А вы, Слоун? Мальчик ничего не говорил вам вчера, куда он собрался?

— Ни слова. Я не могу...

— Ну, Томас? — нетерпеливо крикнул инспектор. — Каков ответ?

— Выясняют. — Вели произнес в трубку несколько кратких фраз, пару раз кивнул и, наконец, положил трубку. Засунув руки в карманы, он спо-

койно сказал: — Улетела пташка, шеф. Очистил свой счет в банке в девять утра.

— Вот черт, — сказал инспектор.

Дельфина Слоун поднялась с кресла, помедлила, окинула комнату диким взглядом и, когда Гилберт Слоун коснулся ее руки, опять села.

— Подробности известны?

— У него было четыре тысячи двести. Закрыл счет и получил деньги мелкими купюрами. В руке держал небольшой кейс, на вид новый. Ничего не объяснял.

Инспектор подошел к двери.

— Хэгстром!

Появился детектив скандинавской внешности, держался он нервно, возбужденно.

— Алан Чини сбежал. В девять часов утра забрал в Коммерческом национальном банке четыре тысячи двести долларов. Найди его. Для начала узнай, где он провел ночь. Получи ордер и держи его при себе. Сядь ему на хвост. Возьми помощников. Может быть, он попытается уехать из штата. Оставляй следы, Хэгстром.

Хэгстром исчез, и Вели вслед за ним.

Инспектор опять повернулся к остальным, но на этот раз уже никакой благожелательности в нем не замечалось.

— Мисс Бретт, до сих пор вы участвовали почти во всем, что здесь происходило. Вы знаете что-нибудь о бегстве молодого Чини?

— Ничего, инспектор, — тихо ответила она.

— Ну, кто-нибудь! — рявкнул старик. — Почему он удрал? Что за всем этим стоит?

Вопросы. Предостережения. Невидимые, но кровоточащие внутри раны... И минуты, бегущие одна за другой. Дельфина Слоун рыдала:

— Конечно... инспектор... вы не... вы ведь не могли подумать... Мой Алан еще ребенок, инспектор. Ох, он же не... Здесь что-то не так, инспектор! Что-то не так!

— Из ваших слов, миссис Слоун, я ничего не понял, — сказал инспектор с жутковатой усмешкой и повернулся, так как в дверном проеме, как Немезида, возник сержант Вели. — В чем дело, Томас?

Вели вытянул вперед огромную ручищу с маленьким листком бумаги. Инспектор вырвал у него листок.

— Что это?

Тут же подоспели Эллери с Пеппером, и втроем они прочли несколько небрежно написанных строк. Инспектор посмотрел на Вели. Вели отвел инспектора в угол. Инспектор задал единствен-

ный вопрос, и Вели лаконично ответил, после чего они вернулись на середину комнаты.

— Позвольте, леди и джентльмены, кое-что вам прочитать.

Все напряженно подались вперед, едва дыша. Инспектор сообщил:

— Я держу в руке записку, обнаруженную сержантом Вели в этом доме. Она подписана Аланом Чини. — Инспектор начал читать медленно и выразительно: — «Я ухожу. Возможно, навсегда. При сложившихся обстоятельствах... Но какой смысл? Все так перепуталось, и я просто не могу сказать, что... Прощайте. Мне вообще не следовало писать. Для вас это опасно. Пожалуйста, ради вашего блага — сожгите это. Алан».

Лицо миссис Слоун приобрело желтоватый оттенок. Она привстала с кресла, вскрикнула и потеряла сознание. Слоун успел подхватить ее обмякшее тело, повалившееся вперед. Комната взорвалась звуками — криками, возгласами. Инспектор наблюдал за происходящим, невозмутимый, как кот.

Наконец миссис Слоун удалось привести в чувство. Тогда инспектор подошел к ней и очень вежливо поднес бумагу к ее глазам.

— Это почерк вашего сына, миссис Слоун?

От ужаса ее рот широко раскрылся.

— Да. Бедный Алан. Бедный Алан. Да.

Инспектор громко произнес:

— Сержант Вели, где вы нашли эту записку?

Вели громыхнул:

— Наверху, в одной из спален. Ее засунули под матрац.

— И чья же это спальня?

— Спальня мисс Бретт.

Это было уже чересчур — для всех. Джоан закрыла глаза, чтобы загородиться от враждебных взглядов, невысказанных обвинений, скрытого торжества инспектора.

— Ну, мисс Бретт? — только и сказал он.

Тогда она открыла глаза, и он увидел, что они полны слез.

— Я... нашла ее сегодня утром. Она была подсунута под дверь моей комнаты.

— Почему вы сразу не сообщили?

Нет ответа.

— Почему вы ничего не сказали, когда обнаружилось отсутствие Чини?

Молчание.

— Но важнее всего следующий вопрос — что имел в виду Алан Чини, написав: «Для вас это опасно»?

После этого шлюзы, являющиеся анатомическим придатком деликатного устройства женского организма, стремительно открылись, и мисс Бретт потонула в жемчужных слезах, о которых мы уже упоминали. Она тряслась, всхлипывала, задыхалась, шмыгала носом — самая несчастная молодая женщина в это солнечное октябрьское утро во всем Манхэттене. Зрелище столь обнаженного горя заставило смутиться остальных. Миссис Симмс инстинктивно сделала шаг в сторону девушки, но слабохарактерно отступила назад. Доктор Уордс впервые так разгневался, его карие глаза прямо-таки метали молнии в инспектора. Эллери неодобрительно качал головой. Одного лишь инспектора это ничуть не растрогало.

— Ну, мисс Бретт?

В ответ она вскочила со стула, прикрывая рукой глаза, и без оглядки выбежала из комнаты. Было слышно, как она, спотыкаясь, поднимается по лестнице.

— Сержант Вели, — холодно сказал инспектор, — вы отвечаете за то, чтобы с этого момента за всеми передвижениями мисс Бретт велось тщательное наблюдение.

Эллери тронул отца за руку, и старик с лукавым

видом обернулся к нему. Чтобы другие не услышали, Эллери прошептал:

— Мой дорогой, уважаемый, даже почитаемый отец, вероятно, ты самый компетентный полицейский на свете, но как психолог... — И он печально покачал головой.

## Глава 14
## ГРЕЗЫ

Теперь мы увидим, что если до 9 октября Эллери Квин был лишь тенью, маячившей вокруг дела Халкиса, то в ту незабываемую субботу, достаточно насытив свое непредсказуемое естество, он основательно внедрился в самую суть задачи — уже не как наблюдатель, а как главное действующее лицо.

Наступило время откровений. Сцену возвели настолько безупречно, что он не мог устоять перед соблазном и бросился прямо в лучи прожекторов. Кроме того, не нужно забывать, что тогда Эллери был гораздо моложе и ощущал себя центром мироздания — такой космический эготизм обычно ассоциируется со студентами-второкурсниками. Жизнь прекрасна и удивительна: вот запутанная задачка, которую требуется решить,

извилистый лабиринт, через который следует уверенно пройти, и, чтобы добавить щепотку драматизма, слишком высокомерный окружной прокурор, которого хочется щелкнуть по носу.

Все началось, как впоследствии будут начинаться многие другие удивительные истории, в нерушимых стенах кабинета инспектора Квина на Сентр-стрит. Сэмпсон метался по комнате, как тигр, Пеппер пребывал в созерцательном настроении, сам же инспектор, провалившийся глубоко в кресло, полыхал огнем в серых глазах, сжав рот кошельком. Ну и кто из них способен сопротивляться, в самом-то деле? Особенно после того, как в разгар бесцельного сэмпсоновского пережевывания всем известных фактов вбежала секретарша инспектора Квина и, задыхаясь от волнения, объявила, что мистер Джеймс Дж. Нокс, сам Джеймс Дж. Нокс — обладатель многомиллионного состояния, Нокс — банкир, Нокс — король Уолл-стрит, Нокс — друг президента, — ожидает за дверью и требует видеть инспектора Ричарда Квина. После этого для сопротивления потребовались бы сверхчеловеческие усилия.

Нокс и правда был окутан легендами. Он пользовался миллионами и сопутствующей им властью, чтобы не приобретать публичность,

а избегать ее. Вот имя его было известно, но не он сам. Таким образом, по-человечески понятна реакция обоих Квинов, Сэмпсона и Пеппера, в едином порыве поднявшихся на ноги при появлении Нокса и выказавших больше почтения и волнения, чем предписывают строгие обычаи демократического общества. Великий человек подал им вялую руку и уселся, не дожидаясь приглашения.

Это был худой и нескладный верзила, в то время лет шестидесяти и уже заметно подрастерявший свою физическую мощь. Абсолютно белые волосы, брови и усы, дряблый рот и при этом молодые мраморно-серые глаза.

— Совещание? — спросил он. Голос оказался неожиданно — или обманчиво — мягким, тихим и нерешительным.

— А? Да-да, — поспешно ответил Сэмпсон. — Мы обсуждали дело Халкиса. Очень печальное дело, мистер Нокс.

— Да. — Нокс уперся взглядом в инспектора. — Прогресс?

— Есть немного. — У инспектора Квина был несчастный вид. — Все так перемешалось, мистер Нокс. Требуется распутать большой клубок. Не могу сказать, что мы увидели просвет, но, конеч-

но, есть предположения, гипотезы...

Вот он, момент. Тот момент, который молодой еще Эллери мог лишь рисовать в своем воображении, в грезах наяву, — сбитые с толку представители закона, присутствие влиятельного лица...

— Ты скромничаешь, папа, — заметил Эллери Квин. И пока ничего более. Только кротко пожурил отца, возразил жестом и чуть-чуть улыбнулся — ровно четверть улыбки. «Ты скромничаешь, папа» — так, будто инспектор знает, о чем говорит Эллери.

Инспектор Квин и правда уселся совершенно спокойно, и это изумило Сэмпсона. Великий человек переводил с Эллери на отца взгляд, в котором читался естественный вопрос. Пеппер смотрел на них, разинув рот.

— Видите ли, мистер Нокс, — продолжал Эллери тем же смиренным тоном («О, это идеально!», — подумал он), — понимаете, сэр, поскольку ландшафт все еще усыпан всяческим хламом, мой отец считает преждевременным говорить о том, что основная часть этого дела уже приняла определенно четкие формы.

— Не совсем вас понимаю. — Нокс его подбодрил.

— Эллери... — начал инспектор дрогнувшим голосом.

— Все кажется довольно ясным, мистер Нокс, — сказал Эллери, напустив на себя важности. («О небо, какой момент!» — подумал он.) — Дело разрешено.

Именно такие мгновения, выхваченные из стремительно летящего потока времени, приносят эгоисту наивысшее блаженство, ради них стоит жить! Эллери упивался — он исследовал изменение выражения на лицах инспектора, Сэмпсона и Пеппера, как ученый наблюдает за незнакомой, но предсказуемой реакцией в пробирке. Нокс конечно же ничего не схватил в разыгранной для него сцене. Ему просто было интересно.

— Убийца Гримшоу... — сдавленно проговорил окружной прокурор.

— Кто же он, мистер Квин? — мягко спросил Нокс.

Прежде чем ответить, Эллери закурил. Никогда не следует торопить развязку. Ее нужно лелеять до последнего драгоценного момента. Наконец он позволил словам просочиться через клубы дыма.

— Георг Халкис, — сказал он.

* * *

Гораздо позднее окружной прокурор Сэмпсон признался, что, не будь там Джеймса Дж. Нокса, он схватил бы со стола инспектора телефон и швырнул бы его Эллери в голову. Он не поверил. Он не мог поверить. Мертвец, более того, ослепший перед смертью человек — убийца! Это бросало вызов всем законам вероятности. Было и еще кое-что: самодовольная болтовня какого-то клоуна, фантазии возбужденного ума... Сэмпсон, стоит отметить, имел насчет Эллери очень твердое мнение.

Однако, сдерживаемый присутствием великого человека, он просто окаменел на стуле, а его мозг уже лихорадочно бился над задачей, как опровергнуть это утверждение, спровоцированное полным помешательством.

Поскольку Ноксу не требовалось времени, чтобы прийти в себя, то он заговорил первым. Заявление Эллери удивило его, это точно, но уже через мгновение он произнес:

— Халкис... Как это?

Инспектор все же обрел дар речи.

— Я считаю, — проговорил он, быстро облизнув красные губы, — мы обязаны мистеру Ноксу

объяснить — да, сын? — Его тон противоречил взгляду: взгляд выдавал бешенство.

Эллери вскочил со стула.

— Разумеется, — с воодушевлением сказал он. — Особенно потому, что мистер Нокс лично имеет отношение к этому делу. — Он присел на краешек стола инспектора. — Действительно уникальная оказалась задача, — заметил он. — В ней было несколько поистине вдохновенных моментов. Будьте внимательны. В деле две основные улики: первая связана с галстуком, который Георг Халкис надел в то утро, когда умер от сердечной недостаточности, вторая с электрическим чайником и чайными чашками в кабинете Халкиса.

Нокс был слегка ошарашен. Эллери сказал:

— Прошу прощения, мистер Нокс. Вы ведь незнакомы с этими вещами.

Он быстро обрисовал факты, сопутствующие расследованию. Когда Нокс кивнул, подтвердив, что все понял, Эллери продолжил:

— Теперь позвольте мне объяснить, что мы можем получить из этой истории с галстуками Халкиса. — Эллери не забывал представлять себя во множественном числе: семейная гордость была в нем развита очень сильно, хотя отдельные злонамеренные лица высказывали сомнения

на этот счет. — Неделю назад, в субботу утром, в день смерти Халкиса, его слабоумный камердинер Демми готовит для кузена одежду, как он выразился, по расписанию. Следовательно, надо было ожидать, что Халкис наденет в точности те предметы одежды, которые указаны в расписании на субботу. Обратитесь к этому расписанию, и что же вы там обнаружите? Вы обнаружите, что помимо всего прочего Халкис должен был надеть зеленый муаровый галстук.

Пока все идет нормально. Демми, который завершил утренний ритуал — помог кузену одеться или, по крайней мере, разложил запланированную в расписании одежду, — в девять часов выходит из дому. Пролетают пятнадцать минут, интервал времени, в течение которого Халкис, полностью одетый, находится в кабинете один. В девять пятнадцать входит Слоун, чтобы обсудить с Халкисом программу на день. И что нам открывается? Нам открывается, согласно свидетельству Слоуна — не акцентированному, разумеется, но все-таки свидетельству, — что в девять пятнадцать на Халкисе надет красный галстук.

Эллери уже полностью владел аудиторией, и его чувство удовлетворения само собой прорвалось вульгарным смешком.

— Интересная ситуация, да? Итак, если Демми сказал правду, мы сталкиваемся с любопытным противоречием, которое требует объяснения. Если Демми сказал правду, — а состояние его рассудка не предполагает лживости, — то в девять часов, когда Демми ушел, Халкис был в запланированном, то есть зеленом, галстуке.

Как же нам объяснить это противоречие? Мы неизбежно приходим к следующему объяснению: в течение пятнадцатиминутного интервала, когда Халкис был один, он по какой-то причине, которую мы, вероятно, никогда не узнаем, прошел в спальню и поменял галстук, отказавшись от зеленого, полученного от Демми, в пользу одного из красных, висевших в платяном шкафу.

Из свидетельства Слоуна нам также известно, что в ходе их беседы, начавшейся в девять пятнадцать, Халкис потрогал свой галстук — красный, как Слоун сразу заметил, еще только войдя в комнату, — и произнес следующее: «Перед уходом напомни, чтобы я позвонил Баррету и заказал новые галстуки, такие, как этот». — Эллери сверкнул глазами. — Устное выделение последних слов мое. Теперь следите. Позже, когда мисс Бретт выходила из кабинета Халкиса, она слышала, как он назвал оператору номер Баррета, своего

галантерейщика. Из магазина, как было установлено последующей проверкой, доставили — по свидетельству клерка, говорившего с Халкисом, — точно то, что заказал Халкис. Но что же заказал Халкис? Очевидно, то, что было ему доставлено. А что было доставлено? Шесть красных галстуков!

Эллери наклонился вперед и хлопнул по столу.

— Резюмируем: Халкис, сказав, что собирается заказать такие же галстуки, как тот, что был на нем, а затем заказав красные галстуки, должен был знать, что на нем надет красный галстук. Это главное. Иначе говоря, при разговоре со Слоуном Халкис знал цвет галстука, повязанного у него на шее.

Но как мог он, слепец, знать цвет, если это не был цвет, предусмотренный расписанием на субботу? Кто-то мог назвать ему этот цвет. Кто же? Только три человека видели его в то утро до звонка Баррету — Демми, одевший Халкиса в соответствии с расписанием, Слоун, в разговоре которого с Халкисом о галстуках ни слова не было об их цвете, и Джоан Бретт, в чьем вопросе к Халкису по поводу галстуков цвет также не упоминался.

Иными словами, Халкису никто не называл цвет галстука, который он сам выбрал. Была ли

это просто случайность, что он сменил запланированный зеленый галстук на красный, который оказался на нем позднее, — случайно ли он взял с вешалки красный галстук? Да, это возможно — ведь галстуки висят в шкафу как попало. Но на самом деле не важно, был ли это случайный или намеренный выбор. Как объяснить тот факт, что он знал — и его последующие действия это подтвердили, — что взял красный галстук?

Эллери медленно опустил сигарету на дно стоявшей на столе пепельницы.

— Джентльмены, есть только один способ, с помощью которого Халкис мог узнать, что он носит красный галстук.

А именно, он мог различить его цвет визуально — он мог его видеть!

Но он был слеп, вы говорите?

И в этом суть моей первой цепочки логических выводов. Как свидетельствовал доктор Фрост и подтвердил доктор Уордс, Георг Халкис страдал особым типом слепоты, при котором зрение могло вернуться спонтанно в любой момент!

Итак, каково же заключение? Утром в прошлую субботу, по крайней мере, мистер Георг Халкис был так же слеп, как вы или я.

Эллери улыбнулся:

— Сразу возникают вопросы. Если после настоящей слепоты он внезапно прозрел, почему же он не оповестил об этом волнующем событии своих домашних — сестру, Слоуна, Демми, Джоан Бретт? Почему не позвонил своему врачу и даже не информировал доктора Уордса, специалиста по глазным болезням, гостящего в его доме? Только по одной возможной психологической причине: он не хотел, чтобы об этом стало известно. У него была определенная цель, которая требовала, чтобы люди продолжали считать его слепым. Что же могло быть целью?

Эллери сделал паузу и перевел дух. Нокс наклонился вперед, устремив на него немигающий взгляд, остальные замерли, внимательно слушая.

— Давайте пока оставим эту часть, — спокойно произнес Эллери, — и возьмемся за историю с электрическим чайником и чашками.

Рассмотрим кажущуюся очевидность. Обнаруженная на столике чайная посуда ясно указывает, что чай пили три человека. Почему это вызывает сомнения? Три чашки демонстрируют обычные следы их использования: засохший отстой и круговой налет внутри, чуть ниже края. Еще одно свидетельство дают три заварочных пакетика

— когда я подавил их в кипятке, то добился лишь очень слабого подобия чая, и это доказывало, что пакетики действительно послужили заваркой. Там же лежали три засохших, выжатых кусочка лимона. Три серебряные ложки, покрытые мутной пленкой, также свидетельствовали, что ими пользовались. Вы видите, все должно было показать, что чай пили трое. Более того, это служит подтверждением тому, о чем мы уже узнали, поскольку в пятницу вечером Халкис сообщил Джоан Бретт, что ждет двоих, затем этих двух гостей видели — они прибыли и вошли в кабинет, — и вместе с Халкисом получается, таким образом, три человека. Снова — кажущаяся очевидность.

Но! — и это очень весомое «но», джентльмены, — усмехнулся Эллери, — стоило только заглянуть в чайник, как обнаружилось, что все эти признаки всего лишь кажущиеся. Что же мы там увидели? Если коротко, то в чайнике было слишком много воды. Мы приступили к доказательству предположения, что воды было слишком много. Выливая воду из чайника, мы убедились, что ее хватило на пять чашек — пятая заполнилась не доверху, если быть точным, но перед этим мы уже вылили немного стоялой

воды в пробирку для последующего химического анализа. Значит, всего пять чашек. Затем, когда мы заново налили в чайник свежую воду, нам удалось из него наполнить ровно шесть чашек. Таким образом, чайник рассчитан на шесть чашек, но оставшейся в нем воды хватило лишь на пять. Но как такое могло быть, если Халкис и два его гостя использовали для чая три чашки, как указывали видимые знаки? Согласно нашему тесту, из чайника была наполнена только одна полная чашка, но никак не три. Может быть, каждый из троих налил лишь по одной трети чашки? Исключается: с внутренней стороны каждой чашки остался налет почти у края, свидетельствующий, что чашки были именно наполнены. Тогда, может быть, из чайника действительно наливали кипяток в три чашки, но позднее кто-то добавил воды в чайник, компенсируя объем двух чашек? Но это не так — простой химический анализ воды из пробирки показал, что свежую воду в чайник не доливали.

Существует лишь одно заключение: вода в чайнике была подлинная, а следы в чашках — нет. Кто-то взял заварочные пакетики и намеренно испачкал чашки, ложки, лимон, чтобы казалось, будто три человека пили чай. Тот, кто это сделал,

допустил только одну ошибку — он использовал одну и ту же воду, вместо того чтобы наполнить из чайника все три чашки. Но мы ведь знаем об инструкциях Халкиса и знаем о появлении двух гостей, так зачем нужны были все эти хлопоты, зачем требовалось производить впечатление, что там были три человека, если уже признано, что три человека там были? Причина может быть только одна — акцентировать их присутствие. Но если там были три человека, то зачем нужно акцентировать то, что и так установлено?

Все это только из-за того, что, как это ни странно, троих-то там и не было.

Эллери устремил на слушателей лихорадочно блестящий, торжествующий взгляд. Судя по глубокому вздоху, Сэмпсон оценил вывод по достоинству, и Эллери это позабавило. Пеппер был совершенно поглощен речью, инспектор степенно кивал, утонув в кресле. Джеймс Нокс потер подбородок.

— Понимаете, — продолжил Эллери всепроникающим голосом профессионального лектора, — если собрались три человека, и все они пили чай, то после этого в чайнике должно стать воды меньше на три чашки. Предположим, что пили не все, — во времена «сухого закона» в Америке

некоторые отказываются от таких некрепких напитков. Ну и прекрасно. Что в этом особенного? Зачем мучиться, тратить время на такой вздор и пытаться изобразить, что чай пили трое? Повторю еще раз: только чтобы укрепить создавшееся мнение, порожденное и выпестованное, обратите внимание, самим Халкисом, что три человека были в том кабинете в тот вечер, когда был убит Гримшоу.

И без паузы, не сбавляя темпа, Эллери пошел дальше:

— Таким образом, мы столкнулись со следующей интересной задачей: если троих там не было, то сколько же их было? Ну, их могло быть и больше: четыре, пять, шесть — сколько угодно людей могло незаметно проскользнуть в кабинет, после того как Джоан Бретт впустила двух посетителей и поднялась наверх, чтобы уложить в постельку пьяненького Алана. Но поскольку это число нельзя установить никакими имеющимися у нас средствами, то с теорией «больше трех» мы не двинемся с места. С другой стороны, если мы исследуем теорию о том, что присутствовало менее трех человек, то можем напасть на горячий след.

Предполагать, что был лишь один человек, бессмысленно, ведь свидетели видели, что в

кабинет вошли двое. Но троих в кабинете не было — это мы показали. Тогда в соответствии с единственной альтернативой, представляемой второй теорией — теорией «меньше трех», — их должно быть двое.

Если допустить, что в кабинете было два человека, какие трудности нас ожидают? Мы знаем, что одним из них был Альберт Гримшоу — его видела и позднее опознала мисс Бретт. По всем законам вероятности вторым должен быть Халкис. Если это справедливо, значит, человек, сопровождавший Гримшоу в дом, — весь «закутанный», как описала его мисс Бретт, — это и есть Халкис. Но возможно ли это?

Эллери достал новую сигарету и опять закурил.

— Определенно возможно. И это подтверждается одним любопытным обстоятельством. Вы должны вспомнить, что, когда два посетителя входили в кабинет, мисс Бретт не смогла заглянуть внутрь. Точнее, спутник Гримшоу оттолкнул ее с дороги, будто хотел помешать ей заметить то, что было — или чего не было — в комнате. Для этого действия можно придумать много объяснений, но, несомненно, его результат согласуется с предположением, что спутником был Халкис,

поскольку он, уж конечно, не хотел, чтобы мисс Бретт заглянула в кабинет и заметила, что его там нет, хотя он должен был там быть... Что еще? Каковы были характерные черты спутника Гримшоу? Физически он примерно соответствовал размерам и телосложению Халкиса. Это во-первых. Во-вторых, случай с Тутси, драгоценной кошечкой миссис Симмс, доказывает, что спутник Гримшоу видел. Ведь кошка просто лежала на ковре перед дверью, а закутанный человек внезапно остановился и застыл с поднятой ногой, а затем обошел кошку. Если бы он был слеп, то наступил бы на нее. Это тоже соответствует нашим выводам, поскольку из истории с галстуками мы заключили, что, во всяком случае, на следующее утро Халкис не был слеп, а только притворялся, и у нас есть достаточные основания допустить, что зрение к нему вернулось в какой-то момент после прошлого четверга. При этом мы базируемся на факте, что доктор Уордс последний раз обследовал глаза Халкиса именно в тот день — в день, предшествующий случаю с двумя посетителями.

Вот мы и подошли к ответу и на мой предыдущий вопрос: почему Халкис скрывал, что зрение восстановилось? И ответ таков: если бы Гримшоу нашли убитым, если бы подозрение

пало на Халкиса, слепота дала бы ему алиби, поддерживающее его невиновность — поскольку всякий сказал бы, что слепой Халкис не мог быть незнакомцем, убийцей Гримшоу. Объяснить, как Халкис физически реализовал обман, просто: в четверг вечером, приказав миссис Симмс приготовить все к чаепитию и дождавшись, когда она удалится к себе, он надел пальто и котелок, выскользнул из дому, встретился с Гримшоу, вероятно предварительно с ним договорившись, и вернулся домой с Гримшоу, изобразив одного из двух ожидаемых посетителей.

Нокс застыл в кресле. Он, видимо, хотел что-то сказать, но только сморгнул и продолжал хранить молчание.

— Какие у нас есть подтверждения умысла и обмана со стороны Халкиса? — жизнерадостно продолжал Эллери. — Во-первых, распоряжениями, отданными мисс Бретт, он сам создал представление, что у него в кабинете будет три человека, намеренно сказав, что ждет двух посетителей и что один из них хочет сохранить свою личность в секрете. Во-вторых, он намеренно скрыл информацию о том, что он опять видит, и это обстоятельство его изобличает. И наконец, мы знаем определенно, что Гримшоу был задушен за

шесть — двенадцать часов до смерти Халкиса.

— Чертовски странно, что он допустил такую ошибку! — пробормотал окружной прокурор.

— Вы о чем? — весело спросил Эллери.

— Я говорю, что Халкис переливал одну и ту же воду из чашки в чашку. Очень глупо, должен сказать, особенно принимая во внимание, насколько хитроумно все остальное.

С мальчишеским пылом Пеппер его перебил.

— При всем уважении к мнению мистера Квина мне кажется, шеф, — воскликнул он, — что, может быть, это вовсе не было ошибкой!

— А как вы это понимаете, Пеппер? — с интересом спросил Эллери.

— Предположим, Халкис не знал, что чайник был полон. Предположим, он был уверен, что он наполнен примерно наполовину. Или он не знал, что полный чайник рассчитан на шесть чашек. Любое из этих предположений объясняет его кажущуюся глупость.

— В этом что-то есть. — Эллери улыбнулся. — Очень хорошо. Это решение действительно оставляет несколько пробелов, но каждый из них мы в конце концов восполним. Вместе с тем можно рискнуть и сейчас сделать обоснованные заключения. Во-первых, если Халкис убил Грим-

шоу, то каковы были мотивы? Мы знаем, что накануне вечером Гримшоу навестил Халкиса и был один. В результате этого визита Халкис поручил Вудрафу, своему поверенному, подготовить новое завещание — точнее, Халкис позвонил Вудрафу в тот же вечер. Настойчивость, затем прессинг. В новом завещании был только указан другой наследник галереи Халкиса, значительной собственности. Кто стал новым наследником, Халкис постарался сохранить в тайне — даже поверенный этого не знал. Мне кажется, не будет неестественным предположить, что новым наследником был назван Гримшоу или лицо, его представляющее. Но с какой стати Халкису совершать этот удивительный поступок? Очевидный ответ — шантаж, учитывая личность Гримшоу и его преступное прошлое. Также не нужно забывать, что Гримшоу был связан с той же областью деятельности, он работал смотрителем в музее и был осужден за неудачную кражу картины. У Гримшоу что-то было на Халкиса, что-то, по всей вероятности связанное с теневой стороной арт-бизнеса или с какими-либо незаконными сделками в этой сфере. Если Гримшоу угрожал Халкису тюрьмой, то это мне представляется серьезным мотивом.

Теперь позвольте мне воссоздать преступление с этим пока предполагаемым мотивом в основании. Гримшоу нанес визит Халкису в четверг вечером, и мы можем допустить, что преступник изложил свой ультиматум или проект шантажа. В уплату Халкис согласился изменить завещание в пользу Гримшоу или его представителя — возможно, вы обнаружите, что Халкис находился в стесненных финансовых обстоятельствах и не мог заплатить наличными. Отдав распоряжение своему адвокату составить новое завещание, Халкис или почувствовал, что этот шаг не защитит его от будущего шантажа, или полностью изменил точку зрения. В любом случае он решил, что лучше уж убить Гримшоу, чем платить ему, и это решение определенно указывает, что Гримшоу действовал от себя, а не в чьих-то интересах, иначе в его смерти не было бы смысла для Халкиса, поскольку на заднем плане остался бы кто-то еще, способный продолжить дело убитого. В общем, Гримшоу, вернувшись на следующий день, чтобы взглянуть на новое завещание, переписанное на его имя, попал в западню Халкиса и был убит. Халкис спрятал тело где-то поблизости, пока не сможет отделаться от него окончательно. Но тут вмешалась судьба, и на следующее утро Халкис,

не выдержав всех этих мучительных волнений, умер от сердечной недостаточности. Так он и не успел избавиться от тела.

— Но послушайте... — начал Сэмпсон.

Эллери усмехнулся:

— Знаю, знаю. Вы хотите спросить: кто же запихнул Гримшоу в гроб Халкиса после похорон?

Должно быть, тот, кто обнаружил тело Гримшоу и решил использовать могилу Халкиса как надежный тайник. Но почему этот неизвестный гробокопатель не предъявил тело, а похоронил его, почему не сообщил о своей находке? Допустим, он подозревал, чья это вина, или сделал ошибочное предположение и убрал тело, чтобы закрыть это дело навсегда — желая, возможно, защитить имя покойного или жизнь живущего. Какое бы объяснение ни оказалось верным, в нашем реестре подозреваемых есть по крайней мере одно лицо, подходящее для этой теории. Это человек, который снял все деньги со счета и исчез, хотя специально получил указание никуда не уезжать. Когда могилу неожиданно открыли и труп Гримшоу был обнаружен, этот человек понял, что игра окончена, потерял самообладание и бежал. Разумеется, я имею в виду племянника Халкиса Алана Чини.

И я думаю, джентльмены, — заключил Эллери с улыбкой удовлетворения, граничащего с самодовольством, — думаю, что, когда вы найдете Алана Чини, вы распутаете это дело.

Лицо Нокса приняло очень странное выражение. Заговорил инспектор — впервые с тех пор, как Эллери начал свой монолог.

— А кто украл новое завещание из стенного сейфа Халкиса? — сказал он ворчливо. — Не мог же Халкис это сделать — он уже умер к тому времени. Это Чини?

— Вероятно, нет. Понимаете, самый сильный мотив украсть завещание был у Гилберта Слоуна: только его одного оно и затрагивало. То есть кража завещания не имеет никакого отношения к самому преступлению — это просто случайная его деталь. И естественно, у нас нет доказательств, чтобы связать кражу со Слоуном. С другой стороны, когда вы найдете Чини, то, вероятно, узнаете, что это он уничтожил завещание. Хороня Гримшоу, он должен был обнаружить новое завещание в гробу — куда его положил Слоун. Чини прочитал его, увидел, что новым наследником назван Гримшоу, и забрал его вместе с ящиком и всем остальным, чтобы уничтожить. Раз нового завещания нет, это значит, что Халкис

умер без завещания, и мать Чини, как ближайшая родственница Халкиса, унаследовала бы по закону значительную часть состояния брата.

Сэмпсон встревожился:

— А как же посетители, приходившие к Гримшоу в отель вечером накануне убийства? Как они-то во все это вписываются?

Эллери махнул рукой:

— Это пустяки, Сэмпсон. Они несущественны. Понимаете...

Но тут кто-то постучал в дверь, и инспектор раздраженно крикнул:

— Войдите! — В дверь просочился маленький, невзрачный детектив Джонсон. — Что тебе, Джонсон?

Тот быстро пересек комнату и наклонился к инспектору.

— Там эта девчонка Бретт, шеф, — прошептал он. — Требует, чтобы ее впустили сюда.

— Хочет видеть меня?

Извиняющимся тоном Джонсон уточнил:

— Вообще-то она говорит, что хочет видеть мистера Эллери Квина, шеф...

— Пропусти.

Джонсон открыл дверь. Мужчины поднялись с мест. Джоан остановилась на пороге. В чем-то

серо-голубом она выглядела особенно привлекательно, но глаза ее смотрели трагически.

— Вы хотели видеть мистера Квина? — решительно спросил инспектор. — Сейчас мы заняты, мисс Бретт.

— Это... мне кажется, это может быть важно, инспектор Квин.

Эллери выпалил:

— Вы получили известия о Чини!

Но она покачала головой. Эллери нахмурился:

— Какой я бестолковый. Мисс Бретт, позвольте вам представить мистера Нокса, мистера Сэмпсона...

Окружной прокурор слегка кивнул, Нокс сказал:

— Очень приятно.

Наступило неловкое молчание. Эллери предложил девушке стул, и все сели.

— Я не представляю, с чего и как начать, — проговорила Джоан, теребя в руках перчатки. — Вы решите, что я дура. Это кажется до смешного незначительным. И все же...

Эллери одобряюще подсказал:

— Вы что-то обнаружили, мисс Бретт? Или что-то забыли нам сообщить?

— Да. То есть... что-то забыла сообщить. — Голос

звучал еле слышно, лишь отдаленно напоминая ее обычный голос. — О чайных чашках.

— О чайных чашках! — Слова вырвались из Эллери, как реактивные снаряды.

— Ну да. Понимаете, когда меня спрашивали первый раз, я совсем позабыла об этом... А вспомнила только сейчас. Просто перебирала в уме все происшедшее...

— Пожалуйста, продолжайте, — резко сказал Эллери.

— Это было в тот день, когда я передвинула столик с чайными принадлежностями от стола в нишу. Я убрала его с дороги...

— Это вы нам уже говорили, мисс Бретт.

— Но я сказала вам не все, мистер Квин. Теперь я вспомнила, что с этими чашками кое-что было не так.

Эллери сидел на письменном столе отца, словно Будда на вершине горы... Но уже карикатурно... От его самообладания не осталось и следа. С идиотическим выражением он уставился на Джоан.

Она заторопилась:

— Видите ли, когда вы обратили внимание на чайный столик, там были три грязные чашки... (Губы Эллери беззвучно задвигались.) А теперь я вспоминаю, что в день похорон, когда я передви-

нула столик, чтобы он не мешал, там была только одна грязная чашка...

Эллери внезапно вскочил на ноги. Хорошее настроение улетучилось, и черты лица стали жесткими, почти неприятными.

— Будьте очень внимательны, мисс Бретт, — хрипло сказал он. — Это чрезвычайно важно. Теперь вы говорите, что в этот вторник, когда вы передвигали столик от письменного стола в нишу, на подносе стояли две чистые чашки и только на одной были видны следы чая?

— Именно. Я ни капли не сомневаюсь. Если точнее, я помню, что одна чашка была почти полна несвежего, холодного чая, на блюдечке лежал засохший кусочек лимона и грязная ложка. Все остальное на подносе было совершенно чистое.

— Сколько ломтиков лимона лежало на тарелочке?

— Извините, мистер Квин, этого я не помню. Вы же знаете, мы в Британии не употребляем лимон. Это отвратительный русский обычай. Еще заварочные пакетики! — Она пожала плечами. — Но насчет чашек я уверена.

Эллери упрямо спросил:

— Это было после смерти Халкиса?

— Да, конечно, — вздохнув, отозвалась Джоан.

— Не только после смерти, но и после похорон. Во вторник, как я сказала.

Эллери впился зубами в нижнюю губу и бросил на Джоан холодный взгляд.

— Тысяча благодарностей, мисс Бретт, — процедил он. — Вы не дали нам оказаться в очень затруднительной ситуации... Теперь идите, пожалуйста.

Джоан робко улыбнулась, оглянулась, будто ждала похвалы или одобрения. Никто не обращал на нее никакого внимания, все насмешливо смотрели на Эллери. Она молча поднялась и вышла из комнаты. За ней вышел Джонсон и тихо закрыл дверь.

Первым заговорил Сэмпсон.

— Да, мой мальчик, вот это фиаско, — мягко сказал он. — Ладно, Эллери, не принимайте это так близко к сердцу. Мы все допускаем ошибки. А вы ошиблись блистательно.

Эллери слабо махнул рукой. Его голова упала на грудь, и поэтому голос звучал приглушенно:

— Ошибка, Сэмпсон? Да это непростительно. Меня следует высечь и выгнать, чтобы бежал поджав хвост...

Вдруг поднялся Нокс. Весело поблескивая глазами, он обратился к Эллери:

— Мистер Квин, ваши разъяснения базируются на двух основных элементах.

— Знаю, сэр, знаю, — простонал Эллери, — не надо сыпать мне соль на раны.

— Со временем вы поймете, юноша, — сказал великий человек, — что без неудач успеха не бывает... Итак, два элемента. Один — это чайные чашки. Остроумное, очень остроумное объяснение, мистер Квин, но мисс Бретт его опровергла. Теперь у вас нет повода утверждать, что присутствовали только два человека. Ссылаясь на чашки, вы говорили, что с начала и до конца присутствовали лишь два человека, Халкис и Гримшоу; что Халкис намеренно старался представить дело так, чтобы казалось, что их было трое; что третьего человека вообще не было, а вторым был сам Халкис.

— Все верно, — уныло произнес Эллери, — но теперь...

— Нет, неверно, — негромко сказал Нокс, — потому что третий там был. И я могу это доказать без умозаключений, сразу.

— Что такое? — Голова Эллери подскочила вверх, словно на пружине. — Как это, сэр? Был третий? И вы можете доказать? Откуда вы знаете?

Нокс рассмеялся.

— Да уж знаю, — сказал он. — Этим третьим был я!

## Глава 15
## ОБЪЯСНЕНИЕ

Спустя годы, возвращаясь памятью к тому моменту, Эллери Квин заметил грустно:

— Наступление своей зрелости я датирую откровением Нокса. Это полностью изменило мое представление о себе самом и своих способностях.

Вся искусная конструкция его рассуждений, обрисованная столь многоречиво, рухнула и разбилась в куски у его ног. Наверное, это событие не стало бы такой катастрофой для его «эго», не явись оно в паре с крепким ударом по самолюбию. Ведь он был так «проницателен». Так хитроумен и тонок... Само явление августейшего присутствия Нокса, первоначально вдохновившее его на это шоу, обернулось теперь другой стороной, чтобы обжечь ему лицо огнем стыда.

Его ум неистово трудился, пытаясь подавить сопротивление фактов, пытаясь забыть, каким самодовольным, глупым юнцом он себя выставил. Паника накатывала мелкими волнами,

размывая ясность мысли. Но одно он знал — над Ноксом надо поработать. Это его экстраординарное заявление. Нокс был третьим. Дело против Халкиса, основанное на чайной посуде и третьем участнике, превращено в руины... А слепота! Неужели и этот вывод тоже был сделан из ничего? Нужно вернуться, найти другое объяснение...

К счастью, об Эллери забыли — как он сидит там, съежившись в кресле. Градом возбужденных вопросов инспектор держал внимание великого человека. Что произошло в тот вечер? Как Нокс оказался в компании Гримшоу? Что все это значит?

Нокс объяснял, устремив тяжелый, оценивающий взгляд на инспектора и Сэмпсона.

Года три назад Халкис сделал Ноксу, одному из лучших своих клиентов, странное предложение. Халкис утверждал, что владеет почти бесценной картиной, которую хотел бы продать Ноксу при условии, что тот обещает никогда ее не выставлять. Необычное требование! Нокс вел себя осторожно. Что за картина? И зачем такая таинственность? Халкис был с ним, по всей видимости, честен. Эта картина, сказал он, принадлежала музею Виктории в Лондоне. Музей оценил ее в миллион долларов...

— Миллион долларов, мистер Нокс? — переспросил окружной прокурор. — Я плохо разбираюсь в произведениях искусства, но должен сказать, что это баснословная сумма даже для шедевра.

Нокс улыбнулся:

— Но не для этого шедевра, Сэмпсон. Это Леонардо.

— Леонардо да Винчи?

— Да.

— Но я думал, что все его великие картины...

— Эту работу несколько лет назад обнаружили сотрудники музея Виктории. Выполненная маслом в начале шестнадцатого века деталь незавершенной фрески, которую Леонардо должен был писать для зала Палаццо Веккьо во Флоренции. История ее создания довольно длинна, и я не буду сейчас вдаваться в подробности. Бесценная находка музея называется «Деталь «Битвы за знамя». Миллион за нового Леонардо, уж поверьте мне, — это дешево.

— Продолжайте, сэр.

— Естественно, мне хотелось знать, как Халкис подцепил картину. Я не слышал, чтобы ее выставляли на продажу. Халкис был уклончив, привел меня к мысли, что действует как агент музея

в Америке. Музей не хочет огласки, сказал он, поскольку британцы поднимут бурю протестов, если раскроется, что картина покинула страну. Это действительно прекрасная вещь. Он еще уступил. И я не смог устоять и купил ее за семьсот пятьдесят тысяч, очень выгодно.

Инспектор кивнул:

— Мне кажется, я понимаю, что произошло дальше.

— Да. Неделю назад, в пятницу, ко мне явился человек, назвавшийся Альбертом Гримшоу. Обычно человек с улицы ко мне войти не может, но он прислал мне записку со словами «Битва за знамя», и мне пришлось с ним встретиться. Маленький, смуглый, с крысиными глазками. Хитрый, практичный, торгуется жестко. Он рассказал удивительную историю. Суть в том, что это Леонардо, которого я приобрел у Халкиса на полном доверии, музей вообще не предполагал продавать. Картина была похищена из музея пять лет назад. И похитителем был Гримшоу, он этого и не стеснялся.

Окружной прокурор Сэмпсон слушал чрезвычайно сосредоточенно, инспектор и Пеппер подались вперед. Эллери тоже не шелохнулся, даже смотрел на Нокса, не мигая.

Нокс продолжал рассказ — без спешки, невозмутимо и точно. Гримшоу, который под именем Грэм работал в музее Виктории смотрителем, ухитрился пять лет назад выкрасть Леонардо и бежать в США. Дерзкое похищение обнаружилось после того, как Гримшоу покинул Англию. В Нью-Йорке он пришел к Халкису, чтобы тайно продать картину. Халкис был честным торговцем, но, как страстный ценитель искусства, жаждал завладеть одним из величайших шедевров в мире и не смог устоять перед соблазном. Он хотел приобрести картину для себя, и Гримшоу согласился ее продать за полмиллиона долларов. Прежде чем Халкис смог заплатить, Гримшоу был арестован в Нью-Йорке по старому обвинению в подлоге и сел в Синг-Синг на пять лет. Тем временем, примерно года через два, Халкис из-за неудачного вложения капитала потерял значительную часть оборотных средств и отчаянно нуждался в наличных. Вот тогда-то он и предложил картину Ноксу, как уже упоминалось, за три четверти миллиона долларов. Нокс купил картину, основываясь на фиктивной истории Халкиса и в полном неведении, что картина была похищена.

— На прошлой неделе, во вторник, Гримшоу освободился из Синг-Синг, и его первой мыс-

лью было получить полмиллиона, которые ему остался должен Халкис. В четверг вечером, — продолжал Нокс, — он мне сказал, что уже побывал у Халкиса и просил заплатить долг. Халкис, у которого финансовые дела шли, наверное, так же плохо, заявил, что денег у него нет. Тогда Гримшоу потребовал картину! В конце концов Халкис был вынужден признаться, что перепродал ее мне. Гримшоу пригрозил Халкису, сказал, что убьет его, если не получит денег, а на следующий день вот явился ко мне.

Цель Гримшоу была понятна. Он хотел, чтобы я заплатил полмиллиона, которые ему был должен Халкис. И естественно, получил отказ. Гримшоу стал мне угрожать и пообещал, что если я не заплачу, то все узнают, что незаконно владею похищенным Леонардо. Я основательно рассердился. — Челюсти Нокса щелкнули, как капкан, серые глаза полыхнули холодным огнем. — Я был зол на Халкиса за то, что он меня обманул и поставил в такое кошмарное положение. Я позвонил ему и договорился о встрече с ним для себя и Гримшоу. На тот же самый вечер — в пятницу. Дело было темное, и я хотел защититься. Расстроенный Халкис по телефону обещал, что всех отошлет, а его секретарь мисс Бретт, кото-

рая ничего не знает об этом деле и умеет быть сдержанной, впустит меня и Гримшоу в дом. Я не желал никаких случайностей в этом грязном деле. В тот же вечер мы с Гримшоу пришли к Халкису домой. Нас впустила мисс Бретт. Халкис оказался в кабинете один, и мы поговорили без обиняков.

Щеки и уши у Эллери больше не горели: он, как и все, был поглощен повествованием.

Нокс сразу же, по его словам, заявил Халкису, что тот должен утихомирить Гримшоу и по крайней мере вывести его, Нокса, из затруднительной ситуации, в какую он попал по милости торговца. Весь на нервах, в полном отчаянии, Халкис сказал, что денег у него нет совсем, но что накануне вечером, после первого визита Гримшоу, он все обдумал и решил предложить единственно для него возможный способ оплаты. Халкис показал новое завещание, составленное утром и уже подписанное. Он назначал Гримшоу наследником галереи, стоившей гораздо больше, чем сумма долга.

— Гримшоу был не дурак, — мрачно произнес Нокс. — Отказался наотрез. Говорит, у него не будет ни шанса получить деньги, если завещание оспорят родственники, да и то ему придется

ждать, пока Халкис «отдаст концы», как он колоритно выразился. Нет, говорит, ему нужны деньги в ценных бумагах или наличными — и немедленно. Счел нужным сообщить, что в этом деле он «не одинок». У него есть партнер, сказал он, единственный человек в мире, который в курсе всей истории с кражей картины и ее приобретением. Накануне вечером, выйдя от Халкиса, он встретился с партнером, они пошли вместе в отель «Бенедикт», где он и рассказал партнеру, что Халкис перепродал Леонардо мне. Им не нужно ни завещания, ни другого трюка типа этого. Если Халкис не может заплатить немедленно, то пусть выдаст долговое обязательство на предъявителя...

— Чтобы защитить партнера, — пробормотал инспектор.

— Вот именно. Обязательство на пятьсот тысяч долларов, которое должно быть оплачено в течение месяца, даже если Халкису для этого потребуется пустить весь свой бизнес с молотка. Гримшоу ухмыльнулся в своей отталкивающей манере и сказал, что если кто-нибудь из нас захочет его убить, то ничего это нам не даст, поскольку партнер все знает и, если с Гримшоу что-нибудь случится, спустит собак на нас обоих.

Он еще многозначительно подмигнул и прибавил, что мы не узнаем, кто такой этот его партнер. Гнусный был тип.

— Да-а, — хмуро протянул Сэмпсон. — Эта история меняет дело, мистер Нокс... Очень умно решил Гримшоу или его партнер, вероятно организовавший все это предприятие. Сохранение в тайне личности партнера защищало и их обоих.

— Это очевидно, Сэмпсон, — сказал Нокс. — Я продолжаю. Халкис, хотя и слепой, сумел составить долговое обязательство на предъявителя и передал его Гримшоу, а тот его положил к себе в бумажник.

— Мы нашли бумажник, — вмешался инспектор, — и в нем ничего не было.

— Я так и понял из газет. Под конец я сказал Халкису, что умываю руки и ничего больше обо всем этом слышать не хочу. Посоветовал ему принять лекарства. Когда мы уходили, в кабинете сидел разбитый, слепой старик. Испытавший сильнейший стресс. В общем, плохо дело. Мы вышли из дома вместе с Гримшоу и, к счастью для меня, никого по дороге не встретили. На улице я сказал этому типу, что все забуду, если он будет держаться от меня подальше. Одурачить меня! Совсем рехнулся.

— Когда вы видели Гримшоу в последний раз, мистер Нокс? — спросил инспектор.

— Тогда же. Рад был отделаться от него. Дошел до угла Пятой, поймал такси и поехал домой.

— Где находился Гримшоу?

— Он стоял на тротуаре и смотрел мне вслед. Клянусь, он еще злорадно усмехался.

— Прямо напротив дома Халкиса?

— Да. Есть еще кое-что. На следующий день — это была прошлая суббота, — уже зная о смерти Халкиса, я получил от него письмо. Судя по штемпелю, отправлено оно было утром, перед смертью. Должно быть, он написал его в пятницу вечером, сразу после нашего ухода, а отправил с утра Оно у меня с собой.

Нокс залез в карман и достал конверт. Он протянул его инспектору, а тот вынул из него листок почтовой бумаги и прочитал вслух написанный каракулями текст.

«Дорогой Дж. Дж. Н.

События этого вечера должны были представить меня в дурном свете. Но с этим я ничего не мог поделать. Я потерял деньги, и обстоятельства давили на меня. Я не думал вовлекать вас в эту историю, не предполагал, что этот мошенник Гримшоу подберется к вам и попытается вас

шантажировать. Заверяю вас, что с этого момента он никоим образом не сможет вас впутать. Я постараюсь заставить замолчать Гримшоу и его партнера, хотя это будет означать, что мне, вероятно, придется продать мой бизнес, выставить на аукцион предметы из моих галерей и, если это будет необходимо, взять заем под страховку. Во всяком случае, вы в безопасности, поскольку о том, что картина у вас, знаем только мы с вами и Гримшоу — и, конечно, его партнер, но этих двоих я заставлю молчать, как они просят. Ни одной живой душе я ничего не говорил об этом Леонардо, даже Слоуну, который управляет моими делами...

Х».

— Должно быть, это то самое письмо, которое Халкис велел тогда отправить этой девчонке Бретт, — проворчал инспектор. — Не почерк, а каракули. Но для слепого довольно прилично.

Эллери тихо спросил:

— Вы никогда никому не говорили об этом деле, мистер Нокс?

— Ни одной живой душе. До прошлой пятницы я, натурально, верил в байки Халкиса, что, дескать, музей не хочет огласки и прочее. Мою личную коллекцию, которая хранится у меня

дома, смотрят очень часто — друзья, коллекционеры, эксперты. Но Леонардо я прятал. И никогда никому о нем не говорил. С прошлой пятницы оснований для болтовни стало у меня еще меньше. От меня никто не узнал о Леонардо и о том, что он находится у меня.

Сэмпсон забеспокоился:

— Вы, конечно, понимаете, мистер Нокс, что оказались в необычном положении?

— Да? Что такое?

— Я о том, — запинаясь, продолжил Сэмпсон, — что владение похищенной собственностью по природе своей...

— Мистер Сэмпсон имеет в виду, — пояснил инспектор? — что формально вы соучаствовали в уголовном преступлении.

— Чепуха. — Нокс внезапно расхохотался. — Какие у вас доказательства?

— Ваше собственное признание, что картина находится у вас.

— Тьфу! А если я стану отрицать эти свои басни?

— Ну нет, вы не станете, — спокойно заметил инспектор. — Я уверен.

— Картина докажет, что это не басни, — сказал Сэмпсон, нервно покусывая губу.

Нокс не утратил бодрости духа.

— А вы можете предъявить картину, джентльмены? Без этого Леонардо вам не на что опереться.

Инспектор прищурился:

— Вы хотите сказать, мистер Нокс, что намеренно спрячете эту картину, откажетесь передать ее в руки властей, откажетесь признать, что владеете ею?

Нокс помассировал челюсть, поглядывая то на Сэмпсона, то на инспектора.

— Послушайте. Что вы за это ухватились? Это что — убийство или уголовное присутствие? — Он улыбался.

— Мне кажется, мистер Нокс, — сказал, поднимаясь на ноги, инспектор, — что вы заняли весьма странную позицию. Расследование любого криминального аспекта отношений в обществе находится в нашей компетенции. А если вы это понимаете, то зачем рассказали нам все это?

— Вот сейчас вы задали правильный вопрос, инспектор, — живо откликнулся Нокс. — По двум причинам. Во-первых, я хочу помочь раскрыть убийство. Во-вторых, у меня есть личные корыстные цели.

— Что это значит?

— Меня надули, вот что это значит. Этот Леонардо, за которого я заплатил три четверти миллиона долларов, никакой не Леонардо!

— Вот как. — Инспектор уставился на него пронизывающим взглядом. — Значит, это была наживка? Когда выяснилось?

— Вчера. Вчера вечером. Попросил исследовать картину моего личного эксперта. Его благоразумие гарантируется — болтать он не станет. Только он один о ней знает, и узнал только вчера. Он считает, что картину написал ученик Леонардо или, возможно, Лоренцо ди Креди, один из современников Леонардо, — они оба были учениками Верроккьо. Его слова я ценю. Несмотря на превосходную технику, напоминающую Леонардо, некоторые особые признаки, в которые я сейчас не буду вдаваться, позволили ему составить это мнение. Проклятая картина стоит несколько тысяч... Вот что я купил. Меня просто накололи.

— В любом случае картина принадлежит музею Виктории, мистер Нокс, — стоял на своем окружной прокурор. — Ее следует вернуть...

— Откуда мне знать, что она принадлежит музею Виктории? Откуда мне знать, что я купил не копию? Предположим, что Леонардо из Вик-

тории и правда украли. Это не значит, что мне предложили именно его. Может быть, Гримшоу смошенничал — в этом нет ничего удивительного. А может быть, Халкис. Кто знает? И что вы собираетесь с этим делать?

Эллери сказал:

— Я предлагаю, чтобы каждый из присутствующих сохранил всю эту историю в тайне.

На том и порешили. Хозяином положения был Нокс. Правда, окружной прокурор все никак не мог успокоиться. Он что-то горячо шептал инспектору, но тот лишь пожимал плечами.

— Позвольте мне вернуться к сцене моего позора, — с несвойственной ему скромностью проговорил Эллери. — Мистер Нокс, что именно произошло в прошлую пятницу вечером в отношении завещания?

— Когда Гримшоу отказался, Халкис машинально прошел к стенному сейфу, убрал завещание в лежащий там стальной ящик, запер его и закрыл сейф.

— А чайная посуда?

Нокс отрывисто произнес короткими, рублеными фразами:

— Мы с Гримшоу вошли в библиотеку. Посуда стояла на столике у письменного стола. Халкис

спросил, хотим ли мы чаю. Как я заметил, чайник он включил. Мы оба отказались. Во время разговора Халкис сам налил себе чашку...

— Взял заварочный пакетик и ломтик лимона?

— Да. Потом пакетик опять вынул. Но, взволнованный разговором, пить не стал, и чай остыл. Пока мы там были, Халкис к нему не прикасался.

— Всего на подносе было три чашки с блюдцами?

— Да. Две чашки остались чистыми, и воду в них никто не наливал.

Эллери горько сказал:

— Мне необходимо уладить определенные недоразумения. Говоря откровенно, умный противник выставил меня настоящим ослом. Я думал, что веду игру в макиавеллиевском стиле, а вышло просто нелепо.

Однако нельзя позволить, чтобы личные соображения затуманили более важный вопрос. Будьте, пожалуйста, внимательны — вы, мистер Нокс, ты, папа, вы, Сэмпсон, и вы, Пеппер. Если я поскользнусь где-либо, поймайте меня.

Меня обвел вокруг пальца изобретательный преступник. Будучи осведомлен о склонности моего ума к сложным логическим конструкциям, он в назидание мне намеренно состряпал лож-

ные улики, за них я и ухватился при построении «умного» решения — то есть решения, которое вело к разоблачению Халкиса как преступника. Поскольку мы знаем, что в течение нескольких дней после смерти Халкиса на подносе стояла лишь одна грязная чашка, то привлечение внимания ко всем трем чашкам было наверняка ловушкой, поставленной убийцей. Чтобы испачкать две чистые чашки, преступник намеренно пользовался только чаем из полной, но нетронутой чашки Халкиса, а потом куда-то вылил чай, оставив первоначальное количество воды в чайнике, чтобы дать отправную точку для ложной дедукции. Свидетельство мисс Бретт, устанавливающее время, когда она видела чашки в их исходном состоянии, полностью освобождает Халкиса от обвинения в фабрикации улик. Ведь в это время Халкис был не только мертв, но и похоронен. Есть только одно лицо, имевшее мотив для создания этих фальшивых меток, и это сам убийца — человек, который обеспечивал меня ложными догадками, отводя подозрения от себя.

Теперь, — так же нудно продолжал Эллери, — улика, которая имела целью показать, что Халкис не был слепым... Преступник воспользовался случаем. Он узнал — или уже был в курсе,

— для чего предназначено расписание Халкиса, и он же нашел пакет от Баррета на столике в холле, причем тогда же примерно, когда устроил ловушку с чашками. Решив сыграть на разнице цвета галстуков, он положил пакет в ящик комода у Халкиса в спальне, чтобы я обязательно его нашел и использовал в своем дедуктивном методе. Встает вопрос: Халкис действительно был слепой, вне зависимости от ловушки, или нет? Какой информацией обладал преступник? Я пока оставлю этот вопрос и вернусь к нему позже.

Один момент все же очень важен. Преступник не мог так устроить, чтобы Халкис надел не тот галстук утром перед смертью. Вся цепочка умозаключений, на которой я основывал вывод, что Халкис обрел зрение, была в чем-то ошибочной. Поэтому нам нужно поработать с теорией, что Халкис действительно оставался слепым, хотя все же возможно, что и нет...

— Возможно, но не вероятно, — прокомментировал Сэмпсон, — иначе, как вы указывали, почему же он хранил молчание, если внезапно обрел зрение?

— Совершенно верно, Сэмпсон. Похоже, Халкис и правда слепой. А моя логика была ошибочной. Но как объяснить, что слепой Халкис знал, что на

нем красный галстук? Есть ли вероятность, что Демми, Слоун или мисс Бретт сказали Халкису о красном галстуке? Это объяснило бы известные нам факты. С другой стороны, если их показания правдивы, то объяснение нужно искать где-то еще. Если мы не сможем найти удовлетворительного объяснения, мы будем вынуждены заключить, что один из этих троих солгал в своих показаниях.

— Эта девчонка Бретт, — заворчал инспектор, — далека от моего идеала надежного свидетеля.

— На одних ощущениях, не подкрепленных фактами и анализом, мы ничего не достигнем. — Эллери покачал головой. — Тогда нам придется признать недостаточность умозаключений, чего мне бы не хотелось... Во время рассказа мистера Нокса я внимательно изучил все возможности, и теперь понимаю, что в первоначальном анализе пропустил одну возможность — довольно ошеломляющую, надо сказать, если она верна. Дело в том, что есть один способ, с помощью которого мистер Халкис мог бы узнать, что надел красный галстук, и для этого ему не нужно было видеть цвет... Довольно легко ее подтвердить или опровергнуть. Извините, я на минуту отвлекусь.

Эллери подошел к телефону и вызвал дом Хал-

киса, остальные ждали в молчании. Ясно было, что это своего рода тест.

— Миссис Слоун... Миссис Слоун? Это Эллери Квин. Мистер Деметриос Халкис дома?.. Превосходно. Пожалуйста, передайте ему, чтобы он немедленно пришел в Главное полицейское управление на Сентр-стрит, в кабинет инспектора Квина... Да, я понимаю. Очень хорошо, тогда пусть Уикс его проводит... Миссис Слоун, скажите вашему кузену, чтобы захватил с собой один из зеленых галстуков вашего брата. Это важно... Нет, пожалуйста, не говорите об этом Уиксу. Спасибо. — Он постучал по рычагу и сказал полицейскому телефонисту: — Найдите, пожалуйста, Триккалу, грека-переводчика, и попросите зайти в кабинет инспектора Квина.

— Я не совсем понимаю... — начал Сэмпсон.

— Прошу вас. — Твердой рукой Эллери закурил новую сигарету. — Позвольте мне продолжить. Что мы имеем? А вот что — теперь должно быть ясно, что все решение с Халкисом в роли убийцы рухнуло. Это решение базировалось на двух моментах: первое, что Халкис на самом деле не был слепым, и второе, что в прошлую пятницу вечером в его кабинете было только два человека. Мистер Нокс и мисс Бретт уже опровергли второй

пункт, и у меня есть все основания полагать, что через некоторое время я смогу опровергнуть пункт первый. Иначе говоря, если мы сможем продемонстрировать, что в тот вечер Халкис действительно был слепым, то у нас не останется резонов подозревать его в убийстве Гримшоу. То есть мы сможем вывести Халкиса из списка подозреваемых. Только убийце нужны были ложные улики. Эти улики появились после смерти Халкиса и, более того, должны были создать впечатление, что он и является преступником. Следовательно, Халкис, по крайней мере в смерти Гримшоу, не виновен.

Из рассказа мистера Нокса стало очевидно, что Гримшоу был убит по мотивам, связанным с похищенным Леонардо, и это не слишком сильно отличается от моих прежних предположений, — продолжал Эллери. — Один момент, кажется, служит подтверждением мотива похищенной картины: когда Гримшоу нашли в гробу, то долгового обязательства, которое, по словам мистера Нокса, передал шантажисту Халкис, ни в бумажнике, ни в одежде Гримшоу не обнаружилось. Очевидно, убийца присвоил документ, как только задушил Гримшоу. Убийца мог грозить этим долговым обязательством Халкису, поскольку,

как мы помним, Гримшоу был убит до смерти Халкиса. Однако Халкис неожиданно умирает, и обязательство становится практически бесполезным для убийцы, поскольку подобный документ, предъявленный к оплате кому-либо другому, кроме самого Халкиса, уже покойного, был бы равносилен признанию в убийстве. Таким образом, забирая долговое обязательство у Гримшоу, убийца имел в виду, что Халкис жив. И Халкис своей смертью в некотором отношении оказал хорошую услугу законным наследникам, сохранив в своей истощившейся собственности значительную сумму в полмиллиона долларов.

Но встает еще более важный вопрос.

Эллери замолчал и окинул взглядом кабинет. Он встал, подошел к двери, распахнул ее, выглянул наружу, снова закрыл и вернулся на место.

— Настолько важный, — жестко сказал он, — что даже секретарю не следует это знать.

Прошу внимания. Как я только что говорил, единственным лицом, имевшим основания перевести вину на умершего Халкиса, был, естественно, сам убийца. Вследствие этого убийца должен обладать двумя характеристиками. Первое: чтобы устроить ловушку при помощи ложных улик с чашками, он должен был иметь доступ в дом

Халкиса после похорон между вторником, когда мисс Бретт видела две чистые чашки, и пятницей, когда мы обнаружили три грязные чашки. Второе: вся эта хитрость с грязными чашками, которая должна была убедить, что участвовали лишь два человека, целиком зависела — подчеркнем этот момент — от молчания мистера Нокса о том факте, что он был третьим.

На последнем пункте позвольте остановиться подробнее. Как мы теперь знаем, в тот вечер встретились три человека. Кто бы позднее с помощью чайных чашек ни представил дело так, будто на этой встрече присутствовали лишь двое, он, очевидно, знал, что их было трое, и знал, кто именно. Но заметьте! Он хотел, чтобы в полиции считали, что присутствовали двое, следовательно, нужно обеспечить молчание каждого из троих, реально присутствовавших на встрече, иначе обман был бы раскрыт. Но в интервале между вторником и четвергом, когда автор идеи о двух участниках изменил картину на подносе, он мог положиться на молчание только двоих — убитого Гримшоу и умершего естественной смертью Халкиса. Оставался третий потенциальный информатор, мистер Нокс, чьи показания могли бы разрушить его схему. Однако, несмотря

на то что мистер Нокс жив, здоров и невредим, интриган осуществил свои намерения. Иначе говоря, он был убежден, что мистер Нокс будет хранить молчание. Пока все ясно?

Все покивали, внимательно следя за каждым звуком. Нокс наблюдал за движением губ Эллери до странности напряженно.

— Но что дало ему повод думать, что можно рассчитывать на молчание мистера Нокса? — решительно шел вперед Эллери. — Только одно: если он знал всю историю с Леонардо, только если он знал, что мистер Нокс получил в собственность это полотно при незаконных обстоятельствах. Тогда, и только тогда он мог быть уверен, что мистер Нокс в целях самозащиты должен умолчать о том, что был третьим на встрече, состоявшейся в прошлую пятницу вечером в доме Халкиса.

— Круто, молодой человек, — сказал Нокс.

Эллери не улыбнулся.

— Самый важный вывод из этого анализа еще впереди. Кто же мог знать всю историю с похищением Леонардо и вашей связи с ним, мистер Нокс?

Давайте методом исключения.

Халкис, судя по его письму, никому не говорил, а теперь он умер.

Вы, мистер Нокс, не говорили никому, кроме одного человека, и мы можем его исключить чисто логически. Вы рассказали о картине вашему эксперту, который вчера исследовал для вас эту картину и объявил, что эта работа другого художника, не Леонардо да Винчи. Но он узнал о картине лишь вчера вечером — слишком поздно, чтобы сфабриковать улики! Улики подбросили раньше, ведь я их обнаружил вчера утром. Таким образом, мы исключили вашего эксперта, единственного человека, узнавшего от вас, что владелец этой картины — вы, мистер Нокс. Эти рассуждения могут показаться необязательными, поскольку ваш эксперт никак не вписывается в эту схему и бессмысленно считать его преступником, но я решил быть очень аккуратным и строить умозаключения на основе неопровержимой логики.

Он буравил взглядом стену.

— Кто остается? Только Гримшоу, а он убит. Но, согласно вашей передаче собственных слов Гримшоу, сказанных в тот вечер у Халкиса, он заявил, что говорил об этом лишь одному человеку. «Одному-единственному на свете» — так, кажется, он поведал о похищенной картине. По признанию Гримшоу, это его партнер. И это

единственное лицо, следовательно, является единственным посторонним, в достаточной мере осведомленным и о похищении картины, и о вашем владении ею, чтобы, во-первых, подбросить ложные улики о трех использованных чашках, а во-вторых, рассчитывать на ваше молчание!

— Верно, верно, — пробормотал Нокс.

— Какой же отсюда вывод? — монотонно продолжал Эллери. — Поскольку партнер Гримшоу был единственным человеком, кто мог подстроить ложные улики, а убийца был единственным человеком, имеющим основания подстроить ложные улики, следовательно, партнер Гримшоу должен быть убийцей. Согласно рассказу самого Гримшоу, партнер провожал его в номер отеля «Бенедикт» вечером накануне роковых событий, и, как мы можем предположить, он же встретил Гримшоу после того, как вы с ним вышли из дома Халкиса вечером в пятницу. В это время партнер мог узнать о предложенном новом завещании, о долговом обязательстве и обо всем остальном, что случилось во время вашего визита к Халкису.

Инспектор произнес задумчиво:

— Несомненно, мы продвинулись вперед, но в данный момент это продвижение ничего нам не дает. Человек, сопровождавший Гримшоу

вечером в прошлый четверг, — это может быть кто угодно. Его описания у нас нет.

— Это правда. Но мы, по крайней мере, ответили на некоторые вопросы и знаем, куда двигаемся. — Эллери погасил сигарету и устало посмотрел на своих собеседников. — До сих пор я намеренно обходил один важный момент. А именно: как случилось, что убийца обманулся, и мистер Нокс не стал хранить молчание. Так почему же вы не сохранили все это в тайне, мистер Нокс?

— Я вам говорил, — откликнулся банкир. — Мой Леонардо — вовсе не Леонардо. Практически ничего и не стоит.

— Точно. Мистер Нокс заговорил, обнаружив, что картина практически ничего не стоит. Грубо говоря, нашел, как себя вывести из неприятной ситуации, и решил рассказать всю историю. Но он ее рассказал только нам, джентльмены! То есть убийца, партнер Гримшоу, до сих пор считает, что раз мы клюнули на ложные улики, то версия с Халкисом для нас приемлема. Очень хорошо — мы угодим ему в одном и не станем делать одолжение в другом. Мы не можем публично принять версию, что убийцей был Халкис, — мы знаем, что это не так. Но надо и скормить что-то нашему убийце, дать ему свободу действий:

посмотрим, что он предпримет дальше. Можно и подстегнуть его, пусть он продолжит как-то себя проявлять. То есть давайте откажемся от версии Халкиса и огласим свидетельство мисс Бретт, из-за которого мыльный пузырь с версией Халкиса лопнул; но вместе с тем мы ничего не будем говорить о том, что на первый план вышел мистер Нокс со своей историей, — ни единого слова. Тогда убийца поверит, что мистер Нокс промолчал, и будет по-прежнему рассчитывать на его молчание, даже не подозревая, что картина не является подлинником Леонардо ценой в миллион долларов.

— Заставим его защищаться, — пробормотал окружной прокурор. — Ведь он поймет, что мы еще гонимся за убийцей. Да, Эллери, идея хороша.

— И тут нет риска спугнуть добычу, — продолжал Эллери. — Убийца просто будет вынужден принять новое положение дел, поскольку он с самого начала допускал, что кто-то заметит различия во внешнем виде чашек. И то, что эти различия все-таки были замечены, он воспримет не как гибельное обстоятельство, а просто как неудачу.

— А как насчет исчезновения Чини? — спросил

Пеппер.

Эллери вздохнул:

— Конечно, мое блистательное умозаключение, что Алан Чини похоронил тело Гримшоу, целиком базировалось на гипотезе, что убийство совершил его дядя, Халкис. Обладая новыми фактами, мы получили основания считать, что Гримшоу был похоронен тем же человеком, который его убил. Во всяком случае, имеющиеся у нас данные не объясняют исчезновения Чини, остается только ждать.

Зазвонил аппарат внутренней связи, и инспектор поднялся, чтобы ответить.

— Давай его сюда. А другого подержи за дверью. — Он повернулся к Эллери: — Вот, сын, пришел твой человек. Уикс его доставил.

Эллери кивнул. Дверь открылась, пропуская нескладную фигуру Деметриоса Халкиса в скромном и строгом костюме. Он кривил рот в пугающе бессмысленной усмешке, отчего выглядел еще идиотичней, чем всегда. Через дверь был виден дворецкий Уикс, прижимая котелок к груди, он беспокойно пристраивался на стул в приемной. Почти сразу в приемной показался и Триккала, грек-переводчик.

— Триккала! Входите! — крикнул Эллери и

повернулся посмотреть на тощий пакет в костлявых пальцах Демми.

Триккала всем своим видом выражал вопрос. Дверь, ведущая в приемную, закрылась, и Эллери сказал:

— Триккала, спросите его, принес ли он то, что ему велели.

Триккала выпалил в ухмылявшегося слабоумного несколько слов. Лицо Демми осветилось, он энергично закивал и поднял пакет повыше.

— Очень хорошо. — Эллери был очень сдержан, следил за словами. — Теперь спросите его, Триккала, что ему велели принести.

Последовал короткий и горячий обмен непонятными звуками, и Триккала ответил:

— Он говорит, что должен был принести зеленый галстук, один из зеленых галстуков из гардероба его кузена Георга.

— Превосходно. Попросите его вынуть этот зеленый галстук.

Триккала бросил Демми что-то резкое, тот опять кивнул и принялся копошиться со шнурком на пакете. Процедура эта оказалась довольно продолжительной, и все это время взгляды присутствовавших были устремлены на его неумелые руки. Наконец он справился с упрямым

узелком, аккуратно свернул шнурок в кольцо и положил в карман, затем развернул пакет. Бумага упала на пол — Демми держал в руках красный галстук...

Эллери как мог успокоил поднявшийся вслед за этим галдеж, образуемый возбужденными возгласами обоих юристов и умеренно крепкими ругательствами инспектора. Демми уставился на них со всегдашней своей пустой улыбкой, молча ожидая одобрения. Эллери повернулся, выдвинул верхний ящик отцовского стола, быстро там все перерыл и выпрямился с блокнотом в руках — с зеленым блокнотом.

— Триккала, — сказал он, — спросите его, какого цвета этот блокнот.

Триккала перевел. Ответ Демми по-гречески звучал весьма решительно.

— Он говорит, — удивленно сообщил переводчик, — что блокнот красный.

— Отлично. Спасибо, Триккала. Проводите его в приемную и скажите человеку, который там дожидается, что им можно идти домой.

Триккала взял слабоумного за руку и вывел из кабинета. Эллери закрыл за ними дверь.

— Ну вот, кажется, и объяснилось, почему я сбился в своих слишком самоуверенных умоза-

ключениях, — произнес он. — Я не учел самой незначительной вероятности, что Демми может быть дальтоником!

Все дружно кивнули. А он продолжал:

— Я исходил из того, что если Халкису никто не говорил, что на нем красный галстук, и если Демми одел его по расписанию, то Халкис знал цвет галстука, потому что его видел. Я не учел, что само расписание может ввести в заблуждение. Согласно расписанию, в субботу утром Демми должен был подать Халкису зеленый галстук. Но теперь мы узнаем, что для Демми слово «зеленый» означает красный цвет, потому что он дальтоник. Иначе говоря, Демми страдает распространенным отклонением — частичной цветовой слепотой, при которой красное воспринимается как зеленое и наоборот. Халкис знал об этом недостатке Демми и учел его, составляя расписание — в отношении этих двух цветов. Желая надеть красный галстук, он говорил Демми, чтобы тот принес зеленый. И расписание служило той же самой цели. Итак, можно подытожить: в то утро, несмотря на то что Халкис повязал галстук другого цвета, чем было указано в расписании, он знал — и не потому, что ему кто-либо сообщил или он сам увидел, — просто знал, что на нем

красный галстук. Он не «сменил» галстук, он уже был в красном в девять часов утра, когда Демми вышел из дому.

— Что ж, — промолвил Пеппер, — это значит, что Демми, Слоун и мисс Бретт говорили правду. Уже что-то.

— Совершенно верно. Мы должны обсудить еще один отложенный вопрос: знал ли убийца-интриган, что Халкис был слепым, или он все-таки поверил, на основании данных, которые и меня сбили с толку, что Халкис прозрел. Но теперь это бесплодная затея. Хотя более вероятно последнее: он не знал, что Демми дальтоник, и, возможно, считает, что на момент смерти Халкис слепым не был. В любом случае из этого нам ничего не выжать. — Эллери обратился к отцу: — Кто-нибудь записывал посетителей дома Халкиса от вторника до пятницы?

Отозвался Сэмпсон:

— Кохалан. Мой сотрудник, он там постоянно. Ты захватил список, Пеппер?

Пеппер достал листок с машинописным текстом. Эллери быстро пробежал его глазами.

— Я вижу, тут есть новые имена.

Список содержал имена посетителей, упомянутых на том листе, который Квины изучали в

четверг утром перед эксгумацией, плюс всех тех, кто входил в дом с момента начала расследования после эксгумации. В это дополнение были включены все проживающие в доме Халкиса, а также следующие лица: Насио Суиза, Майлс Вудраф, Джеймс Дж. Нокс, доктор Дункан Фрост, Ханивел, преподобный Элдер, миссис Сьюзен Морс. В нем были перечислены несколько старинных клиентов покойного — помимо Роберта Петри и миссис Дьюк, внесенных в предыдущий список, упоминались также некто Рубен Голдберг, миссис Тимоти Уокер и Роберт Актон. Еще в дом Халкиса заходили служащие галереи: Саймон Брекен, Дженни Бом и Паркер Инсал. Завершался перечень именами газетных репортеров.

Эллери вернул бумагу Пепперу.

— Похоже, каждый житель города заглядывал в этот дом... Мистер Нокс, вы точно сохраните в тайне всю историю с Леонардо и вашим приобретением картины?

— Никому ни слова, — ответил Нокс.

— И держитесь настороже, сэр, — если возникнут новые обстоятельства, сразу же сообщите инспектору.

— Буду рад. — Нокс поднялся, и Пеппер вскочил подать ему пальто. — Работаю с Вудрафом, — про-

изнес Нокс, пытаясь попасть в рукав. — Нанял его заниматься юридической информацией об имуществе. Без завещания такая мешанина... И все-таки надеюсь, что новое завещание не всплывет где-нибудь. Вудраф говорит, оно только осложнит дело. Получил от миссис Слоун, как ближайшей родственницы, разрешение на управление имуществом, если новое завещание не будет найдено.

— Будь оно проклято, это украденное завещание! — раздраженно воскликнул Сэмпсон. — Хотя я считаю, у нас достаточно оснований, чтобы заявить о принуждении. Поднимется дикий скандал, но мы, вероятно, сумели бы его отменить. Вот интересно, а нет ли родственников у Гримшоу?

Нокс хмыкнул, махнул всем рукой и вышел. Сэмпсон с Пеппером посмотрели друг на друга.

— Понимаю, шеф, — тихо сказал Пеппер. — Вы думаете, что история Нокса о том, что его картина — не Леонардо, — это просто история, верно?

— Меня бы это не удивило, — признался Сэмпсон.

— Меня тоже! — рявкнул инспектор. — Пусть Нокс большая шишка, но он играет с огнем.

— Весьма вероятно, — согласился Эллери, — хотя для меня это не имеет особого значения. Но

он-то коллекционер-фанатик, и ясно, что захочет сохранить картину любой ценой.

— Да, — вздохнул старик, — поганые дела.

Сэмпсон и Пеппер кивнули Эллери и вышли из кабинета. Инспектор тоже удалился, ему надо было на пресс-конференцию для полицейских журналистов.

Эллери остался в одиночестве — праздный молодой человек с деятельным умом. Он уничтожал сигарету за сигаретой, время от времени морщась от кое-каких воспоминаний. Когда инспектор вернулся, один, без прокуроров, Эллери рассеянно и неодобрительно созерцал свои ботинки.

— Ну, утечка пошла, — пробурчал старик, погружаясь в кресло. — Передал ребяткам версию с Халкисом, а потом свидетельство Джоан Бретт, которое опрокинуло нашу телегу. Через несколько часов эта информация разлетится по всему городу, и нашему приятелю-убийце придется зашевелиться.

Он что-то пролаял в селектор, и через мгновение в кабинете возникла секретарша. Инспектор продиктовал телеграмму, которую следовало адресовать директору музея Виктории в Лондоне с пометкой «Конфиденциально». Закончив писать, секретарша исчезла.

— Ну, посмотрим, — рассудительно произнес старик, потянувшись к табакерке. — Выясним, что у нас за дела с этими художествами. Мы только что переговорили об этом с Сэмпсоном. Нельзя это бросить только потому, что так сказал Нокс... — Он насмешливо понаблюдал за своим молчаливым сыном. — Ладно, Эл, прекрати. Это же не конец света. Ну, лопухнулся ты с Халкисом — что за беда? Забудь об этом.

Эллери медленно поднял голову:

— Забыть? Вот уж о чем нельзя забывать, папа. — Он сжал кулак и посмотрел на него невидящим взглядом. — Если дело Халкиса, помимо всего прочего, и научило меня чему-нибудь, то как раз этому — и если ты поймаешь меня на том, что я нарушу свой обет, лучше пристрели меня на месте. Слушай: никогда впредь, пока я не соберу в единое целое все разрозненные элементы преступления, пока не объясню каждую, даже несущественную, непонятную деталь, я не буду выдвигать решение интересующего меня

дела[17].

Инспектор забеспокоился:

— Ну что ты, мальчик...

— Когда я думаю, каким дураком себя выставил — каким надутым, явным, самодовольным ослом и болваном...

— А я считаю, что твое решение, пусть и ошибочное, все равно было сделано блестяще. — Инспектор попытался защитить сына от его же суда.

Эллери не ответил. Он начал полировать стекла пенсне, уставившись горьким взглядом в стену над головой отца.

## Глава 16
## ГРЕХИ

Пресловутая рука правосудия настигла молодого мистера Алана Чини и выдернула его почти из

---

**[17] ПРИМЕЧАНИЯ: 17**

Этот обет довольно хорошо объясняет ситуацию, по поводу которой возникало много гипотез и критических высказываний. Было замечено, что в своем методе, показанном в трех романах, уже представленных публике, Эллери никогда не обращает внимание на чувства отца, тщательно скрывая все, что ему известно и понятно о преступлении, до тех пор пока решение не будет готово полностью. Его странное поведение находит объяснение, если вспомнить, что этот обет Эллери дал при расследовании своего первого дела. (Примеч. Дж.Дж. Мак-К.)

небытия на свет божий. Если говорить точнее, ее длань опустилась ему на плечо вечером в воскресенье, 10 октября, на летном поле Буффало, когда он собирался нетвердой ногой ступить на борт самолета до Чикаго. Рука у детектива Хэгстрома — американского джентльмена, в жилах которого текла кровь викингов, — была уверенная, и она быстренько переместила молодого мистера Алана Чини, смотревшего на мир затуманенным взором, отупевшего, угрюмого, вдребезги пьяного, в ближайший экспресс, следующий через штат Нью-Йорк в город с тем же названием.

Семейство Квин получило телеграмму о задержании уже после того, как унылое воскресенье плавно перешло в понедельник, также не обещавший особых радостей жизни; но по этому случаю отец с сыном с самого раннего утра были уже на ногах и сразу отправились на Сентр-стрит приветствовать возвращение бунтаря и вместе с ним, естественно, торжествующего охотника. В комитет по организации встречи вошли также окружной прокурор Сэмпсон и помощник окружного прокурора Пеппер. Атмосфера в этой части Главного полицейского управления царила и правда радостная.

— Ну, мистер Алан Чини, — радушно начал

инспектор, когда молодой Алан, еще более потрепанный и сердитый, чем обычно, и уже не испытывающий живительного воздействия выпивки, упал в кресло, — что вы можете сказать в свое оправдание?

С трудом разжав потрескавшиеся губы, Алан прохрипел:

— Я отказываюсь говорить.

Сэмпсон рявкнул:

— Вы хоть понимаете, Чини, что значит ваше бегство?

— Бегство? — Алан тупо и пасмурно смотрел в пространство.

— О, так это было не бегство. Обычная прогулка — маленькие каникулы, да, молодой человек? Ну-ну. — Инспектор хохотнул и вдруг резко сменил тон, что было для него весьма характерно: — Это не шутка, а мы не дети. Вы сбежали. Почему?

Молодой Алан скрестил руки на груди и демонстративно уперся взглядом в пол.

— Не потому ли... — инспектор пошарил в верхнем ящике стола, — что вы боялись тут оставаться? — Его рука появилась из ящика и помахала запиской, которую сержант Вели нашел в спальне Джоан Бретт.

Алан сразу побледнел и уставился на клочок

бумаги, как на воскресшего врага.

— Откуда вы это взяли? — прошептал он.

— Ага, раздразнил я вас? Эту записку мы нашли у мисс Бретт под матрасом, если вам угодно знать!

— Она... что же... не сожгла ее...

— Нет, не сожгла. Хватит ломать комедию, сынок. Ты будешь говорить или нам немного надавить на тебя?

Алан быстро замигал.

— Что случилось?

Инспектор повернулся к остальным:

— Слышали? Это он хочет получить информацию, щенок!

— Но мисс Бретт... С ней все в порядке?

— Сейчас да.

— Что это значит? — Алан вскочил на ноги. — Вы не...

— Мы не... что?

Он помотал головой и снова сел, устало закрыв руками лицо.

— Кью! — Сэмпсон знаком отозвал его в сторонку.

Инспектор посмотрел на растрепанные волосы юноши и отошел с окружным прокурором в угол.

— Если он отказывается отвечать, — тихо произнес Сэмпсон, — мы ничего не можем на него повесить. Можно подержать его чисто формально, но толку от этого не будет. В конце концов, против него у нас ничего нет.

— Верно. Но прежде чем мы позволим этому юнцу снова проскользнуть у нас между пальцами, я хотел бы выяснить одну вещь.

Старик подошел к двери.

— Томас!

Появился сержант Вели и застыл в дверном проеме, расставив ноги, как Колосс Родосский.

— Привести его сейчас?

— Да. Давай его сюда.

Вели развернулся. Через минуту он возник снова, сопровождая хлипкую фигурку Белла, ночного портье из отеля «Бенедикт». Алан Чини сидел неподвижно, скрывая тревогу под маской надменного упрямства. Он метнул взглядом в Белла, словно ждал от него каких-то неприятностей.

Инспектор указал большим пальцем в сторону жертвы:

— Белл, узнаете в этом человеке одного из гостей, посетивших Альберта Гримшоу в тот четверг вечером?

Белл досконально изучил мрачную физио-

номию юноши. Алан встретил его взгляд со странной смесью вызова и замешательства. Белл решительно помотал головой:

— Нет, сэр, его среди них не было. И раньше я никогда не видел этого джентльмена.

Инспектор выразил досаду ворчанием, а Алан, не поняв смысла проверки, но почувствовав ее провал, с облегчением откинулся на спинку.

— Хорошо, Белл. Подождите снаружи.

Белл поспешно ретировался, и сержант Вели приналег спиной на дверь.

— Ну, Чини, все еще отказываетесь объяснить, с чего это вы удрали?

Алан облизнул губы.

— Я хочу видеть своего адвоката.

Инспектор всплеснул руками:

— Господи, сколько же раз я это слышал! И кто же ваш адвокат, Чини?

— Этот... Майлс Вудраф.

— Защитник интересов семьи? — противным голосом поинтересовался инспектор. — Ну, в этом нет нужды. — Инспектор плюхнулся в кресло и посоветовался со своей табакеркой. — Мы собираемся вас отпустить, молодой человек, — сказал он, вертя в руках старинную коричневую коробочку, словно сожалея о необходимости

освободить пленника.

Как по волшебству, лицо Алана просветлело.

— Вы можете идти домой. Но, — и старик наклонился вперед, — могу кое-что обещать. Еще одна выходка вроде субботней, и я посажу тебя за решетку, мой мальчик, даже если для этого мне понадобится пойти к комиссару. Ясно?

— Да, — выдохнул Алан.

— Более того, — продолжал инспектор, — не стану церемониться и сообщу тебе, что ты под наблюдением. Каждый твой шаг. Поэтому не пытайся снова дать деру — когда выйдешь из дому, наш человек не выпустит из виду твою задницу ни на секунду. Хэгстром!

Детектив подпрыгнул.

— Отведи мистера Чини домой. Останься с ним в доме Халкиса. Не надоедай ему. Но будь с ним рядом, как брат, каждый раз, когда он выйдет за порог.

— Понял. Идемте, мистер Чини. — Хэгстром усмехнулся и ухватил молодого человека за плечо. Алан проворно вскочил, стряхнул руку детектива, расправил плечи в жалкой попытке выказать пренебрежение и гордо зашагал из комнаты с Хэгстромом за спиной.

Следует заметить, что присутствовавший при

этой сцене Эллери Квин не проронил ни звука. Он изучал свои идеальные ногти, поднимал пенсне к свету, будто никогда раньше его не видел, вздыхал, истребил несколько сигарет и вообще вел себя так, словно все это ему до смерти надоело. Единственная искра интереса промелькнула в начале очной ставки Чини с Беллом, но тут же и погасла, как только Белл не смог опознать Чини.

Однако Эллери насторожился, когда Пеппер после ухода Чини и Хэгстрома сказал:

— Мне кажется, шеф, что он уходит от наказания за убийство.

Сэмпсон спокойно отозвался:

— А у нас на него что-то есть, как считает твой мощный мозговой аппарат?

— Но он же смылся, так?

— Тонко замечено! Но сможешь ли ты убедить присяжных, что человек является преступником, только потому, что сбежал?

— Это он, — уперся Пеппер.

— Болтовня, — оборвал инспектор. — Ни крупицы доказательств, и тебе это хорошо известно, Пеппер. Но он в наших руках. И если с ним что-то не так, мы это обнаружим... Томас, а что у тебя-то на уме? Тебя прямо распирает.

И правда, сержант Вели поворачивался от одно-

го к другому, открывал и закрывал рот, никак не успевая найти щель в разговоре. Но тут он сделал вдох, достойный жителя гулливеровской страны великанов, и сказал:

— Я достал их обоих!

— Кого «обоих»?

— Даму, с которой Гримшоу ссорился в кабаке у Барни Шика, и ее мужа.

— Не может быть! — Инспектор резко приподнялся в кресле. — Отличная новость, Томас. Как тебе удалось?

— Через досье Гримшоу, — прогудел Вели. — Некая Лили Моррисон, когда-то они с Гримшоу неплохо проводили время. Пока Гримшоу сидел, она вышла замуж.

— Вызови Барни Шика.

— Он у меня тоже тут.

— Прекрасно. Давай их всех сюда.

Вели бодро затопал из комнаты, а инспектор в ожидании новых лиц устроился поудобнее в кресле-вертушке. Через минуту сержант появился с краснолицым владельцем бара, и инспектор велел ему сидеть тихо, потому что Вели уже открывал другую дверь, чтобы ввести в кабинет мужчину и женщину.

Они вошли нерешительно. Женщина была

самая настоящая Брунгильда[18], крупная, белокурая дева-воительница. Мужчина ей вполне соответствовал — седой, громадный, как гризли, лет сорока, с ирландским носом и жесткими черными глазами.

Вели возвестил:

— Мистер и миссис Джереми Оделл, инспектор.

Инспектор указал на стулья, и они чопорно сели. Хозяин кабинета начал копаться в каких-то бумагах на столе — обычный простенький прием, выполняемый только ради эффекта. Это и на них произвело должное впечатление, они перестали исподтишка бегать глазами по кабинету и сосредоточились на тонких пальцах старика.

— Итак, миссис Оделл, — начал инспектор, — прошу вас, не пугайтесь, это чистая формальность. Знаете ли вы Альберта Гримшоу?

Их взгляды встретились, и она сразу отвела глаза.

— Вы говорите о мужчине, которого нашли задушенного до смерти в том гробу? — спросила она. Ее низкий гортанный голос ко всему еще хрипел и булькал.

---

**[18] ПРИМЕЧАНИЯ: 18**

Брунгильда — героиня древнегерманского героического эпоса.

У Эллери сразу заболело горло.

— Да. Знаете его?

— Я... Нет, не знаю. Только из газет.

— Понятно. — Инспектор повернулся к Барни Шику, неподвижно сидевшему в другой стороне комнаты: — Барни, узнаешь эту даму?

Оделлы заерзали, женщина тихо ахнула. Волосатая рука мужа сжала ей руку, и она обернулась, стараясь сохранить самообладание, но это ей удавалось плохо.

— Конечно, узнаю, — сказал Шик. Лицо у него сразу взмокло.

— Где ты ее видел в последний раз?

— В моем заведении на Сорок пятой улице. Неделю назад... нет, почти две недели. Вечером в среду.

— При каких обстоятельствах?

— А?.. А. С тем парнем, которого кокнули, — с Гримшоу.

— Миссис Оделл ссорилась с покойным?

— Да. — Шик загоготал. — Только тогда он еще не был покойным, инспектор. Совсем не был!

— Прекращай кривляться, Барни. Ты уверен, что именно эту женщину видел с Гримшоу?

— Еще как.

Инспектор повернулся к миссис Оделл:

— И вы говорите, что никогда не видели Альберта Гримшоу, никогда не знали?

Ее полные, перезрелые губы задрожали. Оделл наклонился вперед, нахмурив брови.

— Если моя жена говорит «нет», — прорычал он, — значит, нет — ясно?

Инспектор обдумал его слова.

— Гмм... В этом что-то есть... Барни, мальчик мой, а этого воинственного Мика[19] ты когда-нибудь видел? — Он ткнул большим пальцем в сторону громадного ирландца.

— Нет. Не сказал бы.

— Хорошо, Барни. Возвращайся к своим клиентам.

Шик с хрустом поднялся на ноги и вышел.

— Миссис Оделл, какая у вас была девичья фамилия?

Дрожание губ усилилось.

— Моррисон.

— Лили Моррисон?

— Да.

— Давно вы замужем за Оделлом?

— Два с половиной года.

— Так-так. — Старик снова сверился с фиктив-

---

**[19] ПРИМЕЧАНИЯ: 19**

Мик — обидное прозвище ирландцев.

ным досье. — Теперь послушайте меня, миссис Лили Моррисон Оделл. Вот передо мной четкие записи. Пять лет назад некто Альберт Гримшоу был арестован и отправлен в Синг-Синг. На момент его ареста данные о вашей с ним связи отсутствуют — верно. Но за несколько лет до этого вы с ним жили... Какой там адрес, сержант Вели?

— Десятая авеню, дом один-ноль-четыре-пять, — выпалил Вели.

Оделл вскочил, физиономия у него побагровела.

— Жила с ним, она? — рявкнул он. — Ни один негодяй не может безнаказанно сказать такое о моей жене! Выходи сюда, ты, старый пустозвон! Я выбью...

Пригнувшись, он двинулся вперед, при этом молотя кулаками по воздуху. И вдруг его голова резко дернулась назад, чуть не сломав шейный позвонок. Он попятился в железной хватке сержанта Вели, держащего его за воротник. Вели дважды встряхнул Оделла, как ребенок погремушку, и Оделл, разинув рот, шлепнулся обратно на стул.

— Веди себя хорошо, балбес, — мягко сказал Вели. — Не знаешь, что нельзя угрожать офицеру полиции? — Он не ослаблял захвата, так что

Оделл едва мог дышать и сидел в полном шоке.

— Я уверен, Томас, он будет вести себя хорошо, — заметил инспектор, словно ничего неподобающего не произошло. — Итак, миссис Оделл, я говорил...

Женщина, полными ужаса глазами наблюдавшая за жестоким обращением со своим слоноподобным мужем, всхлипнула.

— Я ничего не знаю. Не понимаю, о чем вы говорите. Я никогда не знала человека по имени Гримшоу. Никогда не видела...

— Слишком много «никогда», миссис Оделл. Почему Гримшоу две недели назад, как только вышел из тюрьмы, первым делом разыскал вас?

— Не отвечай, — сдавленно булькнула туша.

— Не буду. Не буду.

Инспектор обратил острый взгляд на мужа:

— Вы осознаете, что я могу вас задержать за отказ от содействия полиции в расследовании убийства?

— Давай попробуй, — засипел Оделл. — У меня есть влияние. Ничего у тебя не выйдет. Я знаю Оливанта из суда...

— Слышите, господин окружной прокурор? Он знает Оливанта из суда, — тяжко вздохнул инспектор. — Этот человек обещает применить свое

незаконное влияние... Оделл, какой у вас рэкет?

— Нет у меня никакого рэкета.

— О, значит, вы честно зарабатываете на жизнь. А какой у вас бизнес?

— Прокладка труб.

— Это объясняет ваши связи... Где вы живете, ирландец?

— В Бруклине, район Флэтбуш.

— Есть что-нибудь на этого типа, Томас?

Сержант Вели отпустил воротник Оделла.

— Чистое досье, шеф, — с сожалением сказал он.

— А на женщину?

— По-видимому, пошла по прямой дорожке.

— Вот! — торжествующе воскликнула миссис Оделл.

— Ага, значит, вы признаете, что раньше жили иначе?

Большие, коровьи глаза открылись еще шире, но она упрямо хранила молчание.

— Я предлагаю вызвать всеведущего мистера Белла. — Это Эллери подал голос из глубин своего кресла.

Инспектор кивнул Вели, тот вышел и почти сразу вернулся с ночным портье.

— Взгляните на этого мужчину, Белл, — сказал

инспектор.

Адамово яблоко Белла заметно дернулось. Дрожащим пальцем он ткнул в сторону насупившегося Джереми Оделла и закричал:

— Вот тот человек! Вот тот человек!

— Ха! — Инспектор поднялся на ноги. — Которым из них он был?

На какой-то момент Белл растерялся:

— Вот так-так, кажется, не могу припомнить точно... А, вспомнил! Этот человек пришел предпоследним, как раз перед бородатым доктором! — Его голос обрел уверенность. — Это же ирландец — здоровый мужик, я вам говорил, инспектор. Теперь вспомнил.

— Это точно?

— Готов поклясться.

— Хорошо, Белл. Ступай домой.

У ирландца отвисла челюсть, и в черных глазах появилось отчаяние.

— Ну, что скажете, Оделл?

Он помотал головой, как боксер-профессионал в состоянии грогги.

— О чем?

— Когда-нибудь видели этого человека, который только что вышел?

— Нет!

— Знаете, кто он такой?

— Нет!

— Это ночной портье, — любезно произнес инспектор, — из отеля «Бенедикт». Бывали там?

— Нет!

— Он говорит, что видел вас там, у своей стойки, между десятью и десятью тридцатью вечера, в четверг, тридцатого сентября.

— Наглая ложь!

— Вы подошли к стойке и спросили, зарегистрировался ли у них Альберт Гримшоу.

— Неправда.

— Вы узнали у Белла номер комнаты Гримшоу и поднялись наверх. Номер 314, Оделл. Помните? Нетрудно запомнить такой номер... Итак?

Оделл встал.

— Слушайте. Я честный налогоплательщик и гражданин. Вы просто бредите, и я ничего не понимаю. Это вам не Россия! У меня есть права! Пойдем, Лили, они не могут нас здесь удерживать!

Женщина послушно поднялась. Вели шагнул за Оделлом, и какое-то время казалось, что эти двое вот-вот схватятся, но инспектор жестом приказал Вели отойти в сторону и проследил, как Оделлы, сначала медленно, а затем с устрашающим уско-

рением, ринулись в дверь и исчезли из вида.

— Приставь к ним кого-нибудь, — сказал инспектор Квин самым печальным тоном, и Вели вышел.

— Самая упрямая и тупая пара свидетелей, — пробормотал Сэмпсон. — Что за всем этим стоит?

Эллери проворчал:

— Разве вы не слышали мистера Джереми Оделла, Сэмпсон? Все дело в Советской России. И в старой доброй красной пропаганде. Старая добрая Россия! Что бы делали без нее наши доблестные граждане?

Никто не обращал на него внимания.

— Ну тут и закручено, я вам скажу, — поднял брови Пеппер. — Этот весельчак Гримшоу заварил кучу темных дел...

Инспектор беспомощно развел руками, и они довольно долго просидели в молчании.

Но когда Пеппер и окружной прокурор поднялись, чтобы уйти, Эллери громогласно продекламировал:

— Скажем вместе с Теренцием[20]: «Все, что несет нам судьба, выдержим мы хладнокровно».

---

**[20] ПРИМЕЧАНИЯ: 20**

Публий Теренций Атер (ок. 195–159 до н.э.) — римский драматург.

* * *

Чуть не до конца дня в деле Халкиса сохранялось статус-кво, безотрадное в своей стабильности. Инспектор вернулся к своим служебным занятиям, очень разнообразным, а Эллери занимался своими делами, которые в основном сводились к жадному усвоению сигарет и мудрых строф из крошечного томика, хранимого в кармане, и все это — погрузившись в кожаное кресло в кабинете отца и предаваясь яростным раздумьям. Получалось, что цитировать Теренция легче, чем следовать его совету.

«Бомба» взорвалась как раз перед тем, как инспектор Квин, завершив на этот день все необходимую рутинную работу, решил забрать сына из кабинета и отбыть в другое, тоже не слишком веселое местечко — к себе домой. Инспектор почти уже влез в пальто, когда в кабинет влетел Пеппер, раскрасневшийся от возбуждения и необычной для него экзальтации. Он размахивал над головой почтовым конвертом.

— Инспектор! Мистер Квин! Смотрите-ка. — Швырнув конверт на стол, он забегал вокруг. — Только что поступило. Как видите, адресовано Сэмпсону. Шефа не было, его секретарша вскрыла

конверт и дала мне. Это слишком здорово, чтобы держать при себе. Прочитайте.

Эллери скоренько выбрался из кресла и встал рядом с отцом. Они вместе внимательно осмотрели конверт. Он был из дешевых, адрес напечатан на машинке, штемпель показывал, что письмо отправили из почтового отделения вокзала Гранд-Сентрал в то же утро.

— Ну-ка, посмотрим, что это, — пробормотал инспектор. Он аккуратно вытащил из конверта листок, вырванный из блокнота, тоже недорогого. Развернул. На нем было напечатано несколько строк — и ни даты, ни обращения, ни подписи. Старик прочитал его вслух, не спеша.

«Пишущему стало известно нечто пикантное — важное и пикантное — о деле Гримшоу. Окружного прокурора это должно заинтересовать.

Вот в чем дело. Просмотрите старые сведения об Альберте Гримшоу, и узнаете, что у него был брат. Но вот чего вы не сможете обнаружить, так это что его брат активно вовлечен в расследование. На самом деле сейчас он известен под именем мистера Гилберта Слоуна».

— Что вы об этом думаете? — кричал Пеппер.

Квины посмотрели друг на друга, затем на

Пеппера.

— Интересно, если это правда, — заметил инспектор. — Однако это может быть просто уловка.

Эллери безразлично произнес:

— Даже если это правда, я не понимаю, какое это может иметь значение.

У Пеппера вытянулась физиономия.

— Да будь я проклят! Слоун ведь отрицал даже, что вообще видел Гримшоу. Так разве не важно, если окажется, что они братья?

Эллери покачал головой:

— Да что здесь важного, Пеппер? Тот факт, что Слоун стыдился брата, сидевшего за решеткой? Да и еще и убитого при таких обстоятельствах? Нет, думаю, что молчать мистера Слоуна заставляла лишь боязнь потерять положение в обществе, а не что-либо более зловещее.

— А я в этом совсем не уверен, — упрямо сказал Пеппер. — Держу пари, что и шеф со мной согласится. Что вы собираетесь с этим делать, инспектор?

— В первую очередь, после того как вы, два юнца, устанете спорить, — сухо заметил инспектор, — посмотрю, нельзя ли чего-то еще выжать из этого письма.

Он подошел к селектору.

— Мисс Ламберт? Это инспектор Квин. Зайдите ко мне на минуту. — Он обернулся с мрачной усмешкой: — Подождем, что скажет эксперт.

Уна Ламберт оказалась молодой женщиной с резкими чертами лица и ровным мазком седины на почти черных волосах.

— Что у вас, инспектор Квин?

Старик бросил письмо через стол.

— А вот это. Сможете что-то отсюда извлечь?

К сожалению, извлечь удалось немного. Не считая того, что письмо было напечатано на пишущей машинке «Ундервуд», довольно новой, в хорошем состоянии и имеющей четкие литеры с совсем микроскопическими дефектами на некоторых из них, никакой пользы оно не дало. Однако мисс Ламберт не сомневалась, что сможет распознать любой другой образец, напечатанный на той же машинке.

— Ладно, — проворчал инспектор, когда Уна Ламберт ушла, — наверное, не стоит ждать чуда даже от эксперта. — И он послал сержанта Вели в полицейскую лабораторию — скопировать письмо и снять отпечатки пальцев.

— Мне нужно разыскать окружного прокурора, — с несчастным видом проговорил Пеппер, — и

рассказать ему об этом письме.

— Да, и заодно можете его проинформировать, что мы с отцом собираемся лично обследовать дом 13 по Пятьдесят четвертой улице.

Инспектор удивился не меньше Пеппера.

— О чем ты говоришь, дурачок? Ты ведь знаешь, что Риттер внимательно осматривал этот дом — пустой дом Нокса. Что за идея?

— Идея расплывчата, — отозвался Эллери, — но цель самоочевидна. Если коротко, то я безусловно верю в честность твоего драгоценного Риттера, но питаю некоторые сомнения по поводу его наблюдательности.

— А что, вполне нормальные сомнения, — сказал Пеппер. — В конце концов, Риттер мог что-то пропустить.

— Вздор! — отрубил инспектор. — Риттер — один из самых надежных моих людей.

— Я просидел здесь весь день, размышляя о своих грехах и сложностях этой чрезвычайно запутанной задачи, — твердо сказал Эллери. — И меня одолела мысль, что, как вы говорите, ваше преподобие, Риттер действительно один из самых надежных ваших людей. Отсюда мое решение осмотреть этот участок самому.

— Ты что же, хочешь сказать, что Риттер...

— Нет, клянусь честью, как говаривали рыцари, — прервал его Эллери. — Риттер ответственный, заслуживающий доверия, храбрый, добросовестный сотрудник — и прекрасно! Только вот что — отныне я доверяю только своим собственным глазам и собственному слабому разуму, который Высшая Воля в своей непостижимой, самоцельной, безграничной и нерушимой мудрости посчитала нужным мне даровать.

## Глава 17
## РЕКОГНОСЦИРОВКА

Уже наступил вечер, когда инспектор, Эллери и сержант Вели оказались перед мрачным фасадом дома номер 13.

Пустой дом Нокса был под стать дому Халкиса: крошащийся бурый песчаник, весь в трещинках от старости, большие старинные окна... Вот только серые доски на окнах — сразу ясно, заброшенное место. У Халкиса горел свет, и вокруг постоянно двигались фигуры детективов — по сравнению с соседским он выглядел веселее.

— Ключ у тебя, Томас? — Даже на инспектора подействовали тоскливые чары этого места, и его голос звучал приглушенно.

Вели молча достал ключ.

— En avant![21] — пробормотал Эллери, и трое мужчин, толкнув скрипучую калитку, пошли к дому.

— Сначала наверх? — спросил сержант.

— Да.

Они поднялись по щербатой каменной лестнице. Вели принес с собой большой электрический фонарь. Засунув его под мышку, он отпер парадную дверь. В передней, напоминавшей склеп, Вели нашарил лучом фонаря замок внутренней двери и открыл ее. Сомкнутым строем трое мужчин вступили в черную пещеру, оказавшуюся по форме и размеру точной копией холла соседнего дома.

— Ну, пошли, — сказал инспектор. — Это была твоя идея, Эллери. Показывай дорогу.

В пляшущем свете глаза Эллери необычно блестели. Он помедлил, огляделся и направился к темному проему открытой двери. Инспектор и Вели покорно двинулись за ним, и сержант поднял фонарь выше.

Комнаты были абсолютно пусты — очевидно, владелец, выезжая, полностью освободил по-

---

**[21] ПРИМЕЧАНИЯ: 21**
Вперед! (фр.)

мещение. Во всяком случае, на нижнем этаже ничего — буквально ничего — не удалось обнаружить. Пыль, покрывающая необитаемые комнаты, хранила следы мужских ботинок, оставленные Риттером с сотрудниками во время первого обыска. Стены пожелтели, потолок покрылся трещинами, пол деформировался и скрипел под ногами.

— Надеюсь, ты удовлетворен, — проворчал старик, когда они закончили обход нижнего этажа. Он надышался пыли и теперь яростно чихал, кашлял и ругался.

— Нет еще, — ответил Эллери. Он направился вверх по голым деревянным ступенькам лестницы. Шаги гулко разносились по всему дому.

Но на втором этаже тоже нечего было искать. Как и у Халкиса, на втором этаже располагались только спальни и ванные. Ни кроватей, ни ковров... В старике стало расти раздражение. Эллери заглянул в каждый стенной шкаф для одежды. Мартышкин труд — он не нашел ничего, ни пуговицы, ни клочка бумаги.

— Теперь ты доволен?

— Нет.

По стонущей лестнице они поднялись на чердак. Ничего.

— Ну вот и все, — сказал инспектор, когда они спустились в холл. — Мы покончили с этой бессмыслицей, теперь можно и домой, пора что-нибудь съесть.

Эллери не ответил. Он задумчиво вертел в руках пенсне. Посмотрел на сержанта:

— Что-то говорилось о разбитом сундуке в подвале, правильно, Вели?

— Да. Риттер доложил про сундук, мистер Квин.

Эллери направился в конец холла. Под лестницей, ведущей на второй этаж, он нашел дверь. Открыл ее, взял у Вели фонарь и посветил. Вниз спускались погнутые ступени.

— Подвал, — объявил Эллери. — Пошли.

Они спустились по шаткой лестнице и оказались в большом помещении, во всю площадь дома. Место вполне годилось для привидений, в углах заплясали тени, вызванные к жизни светом фонаря. Пыли здесь было еще больше, чем наверху. Эллери сразу пошел к пятну, темневшему в дюжине футов от лестницы. Оказалось, что это большой обветшалый старый сундук — громадный, обитый железом куб, закрытый крышкой со сбитым замком.

— Ты ничего в нем не найдешь, Эллери, — ска-

зал инспектор. — Риттер заглядывал внутрь.

— Конечно, заглядывал, — прошептал Эллери и рукой в перчатке поднял крышку и фонарь повыше. Пусто.

Эллери уже собирался опустить крышку, как вдруг ноздри у него задрожали, и он быстро наклонился вперед, втягивая носом воздух.

— Эврика, — тихо произнес он. — Папа, Вели, как вам понравится аромат этих духов?

Оба принюхались. Затем выпрямились, и инспектор пробормотал:

— Черт возьми, такой же запах, когда открыли гроб! Только тут слабее, гораздо слабее.

— Верно, — раздался basso profundo[22] Вели.

— Да. — Эллери отпустил крышку, и она с грохотом обрушилась на место. — Да. Мы обнаружили первое место упокоения, так сказать, телесных останков мистера Альберта Гримшоу.

— Слава тебе, Господи, — благочестиво произнес инспектор. — Но как этот идиот Риттер...

Эллери продолжал, обращаясь скорее не к спутникам, а к самому себе:

— Вероятно, Гримшоу был задушен здесь или где-то рядом. Это случилось поздно вечером в

---

**[22] ПРИМЕЧАНИЯ: 22**
Низкий бас. (ит.)

пятницу, первого октября. Тело запихнули в сундук и оставили здесь. Я не удивлюсь, если узнаю, что сначала убийца и не думал переносить тело куда-либо еще. Этот пустой старый дом — идеальное место, чтоб спрятать труп.

— А затем умер Халкис, — задумчиво произнес старик.

— Именно. Затем умер Халкис — на следующий день, в субботу, второго числа. Убийце представилась замечательная возможность обеспечить для тела жертвы еще более надежный — вечный тайник. Итак, он дождался похорон и в ночь со вторника на среду прокрался сюда, вытащил тело...

Эллери умолк, быстро прошел в конец темного подвала и кивнул, увидев поврежденную старую дверь:

— Вот через эту дверь во двор, потом через калитку на кладбище. Раскопал землю на три фута и открыл склеп... Под покровом ночи это очень просто, при условии, что вас не волнуют такие вещи, как могилы, трупы и призраки. Наш убийца должен быть джентльменом с практическим складом ума. Значит, тело Гримшоу пролежало здесь, разлагаясь, четверо или пятеро суток. Этого достаточно, — мрачно сказал он, — чтобы объяс-

нить запах разложения.

Он обвел фонарем вокруг. На полу подвала, кое-где цементном, в других местах деревянном, не было ничего, кроме пыли и сундука. Но совсем рядом угрожающе темнело нечто массивное, поднимавшееся к потолку. Фонарь отважно ударил туда лучом, и чудище превратилось в огромную печь — центральную отопительную установку этого дома. Эллери подошел, потянул дверцу за ржавую ручку и посветил внутрь. И тут же воскликнул:

— Что-то есть! Папа, Вели, сюда!

Все трое склонились у дверцы, заглядывая в печь. На дне, в углу, устроилась небольшая аккуратная кучка пепла, а из пепла высовывался маленький — очень маленький — кусочек плотной белой бумаги.

Эллери нащупал где-то в бездонном кармане лупу и, нацелив луч света на бумажку, внимательно всмотрелся.

— Ну? — спросил инспектор.

— Я думаю, — медленно произнес Эллери, выпрямясь и пряча лупу в карман, — думаю, мы, наконец, нашли последнюю волю и завещание Георга Халкиса.

Сержанту понадобилось добрых десять минут,

чтобы решить задачу, как достать клочок бумаги из его труднодоступного укрытия. Вели в печку просто бы не пролез, а инспектор и Эллери, обладавшие гораздо менее габаритными телами, не чувствовали желания соваться в скопившуюся за годы сажу. Для решения этой задачи интеллект Эллери не годился, и пришлось сержанту, с его технической смекалкой, изобретать способ извлечения драгоценного обрывка. Воткнув иголку из карманного набора инструментов Эллери в наконечник его же трости, сержант соорудил копье, коим, встав на четвереньки, без особого труда пронзил клочок. Он подцепил и частицы пепла, но они основательно прогорели и потому были бесполезны для исследования.

Клочок, как и предсказывал Эллери, вне всяких сомнений являл собой частицу последнего завещания Халкиса. И что особенно удачно — именно у его частицы, где сохранилось не тронутое огнем имя наследника галереи Халкиса. Каракулями, в которых инспектор сразу же распознал почерк Георга Халкиса, там было начертано имя: «Альберт Гримшоу».

— Вот вам и подтверждение истории Нокса, все верно, — сказал инспектор. — И ясно показывает, что Слоуна удалили из нового завещания.

— Так-то оно так, — бормотал себе под нос Эллери. — А тот, кто сжег этот документ, получается, глупец и неумеха... Неприятно. Досадная какая проблема. — Он постукивал пенсне по зубам, глядя на обгорелые края бумажки, но не объяснял, о какой проблеме речь и что в ней такого досадного.

— Одно мы знаем точно, — с удовлетворением заметил инспектор. — Мистеру Слоуну придется долго нам объяснять, почему в анонимке он назван братом Гримшоу, да и то по поводу завещания. Мы закончили, сын?

Эллери окинул подвал последним взглядом.

— Да. Теперь, кажется, все.

— Тогда пошли. — Инспектор нежно спрятал обгоревший фрагмент к себе в бумажник и направился к выходу из подвала. Эллери шел следом, погрузившись в глубокие раздумья. Шествие замыкал Вели, и нельзя сказать, чтобы он не поторапливался, — даже его широкая и крепкая спина чувствовала давление могильной тьмы.

## Глава 18

## ОБВИНЕНИЕ

Как только оба Квина и сержант Вели появились в холле у Халкиса, Уикс тут же доложил, что все домашние на месте. Инспектор приказал привести Гилберта Слоуна, после чего Уикс засеменил к лестнице в дальней части холла, а трое мужчин направились в библиотеку Халкиса.

Инспектор прямиком прошел к столу с телефонами, позвонил в ведомство окружного прокурора и коротко переговорил с Пеппером, объяснив, что, похоже, обнаружено пропавшее завещание Халкиса. Пеппер крикнул, что уже в пути. Затем старик вызвал полицейское управление, промычал несколько вопросов, выслушал несколько ответов и в сердцах бросил трубку.

— Никаких результатов по анонимному письму. Никаких отпечатков вообще. Джимми говорит, что автор чертовски аккуратен... Входите, Слоун, входите. Нам нужно с вами потолковать.

Слоун помедлил в дверях.

— Что-то новое, инспектор?

— Входите же, приятель! Я вас не укушу.

Слоун устроился на краешке стула, напряженно стиснув коленями белые, ухоженные руки. Вели своей медвежьей походкой протопал в угол

комнаты и бросил пальто на спинку кресла. Эллери закурил и принялся изучать профиль Слоуна сквозь вьющийся дымок.

— Слоун, — резко начал инспектор, — мы несколько раз поймали вас на явной лжи.

Слоун побледнел.

— Что еще теперь? Я уверен...

— Сначала вы заявили, что в первый раз увидели Альберта Гримшоу, когда мы подняли гроб Халкиса вот здесь, на кладбище. Вы продолжали держаться за эту очевидную ложь даже после того, как Белл, ночной портье из отеля «Бенедикт», указал на вас как на одного из нескольких человек, посетивших Гримшоу вечером тридцатого сентября.

— Конечно. Конечно. Ведь он говорил неправду, — пролепетал Слоун.

— А если правду, а? — Инспектор наклонился вперед и хлопнул его по колену. — Хорошо, мистер Гилберт Гримшоу, предположим, я вам скажу, что, как выяснилось, Альберт Гримшоу — ваш брат?

Вид у Слоуна был не из приятных. Челюсть глуповато отвисла, глаза вытаращились, язык задвигался по губам, по лбу потекли струйки пота, руки задергались. Он дважды пытался

заговорить, и каждый раз получались нечленораздельные звуки.

— Что, прищемили вам хвост, Слоун? Теперь выкладывайте все как есть, мистер. — Инспектор смотрел на него сердито. — Что все это значит?

В конце концов Слоун сумел скоординировать мысли с речевым аппаратом.

— Как, ну как вы вообще могли об этом узнать?

— Не важно. Значит, это правда?

— Да. — Слоун провел рукой по лбу, и она сделалась липкой. — Да, но я пока не понимаю, как вы...

— Начинайте рассказывать, Слоун.

— Как вы и сказали, Альберт — это мой брат. Отец с матерью умерли очень давно, и мы остались одни. Альберт вечно попадал в неприятности. Мы поссорились и расстались.

— И вы изменили фамилию?

— Да. Звали меня, конечно, Гилберт Гримшоу. — Он всхлипнул, глаза наполнились слезами. — Альберта посадили в тюрьму — за какое-то мелкое правонарушение. Я не мог вынести этот стыд и дурную славу. Я взял фамилию Слоун — девичью фамилию матери — и начал все сначала. Альберту я сказал, что не хочу иметь с ним

ничего общего... — Слоун беспокойно заерзал на стуле, слова давались ему с трудом, будто их выдавливал какой-то поршень, работавший внутри. — Альберт ничего не знал, я не сказал ему, что сменил фамилию. Я решил уехать от него как можно дальше. Обосновался в Нью-Йорке, начал заниматься бизнесом... Но я всегда следил за ним, опасаясь, что он узнает, чем я занимаюсь, снова будет приносить мне неприятности, вымогать деньги, объявит о нашем родстве... Мой брат был неисправимым мошенником. Наш отец работал в школе, учил рисованию и сам писал картины. Мы росли в рафинированной, культурной атмосфере. Не могу понять, почему Альберт должен был ступить на дурной путь...

— Ваша древняя история мне не нужна, сообщите последние факты. Ведь вы посетили Гримшоу в отеле вечером в тот четверг?

Слоун вздохнул:

— Думаю, что теперь отрицать это не имеет смысла... Да. Я следил за всеми его кошмарными достижениями, видел, как он скатывается все ниже и ниже, — но он не знал, что я наблюдаю. Я знал, что он сидит в Синг-Синг, и ждал, когда он освободится. Во вторник его выпустили, я узнал, где он остановился, и в четверг вечером

пошел в Отель «Бенедикт», чтобы поговорить. От одной мысли, что он будет жить в Нью-Йорке, мне становилось не по себе. Я хотел, чтобы он... ну, убрался куда-нибудь.

— И он убрался — это точно, — мрачно произнес инспектор.

— Одну минуту, мистер Слоун, — вмешался Эллери.

Слоун дернул головой в сторону и уставился на него круглыми глазами, как сыч.

— Скажите, до этой встречи, в четверг вечером в «Бенедикте», когда вы с ним виделись в последний раз?

— Вы имеете в виду, лицом к лицу?

— Да.

— Вообще-то я не встречался и не говорил с ним с тех пор, как ношу фамилию Слоун.

— Замечательно, — прошептал Эллери и снова затянулся сигаретой.

— Что произошло между вами в тот вечер? — спросил инспектор Квин.

— Ничего, клянусь! Я просил, умолял его покинуть город. Предложил ему деньги... Он удивился, когда меня увидел, и, мне кажется, почему-то злорадствовал. Будто о встрече со мной он думал меньше всего на свете, но это и не было ему

неприятно... Я сразу понял, что сделал ошибку, придя к нему, что мне следовало держаться подальше и не будить спящую собаку. Ведь он сказал, что несколько лет даже не вспоминал обо мне — почти забыл, что у него есть брат, — это точные его слова. Но было уже поздно. Я предложил ему пять тысяч долларов, чтобы он уехал из города и не возвращался. Деньги я принес с собой, в мелких купюрах. Он обещал, схватил деньги, и я ушел.

— После этого вы видели его еще хоть раз живым?

— Нет, нет! Я думал, он уехал. Когда гроб открыли и я увидел его там...

Эллери протянул как бы с ленцой:

— А во время беседы с вездесущим Альбертом вы назвали имя, под которым вас теперь знают?

Слоун ужаснулся:

— Что вы, нет. Нет, конечно. Для меня ведь это что-то вроде самозащиты. Думаю, что он не мог даже заподозрить, что я больше не Гилберт Гримшоу. Вот поэтому я так и удивился, когда инспектор сказал, что ему известно о нашем родстве. Просто непостижимо, каким образом...

— Вы говорите, — быстро сказал Эллери, — никто не знает, что Гилберт Слоун и Альберт

Гримшоу — братья?

— Точно. — Слоун снова вытер лоб. — Во-первых, я не говорил ни одной живой душе, что у меня вообще есть брат, — даже жене не говорил. А Альберт не мог никому это сказать, поскольку хотя и знал, что где-то у него есть брат, но не предполагал, что меня зовут Гилберт Слоун. И когда я и тот вечер приходил к нему в номер, он тоже этого не знал.

— Забавно, — буркнул инспектор.

Эллери спросил:

— Мистер Слоун, а ваш брат знал, что вы связаны с Георгом Халкисом?

— О нет! В этом я уверен. Он даже спросил меня, чем я занимаюсь, так, знаете ли, шутливо, но я, естественно, не стал отвечать. Я не хотел, чтобы он меня разыскал.

— Еще один момент. В тот четверг вы где-то встретились с братом, а затем вошли в отель вместе с ним?

— Нет, я был один. Я вошел в вестибюль почти по следам Альберта и еще одного человека, закутанного...

Инспектор издал негромкое восклицание.

— ...закутанного до самых глаз. Лица его я не видел. За Альбертом я не следил и не знаю, откуда

он пришел. Но, увидев его, я спросил у служащего за стойкой номер его комнаты и отправился наверх за Альбертом и его спутником. Немного подождав у разветвления коридора на третьем этаже и решив, что второй мужчина ушел, я поговорил с Альбертом и убрался из этого места...

— Вы следили за дверью номера 314? — резко спросил Эллери.

— И да, и нет. Я полагаю, что спутник Альберта выскользнул, когда я не смотрел. Я подождал немного, потом подошел к двери номера и постучал. Альберт открыл не сразу, через минуту-другую...

— И в комнате было пусто?

— Да. Альберт не упоминал о предыдущем госте, и я предположил, что это был его знакомый по отелю, который ушел, пока я ждал. — Слоун вздохнул. — Мне было не до лишних вопросов: слишком хотелось поскорее покончить с этим делом и уйти. Ну, мы поговорили, о чем я уже вам рассказал, и я удалился. Разговор с ним меня очень успокоил.

И вдруг инспектор сказал:

— Это все.

Слоун подпрыгнул:

— Спасибо, инспектор. Благодарю вас за вашу

предупредительность. Великолепно! Вам тоже, мистер Квин. Не то чтобы я в это верил — допросы третьей степени и все прочее... — Он ослабил узел галстука. У Вели затряслись плечи как склоны Везувия во время извержения. — Думаю, мне пора, — с дрожью в голосе произнес Слоун. — Еще нужно завершить одну работу в галерее. Ну...

Все молчали, глядя на него. Слоун что-то еще пробормотал, издал звук, поразительно похожий на хихиканье, и выскользнул из библиотеки. Через несколько секунд они услышали, как хлопнула парадная дверь.

— Томас, — сказал инспектор Квин, — мне нужна полная копия регистрационного журнала из отеля «Бенедикт» с фамилиями всех, кто находился там в четверг и пятницу, тридцатого и первого.

— Значит, ты считаешь, — изумился Эллери, — ты, как и Слоун, думаешь, что спутник Гримшоу мог жить в отеле?

Инспектор начал наливаться краской.

— А почему нет? Ты так не считаешь?

Эллери вздохнул.

Как раз в этот момент в библиотеку ворвался Пеппер — пальто нараспашку, розовощекое лицо еще больше раскраснелось от ветра, глаза сияют

— и скорей потребовал дать ему взглянуть на тот клочок завещания, который они выудили из печи в соседнем доме. Пока Пеппер вместе с инспектором у стола под ярким светом рассматривали обрывок, Эллери опять отдался размышлениям.

— Трудно сказать, — пожал плечами Пеппер. — Прямо сей момент у меня не возникает возражений. Это вполне может оказаться частью подлинного документа. Почерк, кажется, тот же самый.

— Мы это проверим.

— Разумеется. — Пеппер снял, наконец, пальто. — Если мы установим, что это фрагмент последнего завещания Халкиса, и соединим его с рассказом мистера Нокса, то, боюсь, мы втянемся в один из тех завещательных конфликтов, которые делают жизнь судьи по наследствам не такой скучной.

— Что ты хочешь сказать?

— Да если мы не докажем, что это завещание было подписано наследодателем под давлением, тогда галерея Халкиса перейдет в собственность покойного Альберта Гримшоу!

Они посмотрели друг на друга. Инспектор протянул:

— Понимаю. А ближайший родственник Гримшоу, вероятно, Слоун...

— При подозрительных обстоятельствах, — пробормотал Эллери.

— То есть вы думаете, что Слоун предпочел бы более надежный способ получения наследства — через жену?

— А ты, Пеппер, что предпочел бы, если бы оказался на месте Слоуна?

— В этом что-то есть...

Инспектор пересказал Пепперу суть разговора со Слоуном, закончившегося несколько минут назад. После этого они снова уставились на маленький обгоревший клочок бумаги, но как-то беспомощно.

Пеппер встряхнулся:

— Первое, что нужно сделать, — это встретиться с Вудрафом и сравнить этот фрагмент с копией, хранящейся у него в офисе. В сочетании с экспертизой почерка...

Они резко обернулись на звук легких шагов, донесшийся из холла. В дверях возникла миссис Вриленд, облаченная в поблескивающее черное платье. Пеппер быстро сунул клочок в карман, а инспектор непринужденно пригласил:

— Входите, миссис Вриленд. Вы хотели меня видеть?

— Да, — ответила она почти шепотом и, обер-

нувшись, внимательно оглядела холл, потом быстро вошла и закрыла за собой дверь.

В ее манерах чувствовалась какая-то необычность — подавляемая эмоция, которую мужчинам трудно определить, прорывалась-таки в пылающих щеках и искрящихся глазах. Ну и как водится, «грудь ее бурно вздымалась». Красивое лицо дышало злостью.

Инспектор предложил ей кресло, но она отказалась, просто стояла у закрытой двери, не скрывая опасений и словно ловя звуки в холле. Инспектор прищурился, Пеппер сдвинул брови, и даже Эллери посмотрел на нее с интересом.

— Ну и в чем же дело, миссис Вриленд?

— Только в одном, инспектор Квин, — прошептала она. — Я кое-что утаила...

— Да?

— Мне нужно рассказать одну историю — историю, которая должна вам показаться очень интересной. — Ее влажные черные ресницы опустились на глаза и спрятали их. Когда она взмахнула ресницами вверх, взгляд приобрел твердость черного дерева. — Неделю назад, в ночь со среды на четверг...

— Через день после похорон? — быстро спросил инспектор.

— Да. В прошлую среду вечером я очень долго не могла заснуть, — прошептала она. — Бессонница, знаете ли, я часто страдаю от бессонницы. Я встала с постели и подошла к окну. Окно моей спальни выходит во двор позади дома. И мне случилось увидеть человека, который крался по двору к кладбищенской калитке. Он прошел на кладбище, инспектор Квин!

— Действительно очень интересно, миссис Вриленд, — любезно произнес инспектор. — Кто же этот человек?

— Гилберт Слоун!

Сказано это было очень пылко и отчего-то ядовито. Она удерживала их взгляды своими огромными, мерцающими черными глазами, и чувство, почти сладострастно злобное, кривило ей губы. В этот момент она была страшна и убедительна. Инспектор сморгнул, а Пеппер торжествующе сжал кулак. И только Эллери ничуть не взволновался: он изучал эту женщину, как бактерию на стекле под микроскопом.

— Гилберт Слоун. Вы уверены, миссис Вриленд?

— Абсолютно. — Сказала, как хлыстом ударила.

Инспектор поднял узенькие свои плечи.

— Раз так, это очень серьезно, миссис Вриленд. Вы должны быть скрупулезно точны в передаче информации. Расскажите мне только о том, что вы видели, — ни больше ни меньше. Когда вы выглянули в окно, вы видели, откуда вышел мистер Слоун?

— Он возник из тени под моим окном. Не могу сказать, вышел ли он из тени этого дома или нет, но я думаю, что он шел из подвала Халкиса. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

— Как он был одет?

— В фетровой шляпе и пальто.

— Миссис Вриленд.

Она обернулась на голос Эллери.

— Было очень поздно?

— Да. Не знаю точно, который был час. Но наверное, хорошо за полночь.

— В это время во дворе совершенная темень, — мягко заметил Эллери.

Ее шея заметно напряглась.

— О, я понимаю, что вы подумали! Вы подумали, что на самом деле я его не узнала! Но это был он, говорю вам!

— Вы смогли разглядеть его лицо, миссис Вриленд?

— Нет, не смогла. Но это был Гилберт, я узнала бы его где угодно, в любое время, при любых обстоятельствах... — Она прикусила губу. Пеппер глубокомысленно кивнул, а инспектор нахмурился.

— Тогда, если возникнет необходимость, вы должны будете поклясться, что в ту ночь видели во дворе Гилберта Слоуна и что он шел на кладбище, — сказал Квин-старший.

— Да. Я поклянусь. — Она искоса взглянула на Эллери.

— Когда он скрылся на кладбище, вы остались у окна? — спросил Пеппер.

— Да. Он снова появился минут через двадцать. Шел он быстро, оглядываясь по сторонам, будто не хотел, чтобы его увидели, и исчез в тени прямо под моим окном. Я уверена, что он вошел в этот дом.

— Видели что-нибудь еще? — не унимался Пеппер.

— Господи, — с ожесточением воскликнула она, — разве этого мало?

Инспектор поерзал и нацелил свой острый нос прямо ей в грудь.

— Когда вы в первый раз увидели, что он идет на кладбище, нес он что-нибудь?

— Нет.

Инспектор отвернулся, чтобы скрыть разочарование. Эллери подчеркнуто медлительно спросил:

— Почему же с такой интересной историей вы не выступили раньше, миссис Вриленд?

И опять она посмотрела на него, уловив в его невозмутимой и слегка язвительной рассудительности нотку недоверия.

— Я не понимала, что это важно!

— А ведь это важно, миссис Вриленд.

— И я вспомнила об этом только теперь.

— Гм... — произнес инспектор. — Это все, миссис Вриленд?

— Да.

— Тогда прошу вас больше никому не повторять этот рассказ. Ни-ко-му. Можете идти.

Тот железный стержень внутри, который поддерживал ее внезапно сломался. Напряжение отпустило, и она сразу постарела. Медленно и устало она спросила:

— Но вы собираетесь что-нибудь предпринять?

— Пожалуйста, идите, миссис Вриленд.

Она повернула ручку двери и, не оглядываясь, вышла. Инспектор закрыл за ней дверь и необычным манером потер руки — словно вымыл.

— Ну, — оживленно произнес он, — вот это совсем другое дело. Ей-богу, эта милашка говорит правду! И дело начинает выглядеть как...

— Ты, наверное, заметил, — остановил его Эллери, — что эта леди вообще не видела джентльмена в лицо.

— Вы думаете, она лжет? — спросил Пеппер.

— Я думаю, она сказала то, что ей кажется правдой. Женская психология — вещь тонкая.

— Но ты признаешь, — сказал инспектор, — что с большой долей вероятности это мог быть Слоун?

— О да, — скучным голосом отозвался Эллери и неопределенно взмахнул рукой.

— Мы должны кое-что сделать безотлагательно. — Пеппер решительно сжал челюсти. — Предлагаю осмотреть комнаты мистера Слоуна наверху.

— Полностью согласен. — Инспектор кипел энергией. — Идешь, Эл?

Эллери вздохнул и безнадежно потащился следом. В коридоре они увидели торопливо удалявшуюся фигуру Дельфины Слоун. Она обернулась — лицо пылает, глаза лихорадочно блестят — и скрылась за дверью гостиной.

Инспектор замер на месте.

— Надеюсь, она не подслушивала.

Он встревожился. Покачав головой, он направился по коридору к лестнице, и они поднялись на верхний этаж. На лестничной площадке старик остановился, огляделся, свернул налево и постучал в ближнюю дверь. Тут же на пороге возникла миссис Вриленд.

— Вы меня очень обяжете, мадам, — прошептал он, — если спуститесь в гостиную и задержите там миссис Слоун, пока мы не вернемся. — Он подмигнул ей, она кивнула в ответ, закрыла дверь и сбежала по лестнице. — По крайней мере, нам не помешают, — довольно произнес старик. — Пойдемте, ребята.

* * *

Личные апартаменты семьи Слоун состояли из двух комнат на верхнем этаже — гостиной и спальни.

Эллери отказался участвовать в обыске. Он стоял в ленивой позе и наблюдал, как инспектор и Пеппер тщательно осматривают спальню — ящики, гардероб и стенные шкафы. Инспектор действовал продуманно. Ничего не могло укрыться от его внимания — он опускался на колени и ощупывал пол под ковром, простукивал стены, исследовал шкафы внутри. Но все зря. Им

с Пеппером не попалось ни кусочка, ни обрывка, заслуживающих, чтобы на них взглянули дважды.

Затем они вернулись в гостиную и принялись обследовать ее. Эллери равнодушно прислонился к стене. Достал сигарету из портсигара, зажал ее тонкими губами, чиркнул спичкой — и тут же, тряхнув рукой, погасил огонь: неподходящее место для курения. И сигарету, и обгоревшую спичку он аккуратно положил в карман.

И вот, когда стало казаться, что провал их затеи неминуем, пришло открытие. Оно было сделано благодаря пытливой въедливости Пеппера. Он долго возился у старинного резного письменного стола в углу: огладил каждую завитушку, обыскал все ящики, но не обнаружил ничего хоть маломальски подозрительного; и все-таки не отходил от стола, просто навис под ним и гипнотизировал взглядом, пока большая коробка для табака не защекотала нервы. Он поднял крышку. Коробка была полна трубочного табака.

— Удобное местечко для... — пробормотал Пеппер и осекся, поскольку его рука, погруженная во влажный табак, наткнулась на холодный металлический предмет. — Господи! — тихо ахнул он.

Инспектор, ползавший вокруг камина, вскочил

на ноги, растер по щеке пятно сажи и подбежал к столу. Эллери вмиг расстался с безразличием и пристроился в кильватер к инспектору.

В дрожащей руке Пеппера среди крошек табака лежал ключ.

Инспектор выхватил его у помощника окружного прокурора.

— Он похож... — начал он, но вдруг захлопнул рот и упрятал ключ в карман пиджака. — Я думаю, этого нам вот как хватит, Пеппер. Давайте-ка отсюда. Если этот ключ подойдет туда, куда, я догадываюсь, он должен подойти, то тут, черт побери, такое веселье подымется!

Быстро и со всеми предосторожностями они покинули гостиную. Под лестницей обнаружили сержанта Вели.

— Послал человека за журналом регистрации в «Бенедикт», — забубнил Вели, — вот-вот должен быть.

— Сейчас это не горит, Томас.

Инспектор схватил Вели за руку, огляделся — никого. Он достал ключ из кармана, вложил в ладонь Вели и прошептал несколько слов на ухо. Вели кивнул и зашагал в холл. Через пару секунд они услышали, как он вышел на улицу.

— Ну, джентльмены, — ликующе засиял глаза-

ми инспектор и порывисто вдохнул понюшку, — ну, джентльмены... — а-ах! Чих! — похоже, нам здорово повезло. Зайдем-ка в библиотеку, чтобы не топтаться в коридоре.

Он загнал Пеппера и Эллери в кабинет, оставил щелку в двери и остался стоять рядом с ней. Они молча ждали, на тонком лице Эллери к выражению усталости добавилась надежда. Внезапно старик распахнул дверь, ухватил кого-то за ней и втащил сержанта Вели.

Дверь он сразу закрыл. Насмешливый вид Вели выдавал сильное волнение.

— Ну, Томас... ну, ну?

— Тот самый, будьте уверены!

— Вижу тебя, Иерусалим! — вскричал инспектор. — Ключ из коробки Слоуна подходит к подвальной двери пустого дома Нокса!

* * *

Инспектор щебетал, как старый дрозд. Вели, стоявший на часах у закрытой двери, сверканием глаз напоминал кондора. Пеппер прыгал воробьем. А Эллери, как можно было ожидать, черным оперением и редким карканьем походил на печального ворона.

— История с ключом означает две вещи, — гово-

рил инспектор с улыбкой во все лицо. — Я пробую подражать тебе, сынок... Она показывает, что Гилберт Слоун, имевший самый сильный мотив украсть завещание, обладал дубликатом ключа от подвала, где мы нашли клочок завещания. Это означает, что именно он пытался уничтожить завещание в печи. Вы понимаете, что, похитив в день похорон завещание из стенного сейфа в этой комнате, он незаметно подбросил его в гроб вероятно, вместе с ящиком, еще закрытым, — и забрал его ночью в среду или в четверг.

А второй знак является нам подтверждением. Зловонный старый сундук и ключ от подвала подтверждают, что тело Гримшоу хранилось там до захоронения на кладбище. Этот пустой подвал по соседству — вполне надежное место... Ну, Риттер! Я с него шкуру спущу! Не заметить в печи клочок бумаги!

— Становится интересно. — Пеппер потер челюсть. — Чертовски интересно! Моя задача понятна — встретиться с Вудрафом и сравнить обгоревший остаток с его копией. Необходимо убедиться в подлинности нашего клочка.

Он подошел к столу и набрал номер.

— Занято, — сообщил он, повесив трубку. — Инспектор, мне кажется, что кое-кто откусил

слишком большой кусок и может им подавиться. Если бы мы только установили... — Он снова набрал номер, на этот раз ему ответили. Но слуга с сожалением известил Пеппера, что хозяин вышел из дому, должен вернуться в пределах получаса. Пеппер передал, чтобы Вудраф его дождался, и с грохотом бросил трубку на рычаг.

— Давай поживее, — напирал инспектор. — Иначе пропустишь фейерверк. Так или иначе, мы должны убедиться, что бумага подлинная. Какое-то время мы подождем здесь, а потом... Дай мне знать о результатах сразу же.

— Хорошо. Может быть, нам придется сходить за копией в контору Вудрафа, и я сразу же сюда. — Пеппер надвинул шляпу, схватил пальто и быстро вышел.

— Что-то вы очень радуетесь, инспектор, — заметил Эллери. Бодрость духа его покинула, и он выглядел озабоченно.

— Почему бы и нет? — Старик опустился в кресло-вертушку Халкиса, издав короткий ликующий возглас. — Похоже, охота близится к концу — и для нас, и для мистера Гилберта Слоуна.

Эллери хмыкнул.

— Вот пример дела, в котором твоя напыщенная дутая дедукция гроша ломаного не стоит, — со

смешком произнес инспектор. — Только старый добрый здравый смысл, и никаких вывертов, сын мой.

Эллери хмыкнул еще раз.

— Твоя беда в том, — с лукавым видом продолжал инспектор, — что ты считаешь, будто каждое дело должно быть эдаким соревнованием, борьбой умов. Ты не хочешь довериться капельке здравого смысла, которой обладает твой старик. Черт, да детективу больше ничего и не нужно, только здравый смысл. А его в твоих глубинах и не бывало, мальчик.

Эллери смолчал.

— Вот возьмем это дело против Гилберта Слоуна. — старик уселся поудобнее. — Элементарное дело. Мотивы? Предостаточно. Слоун убрал Гримшоу по двум причинам: во-первых, Гримшоу был для него опасен, возможно, даже пытался его шантажировать. Но это второстепенный мотив. Гримшоу, став по новому завещанию наследником галереи Халкиса, лишил Слоуна всего наследства. Устраняя Гримшоу со своего пути, уничтожая завещание по причинам, на которые ты указал, — Слоун не хотел, чтобы стало известно об их родстве с Гримшоу, не хотел вступать в наследство таким опасным путем, — итак,

уничтожая завещание, Слоун добивался, чтобы Халкиса считали умершим без завещания, и он смог бы получить свой кусок через жену. Ловко!

— Не то слово.

Инспектор улыбнулся:

— Не переживай так тяжело, мальчик... Готов поспорить, что, расследуя личные обстоятельства Слоуна, мы обнаружим у него серьезные проблемы с финансами. Ему требуются денежки. Наверняка. Вот как обстоят дела с мотивами. Теперь следующее дополнение.

Как ты указывал, анализируя возможное преступление Халкиса, абсолютно ясно, что именно тот, кто задушил Гримшоу, позднее подбросил ложные улики против Халкиса, а следовательно, он должен был знать о картине, находившейся у Нокса, чтобы рассчитывать на его молчание. Все верно. Но как ты сам же показал, единственным посторонним человеком, который мог подбросить ложные улики и знал, что у Нокса есть картина Леонардо, был призрачный «партнер» Гримшоу. Так?

— Истинно так.

— Ну вот, — рассудительно продолжил старик, соединив кончики пальцев, — Томас, прекрати скакать с места на место! — ну вот, поскольку

это так, то Слоун, будучи убийцей, также должен быть тем самым неизвестным партнером Гримшоу — чему я теперь готов легко поверить, зная, что они братья.

Эллери застонал.

— Да, знаю, — снисходительно проговорил его отец, — это значит, что Слоун, когда мы тут с ним болтали недавно, солгал в двух важных моментах. Первое — если они были партнерами, то Гримшоу должен был знать своего брата как Слоуна и, следовательно, знать о положении Слоуна в бизнесе Халкиса. Второе — должно быть, Слоун пришел в «Бенедикт» вместе с Гримшоу, а не сразу после него, как он заявил нам. Это значит, что Слоун, будучи неизвестным спутником Гримшоу, единственным неустановленным посетителем, не мог быть вторым, и как это совместить, один Господь знает, если это вообще можно совместить.

— Все должно совмещаться, — сказал Эллери.

— Ты это хорошо усвоил, да? — усмехнулся инспектор. — Но меня все устраивает, мальчик. В любом случае, если Слоун — убийца и партнер Гримшоу, мотив завещания был самым важным, мотив избавления от Гримшоу, как от личной угрозы, был дополнительным, а освобождение

пространства для шантажа Нокса, незаконно владеющего картиной Леонардо, — вот тебе и третий мотив.

— Важный момент, — заметил Эллери. — За этим мы должны наблюдать особенно пристально. Теперь, раз ты доволен тем, как все разложил по полочкам, я был бы благодарен, если бы ты воссоздал всю картину преступления. Кажется, ты провел для меня показательный урок, и я жажду поучиться дальше.

— А почему нет? Это просто, как дважды два. Слоун захоронил Гримшоу в гробу Халкиса в прошлую среду ночью — той ночью, когда миссис Вриленд увидела, что он крадется через двор. Я думаю, она стала свидетелем его второй вылазки, — вот и объяснение, почему она не видела, как он нес тело. К тому времени он уже притащил его на кладбище.

Эллери покачал головой:

— Я не располагаю аргументами, доказывающими несостоятельность твоих предположений, папа, но это неправдоподобно.

— Вздор! Иногда ты бываешь упрям как осел. Не просто правдоподобно, это так и было. Естественно, Слоун похоронил Гримшоу, не подозревая, что полиция вскроет гроб. Когда он выкопал

гроб, чтобы положить туда тело, то, вероятно, тогда же и вытащил из него завещание, решив окончательно его уничтожить. Для него никакого дополнительного риска — гроб уже открыт — уловил идею? А долговое обязательство он забрал с тела Гримшоу сразу после убийства и уже потом бумагу уничтожил, чтобы защитить имущество, которое сам намерен был в любом случае косвенным путем унаследовать. Понятно же: если бы обязательство нашел и предъявил к оплате кто-то другой, то попробуй разберись с этими притязаниями. Мальчик, все сходится, ложится как перчатка на руку!

— Ты так думаешь?

— Я знаю, черт возьми! Смотри, дубликат ключа к подвалу в коробке для табака Слоуна — это улика. Обгоревший клочок завещания в печи соседнего дома — улика. И сверх всего тот факт, что Гримшоу и Слоун — братья... Проснись, сын. Ты не можешь закрывать глаза на такое дело.

— Грустно, но справедливо, — вздохнул Эллери. — Только, пожалуйста, уволь меня от этого, папа. Честь разработки этой версии принадлежит тебе, я не хочу ничего. Я уже обжегся однажды на уликах, которые обернулись мошенничеством.

— Мошенничество?! — Инспектор саркастиче-

ски фыркнул. — Ты полагаешь, что ключ кто-то подсунул в коробку к Слоуну, чтобы оклеветать беднягу?

— Я отвечу иносказанием. Прошу тебя, однако, обратить внимание, что глаза у меня открыты во всю ширь, отпущенную природой. И пусть мне не дано ясно увидеть, что нас ждет впереди, я молю le bon dieu[23] даровать мне «двойное удовольствие», о котором так красноречиво говорил Лафонтен: удовольствие de tromper le trompeur — обмануть обманщика.

— Чепуха и чушь собачья! — крикнул инспектор, выпрыгнув из кресла-вертушки Халкиса. — Томас, надевай-ка шляпу и пальто и собери ребят — несколько человек. Мы нанесем краткий визит в галерею Халкиса.

— Ты что же, собираешься идти против Слоуна с этими находками? — тихо спросил Эллери.

— Да, сэр, — ответил инспектор. — И если Пеппер установит идентичность бумаги и почерка, то мистер Слоун сегодня же славно устроится за блестящими решетками Томбс[24] по обвинению в убийстве!

---

**[23] ПРИМЕЧАНИЯ: 23**
Добрый боженька. (фр.)

**[24] ПРИМЕЧАНИЯ: 24**
Томбс — тюрьма в Нью-Йорке.

— Но только, — загудел сержант Вели, — не такие уж они блестящие.

## Глава 19
## БАЛЛИСТИКА

Они встретились в тот же вечер на Мэдисон-авеню, неподалеку от галереи Халкиса: инспектор Квин, Эллери Квин, сержант Вели и еще несколько детективов, прибывших по одному. Было темно и тихо. Они двинулись к галерее, стараясь не поднимать шума. В самом магазине, как было видно через большую витрину, свет не горел, а вход в магазин загораживала решетка, дополнительно защищенная электропроводкой. Когда они нашли отдельный вход в магазин сбоку, инспектор пошептался с Вели, вырабатывая план действий. Затем сержант большим пальцем надавил на кнопку, где висела табличка «Ночной звонок». Полная тишина. Сержант позвонил снова. Так прошло минут пять, но изнутри не доносилось ни звука, и в магазине по-прежнему было темно Вели выругался, сделал знак своим людям присоединиться к нему, и все вместе они выломали дверь. Она поддалась со скрежетом дерева и визгом железных петель, и детективы

ввалились во тьму внутреннего коридора.

Всей толпой они поднялись по лестнице, дошли до другой двери, тоже снабженной, как они обнаружили при свете карманных фонариков, охранным устройством. Используя грубую силу и не опасаясь сигнала тревоги, который должен был сработать в центральном бюро охранного агентства, они атаковали и эту дверь.

Теперь они были в длинной темной галерее, тянувшейся по всей длине здания. Порхающий свет фонариков выхватывал из мрака неподвижные лица с портретов по стенам, разнообразные изящные вещицы, бледные статуи. Везде как будто полный порядок, и никто не появился, чтобы помешать их вторжению.

Почти в самом конце галереи, с левой стороны, на полу лежала полоса света из приоткрытой двери.

Инспектор крикнул:

— Слоун! Мистер Слоун!

Ответа не последовало. Все вместе они кинулись к источнику освещения и оказались у двери с надписью:

**«М-Р ГИЛБЕРТ СЛОУН**

**ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».**

Но их глаза недолго задержались на этой мелочи. Сгрудившись в дверном проеме, все как один, они глубоко вздохнули и замерли на месте... действительно замерли, как и недвижная фигура, распростершаяся на письменном столе. Свет настольной лампы безжалостно демонстрировал мертвое тело Гилберта Слоуна.

Информации для размышления было немного. Кто-то включил верхний свет, они стояли вдоль стен комнаты и глядели на разбитую, окровавленную голову того, кто был совсем недавно Гилбертом Слоуном.

Стол стоял посредине его личного кабинета. Один конец стола — прямо напротив дверного проема, поэтому из галереи можно было увидеть тело сбоку. Слоун сидел в кожаном кресле, съехав немного вперед, голова и левая рука — на зеленом сукне, правая — вдоль кресла. Точно под правой рукой, на несколько дюймов ниже кончиков пальцев, на полу лежал револьвер, словно выпавший из этой руки. Инспектор наклонился и, не касаясь тела, осмотрел правый висок покой-

ного, хорошо видный в падавшем из нескольких мест свете. В виске была глубокая, рваная ярко-красная дыра, с черными следами пороха вокруг — несомненно, входное отверстие пули. Старик опустился на колени и очень аккуратно поднял револьвер с пола. Не хватало лишь одной пули. Инспектор понюхал дуло и кивнул!

— Если это не самоубийство, — объявил он, поднимаясь на ноги, — то я дядя шимпанзе.

Эллери оглядел комнату. Небольшой, чистенький кабинет, и похоже, все в нем находится точно на привычных местах. Ни малейшего следа борьбы.

Между тем инспектор отослал в управление одного из детективов с завернутым в кусок ткани револьвером. Когда тот вышел, инспектор повернулся к Эллери:

— Ну, тебе и этого мало? Ты и это считаешь инсценировкой?

Взгляд Эллери блуждал где-то далеко за стенами этой комнаты. Он сказал вполголоса:

— Нет, все выглядит очень натурально. Но я не могу понять, откуда вдруг эта настоятельная потребность в самоубийстве. В конце концов, в нашей сегодняшней беседе со Слоуном не было сказано ничего такого, чтобы он мог заподозрить

наличие у тебя улик против него. Мы ничего не говорили о завещании, ключ еще не был найден, миссис Вриленд еще не рассказала свою историю. Я начинаю подозревать...

Они посмотрели друг на друга.

— Миссис Слоун! — вскрикнули они разом, и Эллери бросился к телефону на столе. Он начал оживленно расспрашивать телефонистку, затем его переключили на центральную контору телефонной компании...

В это время инспектор отвлекся. Слабый звук завывающей сирены донесся с Мэдисон-авеню, затем на улице заскрипели тормоза, и он услышал тяжелый топот по лестнице. Инспектор вышел в галерею. Безжалостное разрушение сержантом Вели охранной сигнализации принесло свои плоды. К нему мчалась команда неулыбчивых людей с автоматами наизготовку. Пришлось потратить несколько минут, доказывая им, что он действительно тот самый, да, знаменитый инспектор Квин из управления, что люди в комнате не воры, а детективы, и из галереи Халкиса, по-видимому, ничего не пропало. Когда же он их успокоил и отправил обратно, а сам вернулся в кабинет, то застал Эллери в кресле, с сигаретой и в крайне встревоженном состоянии. Отец давно

его таким не видел.

— Что-нибудь разузнал?

— Это невероятно... Понадобилось время, но в конце концов информацию я получил. Сегодня вечером на этот аппарат был один входящий звонок, — угрюмо произнес Эллери. — Час примерно назад. Мы его проследили. Звонили из дома Халкиса.

— Как я и думал. Вот так он узнал, что игра окончена! Кто-то подслушал наш разговор в библиотеке и предупредил Слоуна из дома по телефону.

— С другой стороны, — устало сказал Эллери, — у меня нет возможности узнать, кто сюда звонил и о чем они говорили. Тебе придется довольствоваться голыми фактами.

— Поверь мне, их вполне хватает. Томас!

В дверях появился Вели.

— Мигом к Халкису и опроси всех. Узнай, кто находился в доме сегодня вечером в то время, пока мы обыскивали комнату Слоуна, допрашивали Слоуна и миссис Вриленд и разговаривали о деле Слоуна в библиотеке. Если сможешь, узнай, кто сегодня вечером пользовался домашними телефонами, и обязательно допроси миссис Слоун с пристрастием. Понял?

— Новость выболтать?

— Конечно. Захвати с собой кого-нибудь из парней. И чтобы никто оттуда ни ногой, пока я не разрешу.

Вели ушел. Зазвонил телефон, инспектор снял трубку. Это был детектив, откомандированный с револьвером. Он преуспел: оружие было зарегистрировано по официальному разрешению, выданному Гилберту Слоуну. Старик, посмеиваясь, позвонил в управление и вызвал доктора Сэмюэля Праути, помощника судмедэксперта.

Отойдя от телефона, инспектор увидел, что Эллери изучает небольшой сейф, встроенный в стену за столом Слоуна. Круглая стальная дверца была широко открыта.

— И что там?

— Пока не знаю... Ага! — Эллери поправил пенсне на носу, чтобы лучше держалось, и наклонился. Несколько документов расшвыряно по дну маленького сейфа, а под ними... какой-то металлический предмет. Инспектор сразу отобрал его у Эллери.

Это были тяжелые старинные золотые часы, отшлифованные возрастом. Механизм не подавал признаков жизни. Старик перевернул часы другой стороной.

— Так это же... Ах, проклятье! — Он вдруг пустился в пляс, размахивая часами над головой. — Эллери, — кричал он, — ну все, последний гвоздь! Да пусть хоть Бог, хоть сатана — никто не подкопается! Дельце закончено!

Эллери придирчиво исследовал часы. На обратной стороне открытой крышки золотого корпуса виднелась выгравированная крохотными буковками и почти стершаяся надпись: «Альберт Гримшоу». Явно очень давняя.

Эллери был страшно недоволен. Отец еще усугубил его досаду, когда сказал, засовывая часы в карман пиджака:

— Без вопросов. Это подтверждение. Очевидно, Слоун забрал эти часы с тела Гримшоу вместе с долговым письмом. Вкупе с самоубийством это будет самым прочным доказательством вины Слоуна, какого только можно пожелать.

— Вот уже тут я полностью с тобой согласен, — уныло сказал Эллери.

* * *

Немного позже на сцене самоубийства появились Майлс Вудраф и помощник окружного прокурора Пеппер. Они смотрели на останки Слоуна трезвым взглядом, полным здравого смысла.

— Значит, все-таки Слоун, — сказал Вудраф. Под его обычной красно-коричневой кожей выступили бледные желваки на щеках. — Я знал, что кража завещания была выгодна прежде всего ему... Ну что, инспектор, дело закончено?

— Слава богу, да.

— Для мужчины это самый дрянной исход, — сказал Пеппер. — Трусливый. Но, судя по тому, что я о нем знаю, Слоун и был почти баба... Мы сейчас с Вудрафом были на пути к дому Халкиса и столкнулись с сержантом Вели. Он рассказал нам, что случилось, и мы сразу сюда. Вудраф, расскажите инспектору о завещании.

Вудраф тяжело опустился на модернистский диван в углу и вытер лицо.

— Что тут рассказывать. Клочок подлинный. Пеппер, я думаю, это подтвердит. Обрывок точно совпадает с соответствующей частью копии, хранящейся у меня в конторе. И почерк, которым вписано имя Гримшоу, я узнал — это рука Халкиса, никаких сомнений.

— Отлично. Но нам тоже нужно убедиться. У вас это все с собой?

— Разумеется. — Вудраф протянул инспектору большой коричневатый конверт. — Здесь еще несколько образцов почерка Халкиса.

Старик заглянул в конверт, кивнул и поманил детектива:

— Джонсон, пойди разыщи Уну Ламберт, эксперта по почерку. Ее домашний адрес есть в управлении. Попроси исследовать все образцы почерка из этого конверта. И пусть изучит машинопись на обгорелом клочке. Это нужно сделать немедленно.

Только Джонсон отошел, как в комнате возникла долговязая фигура доктора Праути, как всегда с сигарой во рту.

— Входите, док, — мягко проговорил инспектор. — Здесь для вас имеется еще один труп. Кажется, последний.

— В данном деле. — Эксперт поставил на диван свою черную сумку и посмотрел на развороченную голову Слоуна. — Фу-у! Так это, значит, вы? Эй! Вот уж не думал, что встречусь с вами при таких обстоятельствах, мистер Слоун.

Сбросив пальто и шляпу, он приступил к делу. Спустя пять минут он поднялся с колен:

— Явный случай самоубийства, и это мой вердикт, даже если кто-то здесь думает иначе. Где пушка?

— Послал проверить, — ответил инспектор.

— 38-й калибр?

— Верно.

— Я спросил об оружии, — продолжал помощник судмедэксперта, дожевывая сигару, — потому что пули-то нет.

— Что значит «нет»? — быстро среагировал Эллери.

— Спокойнее, Квин. Давайте сюда.

Эллери и все остальные столпились вокруг стола, а доктор Праути наклонился над покойным, захватил в горсти растрепавшиеся редкие волосы и поднял голову. На левой стороне, лежавшей до этого на зеленом сукне, также было пятно крови и различимое отверстие. Место, где лежала голова, пропиталось кровью.

— Пуля прошла ему через кумпол навылет. Она должна быть где-то там.

Он притянул тело к спинке кресла так спокойно, будто имел дело с мешком тряпья. Резко дернув голову за окровавленные волосы и приведя ее в вертикальное положение, он скосил взгляд в том направлении, куда должна была улететь пуля, если бы Слоун застрелился сидя в кресле.

— Вылетела в открытую дверь, — сказал инспектор. — Это ясно по общему направлению и положению тела. Когда мы его нашли, дверь была открыта, поэтому пуля должна быть где-то

там, в галерее.

Инспектор затрусил в ярко освещенную теперь галерею. Прикинув на глаз вероятную траекторию, он кивнул и направился прямо к противоположной стене. Там висел толстый старинный персидский ковер. Недолгий внимательный осмотр, недолгая манипуляция перочинным ножом, и старик с торжествующим видом вернулся, держа в руке слегка сплющенную и деформированную пулю.

Доктор Праути что-то одобрительно промычал и восстановил первоначальное положение тела. Инспектор повертел в пальцах смертоносную штучку.

— Ничего интересного. Он застрелился, пуля прошла через голову и вышла с левой стороны черепа, пролетела через дверной проем и угодила в ковер на противоположной стене, уже потеряв значительную часть силы. Вошла не очень глубоко. Вокруг отверстия отметинки.

Эллери осмотрел пулю и вернул ее отцу, раздраженно пожав плечами, чем красноречиво выразил не только недоумение, но также и упрямое желание держаться своих заблуждений. Он удалился в угол и сел между Вудрафом и Пеппером. Инспектор из предосторожности настоял на

вскрытии, и они с доктором Праути организовали перевозку тела.

Навстречу каталке с трупом по длинной галерее прошагал сержант Вели, бросив на простыню мимолетный взгляд, и остановился в кабинете, как гренадер на параде. К голове у него будто приросла высоченная фетровая шляпа, напоминающая гусарский кивер. Он громыхнул, обращаясь к инспектору:

— Неудачно.

— Теперь это не так важно. Но все-таки, что ты узнал.

— Сегодня вечером никто не говорил по телефону — во всяком случае, так они сказали.

— Естественно, тот, кто звонил, ни за что не признается. Может быть, этот момент так и не прояснится никогда, — заметил инспектор, нащупывая табакерку. — Наверняка это миссис Слоун предупредила мужа. Подслушала как мы болтали в библиотеке, оторвалась от миссис Вриленд и скорей звонить Слоуну. Или она была сообщницей Слоуна, или ни в чем не виновна, но, услышав наш разговор, позвонила, чтобы докопаться до правды... Трудно сказать, как все произошло... Что говорил Слоун, что говорила она? Сплошные вопросы, но ясно, что этот разго-

вор показал Слоуну, что ему конец. И он не нашел другого выхода, кроме самоубийства.

— Я бы сказал, — забубнил Вели, — она не виновна. Она, когда услышала новость, начисто вырубилась. И поверьте, шеф, она не притворялась. Самый натуральный обморок.

Эллери почти не слушал — он поднялся и снова принялся бродить по комнате. Опять подошел к сейфу, но там, кажется, ничего интересного, и он остановился у заваленного бумагами стола. Стараясь не попасть взглядом на пятно вытекшей из раны крови, он стал перебирать бумаги. Объемистая книжка в сафьяновом переплете привлекла его внимание — обложка высовывалась из-под бумаг, и видна пыла часть надписи: «... лендарь, 192...» Эллери жадно цапнул книжку. Инспектор встал рядом и устремил свой въедливый взор ему через плечо. Эллери быстро пролистал ежедневник — там страница за страницей были плотно покрыты аккуратным, четким, убористым почерком. Подобрав со стола несколько листков с записями Слоуна, он сравнил их с книжкой — почерк тот же. Прочел отрывки, сердито покачал головой, захлопнул книжку и опустил ее в боковой карман пиджака.

— Есть что-нибудь? — спросил инспектор.

— Если и есть, — отозвался Эллери, — тебя это не должно занимать, папа. Ты ведь сказал, что дело закрыто, или я ослышался?

Старик усмехнулся и повернулся к двери. По главной галерее гулко разносились мужские голоса. В центре галдящей толпы репортеров появился сержант Вели. Фотографы тоже ухитрились просочиться внутрь, и очень скоро кабинет наполнился табачным дымом, засверкали вспышки. Инспектор приступил к изложению фактов не спеша, чтобы журналисты успевали все записать. В углу сержант Вели рассказывал *свою* историю. Помощник окружного прокурора Пеппер стал центром еще одной восхищенной группы слушателей. Майлс Вудраф выпятил грудь и тоже начал говорить — в основном о себе, о том, что он, адвокат Вудраф, с самого начала знал, кто виновен, но... вы же знаете, ребята, с каким скрипом продвигаются эти официальные расследования... полиция, да еще отдел детективов...

В этой суматохе Эллери Квин незаметно выскользнул из кабинета. Он прошел тихонько по галерее, мимо статуй, под богатыми картинами на стенах... Легко сбежал по лестнице, перебрался через выбитую дверь и, наконец, глубоко и

облегченно вдохнул холодный воздух темной Мэдисон-авеню.

Через пятнадцать минут там его и нашел инспектор: Эллери стоял у темной витрины, и темные мысли беспорядочно кружились в его ноющей голове.

## Глава 20
## АРГУМЕНТАЦИЯ

Это безрадостное настроение одолевало его еще долго, очень долго — до раннего утра. Напрасно инспектор старался, прибегая ко всем известным ему отеческим уловкам, убедить своего угрюмого потомка бросить ломать голову и поискать утешения в недрах теплой постели. Эллери, облаченный в халат и шлепанцы, съежился в кресле перед слабым огнем в гостиной, впитывая каждое слово из ежедневника в кожаном переплете, который он стянул со стола Слоуна, и никак не реагировал на упрашивания старика.

Отчаявшись, инспектор прошаркал в кухню, сварил кофе — молодой Джуна крепко спал в своей каморке — и налил себе кружку в тишине и одиночестве. Аромат защекотал ноздри Эллери, как раз когда он завершил изучение дневника.

Он сонно потер глаза, прошел на кухню и тоже налил себе чашку. Теперь они пили вдвоем, но по-прежнему в тишине, которая уже начинала давить на барабанные перепонки.

Старик со стуком поставил кружку на стол.

— Расскажи папе. Что тебя гложет?

— Ладно же, — сказал Эллери, — наконец-то ты спросил. Я ждал этого вопроса с нетерпением леди Макбет. По нескольким деталям, предположительно обвиняющим Гилберта Слоуна, ты заключил, что дело завершено, и бездоказательно объявил его убийцей брата, Альберта Гримшоу. И теперь я хочу спросить: кто раскрыл в письме их родство?

Старик цыкнул зубом.

— Продолжай, — сказал он. — Облегчи душу. На каждый вопрос найдется ответ.

— Неужели? — парировал Эллери. — Очень хорошо, тогда позволь мне развернуть его. Сам Слоун, очевидно, не посылал это письмо — стал бы он давать полиции компрометирующую информацию против себя, если бы он был виновен? Естественно, нет. Кто же тогда написал письмо? Вспомни, как Слоун сказал, что во всем мире никто, кроме него самого, — и, обрати внимание, даже Гримшоу, — не знал, что Гилберт Слоун, как

Гилберт Слоун, его родной брат. Поэтому я снова спрашиваю: кто написал это письмо? Тот, кто его писал, должен был знать, а тот единственный, кто знал, писать его не мог. Не стыкуется.

— Ах, сынок, если бы на все вопросы можно было так легко ответить, как на этот, — усмехнулся инспектор. — Конечно, не Слоун. И мне плевать, кто именно. Это не важно. А почему? — Он выразительно поднял тонкий палец, с нежностью глядя на сына. — Да потому что сам Слоун нам и сообщил, что не знал никто, кроме него. Понимаешь? Конечно, если бы Слоун говорил правду, то ответить на этот вопрос ныло бы трудно. Но Слоун-то преступник, и все его слова следует подвергать сомнению, особенно если он сказал это — как оно и было — в то время, когда думал, что он в безопасности, и хотел запутать следы для полиции. Поэтому вполне вероятно, что кто-то еще все-таки знал, что Слоун, как Слоун, был братом Гримшоу. Сам же Слоун мог проболтаться, скорее всего, своей жене... Хотя с какой бы стати она решила дать информацию против мужа, это мне непонятно.

— Острое, однако, отступление от темы, — восхитился Эллери. — Ведь в своем же собственном деле против Слоуна ты исходишь из того, что

именно миссис Слоун предупредила Слоуна по телефону. А это уж никак не согласуется с бесспорно злым умыслом анонимного корреспондента.

— Хорошо, — немедленно откликнулся инспектор, — посмотри на это иначе. Был у Слоуна враг? Черт побери, да хотя бы миссис Вриленд, которая дала против него показания в другом случае. Может быть, она и написала то письмо. Вот как она узнала, что они братья, — это уже из области догадок, но я готов поставить...

— И потеряешь деньги. Неладно что-то в Датском королевстве, вот отчего у меня голова раскалывается. Измена, смута, пусть меня повесят, если... — Эллери смолк на полуслове, лицо у него вытянулось — хотя вроде бы дальше и некуда, — и он зло швырнул спичку в угасающий огонь.

Пронзительное «дз-з-зинь» телефона заставило их вздрогнуть.

— Кого это черт дернул в такой час? — удивился инспектор. — Алло!.. О, доброе утро... Прекрасно. Что вы обнаружили?.. Понимаю. Отлично. Теперь сразу в постель — нельзя так долго работать, это очень вредно сказывается на внешности очаровательной девушки. Ха-ха!.. Очень хорошо. Приятных сновидений, милая.

Улыбаясь, он повесил трубку.

Эллери задал вопрос движением бровей.

— Это Уна Ламберт. Она опознала почерк на обгоревшем клочке бумаги. Никаких сомнений, рука Халкиса. Уна говорит, все свидетельствует о том, что обрывок является частью оригинала завещания.

— Вот как? — Эллери огорчился по какой-то неведомой инспектору причине.

Хорошее настроение у старика вмиг улетучилось, и в порыве гнева он заорал:

— Ей-богу, мне кажется, ты просто не хочешь, чтобы это треклятое дело когда-нибудь закончилось!

Эллери спокойно покачал головой:

— Не шуми, папа. Я искренне желаю завершения дела. Но это должно быть завершение, удовлетворительное для меня.

— Зато оно удовлетворительное для меня. Доводы против Слоуна безупречны. Со смертью Слоуна партнер Гримшоу исчез, и все кончено. Поскольку, как ты говорил, партнер Гримшоу был единственным человеком со стороны, который знал, что у Нокса есть эта вещица Леонардо, то теперь, когда он умер, об этом знают только в полиции — теперь это наш секрет. Это означает, — инспектор даже слегка прищелкнул языком,

— что мы можем воздействовать на мистера Джеймса Дж. Нокса. Мы должны вернуть эту картину, если, конечно, Гримшоу именно ее стащил из музея Виктории.

— Ты получил ответ на телеграмму?

— Ни слова. — Инспектор нахмурился. — Не понимаю, почему музей не отвечает. Во всяком случае, если британцы навалятся кучей, чтобы забрать картину у Нокса, тут такая начнется драка! Нокс, со своими деньгами и связями, останется чистеньким. Я думаю, нам с Сэмпсоном нужно решать эту задачу исподтишка — не хочу спугнуть нашу богатую птичку, а то взъерепенится.

— У тебя будет неплохая возможность уладить дело. Очень сомнительно, чтобы музей захотел огласки. Представь себе: выставлявшаяся картина, которую эксперты музея признали подлинником Леонардо, вдруг оказывается ерундой, ничего не стоящей копией! То есть подразумевается, что у Нокса именно копия. Ты же помнишь, мы знаем историю лишь со слов Нокса.

Инспектор в задумчивости плюнул в огонь.

— Все больше и больше сложностей. И опять мы уперлись в дело Слоуна. Томас подготовил отчет по людям, зарегистрированным в отеле в четверг и пятницу, когда там жил Гримшоу. Ну

и там нет ни одного имени, как-то связанного с нашим делом. Чего и следовало ожидать. Слоун решил, что Гримшоу познакомился с тем парнем в отеле, — должно быть, он просто солгал и таинственный персонаж приходил после Слоуна или вообще не имел отношения к делу...

Инспектор продолжал болтать, успокаиваясь от собственных речей. На этот тихий бессвязный поток Эллери никак не реагировал. Он протянул свою длинную руку, взял дневник Слоуна и с угрюмой миной принялся опять его листать.

— Взгляни-ка сюда, папа, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — На поверхности и правда все факты блестяще укладываются в гипотезу, что Слоун был организатором И виновником событий. Но именно это меня и цепляет — все происходило слишком случайно, чтобы это могло убаюкать мою неугомонную сверхчувствительность. Не забудь, пожалуйста, что один раз мы, вернее, я один раз уже позволил ввести себя в заблуждение, приняв версию... версию, которая к этому моменту могла быть одобрена, оглашена и забыта, не проколись она на чистейшей случайности. Сейчас кажется, что последнюю версию и проколоть нечем... — Он покачал головой. — Я не могу понять, в чем именно, но чувствую: здесь

что-то не так.

— Ну и что ты бьешься головой об стену? Ничего это не даст, только лоб расшибешь.

Эллери слабо улыбнулся:

— Почему же, этот процесс может натолкнуть на мысль. Я и хочу, чтобы ты эту мысль проследил.

Он поднял дневник, и инспектор, шлепая тапками, подошел взглянуть. Эллери открыл книжку на последней записи — это был подробный отчет, сделанный аккуратным, мелким почерком на странице с напечатанной вверху датой: *«Воскресенье, 10 октября»*. На следующей странице стояла дата: *«Понедельник, 11 октября»*. Эта страница была пуста.

— Вот видишь. — Эллери вздохнул. — Я изучил этот его личный и потому интересный ежедневник и не мог не заметить, что Слоун не сделал запись сегодня вечером — а ведь это был вечер, как ты говоришь, его самоубийства. Позволь мне кратко выразить сущность этого дневника. Давай сразу отбросим в сторону тот факт, что на этих страницах нигде не упоминаются события, связанные с убийством Гримшоу, а о смерти Халкиса записаны лишь общепринятые фразы: естественно, будь Слоун убийцей, он бы

поостерегся доверять бумаге то, что можно ему инкриминировать. Так вот, очевидны следующие выводы. Во-первых, Слоун неукоснительно работал над дневником каждый вечер, примерно в один и тот же час, фиксируя время перед изложением событий. Можно посмотреть: в течение многих месяцев это время не менялось — одиннадцать вечера или около того. Во-вторых, дневник открывает нам личность громадного самомнения джентльмена, чрезвычайно занятого самим собой. Чтение выявляет сенсационные подробности, например страдания по поводу его сексуальных отношений с некоей дамой, из предосторожности не названной.

Эллери захлопнул книжку, швырнул ее на стол, вскочил на ноги и начал вышагивать по ковру перед камином, усиленно нахмурив лоб. Старик грустно смотрел на него. Эллери остановился и с пафосом возвысил голос:

— И теперь, именем всех достижений новейшей психологии, я спрашиваю тебя: может ли такой человек — драматизирующий все с ним происходящее, как обильно иллюстрирует этот дневник, человек, находящий в выражении своего «эго» явно нездоровое удовлетворение, столь характерное для подобного типа, — может

ли такой человек пренебречь беспримерной, уникальной, космической возможностью драматически описать самое грандиозное событие в своей жизни — уход в небытие?

— Мысли о самой смерти могли вытеснить из его головы все остальное, — предположил инспектор.

— Сомневаюсь, — горько сказал Эллери. — Представим себе: Слоун извещен каким-то телефонным звонком о подозрениях полиции; он осознает, что не сможет и дальше ускользать от наказания за свое преступление, но у него остается, пусть и краткий, интервал до прихода полиции, в течение которого он может спокойно работать. Да каждая клеточка его плачущей, страдающей души заставляла бы его внести последнюю героическую запись в дневник... Этот аргумент подкрепляется еще и тем обстоятельством, что все это происходило примерно в то самое время — около одиннадцати, — когда он привык исповедоваться своему ежедневнику. И однако же, — закричал Эллери, — в этот вечер ни слова, вообще никакой записи, в отличие от всех других вечеров!

Его глаза лихорадочно горели. Инспектор встал, положил свою маленькую сухую ладонь

на плечо Эллери и похлопал с почти женским сочувствием.

— Ну, не волнуйся так. Это очень здорово, но ничего не доказывает, сын... Иди лучше поспи.

Эллери позволил отвести себя в их общую спальню.

— Да, — согласился он, — это ничего не доказывает.

А полчаса спустя, в темноте, обращаясь к тихо похрапывавшему отцу, он добавил:

— Но это такой психологический знак, который заставляет меня задаваться вопросом: а действительно ли Гилберт Слоун совершил самоубийство?

Продолжая философствовать, Эллери заснул. Ему снились дневники, которые странным образом скакали верхом на человеческих гробах, размахивая револьверами и стреляя в луну — в этой лунной физиономии безошибочно угадывались черты Альберта Гримшоу.

# Книга вторая

*Эпохальные открытия современной науки в основном стали возможны благодаря настойчивости, с которой их авторы применяли холодную логику к совокупности действий и противодействий...*

*Простое объяснение Лавуазье — теперь оно кажется нам простым — того, что происходит с чистым свинцом при его «обжиге», — объяснение, которое покончило с флогистоном, этим многовековым заблуждением алхимиков, базируется ведь на элементарном, до смешного простом принципе (то есть он видится таким нам, живущим в атмосфере всепроникающей науки). В самом деле, если вес вещества до обжига на воздухе составлял одну унцию, а после обжига на воздухе — одну и семь сотых унции, то, значит, к первоначальному металлу из воздуха добавляется некое дополнительное вещество, что и объясняет увеличение веса... Чтобы осознать*

*это и назвать новое вещество окисью свинца, человеку потребовалось около шестнадцати веков!*
*В преступлении не бывает явлений, которые не поддаются объяснению. Настойчивость и простая логика — вот что необходимо детективу в первую очередь. Одни и те же факты кажутся таинственными немыслящему человеку и самоочевидными умеющему думать и рассчитывать. Раскрытие преступлений больше не требует, как в Средневековье, заклинаний над магическим кристаллом, теперь это одна из точных современных наук. И в ее основании лежит логика.*

***Д-р Джордж Хинчклиф. Путями современной науки.***

## Глава 21
## ЭКСТРАКТ

С растущим ощущением тщетности Эллери Квин обнаружил, что один из его древних ис-

точников мудрости Питтак Митиленский[25] не предусмотрел пределов для человеческой слабости. Время, убедился Эллери, нельзя ухватить за чуб. Дни проходят, и не в его власти их остановить. Миновала неделя, а из ее летящих часов ему удалось выжать лишь несколько капель горечи и никакого питающего ум экстракта — все обдумано и взвешено, а чаша остается пустой, и он смотрел на ее сухое дно глазами неудачника.

Однако для других эта неделя была наполнена до краев. Самоубийство и похороны Слоуна прорвали плотину. Газеты купались в многочисленных подробностях. Они потревожили тихую заводь личной жизни Гилберта Слоуна. Вылили на покойного потоки утонченной брани, без труда подмочили внешнюю оболочку его жизни, так что она покоробилась, треснула и развернулась, превратившись в испорченную репутацию. Тех, кто его пережил, выбросило на поверхность обратным потоком, и самой заметной среди них по суровой необходимости стала Дельфина Слоун. Словесные волны плескались у берегов ее горя. Дом Халкиса превратился в маяк, на свет

---

**[25] ПРИМЕЧАНИЯ: 25**

Питтак Митиленский (650–570 до н.э.) — политик и мыслитель, один из «Семи мудрецов» Древней Греции, автор метких и поучительных сентенций.

которого непотопляемые представители прессы направляли свои корабли.

Одна миниатюрная газетка, которая вполне могла бы напеваться «Предприимчивость», но называлась иначе, предложила вдове огромный куш, достойный любого раджи, за разрешение напечатать от ее имени серию статей под скромным заголовком «Дельфина Слоун рассказывает историю своей жизни с убийцей». И хотя великодушное предложение было с возмущением и презрением отвергнуто, этот яркий пример бесстыдства газетчиков получил более успешное продолжение при раскапывании драгоценных сведений о первом замужестве миссис Слоун. Они были поданы читателям со всей живостью и пикантностью, на какую только были способны победоносные археологи. Молодой Алан Чини избил репортера, связанного с этим таблоидом, отправив его обратно к редактору газеты с подбитым глазом и ярко-алым носом, и потребовалось долго дергать за ниточки и нажимать на пружины, чтобы удержать газету от предъявления Алану иска за нападение с применением насилия.

В течение всего этого суматошного периода, когда стервятники с громким карканьем кружили

над добычей, Главное полицейское управление было единственно спокойным местом. Инспектор вернулся к рутинным задачам полегче, приводя в порядок официальное досье по «делу Халкиса-Гримшоу-Слоуна», как его виртуозно назвали газеты. Вскрытие тела Слоуна, выполненное доктором Праути основательно, хотя и формально, не выявило ни малейших признаков инсценировки: ни яда, ни следов борьбы, да и пулевое ранение именно такое, какое наносит себе человек, стреляя в висок. После этого ведомство судмедэксперта выдало труп Слоуна для захоронения в украшенной цветами могиле на пригородном кладбище.

Единственной крупицей информации, которая, по мнению Эллери, хоть как-то укладывалась в систему, было вот что: Гилберт Слоун умер мгновенно. Но Эллери признался себе, что представления не имеет, каким образом этот извлеченный из всей мешанины факт использовать для разгона сгустившегося тумана.

А туману-то предстояло рассеяться очень скоро, хотя в тот сумеречный период Эллери этого не осознавал. И факт мгновенной смерти Гилберта Слоуна как раз и укажет дорогу.

## Глава 22
## ЛОСКУТКИ

Все началось во вторник, 19 октября, незадолго до полудня, с довольно невинного события.

Как миссис Слоун умудрилась ускользнуть от острых глаз ее мучителей, она не объясняла, но факт остается фактом: без всякого сопровождения и погони она явилась в Главное полицейское управление, одетая в неброское черное платье и под легкой вуалью, и робко спросила, можно ли повидать инспектора Ричарда Квина по важному делу. Инспектор Ричард Квин, по всей видимости, предпочел бы, чтобы эта дама удалилась куда-нибудь на острова и скорбела там, но, будучи джентльменом, а в том, что касается женщин, в какой-то степени и фаталистом, он смирился перед неизбежным и согласился ее принять.

Инспектор был один, когда ее пропустили — хрупкую женщину средних лет, с глазами, яростно обжигающими даже через вуаль. Пробормотав несколько привычных слов сочувствия, инспектор подал ей руку, усадил в кресло и встал у стола в ожидании, тем самым ненавязчиво

ей намекая, что инспектор-детектив живет напряженной жизнью и она могла бы сослужить добрую службу всему городу, если бы сразу перешла к делу.

Сбив его с толку, она так и поступила. Голосом, слегка окрашенным обычной истерикой, она произнесла:

— Мой муж не убийца инспектор.

Инспектор вздохнул:

— Но факты, факты, миссис Слоун.

Похоже, она была склонна игнорировать эти драгоценные факты.

— Я всю неделю твердила репортерам, что Гилберт не виновен! — крикнула она. — Я хочу правосудия, слышите, инспектор? Этот позор вгонит нас в могилу! И меня, и сына!

— Но, дорогая моя, ваш муж свершил правосудие собственными руками. Хочу напомнить, что его самоубийство было практически признанием вины.

— Самоубийство! — презрительно сказала миссис Слоун. Нетерпеливой рукой отбросив вуаль, она засверкала глазами. — Да вы все слепы! Самоубийство! — Слезы приглушили голос. — Мой бедный Гилберт убит, и никто... никто... — Дальнейшие слова потонули в рыданиях.

Это было очень огорчительно, но инспектор не стал ее утешать, просто уставился в окно.

— Это заявление требует доказательств. У вас они есть?

Миссис Слоун вскочила с кресла.

— Женщине не нужны доказательства! — кричала она. — Доказательства! Конечно, у меня их нет. Ну и что с того? Я знаю...

— Дорогая миссис Слоун, — сухо вымолвил инспектор, — именно в этом состоит различие между законом и женщиной. Мне очень жаль, но, если вы не можете предложить новое свидетельство, указывающее непосредственно на кого-то другого как на убийцу Альберта Гримшоу, мои руки связаны. У нас это дело закрыто и передано в архив.

Не сказав больше ни слова, она вышла.

* * *

Конечно, этот краткий, печальный и бесплодный инцидент не воспринимался тогда как великая минута. И однако же, он привел в движение взаимосвязанную цепочку новых событий. Скорее всего, дело так и осталось бы пылиться в полицейских архивах — Эллери многие годы пребывал в этом убеждении, — если бы в тот же

вечер за чашкой кофе инспектор, чувствуя кислое настроение сына, не рассказал ему о визите миссис Слоун — в умилительной отцовской надежде, что новость, любая новость смягчит это угрюмое, несчастное лицо.

К его изумлению, — поскольку вообще-то надежда была призрачная, — уловка прекрасно сработала. Эллери тут же заинтересовался. Тоскливые складки исчезли, уступая место другим линиям, более присущим задумчивости.

— Значит, она тоже считает, что Слоуна убили, — протянул он почти без удивления. — Занятно.

— Ну правда же? — Инспектор подмигнул в сторону Джуны; мальчишка обхватил кружку своими узкими ладонями и поверх нее неотрывно смотрел на Эллери большими черными цыганскими глазами. — Как все-таки у женщин голова работает. Их не убедишь. Как и тебя, ей-богу.

Он хохотнул, явно ожидая отклика, поддержки. Но не дождался. Эллери спокойно сказал:

— Думаю, ты как-то легкомысленно к этому относишься, папа. Я засиделся без дела, сосал палец и дулся, как ребенок. Теперь у меня будет занятие.

Инспектор встревожился.

— Что ты собираешься делать, Эл, — разгребать

потухшую золу? Почему бы тебе не оставить все как есть?

— Позиция laissez faire[26], — глубокомысленно заметил Эллери, — принесла много бед не одним французам и не только в экономике физиократов, а совсем в других областях. Я кажусь тебе моралистом? Боюсь, что в неосвященной земле похоронено слишком много без вины виноватых, у которых не больше прав прославиться среди потомков в качестве убийц, чем у нас с тобой.

— Говори проще, сын. Ты все еще считаешь, вопреки всем доводам, что Слоун невиновен?

— Не совсем так. Я не об этом говорил столь многословно. — Эллери стряхнул ногтем пепел с сигареты. — Я говорю следующее: до сих пор многие элементы этого дела не получили объяснения. И ты, и Сэмпсон, и Пеппер, и комиссар — вы все считаете их мелочью, не относящейся к делу. Я собираюсь их расследовать и буду этим заниматься, сколько потребуется, пока остается хоть самая слабая надежда удовлетворить мои, по общему мнению весьма смутные убеждения.

— А у тебя что-то прояснилось? — вцепился инспектор. — Имеешь представление, кто это

---

**[26] ПРИМЕЧАНИЯ: 26**
Непротивление, невмешательство. (фр.)

сделал, раз уж подозреваешь, что это не Слоун?

— У меня нет ни намека на идею, кто может стоять за этими маленькими преступными вылазками. — Эллери выдохнул облако дыма. — Но в одном я так же уверен, как в том, что в этом мире все не так. Гилберт Слоун *не* убивал ни Альберта Гримшоу, ни себя.

* * *

Это была бравада, но бравада с твердым намерением. На следующее утро, проведя беспокойную ночь, Эллери сразу же после завтрака кинулся на Восточную Пятьдесят четвертую улицу. Все окна в доме Халкиса были забраны ставнями. Уже не охраняемый снаружи дом казался склепом. Эллери поднялся по ступенькам и позвонил. Дверь ему не открыли, вместо этого он услышал ворчливый голос, совершенно не совместимый с обликом дворецкого:

— Кто это?

Потребовалось много терпения и долгие уговоры, чтобы склонить ворчуна отпереть дверь. Она приоткрылась лишь немного, и в образовавшуюся щель Эллери увидел розовый череп и обеспокоенные глаза Уикса. После этого затруднения закончились. Уикс быстро распахнул

дверь, высунулся наружу, стрельнул взглядом по Пятьдесят четвертой улице и, впустив Эллери внутрь, поспешно захлопнул дверь. Завершив манипуляции с замками, Уикс провел Эллери в гостиную.

Оказалось, что миссис Слоун забаррикадировалась в своих комнатах наверху. Имя Квина, как через несколько минут, смущенно покашливая, доложил Уикс, вызвало у вдовы прилив крови к лицу, сверкание глаз и горькие проклятия. Уикс, конечно, очень сожалеет, но миссис Слоун — кхе-кхе — не может, не хочет или просто не станет принимать мистера Квина.

Однако отвергнуть мистера Квина было невозможно. Он с серьезным видом поблагодарил Уикса и, вместо того чтобы повернуть в коридоре к югу, в сторону выхода, пошел к северу — к лестнице, ведущей на верхний этаж. Потрясенный Уикс воздел руки к небу.

План, как получить разрешение миссис Слоун, был проще простого. Он постучал в дверь ее апартаментов и, услышав режущий ухо крик вдовы «Ну кто там еще?», спокойно сказал:

— Тот, кто не верит, что Гилберт Слоун — убийца.

Среагировала она мгновенно. Дверь распах-

нулась, и миссис Слоун появилась на пороге; она тяжело дышала и жадно искала взглядом Дельфийского оракула, произнесшего эти слова. Однако, осознав, кто такой этот гость, она столь же быстро запылала ненавистью.

— Это обман! Видеть не хочу никого из вас, глупцы!

— Миссис Слоун, — мягко произнес Эллери, — вы несправедливы ко мне. Я вас не обманывал, я верю в то, что сказал.

Гнев поубавился, сменяясь холодным размышлением. Она помолчала, вглядываясь в его лицо. Затем и холодность смягчилась, вдова вздохнула, открыла дверь шире и сказала:

— Извините, мистер Квин. Я... немного расстроена. Входите, прошу вас.

Эллери не стал садиться. Он положил шляпу и трость на стол — роковая табачная коробка Слоуна так и стояла на месте — и начал:

— Давайте сразу к делу, миссис Слоун. Очевидно, вы хотите помочь. Разумеется, вы питаете сильнейшее стремление восстановить доброе имя мужа.

— Господи, ну конечно, мистер Квин.

— Что ж, очень хорошо. Но если вы будете прибегать к увертками, мы ничего не добьемся. Я

намерен тщательно осмотреть каждый зазор этого дела, понять, что прячется в каждой темной, неисследованной щелочке, собрать недостающие лоскутки, чтобы все было на своих местах, и представить полную картину. Мне нужно ваше доверие, миссис Слоун.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу, — твердо сказал Эллери, — чтобы вы мне рассказали, зачем несколько недель назад вы приходили к Альберту Гримшоу в «Бенедикт».

Кажется, она полностью ушла в себя, и Эллери ждал без особой надежды. Но когда она подняла взгляд, он понял, что выиграл первую схватку.

— Я расскажу вам все, — просто ответила она. — И да поможет вам Бог... Мистер Квин, когда в тот раз я сказа да, что не ходила в «Бенедикт» к Альберту Гримшоу, я в общем-то не лгала.

Эллери ободряюще кивнул.

— Я не знала, куда шла. Потому что, видите ли, — она примолкла и опустила глаза, — весь тот вечер я следила за мужем...

Повествование давалось ей трудно. За многие месяцы до смерти своего брата Георга миссис Слоун заподозрила, что у мужа завязался тайный роман с миссис Вриленд: ее бесстыдная красота и искушающая близость в доме плюс частые и

долгие отъезды Яна Вриленда и эгоистичная чувствительность Слоуна делали связь почти неизбежной. Вырастив в груди червячка ревности, миссис Слоун не могла обнаружить ничего материального, чтобы его подпитывать. Поскольку ей не удавалось проверить подозрения, она хранила молчание и намеренно притворялась несведущей. Но постоянно была настороже, смотрела и слушала, ловя знаки и звуки, которые могли бы означать условленную встречу.

За несколько недель у Слоуна вошло в привычку возвращаться в дом Халкиса очень поздно. Он давал самые разные объяснения — держал червячка на строгой диете. Не в силах вынести терзавшую ее муку, миссис Слоун сдалась и решила получить подтверждение. Вечером в четверг, 30 сентября, муж собрался уйти из дому и назвал в качестве предлога мифическое «совещание»; жена последовала за ним.

Слоун перемещался по городу явно без какой-либо цели, ни с кем, разумеется, не «совещался» и ни с кем вообще не контактировал весь вечер вплоть до десяти часов. Затем он свернул с Бродвея и направился к обшарпанному отелю «Бенедикт». Она вошла в вестибюль вслед за ним. Червячок ей нашептывал, что этому месту суж-

дено стать Гефсиманским садом ее супружеской жизни, что Слоун, действуя в такой странной и скрытной манере, вот сейчас встретится с миссис Вриленд в каком-нибудь противном номере отеля «Бенедикт» с целью настолько отвратительной, что миссис Слоун даже не пускала это в свои мысли. Она видела, как он заговорил с портье у стойки, после чего, держась все так же необычно, пошел к лифту. Когда Слоун разговаривал с портье, она уловила слова «номер 314». Поэтому она тоже подошла к стойке и не сомневаясь, что номер 314 должен был стать местом любовного свидания, спросила соседнюю с ним комнату. Она действовала импульсивно, у нее на уме не было ничего конкретного, не считая, возможно, дикой идеи подслушать преступную пару и ворваться к ним, когда они сольются в похотливом объятии.

Воспоминания об этих возбуждающих моментах зажгли огонь в глазах бедной женщины, а Эллери мягко подогревал бурлившие в ней страсти. И что же было дальше? Она вся вспыхнула — пришлось рассказывать, как она поднялась в снятую и оплаченную комнату, номер 316, приложила ухо к стене... Но не смогла ничего услышать, поскольку каменная кладка в отеле «Бенедикт», в отличие от всего остального, достойна жилища

аристократов. Она дрожала у стены, не пропускающей ни звука, и почти готова была разрыдаться, как вдруг услышала, что дверь соседней комнаты открылась. Она подлетела к своей двери и осторожно ее приоткрыла — как раз вовремя, чтобы увидеть, как объект подозрений, ее муж, вышел из номера 314 и зашагал по коридору к лифту... Ну и что думать? Покинув украдкой комнату, она пробежала по аварийной лестнице три этажа вниз и в вестибюле заметила быстро выходившего из отеля мужа. Она, конечно, последовала за ним и с удивлением поняла, что он идет домой. Потом она искусно выведала у миссис Симмс, что миссис Вриленд после обеда вообще не выходила из дому. И тогда она уверилась, что, по крайней мере в тот вечер, Слоун не был повинен в адюльтере. Нет, она не запомнила время, когда Слоун появился из комнаты 314. Она вообще не чувствовала времени.

И это, по-видимому, все, что она могла рассказать.

Она тревожно всматривалась в его лицо, словно спрашивая, дал ли ее рассказ зацепку, хоть какую-то зацепку...

Эллери задумался.

— Пока вы были в комнате 316, миссис Слоун,

вы не слышали, чтобы кто-то входил в комнату 314?

— Нет. Я видела, как Гилберт вошел, а затем вышел. Совершенно точно, если бы кто-то открывал или закрывал дверь, пока я была в соседней комнате, я бы услышала.

— Понятно. Это полезная информация, миссис Слоун. И поскольку вы были полностью откровенны, скажите мне еще одну вещь: звонили вы мужу из этого дома в прошлый вторник вечером, в его последний вечер?

— Не звонила — я так и сказала сержанту Вели, когда он спросил меня в ту самую ночь. Я знаю, меня подозревали, что я предупредила мужа, но я этого не делала, мистер Квин, нет, не делала. Я понятия не имела, что полиция собирается его арестовать.

Эллери внимательно посмотрел на нее. Она кажется довольно искренней...

— Может быть, вы припомните, как в тот же вечер, но раньше, мы с отцом и Пеппером появились из дверей кабинета, а вы быстро шли по коридору к гостиной. Прошу меня извинить за такой вопрос, миссис Слоун, но я должен знать, слушали ли вы под дверью, перед тем как мы вышли?

Она густо покраснела.

— Я могу быть... да, отвратительной во многом другом, мистер Квин, и, наверное, мое поведение по отношению к мужу... вы теперь можете не поверить, но клянусь, я не подслушивала.

— А если предположить, кто мог подслушать?

У нее даже голос задрожал от злости.

— Миссис Вриленд! Она... она была довольно близка к Гилберту, довольно близка...

— Но этого не скажешь, если судить по истории, которую она нам поведала в тот вечер. Она говорила, что видела, как мистер Слоун ходил на кладбище, — мягко заметил Эллери. — Ее скорее можно было обвинить в злом умысле, чем в защите любовника.

Она вздохнула с сомнением:

— Возможно, я ошибаюсь... Понимаете, я не знала, что миссис Вриленд вам что-то рассказывала в тот вечер. Об этом мне стало известно лишь после смерти мужа, и то из газет.

— Последний вопрос, миссис Слоун. Мистер Слоун никогда вам не говорил, что у него есть брат?

Она покачала головой:

— Ни намеком. В том, что касалось его семьи, он был очень сдержан. Он мне рассказал об отце

с матерью — видимо, они были славные, надо думать, из среднего класса, — но никогда не говорил о брате. У меня сложилось впечатление, что он единственный ребенок в семье и вообще последний в роду.

Эллери взял шляпу и трость.

— Будьте терпеливы, миссис Слоун, и, самое главное, ни в коем случае никому не рассказывайте об этих вещах.

Он улыбнулся и быстро вышел из комнаты.

* * *

Но внизу Уикс сообщил ему такое, что он просто зашатался.

Доктор Уордс уехал!

Сгорая от нетерпения, Эллери потребовал от Уикса подробностей. Это уже, знаете ли, нечто! Но Уикс оказался никуда не годным источником информации. Вроде бы шумиха из-за дела Гримшоу заставила доктора Уордса замкнуться в своей непроницаемой британской скорлупе и подумать о путях отхода из этого ярко освещенного дома. После самоубийства Слоуна наложенные полицией запреты были сняты, он собрал вещички, быстро попрощался с хозяйкой — которая, вероятно, была в таком настроении, что и не пыталась

его удержать, — выразил соболезнование и был таков. Он уехал в пятницу, и Уикс был уверен, что никто в доме не знает, куда именно.

— И мисс Джоан Бретт тоже, — добавил Уикс.

Эллери побледнел.

— Что — мисс Джоан Бретт? Она тоже уехала? Ради бога, приятель, ты что — язык проглотил?

— Нет, сэр, она еще не уехала, но осмелюсь сказать, сэр, она уезжает, если я правильно выразился, сэр. Она...

— Уикс, — тихо и свирепо прошипел Эллери, — говорите по-английски. В чем дело?

— Мисс Бретт готовится к отъезду, сэр, — сказал Уикс, смущенно покашливая. — Ее служба закончена, так сказать. И миссис Слоун... — он страдальчески закатил глаза, — миссис Слоун уведомила мисс Бретт, что ее услуги больше не понадобятся. Вот так...

— Где она сейчас?

— У себя, наверху, сэр. Укладывается, надо думать. От лестницы первая дверь направо.

Но Эллери уже как ветром сдуло. Он взлетел наверх, прыгая через три ступеньки, подметая лестницу развевающимися полами пальто. Однако на площадке он замер: до него донеслись голоса, и, если слух ему не изменял, один из этих

голосов принадлежал мисс Джоан Бретт. Поэтому он решил постоять тихо, зажав трость в руке и вытянув шею, как петух: вперед и чуть вправо... И был вознагражден, услышав, как мужской голос, хриплый от того, что обычно называют страстью, вскричал:

— Джоан! Дорогая! Я люблю...

— Выпить, — раздался холодный голос Джоан, вовсе не похожий на голос молодой женщины, которая внимает джентльмену, признающемуся ей в вечной любви.

— Нет! Джоан, не превращай все в шутку. Я чрезвычайно серьезен. Я люблю тебя, люблю, дорогая. Правда, я...

Шум какой-то возни... Вероятно, обладатель мужского голоса решил подтвердить свое заявление физически. Возмущенный возглас, довольно отчетливый, затем громкое «шмяк!», заставившее поморщиться даже Эллери, хоть он и находился вне пределов досягаемости горячей руки мисс Бретт.

Тишина. Эллери просто чувствовал, что сейчас противники сверлят друг друга враждебным взглядом, а может, даже кружат потихоньку на манер кошек; люди ведь часто принимают их повадки при всплесках неудержимой страсти.

Затаив дыхание, он ухмыльнулся, разобрав бормотание мужчины:

— Зря ты так, Джоан. Я не хотел тебя пугать...

— Испугать меня? О Небо! Уверяю тебя, я ни капельки не испугалась, — раздался голос Джоан, высокомерно-насмешливый.

— А, да провались оно все! — У мужчины лопнуло терпение. — Так-то ты принимаешь предложение руки и сердца? Да честное...

— Какое такое честное? Как ты смеешь клясться при мне, ты... осел! — воскликнула Джоан. — Мне следовало тебя отхлестать. О, никогда в жизни меня так не унижали. Оставь мою комнату сию минуту!

Эллери распластался по стене. Яростный, сдавленный рык, дверь распахнулась, потом захлопнулась, всколыхнув весь дом, — и Эллери выглянул из-за угла как раз вовремя, чтобы увидеть дикую жестикуляцию мистера Алана Чини, топающего по коридору, со сжатыми кулаками и трясущейся головой.

Когда мистер Алан Чини исчез в своей комнате, заставив старый дом второй раз содрогнуться от молодой страсти, вложенной в простое действие закрывания двери, мистер Эллери Квин удовлетворенно поправил галстук и без коле-

баний подошел к двери мисс Джоан Бретт. Он поднял трость и постучал, очень учтиво. Тишина. Постучал снова, громче. На этот раз в ответ послышалось абсолютно невоспитанное хлюпанье носом, сдавленное рыдание и голос Джоан:

— И не смей приходить сюда снова, ты... ты...

— Мисс Бретт, это Эллери Квин, — сказал Эллери самим невозмутимым тоном, словно девичьи рыдания и есть самый естественный ответ на стук гостя в дверь.

Хлюпанье прекратилось мгновенно. Эллери терпеливо ждал. Затем еле слышный голос прерывисто проговорил:

— Входите, п-прошу, мистер Квин. Д... ве... рь открыта.

Он толкнул дверь и вошел.

Мисс Джоан Бретт стояла у кровати, в кулачке с побелевшими суставами зажат мокрый носовой платок, на щеках выступили два геометрически правильных красных кружочка. Комнатка очень приятная — на полу, на стульях, на кровати разбросаны одежда и милые женские пустяки самого разного назначения. На креслах лежали две открытые дорожные сумки, а на полу разинул пасть небольшой пароходный сундук. На туалетном столике Эллери заметил, не подав виду,

фотографию в рамке, лежавшую лицевой стороной вниз, словно ее поспешно перевернули.

Теперь Эллери был — он это мог, если хотел, — очень дипломатичным молодым человеком. Данные обстоятельства, вероятно, требовали тонкой стратегии и словоохотливой близорукости. По этой причине он довольно бессмысленно улыбнулся и спросил:

— Что вы сказали, мисс Бретт, когда я постучал в первый раз? Боюсь, я не совсем разобрал ваши слова.

— О! — Это «о» было тоже еле слышно. Джоан указала на стул и сама села напротив. — Ну... я часто разговариваю сама с собой. Глупая привычка, правда?

— Вовсе нет, — сердечно произнес Эллери, усаживаясь. — Вовсе нет. Многие выдающиеся люди имеют такую склонность. Она должна означать, что у любителя поговорить с самим собой имеются деньги в банке. У вас, мисс Бретт, есть деньги в банке?

Она слабо улыбнулась:

— Не очень много, и, кроме того, знаете ли, я их перевела... — Пятна румянца сошли с ее щек, она легонько вздохнула. — Я покидаю Соединенные Штаты, мистер Квин.

— Да, Уикс мне сказал. Мы будем безутешны, мисс Бретт.

— О-ля-ля! — Она рассмеялась. — Вы разговариваете как француз, мистер Квин. — Она потянулась к кровати и взяла сумочку. Показала на сундук: — Это мой багаж... Какую тоску наводят на меня путешествия по морю. — Ее рука возникла из сумочки с пачкой билетов на пароход. — Это визит по долгу службы? Я действительно уезжаю, мистер Квин. Вот зримые доказательства моего намерения отплыть. Надеюсь, вы не скажете, что мне нельзя?

— Я? Какой ужас, нет, конечно. А вы хотите уехать, мисс Бретт?

— В данный момент, — тут она скроила зверскую рожицу и показала зубки, — очень хочу.

Лицо Эллери глуповато вытянулось.

— Понимаю. Все эти убийства и самоубийства, естественно, действуют угнетающе... Но я вас не задержу. Цель моего визита вовсе не такая дурная. — Он серьезно посмотрел на нее. — Как вам известно, дело закрыто. Тем не менее, осталось несколько вопросов, непонятных и, возможно, несущественных, которые продолжают беспокоить мою упрямую голову... Мисс Бретт, с какой именно целью вы посетили кабинет в ту ночь,

когда Пеппер вас там видел?

Она спокойно посмотрела на него холодными голубыми глазами:

— Значит, мое объяснение не произвело на вас впечатления... Сигарету, мистер Квин? — Он отказался, и она закурила сама, спичка в пальцах не дрожала. — Очень хорошо, сэр. «Прежде чем сбежать, секретарша рассказывает все» — так, наверное, назвали бы это ваши бульварные газетки. Я вам исповедаюсь, и смею думать, вас ожидает колоссальный сюрприз, мистер Квин.

— Вот уж в чем у меня нет ни малейших сомнений.

— Приготовьтесь. — Она глубоко затянулась, и дым потянулся из ее хорошенького ротика, расставляя знаки препинания во фразах. — Перед вами, мистер Квин, леди-детектив.

— Нет!

— А вот да! Я работаю в лондонском музее Виктории — не в Ярде, сэр, нет-нет. Это было бы чересчур. Просто в музее, мистер Квин.

— Да пусть меня выпотрошат, четвертуют, посадят на кол и сварят в масле, — пробормотал Эллери. — Вы говорите загадками. Музей Виктории, да? Дорогая моя, именно о таких новостях мечтают детективы. Проясните ситуацию.

Джоан стряхнула с сигареты пепел.

— Это прямо мелодрама. Я обратилась к Георгу Халкису по поводу приема на работу, будучи штатным следователем музея Виктории в то время. Я отрабатывала один след, который вел к Халкису, — путаные и обрывочные сведения о том, что он замешан в краже картины из музея. Возможно, как укрыватель краденого.

Эллери уже не усмехался.

— Что за картина, мисс Бретт?

Она пожала плечами:

— Просто деталь. Весьма ценное полотно — подлинный Леонардо да Винчи, шедевр, найденный не так давно одним из разъездных сотрудников музея. Деталь фрески, над которой Леонардо работал во Флоренции в первое десятилетие шестнадцатого века. Этот холст Леонардо, по-видимому, выполнил после того, как первоначальный проект фрески был оставлен. «Деталь из «Битвы за знамя» — под таким названием эта картина значится в каталоге...

— Какая удача, — прошептал Эллери. — Продолжайте, мисс Бретт. Я весь внимание. Каким образом в этом замешан Халкис?

Она вздохнула:

— Мы считали его укрывателем, но больше

ничего ясного. Только смутное ощущение, как вы, американцы, любите говорить, «горбом чувствуешь», и никакой точной информации. Но позвольте мне начать с соответствующего места.

Рекомендации, с которыми я пришла к Халкису, были в общем-то настоящие. Сэр Артур Юинг, давший мне характеристику, — это реальная фигура, один из директоров музея, а также известный в Лондоне торговец произведениями искусства. Он, конечно, был посвящен в тайну, и рекомендации тоже были ее частью. Я и раньше проводила для музея следствия такого рода, главным образом в Европе, но в Америке никогда. Директора требовали полной секретности, я должна была работать под прикрытием, проследить путь картины и попытаться ее найти. Факт кражи скрывали от общественности объявлениями о «реставрационных работах».

— Начинаю понимать.

— Я знала, что у вас острый ум, мистер Квин, — строго сказала Джоан. — Так вы позволите мне продолжать рассказ или лучше прекратить?.. Все время, пока я находилась в этом доме как секретарь мистера Халкиса, я пыталась отыскать нить, ведущую к Леонардо, но мне так и не удалось обнаружить ни малейшего намека на картину

ни в его бумагах, ни в разговорах. Это обескураживало меня, ведь наша информация казалась достоверной.

И теперь я перехожу к мистеру Альберту Гримшоу. Дело в том, что картина была похищена из музея одним смотрителем, который называл себя Грэмом, но чье настоящее имя, как мы позднее узнали, было Альберт Гримшоу. Первую надежду, первый осязаемый знак, что я на верном пути, я получила вечером тридцатого сентября, когда этот Гримшоу возник на пороге. По описанию, которое у меня имелось, я сразу поняла, что это и есть тот самый вор Грэм. А он тогда бесследно исчез из Англии, и целых пять лет, прошедших с момента кражи, его не могли найти.

— Ох, здорово!

— Спокойно. Я силилась услышать хоть что-нибудь через двери кабинета, но не смогла ничего разобрать из его разговора с мистером Халкисом. И на следующий вечер я тоже ничего не узнала, когда Гримшоу явился с неизвестным — лица было не разглядеть. Дело осложнилось тем, — она помрачнела, — что мистер Алан Чини выбрал именно этот момент, чтобы ввалиться в дом в пьяном виде, почти не держась на ногах, и, пока я занималась им, посетители ушли. Но в одном

я уверена — Гримшоу и Халкис должны были знать, где спрятан Леонардо.

— Значит, как я понимаю, на обыск кабинета вас вдохновила надежда, что среди пожитков Халкиса могли появиться какие-то новые записи — новая ниточка к картине?

— Точно. Но этот обыск, как и все прочие, не принес успеха. Понимаете, время от времени я сама обследовала дом, магазин, галереи, и я уверена, что в помещениях, принадлежащих Халкису, Леонардо нет. С другой стороны, тот неизвестный, спутник Гримшоу, кажется мне лицом заинтересованным, — вся эта секретность, нервозность мистера Халкиса, — заинтересованным в картине. Я убеждена, что он-то и есть тот роковой ключ к судьбе Леонардо.

— И вам не удалось установить личность этого человека?

Она раздавила сигарету в пепельнице.

— Нет. — Потом с подозрением взглянула на Эллери: — А что? Вам известно, кто это?

Эллери не ответил. Его глаза рассеянно бродили по комнате.

— Ну и легонький вопрос, мисс Бретт... Ситуация так драматично движется к кульминации, а вы возвращаетесь к своим пенатам. Почему?

— По той простой причине, что это дело стало для меня неподъемным.

Она порылась в сумочке, достала письмо с лондонским штемпелем и передала Эллери. Он прочел его без комментариев. Оно было напечатано на бланке музея Виктории и подписано директором.

— Понимаете, я все время держала Лондон в курсе моих успехов или, скорее, отсутствия успехов. Это ответ на мой последний отчет, где речь шла о неизвестном. Вы сами видите, что мы в тупике. Из музея мне пишут, что некоторое время назад инспектор Квин прислал по телеграфу странный запрос и в результате возникла переписка — наверное, вам это известно — между директором и нью-йоркской полицией. Разумеется, сначала директор не знал, как и что отвечать, поскольку ему пришлось бы раскрыть всю историю. Этим письмом, как вы видите, я уполномочена довериться нью-йоркской полиции и по собственному усмотрению принять решение о дальнейших действиях.

Она вздохнула, помолчала.

— Мое собственное усмотрение определяется твердым убеждением, что теперь это дело вышло за границы моих скромных возможностей. Я со-

биралась позвонить инспектору, рассказать ему всю эту историю и вернуться в Лондон.

Эллери отдал письмо, и она аккуратно убрала его опять в сумочку.

— Да, — сказал он. — Я склонен согласиться, что ведущий к картине след чересчур запутался и теперь больше толку было бы от профессионалов, чем от одиночки, к тому же любителя. С другой стороны... — он помедлил, — может быть, только я и сумел бы помочь вам в этих на первый взгляд безнадежных поисках.

— О, мистер Квин! — Джоан просияла.

— А согласится музей оставить вас в Нью-Йорке, пока сохраняется шанс вернуть Леонардо без скандала и фанфар?

— О да, конечно, мистер Квин! Сейчас же телеграфирую директору.

— Да, пожалуйста. И еще, мисс Бретт, — он улыбнулся, — я бы на вашем месте пока не ходил в полицию. Даже к моему отцу, да хранит его Бог. Полезней для дела, если вы пока останетесь — как бы это выразиться помягче? — под подозрением.

Джоан вскочила:

— Это мне нравится! Приказывайте, командир! — Она шутливо изобразила стойку «смирно» и отдала честь.

Эллери усмехнулся:

— Уже сейчас видно, что из вас получится восхитительная espionne[27]. Очень хорошо, мисс Джоан Бретт, отныне и впредь мы союзники, у нас с вами маленькое тайное entente[28].

— И к тому же cordiale[29], я надеюсь? — Она счастливо вздохнула. — Волнующие перспективы.

— Но и опасные, может быть, — сказал Эллери. — И несмотря на наш союз, лейтенант Бретт, кое-что мне лучше держать от вас в тайне, ради вашей же безопасности. — У нее лицо вытянулось, и он похлопал ее по руке. — Не из подозрений к вам — слово чести, дорогая. Но пока просто доверьтесь мне.

— Хорошо, мистер Квин, — серьезно произнесла Джоан. — Я полностью в ваших руках.

— Не надо, — поспешно сказал Эллери, — это слишком сильное искушение. Такая привлекательная женщина... Ну все, к делу! — Он

---

**[27] ПРИМЕЧАНИЯ: 27**
Шпионка (фр.).

**[28] ПРИМЕЧАНИЯ: 28**
Согласие (фр.).

**[29] ПРИМЕЧАНИЯ: 29**
Сердечное (фр.). «Сердечное согласие» — так назывался союз между Великобританией, Францией и Россией, заключенный перед Первой мировой войной — «Антанта».

отвернулся, избегая ее наигранно изумленного взгляда, и начал размышлять вслух: — Давайте посмотрим, как нам себя вести. Гм... Нужно найти уважительную причину, которая могла бы вас задержать... Каждый понимает, что ваша служба здесь завершена... Болтаться в Нью-Йорке без дела — это может вызвать подозрения... Жить здесь, в доме Халкиса, вам нельзя... Есть! — Он взволнованно схватил ее за руки. — Есть одно место, где вы можете остановиться, причем оправданно, так что никто ничего не заподозрит.

— И что это за место?

Они сели рядом, на кровати, сблизив головы.

— Вы ведь в курсе всех личных и деловых интересов Халкиса. И есть один джентльмен, любезно согласившийся разобраться в его запутанных делах. Его зовут Джеймс Нокс!

— О, превосходно, — прошептала она.

— Значит, вы понимаете, — быстро продолжал Эллери, — что Нокс, втянутый в эту канитель, от которой у него, наверное, уже голова трещит, будет рад помощи знающего человека. Только вчера вечером я слышал от Вудрафа, что у Нокса секретарь болеет. Я устрою все таким образом, что Нокс сам вас пригласит, и все возможные подозрения улягутся. Но вам нужно помалки-

вать, радость моя, прошу вас, поймите: придется притворяться, что вам нужна эта работа, и выполнять ее честно — никто не должен знать, что вы не та, кем кажетесь.

— На этот счет можете не опасаться, — решительно сказала Джоан.

— Верю. — Он встал, поискал шляпу и трость, бормоча себе под нос: — Хвала тебе, Моисей! Теперь и мне есть чем заняться... До свидания, ma lieutenante![30] Оставайтесь в этом доме, пока не получите весть от всемогущего Нокса.

Он уклонился от выражений благодарности Джоан и выскочил из комнаты. Дверь тихо закрылась за ним. Но в холле он приостановился, а потом, со злой усмешкой на губах, зашагал по коридору и постучался к Алану Чини.

* * *

Спальня Алана Чини наводила на мысль о руинах, оставленных после себя канзасским смерчем. Вокруг валялись самые разные вещи: похоже, молодой человек не отказывал себе в удовольствии подраться с собственной тенью. Сигаретные окурки, как солдатики, лежали на

---

**[30] ПРИМЕЧАНИЯ: 30**
Мой лейтенант (фр.).

полу, там, где их бросили. Волосы мистера Чини словно прошли через трепальную машину, глаза яростно метались в воспаленных орбитах.

Он кружил по комнате, расхаживал по ней, мерил ее шагами вдоль и поперек, пожирая ее голодными взглядами — что бы еще такое сокрушить. «Какой неуемный юноша!» — подумал Эллери, стоя с вытаращенными глазами на пороге и оглядывая расстилающееся перед ним поле битвы.

— Да входите же, черт подери, кого там несет! — буркнул молодой человек, а потом резко затормозил, разглядев своего гостя, и рявкнул: — Ну а вам-то что нужно?

— Поговорить с вами. — Эллери закрыл дверь. — Кажется, я вас застал в более или менее активном настроении. Но я не стану злоупотреблять ни минутой вашего, без сомнения, драгоценного времени. Можно присесть или эту беседу следует вести с соблюдением всех пунктов дуэльного кодекса?

Какие-то остатки вежливости в молодом Алане, видимо, сохранились, поскольку он промямлил:

— Конечно. Садитесь, пожалуйста. Извините. Вот, сюда можно. — И он смахнул со стула окурки прямо на пол, и так уже замусоренный.

Эллери уселся и первым делом принялся наводить блеск на стекла пенсне. Алан наблюдал за ним с каким-то рассеянным раздражением.

— Итак, приступим, мистер Алан Чини, — начал Эллери, прочно водрузив пенсне на свой прямой нос. — Я пытаюсь прояснить некоторые аспекты этого печального дела с убийством Гримшоу и самоубийством вашего отчима.

— Какое к черту самоубийство! — парировал Алан. — Ничего подобного.

— Да? И ваша матушка говорила так несколько минут назад. Ваша уверенность базируется на чем-то конкретном?

— Нет. Наверное, нет. Впрочем, не важно. Он умер, лежит на глубине шести футов под землей, и этого не поправишь. — Алан упал на кровать. — Что у вас на уме, Квин?

Эллери улыбнулся:

— Бесполезный вопрос, не отвечать на который вам больше нет резона. Почему вы сбежали полторы недели назад?

Алан лежал на кровати неподвижно и курил, устремив взгляд на старый поцарапанный дротик, висевший на стене.

— Дротик моего старика. Африку он считал своим личным раем.

Алан бросил сигарету, вскочил с кровати и возобновил бешеную беготню по комнате, бросая свирепые взгляды в северном направлении — то есть примерно в сторону спальни Джоан.

— Ладно, — резко бросил он. — Я расскажу. Во-первых, я был полным дураком, что сбежал. Типичная маленькая кокетка, вот кто она такая, черт бы побрал ее ангельское личико!

— Чини, дорогой, вы о чем? — озаботился Эллери.

— О том, каким слепым ослом я был, вот о чем! Вот вам, Квин, обычная для всех времен и народов история о юном «рыцаре», — сказал Алан, стиснув крепкие молодые зубы. — Я был тогда влюблен — влюблен, заметьте! — в эту, ну... да ладно, в эту Джоан Бретт. Ну и заметил, как она постоянно что-то вынюхивает, высматривает, ищет... Бог знает что. Об этом я ни разу ни словом не обмолвился — ни ей, ни кому-то еще. Самопожертвование влюбленного и прочая чепуха. Когда инспектор стал ее поджаривать, что, мол, Пеппер видел, как она крутилась вокруг сейфа в ночь после похорон дяди... черт, я не знал, что и думать. Это ведь как дважды два: пропало завещание, убит человек. Кошмар. Я решил, что она как-то замешана... Ну и... — Дальше он забормотал

что-то совсем невнятное.

Эллери вздохнул:

— Ах, любовь! Чувствую, как цитаты плотною толпой окружают меня, но, вероятно, мне не стоит... Итак, наш мастер Алан, подобно благородному сэру Пеллеасу, отвергнутому надменной красавицей, вскочил на широкую спину своего белого жеребца и ускакал вдаль в поисках приключений, достойных рыцаря...

— Пусть так, если вы желаете насмешничать, — огрызнулся Алан. — Вот я и... ну да, я так и поступил, да. Вел себя совершенно по-дурацки, играл в галантного рыцаря, как вы сказали, — намеренно сбежал, чтобы перевести подозрения на себя. Ха! — Он горестно пожал плечами. — А стоила она того? Разве ответишь? В общем, я рад, что выболтал всю эту треклятую историю: теперь можно об этом забыть — да и о ней тоже.

— И вот это, — пробормотал Эллери, — называется расследованием убийства. А, отлично! Пока психология не научится распознавать и брать в расчет все причуды человеческих побуждений, раскрытие преступлений так и не станет наукой... Спасибо, сэр Алан, тысяча благодарностей, и не отчаивайтесь, я просто требую. И всего вам хорошего!

* * *

Приблизительно через час мистер Эллери Квин сидел в кресле напротив адвоката Вудрафа в скромных апартаментах этого джентльмена, расположенных среди каньонов нижнего Бродвея, попыхивая превосходной сигарой из коробки, приберегаемой адвокатом для особых случаев. Вяло текла ничего не значащая беседа. Адвокат Вудраф, по его же меткому выражению, в данный момент страдал своего рода умственным запором. Он был груб, желчен и время от времени сплевывал в блестящую плевательницу, предусмотрительно поставленную на круглый резиновый коврик рядом с письменным столом. Самая суть его сетований и ругательств сводилась к тому, что никогда, за все годы интенсивной работы адвокатом, ситуация с завещанием не преподносила ему таких головоломных сложностей, как запутанное дело о собственности Георга Халкиса.

— Нет, Квин, — разнылся он, — вы не представляете, с чем мы столкнулись, — понятия не имеете! Нашелся этот клочок сгоревшего нового завещания, и теперь мы должны установить наличие принуждения, иначе все имущество

станет легкой наживой для... Ох, ладно. Ставлю что угодно, бедняга Нокс очень сожалеет, что согласился стать душеприказчиком.

— Нокс? Ах да. Хлопот полон рот?

— Что-то ужасное! В конце концов, даже до определения правового статуса имущества требуется кое-что сделать. Создать подробный перечень — у Халкиса масса барахла. Наверное, все ляжет на мои плечи, обычно все этим и заканчивается, если душеприказчик занимает такое положение, как Нокс.

— Ну, может быть, — индифферентно предположил Эллери, — раз у Нокса секретарь болеет, а мисс Бретт временно сидит без дела...

Сигара в зубах Вудрафа закачалась.

— Мисс Бретт? Слушайте, Квин, а это идея. Конечно! Ей же все известно о делах Халкиса. Я, пожалуй, подкину её Ноксу. Думаю, мне будет...

Посеяв семена, Эллери очень скоро распрощался и, чрезвычайно довольный собой, бодро зашагал по Бродвею.

* * *

А адвокат Вудраф — не прошло и двух минут, как за широкой спиной Эллери закрылась дверь, — уже названивал по телефону мистеру Джеймсу

Дж. Ноксу.

— Я тут подумал, что поскольку мисс Джоан Бретт теперь больше нечего делать в доме Халкиса...

— Вудраф! Превосходная мысль!

В результате мистер Джеймс Дж. Нокс с глубоким вздохом облегчения поблагодарил адвоката Вудрафа за его блестящую вдохновляющую идею и, едва положив трубку, тут же велел соединить его с домом Халкиса.

А заслышав голос мисс Бретт, он изложил ей эту идею совсем как свою. Мистер Джеймс Дж. Нокс попросил мисс Бретт прямо с завтрашнего дня перейти к нему на службу и поработать над документом о передаче имущества. Кроме того, зная, что мисс Бретт британская подданная и не имеет постоянного местожительства в Нью-Йорке, мистер Нокс предложил ей пожить в его, Нокса, доме, тем более что неизвестно, сколько это времени займет...

Мисс Бретт приняла предложение сдержанно — за вознаграждение, нужно отметить, значительно более приличное, чем она получала от прежнего нанимателя, американца греческого происхождения, чьи кости мирно упокоились в склепе предков. Разговаривая с Ноксом, она не

переставала удивляться, как это мистер Эллери Квин изловчился так быстро все устроить.

## Глава 23
## ЛАБИРИНТ

В пятницу, 22 октября, мистер Эллери Квин — неофициально, конечно, — посетил представителя элиты. Этому предшествовал телефонный звонок от мистера Джеймса Дж. Нокса: мистера Квина хотят незамедлительно видеть в резиденции мистера Нокса для беседы по вопросам, представляющим взаимный интерес. Мистер Квин был рад приглашению, но не потому, что обожал изысканное общество, а по причине более приземленного характера. Представительное такси быстро доставило его на Риверсайд-Драйв, где он вышел у строения необычайных размеров, заплатил водителю, который внезапно стал держаться подобострастно, и с достоинством ступил на земли самого настоящего поместья — и это в городе баснословных цен на недвижимость.

После краткого ожидания в приемной, которая, по всей видимости, целиком была перенесена из какого-нибудь палаццо семьи Медичи, Эллери без всяких церемоний был представлен высокой

особе.

Игнорируя пышно украшенные окружающие помещения, высокая особа работала в своей «каморке» — это словечко Эллери узнал от почтенного, словно проглотившего ярд дворецкого — за очень простым и современным письменным столом. Каморка тоже была отделана современно. Панели черной кожи, угловатая мебель, светильники из бреда сумасшедшего — в общем, новые богачи за домашней работой. И здесь же, совсем рядом с высокой особой, держа блокнот на достойном всяческих похвал колене, расположилась мисс Джоан Бретт.

Нокс сердечно поприветствовал Эллери, предложил черкесскую деревянную шкатулку, полную светлых шестидюймовых сигарет, взмахом руки указал заметно пораженному гостю на кресло, в которое садиться было страшно, но которое на самом деле оказалось очень удобным, и произнес в своей обманчиво мягкой манере:

— Отлично, Квин. Я рад, что вы так быстро добрались. Удивлены, что встретили здесь мисс Бретт?

— Просто сногсшибательно, — серьезно сказал Эллери. Мисс Бретт похлопала ресницами и поправила юбку, сдвинув ее край на бесконечно

малую величину. — Уверен, что это большая удача для мисс Бретт.

— Нет, нет. Это мне повезло. Мисс Бретт сокровище, иначе не скажешь. Наша секретарша слегла — у нее свинка или колики, что-то в этом роде. Дело совершенно безнадежное. Мисс Бретт помогает мне и в личных вопросах, и в деле Халкиса. Ох уж это дело Халкиса! Да, сэр, должен сказать, это приятное утешение, если рядом есть интересная молодая женщина, на которую можно смотреть целый день. Очень приятное. Наша секретарша — шотландка с лошадиной физиономией, которая последний раз улыбалась, наверное, еще сидя на костлявых коленях своей мамочки. Извините, Квин. Но мне осталось еще уточнить с мисс Бретт несколько деталей, и я освобожусь... оформите чеки по этим налоговым счетам, мисс Бретт...

— Счета, — смиренно повторила мисс Бретт.

— ...и по счетам на канцтовары. Когда будете оплачивать счет за новую пишущую машинку, не забудьте включить стоимость замененной клавиши — а старую отправьте в благотворительный фонд... терпеть не могу старые машинки...

— Благотворительный фонд.

— И если у вас останется минутка-другая, за-

кажите новую стальную картотеку, которую вы советовали. Пока это все.

Джоан встала и прошла в другую часть комнаты; как и положено секретарю, она села за маленький модный столик и принялась печатать на машинке.

— Теперь с вами, Квин... Чертовски раздражают эти мелочи. Болезни секретаря причиняют мне огромные неудобства.

— Понимаю, — пробормотал Эллери. На самом деле он не понимал, зачем мистер Джеймс Дж. Нокс рассказывает малознакомому человеку эти скучные подробности. Эллери казалось, что такой болтовней мистер Джеймс Дж. Нокс пытается скрыть беспокойство; хотелось, чтобы мистер Джеймс Дж. Нокс поскорее перешел к делу.

Нокс вертел в руках золотой карандаш.

— Сегодня мне кое-что пришло на ум, Квин, и я очень расстроен, что не вспомнил об этом раньше. Напрочь забыл об этом упомянуть, когда отчитывался перед инспектором Квином в его кабинете в управлении.

«Эллери Квин, счастливый черт, — подумал Эллери Квин. — Вот чего можно добиться ослиным упрямством. Насторожи-ка свои счастливые уши».

— И что же это? — спросил он как о ерунде какой-нибудь.

Повествование началось в обычном ноксовском нервно-отрывистом стиле, но по мере развития истории эта дерганость пропадала.

Оказывается, в тот вечер, когда Нокс в компании с Гримшоу явился к Халкису, произошло одно необычное событие. Это случилось сразу же после того, как Халкис по требованию Гримшоу составил, подписал и передал ему долговое обязательство. По-видимому, Гримшоу, укладывая листок в бумажник, решил, что настал подходящий момент и можно получить что-нибудь еще. Поэтому он хладнокровно попросил Халкиса проявить «добрую волю» и выдать ему тысячу долларов, авансом, чтобы до выплаты основной суммы по обязательству покрыть его неотложные потребности.

— Тысячи долларов при нем не было, мистер Нокс! — решительно заявил Эллери.

— Позвольте я продолжу, молодой человек, — сказал Нокс. — Халкис сразу ответил, что в доме у него денег нет. Затем повернулся ко мне и попросил одолжить ему денег, обещая вернуть на следующий день. Тьфу... — Нокс неодобрительно отбросил сигарету. — Ему повезло. Ранее в тот же

день я взял в своем банке пять тысячедолларовых банкнотов на личные нужды. Я достал их из бумажника, вручил один Халкису, а он передал его Гримшоу.

— А куда Гримшоу его положил?

— Гримшоу выхватил банкнот из рук Халкиса, достал из кармашка жилета старые и тяжелые золотые часы — должно быть, те, которые были обнаружены в сейфе Слоуна, — открыл крышку с задней стороны, аккуратно несколько раз сложил купюру, превратив ее в маленький прямоугольник, положил под крышку, захлопнул ее, а часы вернул на место, в карман жилета.

Эллери прикусил ноготь.

— Старые и тяжелые золотые часы. Вы уверены, что это те самые?

— Абсолютно уверен. Я видел фотографию часов из сейфа Слоуна в одной из газет в начале недели. Те самые часы.

— Ах, чтоб мне райских чертогов не видеть! — выдохнул Эллери. — Если это не... Мистер Нокс, нельзя ли восстановить номера банкнотов, которые вы взяли в тот день из банка? Нам чрезвычайно важно немедленно исследовать корпус часов. Если банкнота там нет, его номер может стать следом, ведущим к убийце!

— Именно об этом я и подумал. Одну минуту. Мисс Бретт, соедините меня с Бауманом, главным кассиром моего банка.

Мисс Бретт повиновалась совершенно равнодушно, подала аппарат Ноксу и спокойно вернулась к своим рутинным секретарским операциям.

— Бауман? Нокс. Дайте мне номера пяти тысячедолларовых банкнотов, которые я получил первого октября... Понятно. Хорошо. — Нокс подождал, затем потянулся за блокнотом и начал записывать золотым карандашом. Улыбнувшись, он повесил трубку и протянул Эллери листок бумаги. — Держите, Квин.

Эллери рассеянно повертел листок в пальцах.

— А-а... не могли бы вы съездить со мной в управление, мистер Нокс, помочь с осмотром часов?

— Буду рад. Я очарован этими детективными штучками.

Зазвонил телефон на его столе, Джоан поднялась и сняла трубку.

— Вас, сэр. Из Шьюрети-Бонд. Сказать...

— Я отвечу. Извините, Квин.

Пока Нокс вел сухой, непонятный — для Эллери, конечно, — и страшно нужный деловой

разговор, Эллери встал и подошел к столу Джоан. Он посмотрел на нее со значением и сказал:

— Э-э... мисс Бретт, вам не трудно скопировать на вашей машинке эти номера? — Это, разумеется, был лишь повод склониться над ее стулом и пошептаться с ней.

Джоан послушно взяла у него карандашную запись, заправила лист бумаги в машинку и начала печатать. Не останавливаясь, она с упреком прошептала:

— А почему вы мне не сказали, что тот неизвестный — мистер Нокс?

Эллери предостерегающе повел головой, но Нокс не прерывал своего разговора. Джоан выдернула лист из машинки и громко воскликнула:

— Вот досада! Придется написать слово «номер».

Заправив новый лист, она быстро заработала пальчиками.

Эллери прошептал:

— Есть новости из Лондона?

Джоан покачала головой, летающие по клавиатуре пальцы немного запнулись, и она опять громко пожаловалась:

— Никак не привыкну к личной машинке мистера Нокса — это «ремингтон», а я всегда

пользовалась «ундервудом», но в доме нет другой машинки... — Она завершила работу, вынула лист и подала его Эллери, прошептав: — Скажите, это возможно, что Леонардо у него?

Эллери так сжал ей плечо, что она поморщилась и побледнела. А он самым сердечным тоном произнес:

— Превосходно, мисс Бретт. И спасибо вам. — Засовывая листок с номерами в карман жилета, шепотом добавил: — Осторожнее. Не рискуйте. Не нужно здесь ничего разыскивать. Доверьтесь мне. Вы — только секретарь, и ничего больше. И никому ни слова об этом банкноте...

— Здесь все точно, я уверена, мистер Квин, — сказала она звонким голосом и злобно прищурилась на него.

* * *

Эллери удостоился чести проехаться в городском автомобиле мистера Джеймса Дж. Нокса, бок о бок с великим человеком и позади чопорного Харона в скромной, шоферской ливрее.

Прибыв к Главному полицейскому управлению на Сентр-стрит, они вышли из машины, поднялись по широким ступеням и исчезли внутри здания. Эллери позабавился, заметив,

какое оглушительное впечатление произвела на мультимиллионера всеобщая сердечность, проявляемая полицейскими и детективами к персоне сына инспектора Квина. В архиве Эллери, опираясь на свою фиктивную власть, затребовал улики по делу Гримшоу-Слоуна. Из выданного ему стального ящика Эллери достал только старинные золотые часы. Они с Ноксом удалились в пустую комнату, где сначала просто молча рассматривали часы.

В этот момент на Эллери накатило дурное предчувствие. А Ноксу, похоже, было просто любопытно. И Эллери открыл заднюю крышку корпуса часов.

Под ней лежал тоненький квадратик. В развернутом виде это оказалось тысячедолларовым билетом.

Эллери не скрывал разочарования. Возможности, которые он, можно сказать, держал за хвост в «каморке» Нокса, исчезли с материализацией банкнота. Тем не менее, будучи основательным молодым человеком, Эллери достал из кармана список номеров банкнотов и сверился с ним. Номер действительно присутствовал в списке, представленном Ноксом. Эллери захлопнул крышку часов и вернул улики в архив.

— Что это вам дает, Квин?

— Не слишком много. Новый факт ничего не меняет в существующих обстоятельствах по версии Слоуна, — печально ответил Эллери. — Если Слоун убил Гримшоу и был его неизвестным партнером, то наша находка может означать только то, что Слоун ничего не знал об этих деньгах. То есть что Гримшоу скрыл их от партнера, не собирался говорить партнеру о тысяче долларов, которые ему удалось вытянуть у Халкиса, не думал ими делиться со Слоуном, и это доказывается странным выбором места для хранения купюры. Затем Слоун, убив Гримшоу, с какой-то своей целью забрал у него часы, но не подумал заглянуть под крышку, поскольку у него не было оснований подозревать, что там что-то может быть. Следовательно, банкнот остался лежать там, куда его спрятал Гримшоу. Что и требовалось доказать, и все это чепуха!

— Я понял, что вас не слишком впечатляет версия со Слоуном? — проницательно поинтересовался Нокс.

— Мистер Нокс, я не знаю, что и подумать. — Они уже шли по коридору. — Тем не менее, сэр, я был бы признателен, если бы вы...

— Все, что скажете, Квин.

— Не говорите об этих деньгах никому — вообще никому, из принципа. Пожалуйста.

— Очень хорошо. Но мисс Бретт знает, она была в комнате, когда я вам рассказывал.

Эллери кивнул:

— Можно ее предупредить.

Они обменялись рукопожатиями, и Эллери посмотрел Ноксу вслед. Еще несколько минут он беспокойно бродил по коридорам, потом заглянул в отцовский кабинет. Там никого не было. Он покачал головой, спустился на Сентр-стрит, огляделся и подозвал такси.

В банке мистера Джеймса Дж. Нокса Эллери спросил мистера Баумана, главного кассира. Взмахнув специальным полицейским удостоверением, добытым в свое время с немалым нахальством, Эллери сказал мистеру Бауману, что ему нужны номера пяти тысячедолларовых банкнотов, которые Нокс получил 1 октября.

Номер билета из часов Гримшоу нашелся среди пяти номеров, официально представленных банком.

Выйдя из банка и чувствуя, что праздновать нечего, Эллери не стал садиться в автомобиль, а поехал домой в метро.

* * *

Лабиринт, через который Эллери намеревался уверенно пройти, оказался уж больно извилистым. Следующий ход завел его в субботний день в Бруклин. Куда он может вывести? — уныло гадал молодой Квин, шагая под голыми деревьями по длинным улицам в жилых кварталах Бруклина. Субботний день во Флэтбуше... Еще он подумал, остановившись узнать номер дома, что Флэтбуш совсем не так плох, как его изображают в водевилях. В нем что-то есть, какой-то покой и умеренность — очень мирный покой и очень мягкая умеренность... Он представил себе бродвейски броскую внешность миссис Джереми Оделл в этом почти сельском окружении и усмехнулся.

Эллери свернул на узенькую, вымощенную камнем дорожку, поднялся по пяти деревянным ступенькам и ступил на крыльцо дома с белыми рамами. Миссис Джереми Оделл была дома. Она открыла дверь на звонок, и ее золотистые брови подскочили от удивления. Ясное дело, она приняла его за агитатора, вербовщика голосов перед выборами, и с натренированной резкостью опытной домашней хозяйки шагнула назад, чтобы

захлопнуть дверь у него перед носом. Эллери поставил ногу на порог и улыбнулся. И только когда он достал свое удостоверение, ее воинственность угасла и что-то вроде страха мелькнуло на широком миловидном лице.

— Входите, мистер Квин. Входите, я не сразу вас узнала.

Стоя перед ним в темном, холодном холле, она нервно вытирала руки о передник, надетый поверх домашнего халата в цветочек. Слева от нее была открыта застекленная дверь, и она прошла в комнату впереди Эллери.

— Наверное, вы хотите видеть и Джерри, то есть мистера Оделла?

— Если можно.

Она быстро вышла.

Эллери с улыбкой огляделся. Этот брак дал Лили Моррисон не только новое имя — замужество, очевидно, пробудило склонность к хозяйствованию, дремавшую до поры в большой и округлой груди Лили. Эллери находился в очень приятной, очень традиционной и очень чистой комнате — Оделлы, конечно, считали ее «залой». Нежные женские пальцы, пусть даже не обладающие необходимыми навыками, создали эти яркие диванные подушечки. Новая респектабельность

предписывала выбрать для стен эти безвкусные обои и развесить повсюду почти викторианские лампы. Мебель отличалась массивностью, преобладанием плюша и обилием резных деталей. Эллери представил себе, как Лили, раньше обитавшая в одной среде с Альбертом Гримшоу, стоит рядом с солидным Джереми Оделлом в дешевом мебельном магазине и выбирает самые тяжелые, самые богатые и самые изукрашенные вещи, которые попадаются ей на глаза...

Конец забавным картинкам положило появление хозяина дома — мистера Джереми Оделла собственной персоной. Судя по запачканным пальцам, он приводил в порядок обязательный автомобиль, стоявший в его собственном гараже где-нибудь на заднем дворе. Здоровяк ирландец не стал извиняться ни за грязные руки, ни за внешний вид — отсутствие воротничка и старые башмаки; он просто жестом показал Эллери на кресло и сел сам, а его супруга предпочла постоять с ним рядом. Усевшись, Оделл прорычал:

— В чем дело? Я думал, что с этой дурацкой историей покончено и полицейские больше не будут совать нос в наши дела. Какая муха вас опять укусила?

Поскольку дама, видимо, не собиралась са-

диться, Эллери остался стоять. На лице Оделла читалась угроза.

— Просто нужно поговорить. Знаете, ничего официальною. Я займу у вас несколько минут, не более того... Ради собственного удовлетворения я пытаюсь прояснить некоторые не слишком существенные, но до сих пор не объясненные моменты. Мне хотелось бы знать...

— Нам нечего сказать.

— Конечно, конечно. — Эллери улыбнулся. — Я уверен, мистер Оделл, что вы не можете сказать ничего такого, что меняло бы суть дела. Понимаете, абсолютно все важные моменты нам хорошо известны...

— Это что, один из грязных полицейских трюков или как?

— Мистер Оделл! — Эллери оскорбился. — Вы не читали газеты? Зачем мне вас обманывать? Просто в тот раз, на допросе у инспектора Квина, вы все время уклонялись от ответов. С тех пор обстоятельства принципиально изменились. И теперь только вопросы, без подозрений, мистер Оделл.

— Ладно, ладно. Что у вас на уме?

— Почему вы отрицали, что приходили к Гримшоу вечером в тот четверг в отель «Бенедикт»?

— Слушай... — начал Оделл зловещим тоном, но был прерван рукой жены, стиснувшей ему плечо. — А ты держись подальше, Лили.

— Нет. — Голос у нее дрожал. — Нет, Джерри. Мы себя ведем неправильно. Ты не знаешь этих... полицию. Они от нас не отцепятся, пока не узнают... Скажи мистеру Квину правду, Джерри.

— Обычно это самая верная линия поведения, мистер Оделл, — душевно сказал Эллери. — Если на вашей совести ничего нет, зачем вы упорствуете?

Их взгляды скрестились. Оделл опустил голову и потер челюсть грязной ручищей. Он не торопился, Эллери спокойно ждал.

— О'кей, — сказал, наконец, ирландец. — Я расскажу. Но берегись, браток, если ты меня надуешь! Сядь, Лили, ты мне на нервы действуешь.

Она послушно уселась на диван.

— Я был там, как и говорил инспектор. Подошел к стойке через несколько минут после женщины...

— Значит, вы были четвертым гостем Гримшоу, — уточнил Эллери. — Зачем вы туда пошли, мистер Оделл?

— Этот мерзавец Гримшоу первым делом нашел Лили, как только вышел из тюрьмы. Я о нем

ничего не знал, и какую жизнь Лили вела раньше, пока не вышла за меня. Она решила, что, если расскажет, я разозлюсь, понимаете, и, как дура, все молчала...

— Очень неразумно, миссис Оделл, — строго сказал Эллери. — Нужно всегда доверяться супругу. Это основы совершенных супружеских отношений.

Оделл усмехнулся:

— Слушай, что мальчик говорит... Ты думала, я тебя брошу, да, Лил?

Женщина ни звука не проронила, сидела уставившись себе в колени и плиссируя передник.

— Как бы то ни было, Гримшоу ее разыскал — не знаю, как он на нее вышел, но сумел-таки, проныра! Ну вот, и заставил ее встретиться с ним в заведении у Шика. Она пошла, потому что боялась, что он мне все про нее выложит.

— Понимаю.

— Он думал, она занимается каким-то новым рэкетом — не поверил, когда она сказала, что живет честно и не хочет больше связываться со всяким отребьем. Тогда он разозлился и велел ей прийти к нему в «Бенедикт» — да пусть его подлая душа горит в аду! Она отбилась от него, пришла домой и все мне рассказала... поняла, как

далеко все это зашло.

— И вы отправились в «Бенедикт» выяснять с ним отношения?

— Вот именно. — Оделл мрачно посмотрел на свои большие, покрытые шрамами руки. — Поговорил начистоту с гадом. Предупредил его, чтобы держал свои грязные лапы подальше от моей жены, а не то я с него шкуру спущу. Вот и все. Нагнал на него страху и ушел.

— Как Гримшоу реагировал?

Оделл немного растерялся.

— Ну, догадайтесь, раз я напугал его до чертиков. Весь побледнел, когда я схватил его за горло...

— О! Вы с ним грубо обращались?

Оделл громко расхохотался.

— Вы это называете грубым обращением, мистер Квин? Всего-то схватил парня за шкирку. Знаете, вам бы посмотреть, каково приходится этим здоровенным работягам в нашем деле, когда они слишком сильно врут... Нет, я просто маленько его тряхануул. Да он трус, куда ему против меня.

— У него был револьвер?

— Не знаю, может быть. Я не видел. Но у таких пташек всегда бывает.

Эллери задумался.

Миссис Оделл робко вмешалась:

— Теперь вы понимаете, мистер Квин, что Джерри не сделал ничего плохого.

— С другой стороны, миссис Оделл, если бы вы сразу, при первом нашем разговоре, заняли такую позицию, вы бы избавили нас от многих хлопот.

— Не хотелось самому в петлю лезть, — прогудел Оделл. — Не хотел, чтобы мне пришили убийство этого болвана.

— Мистер Оделл, когда Гримшоу вас впустил, там кто-нибудь еще был?

— Ни одной живой души, кроме самого Гримшоу.

— А тарелки, стаканы из-под виски — ничего такого, что могло бы указывать на чье-то присутствие?

— Я бы все равно не заметил. Я был здорово сердит.

— После того вечера никто из вас больше не видел Гримшоу?

Они одновременно покачали головой.

— Очень хорошо. Ручаюсь, больше вас беспокоить не будут.

* * *

Поездка в метро утомила Эллери. Обдумывать было почти нечего, а в купленной газете не нашлось ничего отвлекающего. С унылым видом он нажал кнопку звонка у входа в свою квартиру на третьем этаже здания из бурого песчаника на Западной Восемьдесят седьмой улице, и даже живая цыганская рожица Джуны, открывшего дверь, не помогла разгладить хмурую складку между бровей — а обычно Джуна оказывал на него тонизирующее воздействие.

Хитрый Джуна почуял, что хозяину тяжело, и начал его веселить лично изобретенным способом. Торжественно, даже с пафосом он принял у Эллери шляпу, пальто и трость, попробовал корчить гримасы, которые обычно вызывали ответную ухмылку, но на этот раз не сработали, промчался в спальню и бегом вернулся в гостиную, чтобы вложить сигарету между губ Эллери, церемонно поднес спичку...

— Что-то не так, мистер Эллери? — в конце концов горестно спросил он, когда все его усилия оказались напрасны.

Эллери вздохнул:

— Джуна, старичок, все не так. И это, навер-

ное, должно бы меня приободрить. Вспомни-ка незатейливые вирши Роберта Сервиса[31]: «Какой пустяк — коль все не так, споем другую песню». С другой стороны, я все же не могу, как его солдатик, «плясать и петь или свистеть на дудке». Я очень немузыкальное животное.

Для Джуны это была чушь собачья, но он знал, что, когда Эллери тянуло на цитаты, это предвещало определенные перемены, и потому одобрительно улыбнулся.

— Будь внимателен, Джуна, — продолжал Эллери, уронив себя в кресло. — В тот кошмарный вечер у месье Гримшоу было пять человек гостей. Из пятерых нам сейчас известны трое: покойный Гилберт Слоун, его почтенная супруга и бесстрашный Джереми Оделл. Одним из двух, так сказать, неучтенных гостей был доктор Уордс, мы в этом уверены, несмотря на все его протесты. Если бы мы смогли прояснить ситуацию доктора Уордса, которая может иметь довольно невинное объяснение, тогда бы мы достигли впечатляющего результата — остался бы лишь один неизвестный гость, никем не идентифицированный, и если предположить, что Слоун убийца, то этот

**[31] ПРИМЕЧАНИЯ: 31**

Сервис, Роберт Уильям (1874–1958) — английский поэт, живший в Канаде и во Франции, прозванный «канадским Киплингом».

неизвестный приходил вторым в последовательности, состоящей из пяти посетителей.

— Да, сэр, — сказал Джуна.

— С другой стороны, сын мой, — продолжал Эллери, — я признаю шах и мат. Все это вопиющее пустословие. До сих пор я не обнаружил ничего, что могло бы поставить под сомнение обоснованность версии со Слоуном.

— Да, сэр, — сказал Джуна. — У меня на кухне вкусное кофе...

— Нужно говорить «вкусный кофе». Запомни это, безграмотный червяк.

Как ни крути, а получалось, что день прошел впустую.

## Глава 24
## ЕСТЕСТВЕННО!

Но оказалось, что этот день еще не закончился. Приблизительно через час по телефону позвонил отец, и после этого семечко, посеянное несколько дней назад непонятным визитом миссис Слоун, дало побег, превратилось в деревце, зацвело пышным цветом и вскоре принесло плоды, неожиданно изобильные.

— У нас тут кое-что происходит, — донесся из

трубки резкий голос инспектора, — довольно странные вещи, и я подумал, что тебе будет интересно.

Прилива оптимизма Эллери не испытал.

— Я уже столько раз разочаровывался...

— Ну, по моему суждению, версию со Слоуном это не отменяет. — Старику надоело церемониться с Эллери. — Так ты хочешь узнать или нет?

— Еще бы не хотеть. Что случилось?

Эллери услышал, как отец фыркнул, раскашлялся и прочистил горло — безошибочные знаки неодобрения.

— Давай-ка в управление. Это долгая история.

— Хорошо...

И Эллери вытащил себя из дому. От метро его уже мутило, голова побаливала, и вообще этот мир казался печальным местом. Ко всему прочему отец устроил совещание со своим заместителем, и Эллери был вынужден сорок пять минут томиться в приемной. Входя в кабинет к старику, Эллери шаркал ногами, демонстрируя крайнее недовольство жизнью.

— Что за потрясающие новости?

Инспектор толкнул его в кресло.

— Отдохни. Поступила дополнительная информация. Днем ко мне заходил твой приятель — как

бишь его? — Суиза.

— Мой приятель? Насио Суиза? Ну и?..

— Говорит, что в вечер самоубийства Слоуна побывал в галерее Халкиса.

Усталость исчезла, Эллери подскочил:

— Быть не может!

— Спокойней, не рви на себе рубашку, — проворчал инспектор. — Не о чем волноваться-то. Вроде бы Суиза должен был готовить проспект с описанием отдельных экспонатов галереи — дело долгое и утомительное, — и он решил сделать рывок и поработать в тот вечер.

— Вечер самоубийства Слоуна?

— Ну да. Ты будешь слушать, юнец? Значит, приходит он к магазину, открывает дверь своим ключом и поднимается наверх в эту длинную главную галерею...

— Открывает дверь своим ключом. Как он сумел при включенной сигнализации?

— Она не была включена. Это значит, что не все ушли, — обычно тот, кто уходит последним, должен проследить за сигнализацией и предупредить охранное агентство. В общем, он поднялся наверх и увидел свет в кабинете Слоуна. Что-то ему нужно было спросить у Слоуна по поводу этого проспекта. Вот он и зашел в кабинет и, ра-

зумеется, обнаружил тело Слоуна, точно так же, как и мы чуть позже.

Эллери взволновался до потери пульса. Как загипнотизированный, он смотрел на инспектора, в уголке рта одной только силой привычки держалась сигарета.

— Точно?..

— Да, да, — ответил инспектор. — Голова на столе, пистолет на полу, под свисающей правой рукой, — все соответствует. Кстати, это произошло за несколько минут до нашего появления. Конечно, Суиза запаниковал — не могу его за это осуждать. Положеньице, прямо скажем... Он осторожничал, ни до чего не дотрагивался, сознавая, что если его там застанут, то объясняться придется до скончания века. И он быстро смылся.

— Клянусь несуществующей бородой Наполеона, — бормотал Эллери, уставясь на отца отрешенным взглядом. — Если бы только это было возможно!

— Что «если бы»? Сядь, опять ты распетушился, — цыкнул на него инспектор. — И не питай ложных идей, Эллери. Я целый час поджаривал тут Суизу, забросал его вопросами, как выглядела комната, и он выдержал испытание на все сто. Когда газеты напечатали, что это самоубийство,

ему чуть полегчало, но все-таки он нервничал. Говорит, хотел посмотреть, как события будут развиваться дальше. Ничего больше не происходило, он понял, что от разговора вреда не будет, а совесть-то его мучила, ну он и пришел ко мне и все выложил.

Эллери яростно пыхтел сигаретой, унесясь мыслями в туманную даль.

Инспектор забеспокоился:

— Во всяком случае, к основному вопросу все это не относится. Просто любопытная информация, ни в малейшей мере не влияющая на версию о самоубийстве Слоуна.

— Да, да. В этом я с тобой согласен. Ясно же: раз по отношению к Суизе подозрений не возникало, то он не стал бы соваться со своей историей о посещении места... самоубийства, если бы был виновен. Но я думаю не об этом... Пап!

— Ну что?

— Ты хочешь получить подтверждение теории о самоубийстве Слоуна?

— Какое подтверждение? — Старик фыркнул. — Это уже не теория, это реальность. Но конечно, новые свидетельства и улики нам не повредят. Что ты имеешь в виду?

Эллери был весь как струна.

— Ты абсолютно прав! — крикнул он. — Судя по твоему пересказу, в истории Суизы нет ничего, что могло бы опровергнуть версию с Слоуном. Но теперь мы можем доказать самоубийство более полно, для этого нужно только задать мистеру Насио Суизе один маленький вопросик... Понимаешь, папа, несмотря на твою убежденность, что появление Суизы в том кабинете никак не изменяет факты, все же остается крошечная щель, бесконечно малая вероятность... Кстати, уходя в тот вечер из здания, Суиза включил сигнализацию?

— Да. Говорит, чисто машинально.

— Ясно. Пошли к Суизе. Сегодня мне не уснуть, если я не разберусь с этим пунктом.

Инспектор пожевал нижнюю губу.

— Дьявол! Ты, как всегда, в точку, сыщик. Ну я и дурень, что не догадался сам спросить его об этом. — Он вскочил на ноги и потянулся за пальто. — Суиза сказал, что будет в галерее. Поехали!

* * *

Они застали Насио Суизу, страшно взбудораженного, в пустой галерее Халкиса на Мэдисон-авеню. Он выглядел не столь безукоризненно, как обычно, и одна прядь волос в гладкой прическе

лежала не на месте. Он встретил их напротив закрытой и огражденной решеткой двери кабинета Гилберта Слоуна и нервно пояснил, что после смерти Слоуна этой комнатой не пользовались. Болтовней он пытался замаскировать самое настоящее смятение. Усадив их в своем заставленном антикварными вещами кабинете, Суиза не выдержал:

— Что-то не так, инспектор? Что-то не...

— Не заводитесь, — спокойно произнес инспектор. — Вот у мистера Квина есть еще парочка вопросов.

— Да?

— Я так понял, — сказал Эллери, — что вы вошли в соседний кабинет, к Слоуну, в тот вечер, когда он умер, потому что заметили там свет. Это верно?

— Не совсем. — Суиза крепко сжал руки. — Просто я намеревался поговорить со Слоуном кое о чем. Войдя в галерею, я понял, что Слоун у себя, поскольку из-под двери пробивался свет.

Квины разом двинулись, словно сидели на электрических стульях.

— А-а, из-под двери, — со странной интонацией протянул Эллери. — Значит, перед тем как вы вошли, дверь в кабинет Слоуна была закрыта?

Суиза был озадачен.

— Ну да, естественно. Это так важно? Мне казалось, я упомянул об этом, инспектор.

— Ничего подобного! — рявкнул инспектор. — А убегая отсюда, вы оставили дверь открытой?

Суиза промямлил:

— Да. Я запаниковал и не подумал... А какой у вас вопрос, мистер Квин?

— Вы уже на него ответили, — сухо проговорил Эллери.

* * *

Все вдруг переменилось. Полчаса спустя Джуна был совершенно сбит с толку, увидев инспектора в отвратительном настроении и чрезвычайно веселого Эллери. Молодой Квин даже что-то напевал и резвился перед огнем, который поспешно разжег ошарашенный Джуна. Инспектор сделал два звонка, и больше никто из них не произнес ни слова. Эллери успокоился, растянулся в своем любимом кресле, пристроил ноги на подставке для дров и принялся изучать картины, создаваемые пламенем, — но глаза его так и сияли.

Раздался неистовый звонок в дверь, и Джуна впустил двух краснолицых джентльменов — окружного прокурора Сэмпсона и помощни-

ка окружного прокурора Пеппера. Принимая у них пальто, Джуна удивился еще больше: оба нервничали, быстро буркнули приветствия, а едва усевшись, заметно усилили раздражение, висевшее в атмосфере.

— Хорошенькое дельце, — наконец сказал Сэмпсон. — В хорошенькое дельце мы влипли! По телефону мне показалось, что ты прямо-таки уверен, Кью. Это так?

Старик мотнул головой в сторону Эллери:

— Его спрашивай. Его идея, провались он совсем.

— Ну, Эллери, ну?

Все уставились на него. Эллери метнул окурок в огонь и, не оборачиваясь, с подчеркнутой медлительностью произнес:

— В будущем, джентльмены, больше доверяйте предупреждениям, возникающим в моем подсознании. События подтвердили мое предчувствие грядущих осложнений, как сказал бы коллега Поппер.

Но это не по существу. А суть в следующем. Пуля, убившая Слоуна, прошла сквозь его голову и полетела дальше по траектории, проходящей через дверь кабинета. Мы нашли пулю в ковре, висящем на стене галереи напротив двери

кабинета и за *пределами* кабинета. Следовательно, в момент выстрела дверь была открыта. Ворвавшись в галерею, мы обнаружили дверь его кабинета открытой, что идеально соответствовало траектории пули. Однако теперь Насио Суиза предлагает свое изложение событий, и оказывается, что после смерти Слоуна первыми в галерею вошли не мы: он, Суиза, побывал там раньше нас. Иначе говоря, все, что относится к двери кабинета Слоуна на тот момент, когда мы к ней подошли, следует пересмотреть в свете предшествующего визита Суизы. Возникает вопрос: находилась ли дверь в том же положении, когда туда вошел Суиза? Если бы он увидел, что она открыта, мы бы остались на том же месте, что и до сих пор. Эллери усмехнулся:

— Но Суиза видел, что дверь *закрыта*. Как это меняет ситуацию? Ну, разумеется, в момент выстрела дверь не могла быть закрыта, поскольку тогда пуля попала бы в дверь, а вовсе не в ковер, висящий вне комнаты на противоположной стене. Значит, дверь закрыли уже после выстрела. Что это значит? Что Слоун пустил себе пулю в голову, а затем, по какой-то нечестивой причине, подошел к двери, закрыл ее, вернулся к столу и сел, приняв ту же позу, в какой был, спуская

курок? Нелепо. И не только нелепо, но и невозможно. Ведь, как указано в отчете доктора Праути о вскрытии, Слоун умер мгновенно. Согласно этому отчету также исключается другая возможность: что он застрелился в галерее, притащился обратно в кабинет и закрыл по дороге дверь. Нет! Как только револьвер выстрелил, Слоун тут же умер, а дверь в тот момент была открыта. Естественно! Но Суиза обнаружил ее закрытой...

Другими словами, поскольку после мгновенной смерти Слоуна, как обнаружил Суиза, дверь была закрыта и поскольку пуля не могла пробить эту дверь — стальную, как мы заметили при предварительном расследовании, — мы делаем единственно возможное логическое заключение: *после смерти Слоуна и до прихода Суизы, естественно, кто то закрыл дверь*.

— Но, мистер Квин, — возразил Пеппер, — разве нельзя предположить, что Суиза был не единственным посетителем, что кто-то еще находился там и ушел до появления Суизы? Это тоже вполне естественно.

— Превосходное предположение, Пеппер, именно на это я и указываю: до Суизы был еще один посетитель, этот-то посетитель и убил Слоуна!

Сэмпсон раздраженно массировал худые щеки.

— Нет и нет, хоть вешайте меня! Знаете, все-таки остается возможность, что Слоун покончил с собой, а посетитель, о котором говорил Пеппер, тоже не виновен, как и Суиза, и просто боится признаться, что был там.

Эллери грациозно взмахнул рукой:

— Возможно, но чертовски сильно притянуто за уши — чтобы два невиновных человека побывали там в очень ограниченный промежуток времени. Нет, Сэмпсон, думаю, вы не станете отрицать справедливость моего вывода. У нас есть достаточные основания, чтобы серьезно усомниться в теории самоубийства и поддержать теорию убийства.

— Это верно, — в отчаянии произнес инспектор. — Верно.

Только Сэмпсон упорствовал:

— Хорошо, предположим, Слоуна убили и убийца, уходя, закрыл дверь. Но мне кажется, что в таком случае он поступил глупее некуда. Он что, не заметил, что пуля пробила дыру в голове Слоуна и вылетела в открытую дверь?

— Сэмпсон, Сэмпсон, — утомленно проговорил Эллери, — вы задумайтесь хоть немного. Разве может человеческий глаз проследить за полетом пули, пусть даже потерявшей скорость?

Естественно, если бы убийца заметил, что пуля прошла сквозь череп Слоуна навылет, он не стал бы закрывать дверь. Но он ее закрыл, и этот факт доказывает, что он ничего не заметил. Вспомните, пожалуйста, что Слоун уронил голову на стол левой стороной вниз. В таком положении выходное отверстие пули полностью скрыто. Вытекшей из раны крови тоже не было видно. Кроме того, убийца должен был торопиться — зачем ему поднимать голову и исследовать ее с другой стороны? Все-таки никаких оснований думать, что пуля пробьет голову и вылетит с другого боку, у него не было. Насколько я знаю, такие ситуации с пулями возникают нечасто.

Повисло молчание, и потом старик криво улыбнулся гостям:

— Он крепко нас зажал, ребята. Для меня дело выглядит четко. Слоун был убит.

Прокуроры уныло кивнули.

Эллери опять заговорил, оживленно, но без демонстрации личного триумфа, как в тот раз, когда обосновывал провалившуюся версию с обвинением Халкиса:

— Очень хорошо. Давайте заново проведем анализ. Если Слоун был убит, как теперь мы вполне резонно можем считать, значит, это не Слоун

убил Гримшоу. Это означает, что настоящий убийца Гримшоу застрелил Слоуна и обставил все как суицид, чтобы мы приняли это за молчаливое признание вины.

Вернемся к некоторым исходным тезисам. Из полученных ранее логических выводов нам известно, что убийца Гримшоу, фабрикуя ложные улики против Халкиса, должен был знать, что похищенная картина находится у Нокса. С этим мы согласились давно, когда я показал, что вся версия с обвинением Халкиса опиралась на уверенность убийцы в молчании Нокса. Alors[32]. Единственным посторонним человеком, который знал о картине, был партнер Гримшоу — и это также мы доказали в безрадостном прошлом. Далее: партнер Гримшоу является убийцей, а так как сам Слоун тоже убит, значит, это не он был партнером Гримшоу. Следовательно, убийца до сих пор жив, здоров, свободен и активно плетет свои сети. Он до сих пор на свободе, нужно подчеркнуть, и знает о картине, находящейся у Нокса.

Теперь, — продолжал Эллери, — нужно заново пересмотреть улики против Слоуна: если Слоун

---

**[32] ПРИМЕЧАНИЯ: 32**
Итак (фр.).

был убит и, следовательно, не виновен, эти улики могут быть лишь дополнительными ловушками, которые сфабриковал и расставил реальный убийца.

Раз Слоун невиновен, мы можем перестать сомневаться в достоверности его заявления о том, что произошло в тот вечер, когда он пришел к Гримшоу в «Бенедикт». Пока он был подозреваемым, в его показаниях можно было сомневаться, но свидетельству невиновного человека по необходимости следует доверять. Таким образом, когда Слоун утверждал, что в тот вечер был вторым посетителем, он, вероятно, говорил правду. Неизвестный приходил перед ним — так сказал Слоун. Следовательно, неизвестным лицом должен быть спутник Гримшоу, человек, появившийся в вестибюле рядом с Гримшоу, и, как показал лифтер, человек, вошедший вместе с Гримшоу в номер 314. Итак, мы получаем такую последовательность посетителей: неизвестный — закутанный мужчина, за ним Слоун, затем миссис Слоун, Джереми Оделл и, наконец, доктор Уордс.

Эллери поднял вверх тонкий палец:

— Позвольте показать, к каким интересным выводам приводят иногда логика и размышле-

ния. Вы помните слова Слоуна о том, что никто в мире, кроме него самого, не знал, что человек по имени Гилберт Слоун — это брат Гримшоу. Даже Гримшоу не знал, что у брата новое имя. Однако тому, кто написал анонимное письмо, было известно, что Слоун, именно как Слоун, был братом Гримшоу. Кто написал письмо? Гримшоу не знал имени брата и не мог никому его назвать. Следовательно, открыть факт их родства мог только тот, кто видел их вместе, услышал, что они братья, и уже знал Слоуна или встретил и узнал его позднее. Но вот что удивительно! Сам Слоун сказал, что после того, как он поменял имя, братья встретились лицом к лицу единственный раз за много лет и как раз в тот вечер, когда он пришел к Гримшоу в отель «Бенедикт»!

Иначе говоря, тот, кто обнаружил, что Гилберт Слоун был братом Альберта Гримшоу, должен был лично присутствовать при визите Слоуна в номер Гримшоу. Но Слоун нам сказал, что Гримшоу был в комнате один. Как же тогда кто-то еще мог присутствовать при их разговоре? Очень просто. Если Слоун не видел этого человека, а он все же присутствовал, то это значит, что его просто не было видно Слоуну. Иными словами, прятался где-то в номере: в одежном шкафу или в ванной

комнате. Вспомните, что Слоун не видел, чтобы кто-либо выходил из номера 314, несмотря на то что за несколько минут до того Гримшоу входил вместе со спутником. Еще вспомните, как Слоун рассказывал, что он постучал в дверь и его брат открыл не разу. То есть мы можем предположить, что, когда Слоун постучал, спутник Гримшоу по-прежнему находился в номере 314, но, не желая, чтобы его видели, с разрешения Гримшоу скользнул в шкаф или в ванную комнату.

Представьте себе эту ситуацию, — живописал Эллери. — Слоун и Гримшоу разговаривают, а наш таинственный незнакомец спрятался, весь обратившись в слух. Гримшоу злобно говорит, что почти забыл о существовании брата, и незнакомец это слышит. Таким образом он узнает, что Гримшоу и его посетитель — братья. Определил ли он по голосу, что это Гилберт Слоун? Возможно, он даже сумел его увидеть — узнал ли он его в лицо? Или потом встретил Слоуна и узнал голос, сложил два и два и понял то, что, как думал Слоун, знает лишь он один в целом мире? Мы не можем ответить на эти вопросы, но несомненно одно: в тот вечер незнакомец должен был присутствовать в номере Гримшоу, должен был подслушать разговор и должен был понять,

что Гилберт Слоун и Альберт Гримшоу связаны родством. Это единственная линия рассуждений, которая объясняет, как кто-либо мог узнать тщательно скрываемый факт.

— Ну это нам хоть что-то дает, — сказал Сэмпсон. — Продолжайте, Эллери. Что еще вы видите с помощью вашего магического мышления?

— Не магического, а логического, Сэмпсон, хотя я действительно предчувствую грядущие события, как бы консультируясь с ушедшими... Вот что я вижу ясно: неизвестный, спрятавшийся в номере отеля, — это тот же человек, что пришел с Гримшоу незадолго до появления Слоуна. Он был партнером Гримшоу, о котором сам Гримшоу специально упомянул на следующий вечер в библиотеке Халкиса. И только этот неизвестный, партнер и — как было доказано ранее — убийца Гримшоу, мог написать анонимное письмо в полицию и раскрыть родственные отношения Слоуна и Гримшоу.

— Похоже, — пробормотал инспектор.

— Так оно и должно быть. — Эллери сцепил руки сзади на шее. — На чем мы остановились? Таким образом, письмо явилось одной из улик против Слоуна, ложно обвинявших его как убийцу, однако оно существенно отличалось от остальных

улик, подброшенных ранее, а именно содержало не сфабрикованные, а правдивые сведения. Конечно, в нем не было ничего обличительного, но в сочетании с другими, более откровенными данными оно было для полиции лакомым кусочком. Далее, поскольку информацию о братьях Гримшоу нам преподнесли с умыслом, разумно предположить, что ключ от подвала, который мы нашли в коробке для табака, тоже был подброшен. Это же можно сказать и о часах Гримшоу, найденных в сейфе Слоуна. Только убийца мог взять у Гримшоу эти часы. Поскольку Слоун не был виновен, убийца Гримшоу положил часы в такое место, где их сразу обнаружили бы после мнимого самоубийства Слоуна. Убийца также должен был подбросить обгоревший клочок завещания Халкиса. Действительно, если очень вероятно, что Слоун похитил завещание и положил его в гроб, надеясь избавиться от него навсегда, то, бесспорно, именно убийца нашел его в гробу, когда хоронил Гримшоу. Он взял завещание из гроба и унес с собой, удачно предположив, что сможет им воспользоваться позднее, что он и сделал, фабрикуя доказательства против Слоуна, после того как провалилась версия с обвинением Халкиса.

Пеппер с Сэмпсоном кивнули.

— Теперь рассмотрим мотив, — продолжал Эллери. — Почему улики фабриковались против Слоуна? Здесь есть интересные моменты. Слоун был братом Гримшоу, поменял имя, считая, что оно опозорено преступной деятельностью Гримшоу, украл завещание и спрятал его в гробу Халкиса, жил в его доме и физически имел все возможности подбрасывать улики против Халкиса — все эти обстоятельства давали убийце веские основания остановиться на Слоуне при выборе «приемлемого» для полиции преступника.

Однако если миссис Вриленд рассказывала правду и Слоун действительно был на кладбище в ту ночь со среды на четверг, когда тело Гримшоу, вероятно, было похоронено в гробу Халкиса, то у Слоуна имелись какие-то другие причины, не связанные с захоронением тела, поскольку он не был убийцей. Не забывайте, что миссис Вриленд видела его без какой-либо ноши... Очень хорошо. Зачем же в ту ночь Слоун разгуливал по двору и кладбищу? — Эллери задумчиво посмотрел в огонь. — Меня одолевает неотступная мысль. Что, если в ту ночь Слоун заметил подозрительные действия, незаметно последовал за убийцей на кладбище, фактически присутствовал при

захоронении и увидел, как убийца забрал с собой стальной ящик с завещанием?.. Вы понимаете, куда я клоню? Опираясь на эту вполне реальную гипотезу, мы можем предположить, что после этого должен был бы сделать Слоун. Он знал убийцу и видел, как тот нес труп Гримшоу. Почему же не сказал полиции? У него была очень важная причина: убийца завладел завещанием, которое лишало Слоуна наследства. Естественно сделать вывод, что Слоун позднее обратился к убийце с предложением: он не раскрывает личность преступника, если тот возвращает ему или уничтожает на месте опасное новое завещание. Если события действительно развивались таким образом, то убийца получил дополнительный и самый серьезный мотив. Необходимо сделать Слоуна «приемлемым» преступником и убить его, инсценировав суицид, то есть убрать единственного живого человека, знающего, кто убийца.

— Но мне кажется, — возразил Сэмпсон, — что в этом случае убийца, когда Слоун к нему подобрался, был бы вынужден отдать ему завещание. А это не согласуется с фактами, поскольку мы обнаружили, что завещание было сожжено в печи подвала соседнего дома, и вы утверждаете, будто убийца оставил там для нас следы.

Эллери зевнул.

— Сэмпсон, Сэмпсон, когда вы, наконец, научитесь пользоваться серым веществом вашего мозга? Вы считаете нашего маньяка-убийцу дураком? Ему достаточно было всего лишь пригрозить Слоуну. Например: «Если вы сообщите полиции, что я убил Гримшоу, то я отдам им это завещание. Нет уж, мистер Слоун, я лучше подержу его у себя, чтобы гарантировать ваше молчание». И Слоун не нашел в себе сил ни на что, кроме как согласиться на компромисс. Он подружился с убийцей и в этот момент решил свою судьбу. Бедняга Слоун! Боюсь, он был не очень умен.

* * *

Затем стремительно последовало несколько неприятных и досадных событий. Инспектор, в значительной степени против своей воли, был вынужден передать репортерам историю Суизы и все вытекающие из нее выводы. Воскресные газеты затронули эту тему вкратце, но в понедельник — день крайне скудный на новости в мире журналистики — газеты уже кипели вовсю. И город Нью-Йорк узнал, что покрытый позором Гилберт Слоун никакой не убийца-самоубийца, а, как считает теперь полиция, невинная жертва

хитроумного преступника, «настоящего дьявола», по определению репортеров из таблоидов. Газеты писали, что полиция опять ищет настоящего преступника, на кровожадной совести которого теперь уже не одно, а два убийства.

Следует заметить, что миссис Слоун засияла в лучах запоздалого, но все равно желанного триумфа. Драгоценная честь ее семьи обрела былую чистоту и ярко сверкала, публично оправданная прессой, полицейскими чинами и окружным прокурором. Миссис Слоун не была дамой неблагодарной, она чувствовала, что за историей Насио Суизы кроется тонкое, умное участие Эллери Квина, и смущала молодого человека, изливая на него неумеренные похвалы в интервью восхищенным газетчикам.

Что касается Сэмпсона, Пеппера, инспектора Квина, то, чем меньше о них упоминали, тем для них же было лучше. Этому периоду служебной карьеры Сэмпсон приписывал появление седины в своих волосах, а инспектор твердил, что Эллери со своей «логикой» и настырностью чуть не свел его в могилу.

## Глава 25
## РАЗДОР

Во вторник, 26 октября, ровно через неделю после того, как миссис Слоун положила начало цепи событий, которые быстро привели к отказу от версии с обвинением Слоуна, мистер Эллери Квин был разбужен телефонным звонком в десять утра. Звонил отец. В то утро обмен телеграммами между Нью-Йорком и Лондоном создал напряженную ситуацию. Музей Виктории вел себя все более скверно.

— Через час назначено совещание в кабинете Генри Сэмпсона, сынок.

Судя по голосу, старик и правда постарел и устал.

— Я подумал, ты захочешь присутствовать.

— Я там буду, папа, — сказал Эллери и мягко осведомился: — Где ваш спартанский дух, инспектор?

Войдя час спустя в личный кабинет окружного прокурора, Эллери застал собрание ощетинившихся людей. Инспектор гневался, Сэмпсон был раздражен, Пеппер словно язык проглотил. И

среди них восседал, как на троне, знаменитый мистер Джеймс Дж. Нокс, затвердев лицом.

Они едва ответили на приветствие Эллери. Сэмпсон махнул рукой на кресло, и Эллери туда нырнул, в предвкушении постреливая по сторонам глазами.

— Мистер Нокс. — Сэмпсон вышагивал перед троном туда и обратно. — Я просил вас прийти сюда сегодня утром, поскольку...

— Да-да? — спросил Нокс своим обманчиво мягким голосом.

— Послушайте, мистер Нокс. — Сэмпсон взялся за дело с другой стороны. — Как вы, наверное, знаете, я в этом расследовании, будучи слишком занят другими делами, активного участия не принимал. Меня представлял мистер Пеппер, мой помощник. Теперь же дела приняли такой оборот, что я, при всем уважении к способностям мистера Пеппера, вынужден официально принять ситуацию под свою личную юрисдикцию.

— Действительно, — обронил Нокс, причем было непонятно, насмешка это, упрек или что-то другое.

— Да! — чуть не рявкнул Сэмпсон. — Действительно! Хотите знать, почему я принял дела от мистера Пеппера? — Он остановился перед

креслом Нокса и пристально на него уставился. — Потому что, мистер Нокс, ваша позиция может привести к серьезным международным осложнениям, вот почему.

— Моя позиция? — Нокс, похоже, забавлялся. Сэмпсон ответил не сразу. Он подошел к столу и взял пачку скрепленных вместе белых листков — телеграммы «Вестерн юнион», наклеенные на бумагу узкими желтыми полосками.

— Сейчас, мистер Нокс, — продолжал Сэмпсон, прилагая усилия, достойные солиста оперы-буфф, в попытках контролировать голос и эмоции, — сейчас я хочу вам прочесть несколько телеграмм по порядку. Эти послания составляют переписку между инспектором Квином из Нью-Йорка и директором музея Виктории в Лондоне. В конце лежат две телеграммы, отправленные уже другим лицом, — это именно те телеграммы, которые, как я уже подчеркнул, могут вполне привести к международному скандалу.

— Нет, действительно, знаете ли, — пробормотал Нокс, слегка улыбнувшись, — я не понимаю, почему вы думаете, будто мне все это интересно. Но я гражданин и патриот, так что — вперед.

Инспектора Квина передернуло; обычно бледный, он стал вдруг темно-красным, как галстук

Нокса, но взял себя в руки и почти спокойно откинулся на спинку кресла.

Окружной прокурор продолжал в подчеркнуто разговорном стиле:

— Начну с самой первой телеграммы инспектора Квина, она была адресована музею после знакомства с вашей историей, когда провалилась версия с обвинением Халкиса. Вот что телеграфировал инспектор. — Сэмпсон громко, даже очень громко, прочитал верхний листок:

«УКРАДЕНА ЛИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ИЗ ВАШЕГО МУЗЕЯ ЦЕННАЯ КАРТИНА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ?»

Нокс вздохнул. Чуть помедлив, Сэмпсон взял следующий листок:

— Вот ответ, полученный из музея с некоторой задержкой:

«ТАКАЯ КАРТИНА ПОХИЩЕНА ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. В КРАЖЕ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ БЫВШИЙ СЛУЖАЩИЙ МУЗЕЯ ГРЭМ НАСТОЯЩАЯ ФАМИЛИЯ ВЕРОЯТНО ГРИМШОУ НО СЛЕДОВ КАРТИНЫ НЕ ОБНАРУЖЕНО ПО ПОНЯТНЫМ ПРИЧИНАМ ФАКТ КРАЖИ СКРЫВАЕТСЯ. ВАШ ЗАПРОС УБЕЖДАЕТ НАС ЧТО ВАМ ИЗВЕСТНО МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЛЕОНАРДО. СООБЩИТЕ НЕМЕДЛЕННО. СОХРАНЯЙТЕ

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ».

— Какое заблуждение. Все не так, — добродушно пробурчал Нокс.

— Вы думаете, мистер Нокс? — Сэмпсон побагровел. Он отложил вторую телеграмму и прочитал третью, от инспектора Квина:

«ВОЗМОЖНО ЛИ ЧТО ПОХИЩЕННАЯ КАРТИНА НАПИСАНА НЕ ЛЕОНАРДО А ЕГО УЧЕНИКОМ ИЛИ СОВРЕМЕННИКОМ И ПОЭТОМУ СТОИТ ЛИШЬ НЕБОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ОБЪЯВЛЕННОЙ В КАТАЛОГЕ СТОИМОСТИ?»

Ответ директора музея Виктории:

«ПРОШУ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС ПРЕДЫДУЩЕЙ ДЕПЕШИ. ГДЕ КАРТИНА? ЕСЛИ КАРТИНА НЕ БУДЕТ ВОЗВРАЩЕНА НЕМЕДЛЕННО БУДУТ ПРЕДПРИНЯТЫ
СЕРЬЕЗНЫЕ МЕРЫ. ПОДЛИННОСТЬ ЛЕОНАРДО ПОДТВЕРЖДЕНА САМЫМИ ИЗВЕСТНЫМИ БРИТАНСКИМИ ЭКСПЕРТАМИ. СТОИМОСТЬ НАХОДКИ ОЦЕНЕНА В ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ФУНТОВ».

Ответ инспектора Квина:

«ПРОШУ ДАТЬ НАМ ВРЕМЯ. НЕ УВЕРЕНЫ ДО КОНЦА. МЫ СТРЕМИМСЯ ИЗБЕЖАТЬ

НЕПРИЯТНОЙ ОГЛАСКИ И ОСЛОЖНЕНИЙ ДЛЯ ВАС И НАС. РАСХОЖДЕНИЯ В МНЕНИЯХ ВОЗМОЖНО УКАЗЫВАЮТ НА ТО ЧТО НАШЕ РАССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗАНО НЕ С ПОДЛИННЫМ ЛЕОНАРДО».

Ответ из музея:

«НЕ МОЖЕМ ПОНЯТЬ СИТУАЦИЮ. ЕСЛИ КАРТИНА О КОТОРОЙ ИДЕТ РЕЧЬ РАБОТА МАСЛОМ КАВЫЧКА ОТКРЫВАЕТСЯ ДЕТАЛЬ ИЗ БИТВЫ ЗА ЗНАМЯ КАВЫЧКА ЗАКРЫВАЕТСЯ ЛЕОНАРДО ВЫПОЛНЕННАЯ
МАСТЕРОМ ПО ПРОЕКТУ ФРЕСКИ В ПАЛАЦЦО ВЕККЬО ПРЕКРАЩЕННОМУ В ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ ПЯТОМ ГОДУ ТОГДА ОНА НАША. ЕСЛИ ВАМ ИЗВЕСТНО МНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ЭКСПЕРТА ТО И ЕЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ. НАСТАИВАЕМ НА ВОЗВРАЩЕНИИ ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТОИМОСТИ В АМЕРИКЕ. ЭТА РАБОТА ПРИНАДЛЕЖИТ МУЗЕЮ ВИКТОРИИ ПО ПРАВУ ОБНАРУЖЕНИЯ. В АМЕРИКЕ ОНА НАХОДИТСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ КРАЖИ.

Ответ инспектора Квина:

«НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕБУЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ. ПРОШУ НАМ ДОВЕРЯТЬ».

Окружной прокурор Сэмпсон сделал многозначительную паузу.

— Теперь, мистер Нокс, мы дошли до двух телеграмм, которые легко могут обеспечить головную боль всем нам. Вот эта получена в ответ на ту, что я вам прочитал последней, подписал ее инспектор Брум из Скотланд-Ярда.

— Очень интересно, — сухо заметил Нокс.

— Чертовски интересно, мистер Нокс! — Сэмпсон саркастически усмехнулся Ноксу и дрожащим голосом возобновил чтение. Телеграмма из Скотланд-Ярда гласила:

«МЫ ВЕДЕМ ДЕЛО МУЗЕЯ ВИКТОРИИ. ПРОШУ ПРОЯСНИТЬ ПОЗИЦИЮ ПОЛИЦИИ НЬЮ-ЙОРКА».

— Надеюсь, — с трудом выдавил Сэмпсон, перевернув белый листок, — я искренне надеюсь, мистер Нокс, вы начинаете понимать, с какой проблемой мы столкнулись. Вот что ответил инспектор Квин:

«ЛЕОНАРДО НЕ В НАШИХ РУКАХ. В ДАННЫЙ МОМЕНТ
ДАВЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОТЕРЕ КАРТИНЫ. ВСЯ НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДЕТСЯ В ИНТЕРЕСАХ МУЗЕЯ. ДАЙТЕ НАМ ДВЕ НЕДЕЛИ».

Джеймс Нокс кивнул, повернулся к инспектору, крепко вцепившемуся в подлокотники кресла, и вкрадчиво одобрил:

— Прекрасный текст, инспектор. Очень умно. Очень дипломатично. Хорошая работа.

Обладая должным тактом, Эллери сохранил невозмутимость, но его очень удивило, что и никто другой не ответил Ноксу. Инспектор прокашлялся, а Сэмпсон с Пеппером обменялись злобными взглядами, явно предназначенными кому-то еще — не друг другу. Сэмпсон продолжал читать таким глухим голосом, что слова можно было разобрать с трудом.

— И вот последняя телеграмма. Она пришла только сегодня утром и тоже от инспектора Брума.

Телеграмма гласила:

«МУЗЕЙ ДАЕТ ДВЕ НЕДЕЛИ. ДО ЭТОГО ВРЕМЕНИ НИЧЕГО ПРЕДПРИНИМАТЬ НЕ БУДЕМ. УДАЧИ».

В полной тишине Сэмпсон швырнул пачку телеграмм обратно на стол и повернулся лицом к Ноксу:

— Ну вот, мистер Нокс. Свои карты мы раскрыли. Ради бога, сэр, будьте благоразумны! Пойдите нам навстречу — дайте хотя бы взглянуть на

эту картину, пусть ее изучат непредвзятые эксперты...

— Ничего подобного не будет: это бессмысленно, — высказался великий человек. — Нет необходимости. Мой эксперт сказал, что это не Леонардо, а он-то знать обязан, раз получает у меня такие деньги. К черту музей Виктории, мистер Сэмпсон. Все эти организации одинаковы.

Инспектор вскочил на ноги, не в силах больше с собой совладать.

— Большая шишка! Бугор! — заорал он. — Да будь я проклят, Генри, если позволю этому... этому...

У него перехватило горло. Сэмпсон схватил его за руку, утащил в угол и стал что-то шептать ему на ухо. Ярость, исказившая лицо инспектора, уступила место лукавству.

— Простите, мистер Нокс, — сокрушенно произнес он. — Вышел из себя. А почему бы вам не побыть немножко нормальным скаутом? Вернули бы эту тряпку в музей, а? Отнеситесь к этому как к хорошему развлечению. Ведь на бирже вы глазом не моргнув теряли вдвое больше.

Улыбка Нокса растаяла.

— Хорошее развлечение, да? — Он тяжело поднялся на ноги. — Да с какой стати я буду

возвращать вещь, за которую заплачено три четверти миллиона долларов? Какой мне резон? Отвечайте, Квин. Отвечайте!

— В конце концов, — быстро выпалил Пеппер, прежде чем инспектор смог сформулировать надлежащий ответ, — вы же как коллекционер ничего не теряете, сэр, ведь, по утверждению вашего эксперта, эту картину даже нельзя считать настоящим произведением искусства.

— Но вы оказываетесь замешаны в серьезном преступлении, — вставил Сэмпсон.

— Докажите. Попробуйте доказать! — Нокс был уже зол; острый, упрямый подбородок выпятился вперед. — Я вам говорю, что картина, которую я купил, — это не та, что была украдена из музея, это другое полотно. Докажите обратное! Если вы меня толкнете, джентльмены, вы останетесь с премиленькой старой тряпкой в руках!

— Ну-ну, — беспомощно начал Сэмпсон, но в это время Эллери спросил самым спокойным тоном, какой только можно вообразить:

— Кстати, мистер Нокс, а кто ваш эксперт?

Нокс круто развернулся, поморгал недоуменно, потом коротко рассмеялся.

— Это мое дело, Квин, только мое. Если сочту нужным, я вас познакомлю. А если вы, ребята,

чересчур расшалитесь, я вообще буду отрицать, что когда-нибудь владел этой треклятой штукой!

— Я бы не стал этого делать, — сказал инспектор. — Нет, сэр, я бы не стал. Тогда мы обвиним вас и в лжесвидетельстве, клянусь Спасителем!

Сэмпсон хлопнул ладонью по столу:

— Своей позицией, мистер Нокс, вы ставите меня и полицию в затруднительное положение. Если вы будете упорствовать в таком ребячестве, то вынудите меня передать дело федеральным властям. Скотланд-Ярд — это вам не шуточки, как, впрочем, и министр юстиции США.

Нокс взял шляпу и направился к двери. «Финита», — говорила его широкая спина. Эллери затянул:

— Дорогой мистер Нокс, вы намереваетесь сражаться с правительством Соединенных Штатов, а заодно и с британским тоже?

Нокс крутанулся на каблуках, надевая шляпу.

— Молодой человек, — мрачно отчеканил он, — вы не представляете себе, с кем я готов подраться за то, что стоило мне три четверти миллиона. Это не кот начхал — даже для Джима Нокса. С правительствами я уже воевал — и побеждал!

И хлопнул дверью.

— Вам бы заглядывать в Библию почаще, ми-

стер Нокс, — тихо сказал Эллери вибрирующей двери. — «И избрал Господь малых сих, дабы посрамить сильных...»

Никто его не услышал. Окружной прокурор простонал:

— Стало только еще хуже, чем раньше. Что же придумать, черт побери?

Инспектор сердито теребил усы.

— Думаю, хватит нам с ним нянчиться. Мы уже довольно долго празднуем труса. Если в течение нескольких дней Нокс не сдаст эту проклятую мазню, вы должны передать дело министру юстиции. Пусть он выясняет отношения со Скотланд-Ярдом.

— Надо забрать картину силой, я так считаю, — набычился Сэмпсон.

— А если, господа начальники, — предположил Эллери, — если мистер Джеймс Дж. Нокс просто не сможет ее найти?

Обдумав эти слова, они, судя по лицам, нашли их слишком неприятными. Сэмпсон вздернул плечи.

— Вы всегда принимаете в штыки любое предложение. Как бы вы сами поступили? Как выбраться из этой ситуации?

Эллери поднял глаза к белому потолку. — Я

бы ничего не стал делать — буквально ничего. Это как раз тот случай, при котором оправданна политика попустительства. Давление на Нокса только усиливает его раздражение. Он расчетливый деловой человек, и если ему дать какое-то время... Кто знает? — Он улыбнулся и встал. — Предоставьте ему отсрочку на две недели, дарованную вам музеем. Не сомневаюсь, следующий ход будет за Ноксом.

В ответных кивках не чувствовалось согласия.

Но Эллери снова оказался в корне не прав, что неудивительно, поскольку в этом деле противоречия возникали одно за другим. Следующий ход сделала третья сторона, и, более того, казалось, что этот ход вовсе не разрешает дело, а в еще большей степени его усложняет.

Удар был нанесен в четверг, через два дня после того, как Джеймс Дж. Нокс оповестил о своей полной готовности вступить в схватку с Соединенными Штатами и Великобританией. Тренировался он или пребывал в праздности — но это смелое заявление великого человека не было проверено судом истории. Поскольку в четверг утром, когда Эллери, развалясь в кресле отцовского кабинета в полицейском управлении, с разнесчастным видом считал ворон в небе, Мер-

курий в форме посыльного с телеграфа принес депешу, которая свидетельствовала, что новые события вынудили воинственного миллионера забыть о раздоре и искать союза с силами закона и правопорядка.

Телеграмма была подписана Ноксом и содержала таинственную информацию:

«ПРОШУ
НАПРАВИТЬ СОТРУДНИКА В ШТАТСКОМ ЗА ПАКЕТОМ ОТ МЕНЯ ОСТАВЛЕННЫМ В ОТДЕЛЕНИИ ВЕСТЕРН ЮНИОН НА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ УЛИЦЕ. ВЕСОМАЯ ПРИЧИНА НЕ ПОЗВОЛЯЕТ МНЕ СВЯЗАТЬСЯ С ВАМИ НАПРЯМУЮ»

Отец с сыном переглянулись.

— Вот тебе и здрасте, — пробормотал инспектор. — Ты не думаешь, Эл, что таким способом он решил прислать нам Леонардо?

Эллери наморщил лоб.

— Нет-нет, — нетерпеливо отмахнулся он. — Это не то. Этот Леонардо, если я верно запомнил, имеет размеры где-то четыре на шесть футов. Даже если холст разрезать и сложить, вряд ли получится «пакет». Нет, тут что-то другое. Я бы посоветовал, папа, проследить за этим, и немедленно. Послание Нокса меня поразило... скажем

так — необычностью.

Отправив детектива в указанное телеграфное отделение, они с беспокойством ожидали его возвращения. Посланец вернулся через час с небольшой бандеролью, без адреса и с именем Нокса в углу. Старик сразу ее вскрыл. Внутри был конверт с письмом и еще один лист бумаги, оказавшийся посланием инспектору от Нокса. Все это было упаковано в картон, по-видимому, чтобы скрыть содержимое пакета Сначала они прочитали записку Нокса — короткую, лаконичную и деловую. Она гласила:

«*Инспектору Квину.*

В конверте вы найдете анонимное письмо, которое я получил сегодня утром обычной почтой. Естественно, я опасаюсь, что автор может вести наблюдение, и поэтому для пересылки вам письма выбираю этот обходной способ. Что мне делать? Возможно, при известной осмотрительности мы сумеем захватить этого человека. Очевидно, он все еще не подозревает, что несколько недель назад я рассказал вам все о картине. Дж. Дж. Нокс».

Записка Нокса была старательно написана от руки.

Приложенное письмо, которое Нокс оставил в конверте, представляло собой небольшую полоску белой бумаги. Конверт дешевый, такой можно купить за цент в любом магазине канцелярских принадлежностей; адрес Нокса напечатан на машинке. Письмо было отправлено из почтового отделения в средней части города и, судя по штемпелю, вчера вечером.

А вот в листке бумаги, содержавшем напечатанное послание Ноксу, было кое-что своеобразное. Один край листка был неровен, как будто первоначально лист был вдвое больше, но по какой-то причине его не слишком аккуратно разорвали вдоль.

Но инспектор не стал задерживаться на изучении самой бумаги, острые глаза его забегали по печатному тексту.

«*Джеймсу Дж. Ноксу, эсквайру.*

Автор этого письма хочет получить от вас кое-что, и вы ему это безропотно отдадите. Чтобы понять, с кем вы имеете дело, посмотрите на обратную сторону этого листа, и увидите, что я пишу на долговом обязательстве, которое Халкис в вашем присутствии выдал Гримшоу однажды вечером... »

— Ух ты-ы! — закричал Эллери, а инспектор прервал чтение и дрожащими пальцами перевернул листок. Немыслимо... но так оно и было — вот они, крупные каракули, выведенные рукой Георга Халкиса.

— Это половина долгового обязательства, все верно! — воскликнул инспектор. — Ясно, как нос на лице! По какой-то причине разорвано пополам, снизу доверху, и вот часть подписи Халкиса!

— Странно все-таки... Давай дальше, папа. Что там еще в письме?

Облизнув пересохшие губы, инспектор перевернул листок и дочитал до конца:

«... Вы не такой дурак, чтобы идти с этим письмом в полицию. У вас находится краденый Леонардо, и в полиции вам придется подробно рассказать, как почтенный Джеймс Дж. Нокс завладел произведением искусства, украденным из британского музея и стоящим целый миллион. Будет не до смеха! Я собираюсь как следует вас подоить, мистер Нокс, и скоро вы получите специальные инструкции по точному способу первой, так сказать, дойки. Если попробуете сопротивляться, для вас это кончится очень плохо — я позабочусь, чтобы в полиции узнали, что вы

прячете краденое».

Подписи не было.

— Какой многословный парень, — пробормотал Эллери.

— Это письмо написал большой нахал. — Инспектор покачал головой. — Шантажировать Нокса краденой картиной! — Он аккуратно положил письмо на стол и весело потер руки. — Ну, сынок, теперь этот жулик наш! Он связан по рукам и ногам. Думает, что Нокс не может обратиться к нам, поскольку мы не в курсе его мерзких делишек. И...

Эллери рассеянно кивнул:

— Похоже на то... — С загадочным выражением он уставился на письмо. — Тем не менее проверка почерка Халкиса нам не повредит. Эта записка — не могу передать, насколько она важна.

— Важна! — со смехом передразнил его старый джентльмен. — Ты не преувеличиваешь? Томас! Где Томас?

Он подбежал к двери и поманил кого-то из приемной. В кабинет ввалился сержант Вели.

— Томас, разыщи в архиве то анонимное письмо, в котором нам сообщили, что Слоун и Гримшоу братья и приведи с собой мисс Ламберт. Скажи ей, пусть захватит образцы почерка Хал-

киса — у нее сохранились, надо думать.

Вели вышел и скоро вернулся, пропуская вперед молодую женщину с четкими чертами лица и мазком седины на черных волосах. Сержант передал инспектору пакет.

— Прошу вас, мисс Ламберт, — любезно проговорил инспектор. — Простенькая задача для вас. Взгляните на это письмо и сравните его с тем, что вы изучали раньше.

Уна Ламберт молча приступила к работе. Она сличила почерк Халкиса на обратной стороне письма с образцом, который принесла с собой. Затем с помощью сильного увеличительного стекла исследовала содержащую шантаж записку, часто обращаясь к письму, принесенному Вели для сравнения. Остальные, скрывая нетерпение, ждали ее вердикта.

Наконец она отложила письма.

— Рукописный текст на новой записке принадлежит мистеру Халкису. Что касается машинописи, то оба письма, безусловно, напечатаны на одной и той же машинке и, вероятно, одним и тем же лицом.

Инспектор с Эллери разом кивнули.

— Во всяком случае, дополнительное подтверждение, — сказал Эллери. — Автор первого

письма о братьях, несомненно, наш подозреваемый.

— Еще какая-нибудь информация, мисс Ламберт? — поинтересовался инспектор.

— Да. Как и с первым письмом, использовалась самая обычная машинка «Ундервуд». Однако остается только удивляться, что другие следы отсутствуют. Тот, кто печатал эти письма, был очень аккуратен и ухитрился не оставить в письмах никаких индивидуальных особенностей.

— Мы имеем дело с умным преступником, мисс Ламберт, — хмуро заметил Эллери.

— Согласна. Понимаете, мы оцениваем такие вещи по нескольким пунктам — интервалы, поля, пунктуация, сила ударов по разным клавишам и так далее. Здесь мы видим преднамеренную и успешную попытку устранить эти индивидуальные признаки. Только одно автор писем не мог скрыть — физические характеристики самого шрифта. Каждый символ в машинке обладает своего рода индивидуальностью, и разные машинки различаются практически так же, как отпечатки пальцев. Нет никакого сомнения, что оба письма написаны на одной машинке и, я бы сказала, теми же руками, — хотя и не возьму на себя ответственность утверждать это наверняка.

— Мы принимаем ваше мнение с этими поправками, — усмехнулся инспектор. — Спасибо, мисс Ламберт... Томас, отнеси письмо шантажиста в лабораторию, пусть Джимми бросит взгляд, как там с отпечатками пальцев. Хотя думаю, наш приятель в этом отношении скрытен.

Вели скоро принес письмо и отрицательный ответ. На стороне с машинописным текстом отпечатков не обнаружено. На обратной стороне, с каракулями долгового обязательства Халкиса Гримшоу, эксперт обнаружил ясный отпечаток пальца Георга Халкиса.

— Таким образом, подлинность долгового обязательства подтверждена дважды — по почерку и по отпечатку пальца, — с удовлетворением сказал инспектор. — Да, сынок, тот, кто напечатал письмо на обратной стороне долгового обязательства, и есть наш парень — это он убил Гримшоу и забрал долговую расписку у трупа.

— По меньшей мере, — тихо проговорил Эллери, — это подтверждает мое дедуктивное умозаключение о том, что Гилберт Слоун не застрелился, а был убит.

— Конечно. Пойдем-ка мы с этим письмишком в офис Сэмпсона.

Сэмпсон с Пеппером сидели в личном кабинете

окружного прокурора. Инспектор торжествующе предъявил новую анонимку и передал сведения, добытые экспертами. Юристы разом просияли: повеяло надеждой на близкое и верное разрешение дела.

Сэмпсон взял вожжи в свои руки:

— Твоим сыщикам, Кью, нельзя туда ни ногой. Теперь должна появиться еще одна записка или сообщение от этого парня. И когда это произойдет, нужно, чтобы на месте действия кто-то был.

Но если ваши двенадцать апостолов будут топтаться вокруг лачуги Нокса, они могут спугнуть птичку.

— В этом что-то есть, Генри, — признал инспектор.

— А как насчет меня, шеф? — загорелся Пеппер.

— Отлично. Всего один человек. Поезжай туда и жди развития событий. — Окружной прокурор злорадно улыбнулся. — Таким образом, Кью, одним выстрелом мы убьем двух зайцев: накроем автора письма и, имея своего человека в доме Нокса, сумеем проследить за проклятой картиной!

Эллери рассмеялся:

— Вашу руку, Сэмпсон. Для самозащиты мне

нужно усвоить мудрую философию шекспировского Баптисты: «С коварными я буду очень мил».

## Глава 26
## ИЗВЕЩЕНИЕ

Но если окружной прокурор Сэмпсон был ловок и коварен, то этими же качествами, по-видимому, обладал неуловимый преступник, против которого было направлено хитроумие окружного прокурора Сэмпсона. Целую неделю вообще ничего не происходило. Можно подумать, что анонимного автора поглотил какой-то природный катаклизм, информация о котором не просочилась в прессу. Ежедневно помощник окружного прокурора Пеппер сообщал из палаццо Нокса на Риверсайд-Драйв, что убийца-шантажист по-прежнему молчит — молчит и не подает признаков жизни. А может быть, подумал Сэмпсон и поделился сей утешительной мыслью с Пеппером, — может быть, этот тип очень осторожен и, чувствуя ловушку, ведет разведку вокруг дома. Поэтому от Пеппера требовалось затаиться как можно лучше. Посоветовавшись с Ноксом — который, как ни странно, спокойно

воспринимал отсутствие событий, — Пеппер решил не искушать судьбу и несколько дней просидеть в доме, не высовывая носа наружу ни днем ни ночью. А мистер Джеймс Дж. Нокс, о чем в один прекрасный день доложил своему начальнику по телефону Пеппер, продолжал хранить невозмутимое молчание о Леонардо — или о картине, предположительно принадлежавшей кисти Леонардо. Он отказывается отвечать на вопросы и сам не выступает с признаниями. Еще Пеппер сообщил, что бдительно наблюдает за мисс Джоан Бретт — очень бдительно, шеф. Сэмпсон хмыкнул и сделал вывод, что в задании Пеппера не одни только неприятные моменты.

Однако утром в пятницу, 5 ноября, короткое перемирие было нарушено мощным залпом противника. Первая почта в особняке Нокса подняла суматоху. Хитрость и коварство принесли свои плоды. Уединившись в каморке с черными кожаными стенами, Пеппер и Нокс с ликованием и торжеством изучили письмо, только что доставленное почтальоном. Они быстро завершили совещание, и Пеппер, надвинув шляпу на самые глаза, выскользнул из дома через боковой ход для слуг, унося драгоценное послание во внутреннем кармане. Вскочив в таксомотор, вызванный зара-

нее по телефону, он велел мчать на Сентр-стрит. В кабинет окружного прокурора Пеппер ворвался с криком.

Сэмпсон пробежал записку, и яркие огоньки охотника зажглись у него в глазах. Не говоря ни слова, он схватил пальто, и они вдвоем кинулись в управление.

Эллери дежурил в управлении, изображая из себя помощника инспектора и пережевывая старые факты за неимением новой пищи для размышлений. Инспектор развлекался с почтой... Когда Пеппер с Сэмпсоном влетели в кабинет, особых объяснений не требовалось. Все было ясно, и Квины вскочили на ноги.

— Второе письмо от шантажиста, — задыхаясь, выпалил Сэмпсон. — Только что получено с утренней почтой!

— Напечатано на обороте другой половинки долгового обязательства! — выкрикнул Пеппер.

Квины вместе изучили письмо. Как и сказал помощник окружного прокурора, эта записка была напечатана на второй половине документа с обязательством Халкиса. Инспектор достал первую и сложил их на месте разрыва — они легли идеально.

На втором письме подпись тоже отсутствовала.

Оно гласило:

«Первый взнос, мистер Нокс, составит ровно $30 000. Наличными, купюры не крупнее $100. Деньги в аккуратной упаковке оставить сегодня вечером, не ранее десяти часов, в гардеробе здания «Таймс» на Таймс-сквер, на имя мистера Леонарда Д. Винси, с указанием выдать пакет тому, кто назовет это имя. Запомните, мистер Нокс, вам нельзя обращаться в полицию. И без фокусов, я прослежу».

— Наша дичь явно не обделена чувством юмора, — заметил Эллери. — И тон извещения, и способ англизирования имени Леонардо да Винчи — все очень забавно. Находчивый джентльмен!

— Еще до полуночи он перестанет веселиться, — прорычал Сэмпсон.

— Ребята, ребята! — шикнул инспектор. — Прекратите, еще не время хорохориться. — Он что-то пролаял в селектор, и несколько минут спустя графолог Уна Ламберт вместе с почти бестелесным главным экспертом управления по отпечаткам пальцев принялись колдовать над письмом, полные решимости прочитать любую информацию, которая могла в него ненароком попасть.

Мисс Ламберт осторожничала.

— Это письмо, инспектор, и первая записка с шантажом напечатаны на разных машинках. На этот раз мы имеем дело с машинкой «Ремингтон» с обычным размером каретки, совершенно новой, насколько можно судить по состоянию литер. Что же до личности автора письма... — Она пожала плечами. — Стопроцентной гарантии я дать не могу, но, судя по некоторым характерным признакам, это тот же человек, кому принадлежат первые два письма. Есть интересный момент. Ошибка в печатании цифр требуемой суммы в тридцать тысяч. Тот, кто печатал, при всей своей дерзости, очевидно, сильно нервничал.

— Вот как? — Эллери махнул рукой. — Оставим это на время. Что касается идентификации авторства, то не обязательно его доказывать характеристикой манеры. Тот факт, что первое письмо с шантажом было напечатано на одной половинке долгового обязательства Халкиса, а второе на другой, в достаточной мере это доказывает.

— Есть отпечатки, Джимми? — без видимой надежды спросил инспектор.

— Никаких, — ответил эксперт по отпечаткам пальцев.

— Ну ладно. Это все, Джимми. Спасибо, мисс Ламберт.

— Усаживайтесь, джентльмены, усаживайтесь, — сказал Эллери весело и сам подал пример. — Торопиться некуда. У нас впереди целый день.

Сэмпсон и Пеппер, по-детски проявлявшие нетерпение, смиренно подчинились.

— Знаете, а это ведь письмо в определенной степени особенное.

— Правда? Мне оно кажется вполне закономерным! — воскликнул инспектор.

— Я не это имею в виду. Но взгляните — вам не кажется, что наш убийца-шантажист имеет вкус к цифрам? Не странно ли, что он требует тридцать тысяч? Хотя бы раз вы сталкивались с делом о шантаже, чтобы в нем фигурировала такая сумма? Обычно назначают десять, двадцать пять, пятьдесят или сто тысяч.

— Тьфу! — сказал Сэмпсон. — Вы придираетесь. Ничего не вижу в этом странного.

— Не буду спорить. Но это не все. — Он взял последнее письмо и щелкнул ногтем по цифрам, обозначающим тридцать тысяч долларов. — Вы должны заметить, — сказал Эллери, когда все остальные столпились над ним, — что, печатая эти цифры, автор допустил распространенную

при машинописи ошибку. Мисс Ламберт предположила, что автор нервничал. На первый взгляд вполне разумное объяснение.

— Конечно, — сказал инспектор. — Чем оно тебя не устраивает?

— Эта ошибка, — спокойно продолжал Эллери, — состоит в следующем: нажав клавишу регистра для знака доллара, вы должны ее затем отпустить, чтобы напечатать цифру 3, всегда находящуюся в нижнем ряду литер. Итак, глядя на это вещественное доказательство, мы видим, что пишущий не успел еще полностью отпустить клавишу регистра, когда ударил по тройке, и в результате тройка не пропечаталась, что заставило его вернуться на один знак назад и повторно напечатать цифру 3. Это очень интересно, просто чрезвычайно.

Они внимательно изучили цифры. Выглядело это неряшливо: под тройкой красовалась верхушка непропечатанной тройки же, а над ней какая-то помарка, горизонтальная изогнутая закорючка с петелькой.

— Что ж в этом интересного? — поднял брови Сэмпсон. — Может, я настолько туп, но я не понимаю, как это может означать что-либо еще, кроме того, о чем вы только что сказали, — автор сделал

ошибку и исправил ее, но не стер неудачный оттиск. Мисс Ламберт пришла к заключению, что эта ошибка произошла в результате спешки или нервного состояния автора, что полностью согласуется с фактами.

Эллери улыбнулся и пожал плечами:

— Интересна не сама ошибка, дорогой Сэмпсон, — хотя она тоже приятно возбуждает мои серые клеточки. Интересно то, что пишущая машинка «Ремингтон», использованная для составления этой записки, имеет нестандартную клавиатуру. Полагаю, это лишь относительно неважный момент.

— Нестандартную клавиатуру? — озадаченно повторил Сэмпсон. — Почему? Как вы к этому пришли?

Эллери снова пожал плечами.

— Во всяком случае, — перебил инспектор, — нельзя возбуждать подозрения у этого мерзавца. Мы возьмем его вечером, на месте, когда он явится в «Таймс» за деньгами.

Сэмпсон, который с некоторой тревогой глядел на Эллери, встряхнулся, как бы освобождаясь от невидимой ноши, и кивнул:

— Будь очень осмотрителен, Кью. Нокс должен притвориться, что оставляет деньги, как прика-

зано. Ты позаботишься обо всех необходимых мерах?

— Предоставь это мне, — усмехнулся старик. — Сейчас нам нужно обсудить дело с Ноксом, а чтобы попасть к нему, требуется соблюдать крайнюю осторожность, ведь наш паренек-то может наблюдать за домом.

Они вышли из кабинета инспектора, сели в полицейский автомобиль без опознавательных знаков и подъехали к особняку Нокса по боковой улочке, со стороны входа для слуг. Прежде чем заворачивать к входу, водитель-полицейский объехал весь квартал. Не обнаружив никаких подозрительных личностей, Квины, Сэмпсон и Пеппер быстро прошли через высокую калитку в помещения для слуг.

Нокс принял их в своей сияющей каморке. Уверенный в себе и невозмутимый, он диктовал письма Джоан Бретт. Джоан держалась очень скромно, особенно с Пеппером. Нокс объявил ей перерыв, она удалилась в угол к своему столу, а окружной прокурор Сэмпсон, инспектор, Пеппер и Нокс принялись обсуждать планы на вечер.

Эллери не стал присоединяться к заговорщикам. Тихонько насвистывая, он побродил по комнате и умудрился оказаться у стола Джоан,

которая спокойно печатала на машинке, не обращая внимания на посторонних. Он заглянул ей через плечо, словно бы в ее работу, и прошептал на ухо:

— Сохраняйте это невинное выражение школьницы, дорогая, — вам идет необыкновенно. А дела-то наши значительно оживились.

— Правда? — не поворачивая головы, прошептала она, и Эллери, улыбаясь, выпрямился и направился к остальным.

Сэмпсон важничал — владея ситуацией, он всегда был неуступчив в споре, — и сейчас он напористо внушал Джеймсу Ноксу:

— Конечно, мистер Нокс, вы понимаете, что роли поменялись. После сегодняшнего вечера вы будете нам многим обязаны. Наш долг — защищать вас, частное лицо, несмотря на то что вы отказываетесь вернуть эту картину...

Нокс неожиданно выбросил руки вверх:

— Хорошо, джентльмены. Сдаюсь. Так и так для меня это последняя капля. Сыт по горло проклятой картиной. Теперь еще этот переполох с шантажом... Забирайте эту пакость и делайте с ней что хотите.

— Но, помнится, вы говорили, что это не та картина, которая была украдена из музея Вик-

тории, — спокойно сказал инспектор. Если он и почувствовал облегчение, то не показывал этого.

— И сейчас скажу! Это моя картина. Но вы можете ее взять и отдать для исследования экспертам — пожалуйста. Однако если вы убедитесь, что я говорил правду, то, пожалуйста, верните картину мне.

— О, ну конечно, — успокоил его Сэмпсон.

— Вы не думаете, шеф, — озабоченно ввернул Пеппер, — что в первую очередь нам надо заняться шантажистом? Он может...

— Вот здесь ты прав, Пеппер, — сказал инспектор, пребывавший в хорошем настроении. — Сначала старые добрые кандалы, черт побери! Ага. Мисс Бретт!

Старый джентльмен пересек комнату и приблизился к Джоан. Она подняла голову и вопросительно, с улыбкой взглянула на него.

— Будьте хорошей девочкой и передайте от меня телеграмму. Или... Одну минуту. Карандаш найдется?

Она послушно подвинула к нему карандаш и бумагу. Несколько минут инспектор быстро что-то писал.

— Готово, милая, — перепечатайте эту депешу прямо сейчас. Это важно.

Пишущая машинка Джоан застрекотала. Может быть, ее сердце и заколотилось при виде слов, которые она печатала, но лицо ее не выдало. А на бумаге из-под ее пальцев появилось следующее послание:

С Е К Р Е Т Н О
«ИНСПЕКТОРУ БРУМУ
СКОТЛАНД-ЯРД ЛОНДОН

ЛЕОНАРДО НАХОДИТСЯ У УВАЖАЕМОГО АМЕРИКАНСКОГО
КОЛЛЕКЦИОНЕРА КОТОРЫЙ ДОБРОСОВЕСТНО ЗАПЛАТИЛ ЗА НЕГО 150000 ФУНТОВ НЕ ЗНАЯ О КРАЖЕ. ЕСТЬ СОМНЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОБНАРУЖЕННАЯ КАРТИНА ПРИНАДЛЕЖИТ МУЗЕЮ ВИКТОРИИ ОДНАКО ТЕПЕРЬ МЫ МОЖЕМ ГАРАНТИРОВАТЬ ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕЕ В МУЗЕЙ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДЛЯ ОБСЛЕДОВАНИЯ. НА ЭТОЙ СТОРОНЕ ТРЕБУЕТСЯ ПРОЯСНИТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ДЕТАЛЕЙ. О ТОЧНОЙ ДАТЕ ОТПРАВКИ СООБЩИМ В БЛИЖАЙШИЕ СУТКИ.
ИНСПЕКТОР РИЧАРД КВИН»

Когда все прочитали и одобрили послание — Нокс только бросил взгляд, — инспектор вернул бумагу Джоан, а она тут же передала текст по телефону на телеграф.

Инспектор еще раз обрисовал точные планы на вечер, Нокс усталым жестом подтвердил, что он все понял, и гости надели пальто. Однако Эллери не тронулся с места.

— Ты не идешь с нами, сын?

— Я осмелюсь еще немного злоупотребить гостеприимством мистера Нокса. Ты отправляйся с Сэмпсоном и Пеппером, папа. Скоро я буду дома.

— Дома? Но я возвращаюсь в управление.

— Очень хорошо, значит, я буду у тебя в кабинете.

Встретив любопытство во взглядах, Эллери непринужденно улыбнулся. Он помахал им рукой, и они молча вышли из комнаты.

— Ну, молодой человек, — сказал Нокс, когда дверь за ними закрылась, — не знаю, в какую игру вы играете теперь, но вы вольны оставаться здесь, сколько захотите. По нашему плану я должен лично зайти к себе в банк и притвориться, что снимаю тридцать тысяч. Сэмпсон думает, что наш человек может вести наблюдение.

— Сэмпсон думает обо всем, — с улыбкой заметил Эллери. — Спасибо за ваше разрешение, вы очень добры.

— Не за что, — сказал Нокс и бросил странный взгляд на Джоан, которая продолжала печатать

с видом глухонемой, как и полагается идеальной секретарше. — Только не соблазняйте мисс Бретт. Винить-то будут меня. — И Нокс вышел из комнаты.

Минут десять Эллери ждал. Он не заговаривал с Джоан, а она не прерывала стрекотню по клавишам. Это время он провел очень пассивно — просто смотрел в окно. Ему видно было, как долговязый Нокс прошел под навесом у гаража и забрался в стоящий наготове городской автомобиль, который сразу же тронулся с места и покатил по дорожке.

Эллери моментально ожил. Джоан, напротив, прекратила печатать и замерла, опустив руки на колени и вопросительно глядя на него с легкой озорной улыбкой. Он быстро подошел к ее столу.

— Господи! — в притворном ужасе, вся сжавшись, вскричала она. — Неужели, мистер Квин, вы собираетесь так скоро подтвердить проницательное предположение мистера Нокса?

— И не думайте, — сказал Эллери. — Пока мы одни, дорогая, нужно прояснить несколько моментов.

— Я просто в восторге от такой перспективы, сэр, — прошептала она.

— Кстати, о сексе... Послушайте, миледи. Сколь-

ко слуг работают в этом роскошном доме?

С разочарованным видом она поджала губы.

— Странный вопрос, милорд, довольно странный вопрос задаете вы даме, которая предвкушала, что ей придется сражаться за свою добродетель. Дайте подумать. — Она посчитала в уме. — Восемь. Да, восемь. У мистера Нокса спокойный дом. Развлекается он нечасто, как мне кажется.

— Вы узнали что-либо об этих слугах?

— Сэр! Женщина узнает все, что может узнать... Стреляйте дальше.

— Кто-нибудь нанят недавно?

— Как это ни ужасно, нет. Это очень почтенный дом, du bon vieux temps[33]. Я слышала, здесь все работают не менее пяти-шести лет, а некоторые здесь уже лет пятнадцать.

— Мистер Нокс им доверяет?

— Всецело.

— C'est bien! — Голос Эллери приобрел жесткость. — Maintenant, Mademoiselle, attendez! Il faut qu'on fait l'examen des serviteurs — des bonnes, des

---

**[33] ПРИМЕЧАНИЯ: 33**
Добрых старых правил (фр.).

domestiques, des employes. Tout de suite![34]

Она встала и присела в реверансе.

— Mais oui, Monsieur. Vos ordres?[35]

— Я пройду в соседнюю комнату и притворю дверь, — быстро проговорил Эллери, — то есть оставлю узенькую щель, чтобы наблюдать за входящими. Под тем или иным предлогом вызывайте их звонком, одного за другим, и дайте мне возможность внимательно изучить лица... Кстати, шофер не придет, но его я уже видел. Как его зовут?

— Шульц.

— Он здесь единственный шофер?

— Да.

— Очень хорошо. Commencez![36]

Эллери ушел в соседнюю комнату и устроился у двери, чуть приоткрытой. Он увидел, как Джоан позвонила. Средних лет женщина, которую он раньше не встречал, одетая в черное платье из тафты, вошла в кабинет. Джоан задала ей вопрос,

---

**[34] ПРИМЕЧАНИЯ: 34**

Это хорошо! Теперь, мадемуазель, слушайте внимательно. Нужно организовать проверку — служанок, слуг, служащих. Сейчас же! (фр.)

**[35] ПРИМЕЧАНИЯ: 35**

Конечно, месье. Какие будут приказания? (фр.)

**[36] ПРИМЕЧАНИЯ: 36**

Начинайте! (фр.)

женщина ответила и ушла. Джоан позвонила снова, и возникли три молодые женщины в изящных черных костюмах горничных. Далее в такой последовательности: высокий, худой старый дворецкий, низенький толстяк с гладкой физиономией, аккуратно одетый, и, наконец, крупный и вспотевший джентльмен французского вида, в традиционном чистейшем одеянии шеф-повара. Когда парад окончился, Эллери вышел из своего укрытия.

— Отлично. Кто эта женщина средних лет?

— Миссис Хили, домоправительница.

— Горничные?

— Грант, Берроуз, Хотчкис.

— Дворецкий?

— Крафт.

— Малыш аскетического вида?

— Харрис, личный слуга мистера Нокса.

— И шеф-повар?

— Буссен, эмигрант из Парижа, — Александр Буссен.

— И это все? Вы уверены?

— За исключением Шульца, да.

Эллери кивнул:

— И все они мне абсолютно незнакомы, так что... Вы помните то утро, когда пришло первое

письмо шантажиста?

— Очень хорошо помню.

— Кто входил в этот дом с тех пор? Я имею в виду посторонних.

— Несколько человек входили, как вы выразились, но ни одна живая душа не проникала дальше приемной, которая находится внизу, на первом этаже. С того утра мистер Нокс не хочет видеться ни с кем — и, как правило, все поворачивают назад уже от двери после вежливого ответа Крафта «Нет дома».

— Почему же?

Джоан пожала плечами:

— Несмотря на беззаботный и иногда грубовато-сердечный вид, мистер Нокс занервничал, как только пришла первая записка с угрозой. Меня очень удивляет, почему он не нанял частных детективов.

— По очень веской причине: он не хочет — или не хотел, — чтобы люди, знакомые с полицейскими методами, совали нос в этот дом. Пока картина Леонардо или ее копия находится здесь.

— Он никому не доверяет. Ни клиентам, ни знакомым, связанным с ним интересами в самых разных областях бизнеса, ни даже старым друзьям.

— А как же с Майлсом Вудрафом? — спросил Эллери. — Я считал, Нокс будет пользоваться его услугами вплоть до завершения дела об имуществе Халкиса.

— Да, верно. Но мистер Вудраф не появлялся здесь собственной персоной. Хотя они ежедневно разговаривают по телефону.

— Возможно ли это? — прошептал Эллери. — Какая удача, какая поразительная, изумительная удача. — Он крепко схватил ее за руки, и она негромко вскрикнула. Но у Эллери, по-видимому, были чисто платонические намерения. Он сжал эти изящные ручки с почти оскорбительной безличностью и заявил: — Это было очень интересное утро, Джоан Бретт, ужасно интересное!

* * *

И, несмотря на заверения, данные Эллери отцу, что «скоро» он будет у него в кабинете, лишь в середине дня, улыбаясь какому-то утешительному внутреннему ощущению благополучия, вошел он в полицейское управление.

К счастью, инспектор был погружен в работу и не имел возможности задавать вопросы. Довольно долго Эллери просидел в ленивой позе рядом с ним и очнулся от летаргических мечтаний,

только когда услышал, как старик приказывает сержанту Вели собрать всех детективов вечером в подвале «Таймс».

— Вероятно, — подал голос Эллери, и старый джентльмен явно удивился, заметив его в кабинете, — будет удобнее встретиться в доме Нокса на Риверсайд-Драйв часов в девять вечера.

— У Нокса? Зачем?

— Есть причины. Твои ищейки должны, конечно, тщательно обнюхать место вероятного задержания, но официальный прием фактически состоится у Нокса. Все равно нам нельзя появляться у «Таймс» раньше десяти часов.

Инспектор было заворчал, но, наткнувшись на твердый взгляд Эллери, сморгнул и согласился. Повернувшись к телефону, он вызвал в кабинет Сэмпсона.

Сержант Вели величаво зашагал к выходу. Неожиданно энергично Эллери вскочил на ноги и кинулся за человеком-горой. Он догнал Вели в коридоре, схватил за могучую руку и начал говорить очень, очень просительно и почти льстиво.

Обычно каменно-холодные, черты сержанта Вели внезапно ожили, причем оживила их тревога, растущая по мере того, как Эллери настойчиво ему что-то нашептывал. Добропорядочный сер-

жант переступал с ноги на ногу. Барахтался в трясине нерешительности. Качал головой. Прикусывал толстые губы. Тер щетинистую челюсть. Смотрел страдальчески, терзаясь противоречивыми чувствами.

Наконец, не в силах противостоять убедительности Эллери, он печально вздохнул и прогудел:

— Ладно, мистер Квин, но, если это закончится скверно, я поплачусь нашивками.

После этого он быстро зашагал прочь, вероятно очень довольный, что может сбежать и спрятаться за служебными обязанностями от этой назойливой блохи.

## Глава 27
## КОНСТАТАЦИЯ

Осторожно, крадучись, попарно пробрались они под покровом безлунного неба к дому Нокса и с боковой улочки просочились в особняк через вход для слуг. Когда пробило девять часов, все уже были в каморке Нокса: оба Квина, окружной прокурор Сэмпсон, Пеппер, Джоан Бретт и сам Нокс. Плотно задернутые черные шторы не пропускали наружу ни лучика. Все были сосредоточенны, напряжены, но старались себя контролировать.

Говоря «все», мы имеем в виду всех, кроме Эллери, который хотя и вел себя вполне серьезно, приличествующим случаю образом, тем не менее ухитрился создать впечатление, будто его не волнует итог этого важного вечера — совсем не волнует!

Завязался нервный разговор.

— Подготовили пакет, мистер Нокс? — поинтересовался инспектор. Усы у него безвольно свисали лохматыми метелками.

Нокс достал из ящика стола небольшой сверток в коричневой оберточной бумаге.

— Это кукла. Бумага, нарезанная по размеру купюр. — Он говорил ровно, но в чеканных линиях его лица читалось сдержанное волнение.

— Ради бога! — взорвался окружной прокурор после минутного молчания, густо повисшего в комнате. — Чего мы ждем? Мистер Нокс, вам пора действовать. А уж мы последуем за вами. Указанное место оцеплено, и он не сможет...

— Осмелюсь заметить, — медленно произнес Эллери, — что никакой необходимости в посещении гардеробной «Таймс» больше нет.

Наступил еще один драматический момент — таким же моментом Эллери воспользовался несколько недель назад, чтобы самодоволь-

но провозгласить свою версию с обвинением Халкиса. Но если он и опасался снова стать посмешищем, то по его виду сказать этого было нельзя. Он весело улыбнулся, словно все эти возбужденные приготовления, полицейские машины, расставленные вокруг Таймс-сквер, сбор кланов полиции и прокуратуры были не более чем развлечением.

Маленькое тельце инспектора подпрыгнуло дюймов на шесть.

— Что это значит, Эллери? Мы теряем время. Или ты решил нас порадовать еще одной фантастической выходкой?

Эллери посерьезнел. Он оглядел собравшихся: они уставились на него ошеломленно. Озорная улыбка исчезла, и ее сменила неожиданная резкость во взгляде.

— Хорошо, — сказал он решительно. — Я объясню. Хотите знать, почему это пустое и даже нелепое предприятие — ехать в центр города?

— Нелепое? — разгневался окружной прокурор. — Почему же нелепое?

— Потому, Сэмпсон, что мы зря потратим время. Потому, Сэмпсон, что ваша дичь там не появится. Потому, Сэмпсон, что нас ловко надули!

Джоан Бретт охнула. Остальные разинули рты.

— Мистер Нокс, — сказал Эллери, повернувшись к банкиру, — вызовите, пожалуйста, вашего дворецкого.

Нокс, собрав лоб в глубокие морщины, просьбу выполнил. На пороге моментально возник высокий, худой старик.

— Слушаю, мистер Нокс.

Но к нему обратился Эллери:

— Крафт, вы знакомы с охранной сигнализацией, установленной в этом доме?

— Да, сэр...

— Проверьте ее сейчас же.

Крафт замялся, но после лаконичного жеста Нокса вышел. Никто не проронил ни звука, пока он не вернулся — но уже растерянный, с выпученными глазами.

— Система испорчена, она не работает, сэр! А еще вчера с ней было все в порядке, сэр!

— Что? — крикнул Нокс.

Эллери спокойно заметил:

— Как я и ожидал. Это все, Крафт... Мистер Нокс, я думаю, что смогу точно продемонстрировать вам и моим сомневающимся коллегам, насколько мы были обмануты. Я считаю, мистер Нокс, что вам не мешало бы взглянуть на эту вашу картину.

Нокс заметно встревожился. Жесткие серые глаза метали искры. Он испугался, и страх продиктовал ему незамедлительные действия. Ни слова ни говоря, он бросился вперед и выбежал из комнаты. За ним кинулся Эллери, а потом уже и все остальные.

Вскоре они оказались в большом, длинном и тихом зале на верхнем этаже — в галерее, по стенам которой на фоне темного бархата были развешаны прекрасные старые картины... Но в тот момент любоваться ими никто из них не был способен. Эллери старался не отставать от Нокса, шагавшего к дальнему углу галереи. Вдруг Нокс остановился у стенной панели и коснулся пальцами причудливого узора... Большая секция сплошной на вид стены беззвучно скользнула в сторону и открыла черное отверстие. Нокс засунул руку внутрь, замычал и диким взглядом уставился в темноту тайника...

— Она пропала! — вскричал он, побледнев, как мертвец. — Ее украли!

— Точно, — сухим тоном констатировал Эллери. — Остроумный прием, вполне достойный талантов призрачного партнера Гримшоу.

## Вызов читателю

Мне доставляет огромное, невыразимое удовольствие прервать в этом месте историю о «Тайне греческого гроба», чтобы традиционно включить сюда испытание для читательского ума.

Мое удовлетворение объясняется тем, что эта таинственная история подбросила мне, вероятно, самый сложный клубок проблем, какой я когда-либо пытался распутать. Отсюда и радость — самая настоящая радость для человека, постоянно окруженного глумлением заплативших за книгу покупателей. «Такова-то ваша трудная задача? — вопрошает типичный представитель этого племени. — Господи, да я тотчас ее решил!» И поэтому для меня большая радость сказать ему: «Ну-ка, гений дедукции, теперь ты сможешь всласть поломать голову. И все-таки будешь как следует одурачен!»

Возможно, я чересчур оптимистичен. Во всяком случае, дело сделано, мой невеликодушный читатель, и теперь в твоем распоряжении имеются все факты, позволяющие найти единственно верное решение тройственной задачи: установить

личность того, кто задушил Альберта Гримшоу, застрелил Гилберта Слоуна и украл картину у Джеймса Нокса.

И предупреждаю: поберегись! С наилучшими пожеланиями, твой покорнейший слуга,

*Эллери Квин*

## Глава 28
## ВОР

А потом Эллери сказал:

— Вы уверены, мистер Нокс, что картина украдена? Вы сами спрятали ее за эту панель?

Банкир с некоторым усилием кивнул, и жизнь начали постепенно возвращаться на его позеленевшее лицо.

— Последний раз я смотрел на нее неделю назад. Она лежала здесь. Никто больше об этом не знал. Ни одна душа. Панель эта была устроена очень давно.

— Что меня интересует, — сказал инспектор, — так это все обстоятельства происшествия. Когда украли картину? Как вор пробрался в дом и как узнал, где лежит картина, если мистер Нокс говорит правду и никто не знал об этом месте?

— Точно, что картину украли не сегодня вече-

ром, — тихо пробормотал окружной прокурор. — Почему тогда не работает охранная система?

— Она работала вчера, как сказал Крафт, и, вероятно, позавчера, — ввернул Пеппер.

Нокс пожал плечами, а Эллери заметил:

— Всему найдется объяснение. А теперь давайте вернемся в кабинет мистера Нокса.

Он держался очень уверенно, и в смиренном молчании все последовали за ним.

Вернувшись в комнату с лакированными стенами, Эллери живо и бойко приступил к работе. Сначала он закрыл дверь, попросив Пеппера встать около нее и позаботиться, чтобы их не прерывали. Затем без колебаний взялся за решетку, вставленную в стену кабинета почти у самого пола. Повозившись с ней какое-то время, вытащил ее, положил на пол и сунул руку в образовавшееся отверстие. Все придвинулись ближе и вытянули шею — внутри располагалась батарея отопления. Пальцы Эллери быстро пробежали по отдельным секциям батареи, словно по струнам арфы.

— Прошу всех заметить, — с улыбкой произнес Эллери, хотя ясно, что ничего такого заметить они не могли, — семь из восьми секций обжигающе горячие, а вот эта, — его рука легла на последнюю секцию, — холодна, как камень. — Он

снова наклонился к батарее и начал возиться с приспособлением, находящимся под холодной секцией. Через минуту что-то отвинтил и выпрямился, держа в руках тяжелую секцию — Как видите, она снимается, — любезно заметил он И добавил: — Хорошее отопление у вас, мистер Нокс. — С ними словами он перевернул секцию. В нижней ее части с трудом можно было разглядеть резьбу. Эллери с усилием попытался отвернуть дно, оно поддалось и, к всеобщему изумлению, снялось полностью, позволяя увидеть облицованную асбестом внутреннюю поверхность. Эллери положил крышку на стул, поднял секцию и энергично ее встряхнул. Его рука была наготове... когда из трубы выполз рулон старого, покрытого пятнами холста.

— Что это? — прошептал инспектор.

Эллери ладонью плавно провел по рулону; он развернулся...

Это была картина, выполненная маслом, насыщенная цветом, — изображение грандиозной, динамичной сцены битвы, в центре композиции — группа свирепых средневековых воинов, сражающихся за обладание знаменем — гордо реющим стягом.

— Хотите — верьте, хотите — нет, — сказал

Эллери, расправляя холст на письменном столе Нокса, — но вы имеете возможность лицезреть краски, холст и гениальность, которые вместе стоят миллион долларов. Иначе говоря, это и есть тот самый Леонардо.

— Чепуха! — раздался резкий голос, и Эллери, повернувшись кругом, посмотрел на Джеймса Нокса, застывшего, как мраморная статуя, в нескольких футах от него.

— Вот как? Этот шедевр, мистер Нокс, я нашел сегодня днем, когда самым непростительным образом обследовал ваш дом. Вы говорите, эту картину у вас украли? Тогда как вы объясните, что она спрятана в вашем кабинете, хотя должна находиться в руках вора?

— Я сказал «чепуха», и это значит «чепуха». — Нокс коротко рассмеялся. — Вижу, что я недооценил вашу смекалку, Квин. Но все-таки вы ошибаетесь. А я сказал правду. Леонардо украден. Я думал, мне удастся скрыть тот факт, что у меня были обе картины...

— Как это «обе»? — выдавил из себя окружной прокурор.

Нокс вздохнул:

— Придется кое-что объяснить. То, что вы здесь видите, — это вторая картина — она у меня уже

давно. Это работа Лоренцо ди Креди или его ученика, мой эксперт не может определить точно. Во всяком случае, это не Леонардо. Лоренцо идеально имитировал Леонардо, и, по-видимому, его ученики подражали стилю своего учителя. Эта копия, по всей вероятности, была сделана по оригиналу Леонардо, который, в свою очередь, был написан по злополучной фреске в 1503 году во Флоренции. В зале Палаццо Веккьо...

— Не нужны нам лекции по искусству, мистер Нокс! — рявкнул инспектор. — Нам только нужно узнать...

— Значит, ваш эксперт считает, — примирительно за говорил Эллери, — что когда Леонардо отказался от фрески, — а насколько я помню из курса по истории искусства, центральная группа была уже написана, но при обжиге краски осыпались, — то эта работа маслом была сделана кем-то из современников и представляет собой копию холста Леонардо с изображением центральной группы утраченной фрески?

— Да. Во всяком случае, вторая картина стоит ничтожную часть подлинника Леонардо. Естественно. Когда я покупал подлинник у Халкиса, — да, я признаю, что купил оригинальную вещь, и всегда знал, что она подлинная, — у меня уже

была копия той же эпохи. Я ничего не говорил об этом, поскольку полагал... если в конце концов придется вернуть картину музею Виктории, тогда я отдам ничего не стоящую копию и скажу, что именно ее купил у Халкиса...

Сэмпсон сверкнул глазами:

— На этот раз свидетелей у нас достаточно, Нокс. Но что же с подлинником?

Нокс упрямо повторил:

— Он украден. Я его спрятал в хранилище за панелью в галерее. Ради бога, не думайте... Вор, очевидно, не знал об этой копии, которую я всегда держал в фальшивой секции батареи. Говорю вам, он украл подлинник. Как ему это удалось, я не понимаю, но ведь удалось же! Да, я сам планировал обман — подсунуть копию музею и тайно оставить подлинник себе, но...

Окружной прокурор увлек Эллери, инспектора и Пеппера в сторону, и они стали шепотом переговариваться. Эллери слушал с серьезным видом, сказал что-то успокаивающее, и они вернулись к Ноксу, который в жалком одиночестве пребывал рядом с красочным холстом, лежащим на столе. Что касается Джоан Бретт, то она стояла неподвижно, прижавшись спиной к лакированной стене, широко раскрыв глаза и прерывисто дыша,

отчего ее грудь только выигрывала.

— Ну, сэр, — сказал Эллери, — кажется, наши мнения несколько расходятся. Окружной прокурор и инспектор считают, что в таких обстоятельствах ваш бездоказательный рассказ неприемлем. Где копия, где подлинник? Ни один из нас не может считаться знатоком, и мы нуждаемся в мнении эксперта. Можно мне...

Эллери не стал дожидаться, пока Нокс кивнет, а шагнул к телефону, коротко с кем-то переговорил и повесил трубку.

— Я звонил Тоби Джонсу, мистер Нокс, самому, наверное, знаменитому искусствоведу на Восточном побережье. Вы его знаете?

— Встречались, — коротко ответил Нокс.

— Он скоро здесь будет, мистер Нокс. А до тех пор нам нужно только терпение.

Тоби Джонс, пожилой человек, низенький и коренастый, с искрящимися глазами, одет был безупречно и держался с непоколебимой уверенностью. Впустил его Крафт, которого тут же и отослали, а Эллери, достаточно хорошо знакомый с Джонсом, представил его остальным. С Ноксом Джонс поздоровался особенно любезно. Ожидая, пока кто-нибудь объяснит, зачем его пригласили, Джонс заметил лежащий на столе холст и впился

в него взглядом.

Эллери предвосхитил готовый сорваться вопрос.

— У нас серьезное дело, мистер Джонс, — начал он тихо, — и я должен вас попросить и заранее извиниться за эту просьбу, чтобы ничего из сказанного сегодня не вышло за стены этой комнаты.

Джонс кивнул, как будто слышать подобное ему не в новинку.

— Вот и хорошо, сэр. — Эллери повел головой в сторону картины. — Вы можете установить авторство этого полотна, мистер Джонс?

В осязаемой тишине эксперт, сияя, приладил на один глаз увеличительное стекло и подошел к столу. Взяв осторожно холст и расстелив на полу, он принялся въедливо его исследовать. Затем попросил Эллери и Пеппера поднять картину и держать натянутой на весу, а сам направил на нее мягкий свет нескольких ламп. Все молчали, а сам Джонс работал безо всяких комментариев. Даже выражение его полного личика не изменилось. Крайне внимательно и тщательно осмотрел он каждый дюйм картины, и особенно его интересовали лица фигур, образующих группу вокруг знамени...

После получаса работы он с довольным видом кивнул, и Эллери с Пеппером снова положили холст на стол. Нокс тихо вздохнул, неприязненно глядя на эксперта.

— С этой работой связана необычная история, — начал наконец Джонс, — которая определенно имеет отношение к тому, что я собираюсь сказать.

Все жадно ловили каждое драгоценное слово.

— Уже много лет, — продолжал Джонс, — а вернее, несколько столетий известно, что на этот сюжет существуют две картины, идентичные во всех деталях, кроме одной...

Послышалось чье-то очень тихое бормотание.

— Во всех деталях, кроме одной. Мы знаем, что одну картину написал сам Леонардо. Когда Пьеро Содерини[37] убедил великого мастера приехать во Флоренцию и написать батальную сцену, чтобы украсить одну из стен нового зала заседаний совета в Палаццо Синьории, Леонардо выбрал сюжетом фрески известный эпизод в победе, одержанной в 1440 году генералами Флорентий-

**[37] ПРИМЕЧАНИЯ: 37**

Содерини, Пьеро ди Томмазо (1452–1522) — флорентийский политик, в 1502-1512 гг. глава магистрата Флоренции.

ской республики над Никколо Пиччинино[38] у моста под Ангиари. Сам картон — это специальный термин, обозначающий первоначальный эскиз, — над которым сначала работал Леонардо, часто называют «Битвой при Ангиари». Случайно возникло великое соревнование на стенах, в котором также участвовал Микеланджело, работавший над пизанским сюжетом. Но, как мистер Нокс должен знать, Леонардо не завершил фреску. Работа была остановлена после выполнения фрагмента, изображающего битву за знамя. Краски не держались на стене и после обжига осыпались, фактически уничтожив всю работу.

Леонардо покинул Флоренцию. Предполагают, что в разочаровании от неудачи он и выполнил живописную версию первоначального картона. Своего рода художническое самооправдание. Во всяком случае, слухи об этой картине дошли до нас, но она давно считалась «утерянной». И вдруг несколько лет назад сотрудник лондонского музея Виктории натыкается на нее где-то в Италии.

Слушатели внимали рассказу Джонса прямо-

**[38] ПРИМЕЧАНИЯ: 38**

Пиччинино, Николо (1386–1444) — итальянский военачальник, игравший важную роль в войнах, которые в XV в. вел Милан против Венеции, Флоренции и папы. В битве при Ангиари под Флоренцией потерпел сокрушительное поражение.

таки в устрашающей тишине, но он вроде бы ничего особенного не замечал.

— Мы знаем, — все более распалялся Джонс, — что многие художники той эпохи копировали этот картон, в том числе молодой Рафаэль, Фра Бартоломмео и другие, но сам картон, как кажется, был разрезан на куски, чтобы копиистам было удобнее. А потом и вовсе исчез. А в 1560 году поверх первоначальной фрески в Палаццо Синьории была наложена другая, она принадлежит Вазари. Поэтому находка собственной, так сказать, копии Леонардо с его же оригинального картона имела для мира искусства колоссальное значение. И теперь мы подходим к самой странной части этой истории.

Несколько минут назад я сказал, что сохранились две картины на этот сюжет, идентичные во всем, кроме одной детали. Первая картина была обнаружена и выставлена довольно давно. Ее автора не могли точно определить, пока не был найден холст, принадлежащий теперь музею Виктории. И вот в чем было затруднение. Эксперты так и не сошлись во мнениях, принадлежала ли первая картина кисти Леонардо. Правда, каким-то образом сформировалось суждение, что это работа Лоренцо ди Креди или одного из

учеников Лоренцо. Как и все спорные моменты в мире искусства, установление авторства не обошлось без насмешек, колкостей и злословия, но обнаруженная шесть лет назад другая картина все прояснила.

Существуют, конечно, старые записи. В них говорится, что были две выполненные маслом картины на один сюжет: одну написал сам Леонардо, а другая является копией. Но об авторстве копии в этих материалах содержатся весьма туманные сведения. Как гласит легенда, эти картины отличаются лишь тоном фигур, окружающих знамя: на картине Леонардо тени интенсивнее — очень небольшое отличие, поскольку легенда утверждает, что, только положив обе картины рядом, вы сможете определенно указать на Леонардо. Так что вы понимаете...

— Интересно, — тихо мурлыкнул Эллери. — Мистер Нокс, вы это знали?

— Конечно. Как и Халкис. — Нокс покачивался с пяток на носки. — Я же говорил, у меня уже была эта картина, когда Халкис предложил мне другую, и довольно просто, положив их рядом, понять, которая принадлежит кисти Леонардо. И теперь, — нахмурясь, произнес он, — Леонардо пропал.

— Э-э... — Джонс встревожился. Но тут же опять улыбнулся. — Впрочем, это не мое дело. Во всяком случае, обе картины существовали вместе, по счастью, достаточно долго, чтобы музей точно определил, что находка их сотрудника является подлинником Леонардо. Затем другая картина, копия, исчезла. Прошел слух, будто ее продали богатому американскому коллекционеру, который заплатил за нее круглую сумму, несмотря на установленный факт, что это копия. — Он бросил лукавый взгляд в сторону Нокса, но никто не сказал ни слова. Джонс расправил узенькие плечи. — В результате, если музейного Леонардо на какое-то время снять с экспозиции, то будет сложно, я бы даже сказал, невозможно решить, которая из двух картин, исследуемая сама по себе, является подлинником. Имея лишь одну картину, вы никогда не сможете ничего утверждать наверняка...

— А что вы скажете об этой, мистер Джонс? — спросил Эллери.

— Эта, — пожав плечами, ответил Джонс, — определенно или та, или другая, но без парной вещи... — Он прервал фразу и хлопнул ладонью по лбу. — Конечно! Как я глуп. Это должна быть копия. Ведь подлинник находится за океаном, в

музее Виктории.

— Да, да. Разумеется, — поспешил согласиться Эллери. — Если картины настолько похожи, мистер Джонс, то почему одну оценивают в миллион, а другую — лишь в несколько тысяч?

— Дорогой сэр! — воскликнул эксперт. — Вот уж — как бы лучше выразиться? — очень детский вопрос. В чем различие между настоящим «шератоном»[39] и его современной копией? Леонардо был творец, а автор копии, возможно ученик Лоренцо, просто воспроизвел законченную работу Леонардо. Разница в цене — это и есть отличие шедевра гения от превосходной копии, сделанной учеником. Что с того, что каждый мазок Леонардо был точно повторен? Вы же не скажете, мистер Квин, что фотокопия вашей подписи так же достоверна, как и сама подпись?

Джонс очень возбудился, — такое впечатление, что в речи участвовало все его маленькое старческое тельце, сопровождая слова неистовой жестикуляцией. Меж тем Эллери настойчиво, хотя и с подобающей почтительностью, теснил его к двери. И только когда эксперт, частично

---

**[39] ПРИМЕЧАНИЯ: 39**

Шератон Томас (1751–1806) — английский краснодеревщик и один из ведущих представителей неоклассицизма, давший имя стилю мебели.

восстановивший самообладание, удалился, все остальные задвигались и заговорили.

— Искусство! Леонардо! — с отвращением сказал инспектор. — Теперь все запуталось еще больше. Что здесь делать детективам? — И он в знак бессилия вскинул руки.

— На самом деле все не так плохо, — задумчиво произнес окружной прокурор. — По крайней мере, рассказ Джонса подтвердил объяснение мистера Нокса, пусть даже никто не знает, где какая картина. Теперь мы хотя бы знаем, что существуют две картины, а не одна, как мы все время считали. Поэтому... нужно искать вора второй картины.

— Что мне совсем непонятно, — вмешался Пеппер, — так это молчание музея по поводу другой картины. Так или иначе...

— Дорогой Пеппер, — протянул Эллери, — у них был подлинник. Зачем же им еще беспокоиться о копии? Она их просто не интересовала... Да, Сэмпсон, вы совершенно правы. Человек, которого мы ищем, — это тот, кто украл вторую картину, шантажировал в письмах мистера Нокса, кто использовал долговое обязательство как писчую бумагу, а следовательно, именно он оклеветал и убил Слоуна, он был партнером Гримшоу и убил

его, оклеветал Георга Халкиса.

— Отличное резюме! — саркастически воскликнул Сэмпсон. — Теперь, после того, как вы суммировали все, что мы знаем, может быть, скажете нам и то, чего мы не знаем, — имя этого персонажа!

Эллери вздохнул:

— Сэмпсон, Сэмпсон, вечно вы на меня нападаете, пытаетесь дискредитировать меня, раскрыть миру мои слабости... Вы действительно хотите узнать имя этого человека?

Сэмпсон уставился на Эллери, а во взгляде инспектора появился интерес.

— Хочу ли я знать, это он спрашивает меня! — выкрикнул окружной прокурор. — Вот уж умный вопрос! Разумеется, я хочу его знать. — Его взгляд вдруг приобрел осмысленность, и он перестал кричать. — Послушайте, Эллери, — спокойно сказал он, — не хотите же вы сказать, что вам действительно известно, кто вор?

— Ну? — подал голос Нокс. — Кто же вор, Квин?

Эллери улыбнулся:

— Рад, что именно вы об этом спросили, мистер Нокс. Ответ вы должны были встречать в книгах, поскольку многие знаменитые джентльмены варьировали его постоянно: Лафонтен, Терен-

ций, Колридж, Цицерон, Ювеналий, Диоген. Он начертан на храме Аполлона в Дельфах, и его приписывали Хилону, Пифагору и Солону. На латыни он звучит так: «Ne quis nimis». А по-английски: «Познай самого себя». Мистер Джеймс Дж. Нокс, — в высшей степени сердечно произнес Эллери, — вы арестованы!

## Глава 29
## ИЗОБЛИЧЕНИЕ

Вы поражены? А окружной прокурор Сэмпсон сделал вид, что совсем не удивлен. Остаток того суматошного вечера он твердил, что подозревал Нокса с самого начала. С другой стороны, немедленно возникшая у него жажда объяснений говорила о многом. Почему? Как? Сэмпсон даже встревожился. Доказательства... где доказательства? Его неутомимый мозг уже погрузился в организацию обвинения по этому делу... но мешали возникающие вопросы и сомнение, сможет ли он расколоть этот крепкий орешек.

Инспектор смолчал. Он несколько успокоился, но тайком поглядывал на профиль не склонного к общению сына. Шок от разоблачения, мгновенный обморок Нокса и то, как он быстро, почти

чудом пришел в себя, возглас ужаса и недоверия Джоан Бретт...

Без лишнего ликования Эллери господствовал на этой сцене. Инспектор Квин вызвал подкрепление, и Джеймса Дж. Нокса без шума увели, но Эллери упрямо отказывался давать объяснения. Нет, сегодня он не хочет ничего говорить. Завтра утром... да, возможно, завтра утром.

Итак, утром в субботу, 6 ноября, собрались все действующие лица этой запутанной драмы. По настоянию Эллери были приглашены не только официальные лица, жаждавшие выслушать его рассказ, но также все те, кто был вовлечен в дело Халкиса, и, разумеется, шумные джентльмены из прессы. В субботу утром газеты вышли с громадными заголовками, объявлявшими об аресте великого человека. Прошел слух, что к мэру Нью-Йорка лично обратилась некая высокопоставленная персона, близкая к президенту, — и это, вероятно, было правдой, поскольку мэр все утро названивал по телефону. Он требовал объяснений от комиссара полиции, который знал еще меньше, чем сам мэр; от окружного прокурора Сэмпсона, который мало-помалу сходил с ума; от инспектора Квина, но тот устало качал старой головой и всем официальным лицам отвечал:

«Подождите». Холст, извлеченный из фальшивой секции батареи Нокса, был вверен заботам Пеппера и должен был храниться в ведомстве окружного прокурора вплоть до процесса. Скотланд-Ярд уведомили, что картина необходима как вещественное доказательство для юридического поединка, неясно маячившего впереди, но будет возвращена со всеми должными мерами предосторожности, как только суд присяжных решит судьбу мистера Джеймса Дж. Нокса.

Размеры кабинета инспектора Квина не позволяли вместить многочисленных предполагаемых критиков, которых потребовал пригласить Эллери. Группа избранных репортеров, Квины, Сэмпсон, Пеппер, Кронин, миссис Слоун, Джоан Бретт, Алан Чини, Вриленды, Насио Суиза, Вудраф, а также очень скромно появившиеся комиссар полиции, заместитель главного инспектора и чрезвычайно беспокойный, постоянно поправлявший воротничок господин, в котором узнали ближайшего политического сподвижника мэра, — все эти люди постепенно собрались в просторном помещении, специально выделенном для этой встречи. Получилось так, что главным здесь оказался Эллери, — такая практика, конечно, была для всех в новинку, поэтому Сэмпсон смот-

рел на Эллери раздраженно, представитель мэра — уныло, а комиссар полиции — нахмурился.

Но Эллери ни с кем не собирался пререкаться. В зале имелось возвышение, тут он и стоял, нацепив только что отполированное до блеска пенсне, словно школьный учитель, готовый обратиться к классу, — за спиной у него даже висела черная доска. В заднем ряду помощник окружного прокурора Кронин прошептал Сэмпсону:

— Генри, старина, хорошо бы все это как-то утряслось. Нокс нанял юристов Спрингарна, и от одной мысли о том, как они расправятся с этим вшивым делом, меня бросает в дрожь.

Сэмпсон ничего не сказал — сказать ему было нечего.

Чтобы ввести в курс дела тех, кто еще не был знаком с его содержанием, Эллери начал с обстоятельного рассказа обо всех основных фактах и выводах, полученных в результате проведенного ранее анализа. Объяснив происшествия, сопутствующие получению писем с шантажом, он сделал паузу, увлажнил пересохшие губы, перевел дух и погрузился в изложение новых аргументов.

— Как я только что показал, — сказал он, — единственным человеком, который мог послать

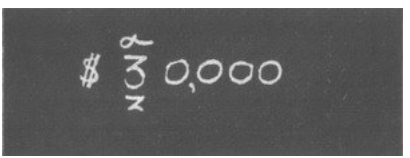
письма с угрозами, был тот, кто знал, что похищенная картина находится у Джеймса Нокса. К счастью, тот факт, что Джеймс Нокс владеет этой картиной, хранился в тайне. Итак, кто же, не считая группы следователей — то есть нас самих, — об этом знал? Два, и только два человека. Во-первых, партнер Гримшоу, который, как было доказано предыдущим анализом, убил Гримшоу и Слоуна и к тому же знал, что картина находится у Нокса в силу его партнерских отношений с Гримшоу и в силу признания самого Гримшоу, что партнер, и только он, знает всю историю. Вторым человеком, конечно, был сам Нокс, но в то время никто из нас не принимал его в расчет.

Очень хорошо. Письма шантажиста были напечатаны на половинках долгового обязательства, и это полностью доказывает, что их отправителем был убийца Гримшоу и Слоуна — то есть партнер Гримшоу, — поскольку лишь убийца мог завладеть долговым обязательством, взяв его с тела мертвого Гримшоу. Прошу вас запомнить этот вывод — он является важным блоком в логической конструкции.

Пойдем далее. Что мы обнаруживаем при рассмотрении самих писем? Первое из них было напечатано на «ундервуде», на той же самой ма-

шинке, между прочим, которая использовалась убийцей при подготовке анонимного письма, открывшего, что Слоун и Гримшоу — братья. Второе письмо с шантажом было напечатано на «ремингтоне». Во втором письме бросалась в глаза ошибка, допущенная при печатании. Автор сделал ошибку, печатая группу символов $30 000, и эта ошибка показала, что на верхнем регистре клавиши с тройкой находилась не та литера, что на стандартной клавиатуре. Позвольте мне показать графически, как выглядело написание $ 30 000 в самом письме, это поможет объяснить, что из этого следует.

Он повернулся к доске и мелом быстро выполнил на ней рисунок.




— Теперь прошу вас заметить, — сказал Эллери, снова повернувшись к слушателям, — что, напечатав знак доллара, автор не до конца отпустил клавишу регистра, и в результате следующая клавиша, которую он нажал, — а это была клавиша

с тройкой, — оставила на бумаге расщепленный оттиск. Естественно, автор вернул каретку на один символ назад и заново напечатал цифру 3, но не это важно. Для нас важен сохранившийся на бумаге расщепленный оттиск. Что же происходит при этой распространенной ошибке — если при печати символа нижнего регистра нажатая перед этим клавиша регистра отпускается не до конца? А вот что: место, где должен быть напечатан символ нижнего регистра, остается пустым, несколько выше этого места вы получаете отпечаток нижней части символа верхнего регистра, а немного ниже пустого места получаете оттиск верхней части символа нижнего регистра. Результат вы можете наблюдать на рисунке, небрежно выполненном мной на доске. Пока все понятно?

Сидевшие перед ним слушатели ответили дружными кивками и нестройным ропотом.

— Превосходно. Давайте представим себе клавишу с цифрой 3 в том виде, в каком она встречается на всех пишущих машинках со стандартной клавиатурой, — продолжал Эллери. — Разумеется, я говорю об американских пишущих машинках. Какая это клавиша? Цифра 3 на нижнем регистре и символ «номер» на верхнем регистре. Сейчас я покажу. — Он снова повернулся к доске и на-

чертил символ №. — Просто, да? — сказал он, развернувшись обратно к аудитории. — Но я хочу, чтобы вы заметили: ошибка на втором письме с шантажом показывает нестандартную клавиатуру, во всяком случае для клавиши с цифрой 3. Ведь хотя обезглавленный символ над повторно напечатанной тройкой должен бы представлять собой нижнюю часть знака «номер», он — как можно видеть на доске — не имеет с этим знаком ничего общего! Напротив, это весьма странный символ — изогнутая горизонтальная линия с петелькой слева.

Эллери прочно завладел аудиторией: слушатели словно были прикованы к нему цепями. Он наклонился вперед:

— Таким образом, становится очевидно, что у машинки «Ремингтон», на которой, как я сказал ранее, печаталось второе письмо с шантажом, был какой-то странный символ над тройкой, где следовало быть привычным знаку «номер». — Он показал на знак № на доске. — Также ясно, что этот значок «петелька на изогнутой линии» — это просто нижняя часть другого символа. Какая у него могла быть верхняя часть? Каков общий вид этого символа? — Он спокойно выпрямился. — Подумайте об этом минуту. Посмотрите на зна-

чок, который я нарисовал мелом над цифрой 3

Он подождал. Аудитория напряженно вглядывалась в доску. Но никто не ответил.

— А ведь это имеет решающее значение, — наконец произнес Эллери. — Я изумлен, что никто из вас — и даже репортеры — не понял, что это за символ. Заявляю абсолютно твердо, и пусть кто-либо попробует опровергнуть мое утверждение — я заявляю, что эта петелька с хвостиком может быть нижней частью лишь одного символа, который встречается на клавиатурах. Этот знак напоминает рукописную заглавную букву «L», пересеченную посредине горизонтальной чертой... Иначе говоря, это символ английского фунта стерлингов!

Слушатели по достоинству оценили этот пассаж, и по комнате пронесся шепот одобрения.

— Что же, очень хорошо. Нам нужно лишь найти машинку «Ремингтон» — американскую, конечно, — в которой на верхнем регистре клавиши с тройкой стоит символ английского фунта. Прикиньте вероятность, чтобы у американского «ремингтона» оказался такой несвойственный для американских пишущих машинок знак — и именно на этой конкретной клавише, — я думаю, получится один шанс на миллион. Иначе говоря,

если бы мы смогли найти пишущую машинку с символом фунта на тройке, я имел бы право — математически и логически — утверждать, что именно на этой машинке печаталось второе письмо шантажиста.

Эллери повел рукой:

— Это предварительное объяснение существенно для понимания последующего. Прошу особенного внимания. Разговаривая с Джеймсом Ноксом еще в тот период, когда Слоун считался самоубийцей, до появления первого вымогательского письма, я узнал, что у Нокса новая пишущая машинка, причем одна клавиша на ней заменена. Я услышал это случайно. Нокс давал указание мисс Джоан Бретт оформить оплату счета за новую машинку и предупредил, чтобы не забыла включить в счет стоимость замены одной клавиши. Примерно тоже я узнал от мисс Бретт. Что эта машинка марки «Ремингтон» — она особо это упомянула; мне стало известно также, что это единственная пишущая машинка в доме, а старую мистер Нокс в моем присутствии распорядился отправить в благотворительный фонд. По моей просьбе мисс Бретт начала печатать записку с перечнем номеров банкнотов, но скоро остановилась, выдернула лист и воскликнула: «Мне

приходится *писать* слово «номер»!» Ударение, разумеется, мое. И хотя в тот момент для меня это ничего не значило, тем не менее я так понял, что у Ноксова «ремингтона» — единственной машинки в доме — отсутствует символ «номер» — иначе зачем бы мисс Бретт печатать слово «номер»? — и что одна клавиша на этой машинке заменена. Ну и поскольку в новой машинке была заменена одна клавиша и недоставало знака номера, который обычно находится на одной клавише с тройкой, следовательно, была заменена именно клавиша со знаком номера наверху и цифрой 3 внизу! Элементарная логика. Итак, мне требовалось установить еще лишь один факт, и моя аргументация была бы завершена. Если бы на замененной клавише я обнаружил знак английского фунта над цифрой 3, там, где должен быть знак «номер», тогда я имел бы право с полным основанием сказать, что эта машинка «Ремингтон» могла быть использована для подготовки второго письма с шантажом. То есть после получения второго письма мне оставалось лишь взглянуть на клавиатуру машинки. Да, этот символ там был. Фактически окружной прокурор Сэмпсон, помощник окружного прокурора Пеппер и инспектор Квин вспомнят, что если бы они

знали, что нужно искать, то увидели бы этот символ, даже не глядя на саму пишущую машинку. Ведь инспектор Квин передавал в Скотланд-Ярд из кабинета Нокса телеграмму, в которой упоминалась сумма «сто пятьдесят тысяч фунтов», и когда мисс Бретт перепечатала написанную карандашом телеграмму инспектора — слушайте! — она употребила не слово «фунты», а символ — рукописную заглавную букву «L», перечеркнутую горизонтально! Даже если бы я никогда не видел саму машинку, один лишь тот факт, что мисс Бретт смогла напечатать знак фунта, в совокупности с другими, известными мне фактами неизбежно привел бы меня к выводу... Доказательство, математически безупречное, как и любое другое доказательство, полученное путем логического вывода, лежало прямо передо мной: машинка, на которой печаталось второе письмо с шантажом, принадлежит мистеру Джеймсу Дж. Ноксу.

Репортеры сидели в переднем ряду, и их записи все росли и уже достигли объема «Алисы в Стране чудес». Никаких других звуков не было слышно — только пыхтение и шорох ручек по бумаге. Эллери загасил сигарету ногой, открыто презрев инструкции Главного полицейского управления

и обычные нормы поведения.

— Eh bien, — с довольным видом произнес он, — nous faisons de progres[40]. Мы знаем, что с момента получения первого письма Нокс не принимал посетителей, не делая исключения даже для мистера Вудрафа, своего временного поверенного, — с ним он общался только по телефону. Это означает, что второе письмо с требованием денег могли напечатать только следующие лица: сам Нокс, мисс Бретт и слуги, проживающие в доме Нокса. Далее, поскольку оба письма были написаны на половинках долгового обязательства, — которое, в свою очередь, могло находиться только у убийцы, — это означает, что одно из вышеназванных лиц и есть убийца.

Эллери шел в атаку так быстро, что незначительное движение в заднем ряду — а точнее, на том стуле, где устроился инспектор Ричард Квин, — осталось незамеченным, только Эллери чуть скривился в усмешке при виде этого сдержанного проявления возможной критики.

— Давайте сузим этот перечень, — форсировал Эллери. — Возьмем сначала последнюю категорию. Мог ли нашим писателем быть кто-либо из

---

**[40] ПРИМЕЧАНИЯ: 40**
Итак, мы делаем успехи (фр.).

слуг? Нет. Никто из них не бывал в доме Халкиса в ходе начального расследования — точный список посетителей вела служба окружного прокурора, значит, никто из них не мог подбрасывать ложные уники против Халкиса, а позднее и против Слоуна, а это интриганство является основной характеристикой убийцы.

Снова в задних рядах кто-то раздраженно задвигался, и снова Эллери моментально возобновил свои рассуждения:

— Могла ли это быть мисс Бретт? Простите меня, мисс Бретт, — извиняющимся тоном сказал Эллери, — что упоминаю и вас, но логика не признает галантности... Нет, это не могла быть мисс Бретт. Хотя в то время, когда были подброшены ложные улики, она находилась в доме Халкиса, но все-таки не могла быть партнером Гримшоу, то есть она не обладает другой необходимой характеристикой убийцы. Откуда мы знаем, что она не могла быть партнером Гримшоу, если не обращать внимания на очевидную нелепость этой мысли? Ответ довольно прост. — Он умолк, поискал взгляд Джоан, встретил одобрение и быстро продолжил: — Мисс Бретт мне призналась, что она была и остается оперативным агентом, работающим по заданию музея Виктории.

То, что он собирался сказать дальше, потонуло в потоке изумленных возгласов. Еще какое-то время собрание захлебывалось в собственном возбуждении, но Эллери, как опытный школьный учитель, постучал по доске, и гам стих. Не обращая внимания на Сэмпсона, Пеппера и отца, которые смотрели на него со смешанным выражением упрека и гнева, он продолжил:

— Повторю еще раз. Мисс Бретт мне призналась, что, будучи нанята музеем Виктории в качестве тайного агента, она получила доступ в дом Халкиса первоначально с единственной целью — найти какие-либо следы пропавшего Леонардо. Мисс Бретт рассказала мне это после мнимого самоубийства Слоуна и до получения первого письма с шантажом. Тогда же она мне показала билеты на пароход: она решила вернуться в Англию. Почему? Потому что она почувствовала, что потеряла следы картины и не может продолжать работу детектива, ставшую для нее слишком сложной. Что означает покупка билетов для выезда из страны? Очевидно, она не знала, где в тот момент находилось полотно, — иначе она бы оставалась в Нью-Йорке. Одно лишь ее намерение вернуться в Лондон доказывает, что она этим знанием не обладала. А какова главная

характеристика нашего убийцы? Он знал, где находится картина! Если быть точным, он знал, что она у Нокса. Иными словами, мисс Бретт не могла быть убийцей и не могла написать второе письмо с шантажом — и коли на то пошло, и первое тоже, поскольку оба письма написало одно и то же лицо.

Очень хорошо. Если мисс Бретт и слуги исключены из списка подозреваемых, то в нем остается только Нокс. Только Нокс мог написать второе письмо, и, следовательно, только он мог быть партнером и убийцей Гримшоу.

Как это проверить? Нокс обладает всеми характеристиками убийцы: он бывал в доме Халкиса в то время, когда против Халкиса были сфабрикованы ложные улики, — это во-первых. Однако здесь нам нужно отвлечься на минуту и разобраться, зачем Нокс явился в полицию и опроверг собственные фальшивые улики, признавшись, что был третьим участником встречи, — и это после того, как ему пришлось пережить столько треволнений в попытке создать видимость, что третьего участника не было? По очень убедительной причине: мисс Бретт уже опровергла теорию третьего участника, рассказав в его присутствии историю о чайных чашках... поэтому он ничего

не терял, а выиграть мог все, представив дело так, будто пришел на помощь следствию, — дерзкий шаг, поддерживающий его якобы невиновность. Нокс также вписывается в модель дела Слоуна: он мог быть тем человеком, который пришел вместе с Гримшоу в отель «Бенедикт» и там узнал, что Слоун и Гримшоу — братья, после чего послал нам анонимное письмо, желая повернуть расследование в сторону Слоуна. Раз он убийца, то он владел и завещанием, взятым из гроба Халкиса, и мог подбросить его клочок в подвал своего же пустующего дома, мог и положить дубликат ключа в коробку Слоуна. И наконец, если он убил Гримшоу, то мог и взять его часы и потом положить их в сейф Слоуна, убив свою вторую жертву в галерее Халкиса.

Но зачем бы Ноксу писать самому себе письма и фабриковать похищение собственной картины? У него была очень веская причина: самоубийство Слоуна публично опровергнуто, и он знал, что полиция продолжает искать убийцу. Кроме того, на него оказывали давление, чтобы он вернул Леонардо в музей, и, сочинив эти письма, он представил дело так, будто их написал убийца, остававшийся на свободе, — кто угодно, но во всяком случае не Нокс. Разумеется, он ни в коем

случае не стал бы писать этих писем, если бы подумал, что они могут привести следствие к его пишущей машинке.

Итак, похитив картину у себя самого, Нокс способствовал возникновению иллюзии, будто воображаемое постороннее лицо намеренно отвлекло полицию от дома, чтобы выкрасть картину. Заранее выведя из строя охранную систему, он, несомненно, ожидал, что, когда мы вернемся из «Таймс» с пустыми руками, испорченная сигнализация нам докажет, что картина исчезла, пока мы без толку поджидали убийцу. Хитроумный план, ведь похищение картины освобождало его от необходимости вернуть ее в музей, и он тайно продолжал бы владеть своим Леонардо, обезопасив его от всех внешних угроз.

Эллери послал задним рядам широкую улыбку:

— Я вижу, что достопочтенный окружной прокурор кусает губы от досады и тревоги. Дорогой Сэмпсон, очевидно вы предвидите вопросы адвокатов Нокса. Нет никаких сомнений, что работающий на него дивизион светил юриспруденции попытается доказать, представив образцы обычного стиля машинописи самого Нокса, что они отличаются от стиля двух писем с

шантажом, которые, как вы будете утверждать, он написал себе сам. Не беспокойтесь об этом: любому жюри присяжных будет очевидно, что, печатая письма с шантажом, Нокс намеренно изменил свой обычный стиль использования машинки — интервалы, пунктуацию, силу удара по определенным клавишам и прочее, — стараясь тем самым усилить впечатление, что их печатал не он, а другой человек...

Теперь о картинах. Существуют две возможности: у Нокса были обе картины, как он утверждает, или только одна — та, которую он купил у Халкиса. Если у него была одна картина, то он *лжет*, что она украдена, поскольку я нашел ее у него в доме после того, как он заявил, что ее украли. И, увидев, что я нашел картину, он спешно изобретает историю о двух картинах, пытаясь заставить нас поверить, что у него были обе, что я нашел копию, а подлинник украден мифическим вором. Таким способом, если это правда, он жертвовал картиной, но спасал собственную шкуру — во всяком случае, так он думал.

С другой стороны, если у него были две картины, то, значит, я нашел или подлинник Леонардо, или копию, и точнее сказать нельзя, пока мы не найдем второй холст, который Нокс, несо-

мненно, где-либо спрятал. Но какая бы картина ни находилась сейчас у окружного прокурора, вторая остается у Нокса — при условии, что у него их было две, — и эту вторую картину Нокс не сможет предъявить, поскольку он уже связал себя словом, утверждая, что она похищена кем-то неизвестным. Дорогой Сэмпсон, если вы сможете найти другую картину где-либо в помещениях, принадлежащих Ноксу, и докажете, что он ее туда поло жил, тогда дело против него станет еще крепче, чем теперь.

Судя по кислому выражению лица Сэмпсона, он был готов поспорить с этим утверждением, явно считая, что дырок в этом деле больше, чем в решете. Но Эллери не позволил ему озвучить такие мысли и без паузы продолжал:

— Подведем итог. Убийца должен обладать тремя основными характеристиками. Первое: он имел возможность сфабриковать улики против Халкиса и Слоуна. Второе: он написал письма с шантажом. Третье: он находился в доме Нокса, когда печатал второе письмо. Это последнее применимо лишь к слугам, мисс Бретт и Ноксу. Но, как я показал ранее, слуги отпадают из-за первой характеристики. Я также показал, что мисс Бретт отпадает по второй характеристике. Остается

только Нокс, и, поскольку он прекрасным образом удовлетворяет всем трем характеристикам, убийцей должен быть именно он.

* * *

Нельзя сказать, чтобы инспектор Ричард Квин грелся в лучах публичного триумфа сына. Когда с неизбежными вопросами, поздравлениями, спорами было покончено, когда самые беспокойные журналисты были удовлетворены — а нужно заметить, что несколько репортеров, уходя, покачивали головами, — и Квины остались одни в священных стенах кабинета инспектора, этот старый джентльмен позволил своим чувствам, которые до тех пор он сурово подавлял, вырваться наружу, и Эллери в полной мере ощутил на себе недовольство отца.

Важно отметить, что и сам Эллери мало походил в этот момент на эдакого молодого самодовольного льва. Напротив, худые его щеки совсем втянулись, усталые глаза лихорадочно блестели. Не чувствуя вкуса, он истреблял одну сигарету за другой и старательно избегал встречаться взглядом с отцом.

Ворчливый старик в выражениях не стеснялся:

— Не будь ты моим сыном, я бы выгнал тебя отсюда взашей. Каких я только не слышал в жизни доводов — нелепых, неудовлетворительных, тяп-ляп сложенных, но это твое представление... — Его даже передернуло. — Эллери, попомни мои слова. У нас будут такие проблемы! На этот раз моя вера в тебя... да ты просто меня подвел, провались оно все! И Сэмпсон — ну, Генри же не простофиля. Когда он выходил из комнаты, я видел, что он чувствует. Ясно как день, ему предстоит самое тяжелое сражение в суде за всю его карьеру. В суде это дело развалится, Эллери. Оно не может не развалиться. Ни доказательств. Ни мотивов. Мотивы, черт побери! Ты ни слова о них не сказал. Почему Нокс убил Гримшоу? Конечно, очень приятно пользоваться этой твоей треклятой логикой и математически или как-то еще вывести, что Нокс — это тот, кто нам нужен, но мотивы! Присяжным нужны мотивы, а не логика! — Он забрызгал себе слюной весь пиджак. — Придется расплачиваться. Нокс за решеткой, и лучшие адвокаты Восточного побережья готовы его защищать. Они накрутят столько дыр в твоем дельце, мой мальчик, что оно будет как швейцарский сыр. Оно будет такое же дырявое, как...

Тут Эллери заволновался. Все время, пока дли-

лась эта выволочка, он сидел терпеливо, даже кивал, словно другого от инспектора и не ждал. Хотя ничего приятного в отцовской ругани не было, однако пережить можно. Но теперь он выпрямился в кресле, и что-то очень похожее на панику промелькнуло в его глазах.

— Дырявое, как что? Что ты имеешь в виду?

— Ха! — Инспектор издал победный клич. — Достал я тебя? Ты думаешь, твой старик идиот? Черта лысого! Может, Генри Сэмпсон чего не понял, но я-то понял, а если ты не видишь, значит, ты еще больший дурак! — Он хлопнул Эллери по коленке. — Послушай меня, Эллери Шерлок Холмс Квин. Ты говоришь, никого из слуг нельзя обвинить в убийстве, поскольку никто из них не бывал в доме Халкиса в то время, когда были сфабрикованы ложные улики.

— Ну и что? — медленно произнес Эллери.

— А то. Все отлично. Здорово. Истинно так. Я с тобой согласен. Однако, мой драгоценный полоумный сын, — с горечью проговорил старый инспектор, — дальше-то ты не пошел. Ты исключил всех слуг из списка возможных убийц, но разве кто-либо из них не мог быть соучастником убийцы, которому в дом Нокса доступа нет? Вот положи-ка этого табачку в свою трубочку и по-

пробуй, как тебе.

Эллери не ответил. Он вздохнул и этим ограничился. Инспектор упал в кресло-вертушку, фыркнув от досады.

— Из всех дурацких упущений... И надо же, чтоб именно ты!.. Ты меня удивляешь, сын. У тебя мозги набекрень от этого дела. Убийца мог нанять кого-то среди слуг, чтобы на машинке Нокса напечатать второе письмо с шантажом, а самому остаться в стороне! Я не говорю, что именно так все и было, но даю голову на отсечение, что адвокаты Нокса обратят на это внимание, и тогда что останется от твоей аргументации, отбрасывающей всех подозреваемых, кроме Нокса? Твоя логика лопнет, как мыльный пузырь.

Выражая смиренное согласие, Эллери кивнул:

— Блестяще, папа, действительно блестяще. Надеюсь, верю, что никто больше сейчас об этом не думает.

— Да, — сварливо забубнил инспектор, — наверное. Генри об этом не подумал, иначе примчался бы прямо сюда и поднял бы крик. Это, конечно, утешение... Слушай, Эл. Ты небось с самого начала знал об этой лазейке, на которую я только что указал. Почему бы тебе не заткнуть ее поскорее, пока не поздно и пока мы с Генри не поплатились

за это своей службой?

— Почему я не затыкаю эту дыру, ты спрашиваешь. — Эллери пожал плечами и закинул руки за голову. — Господи, как я устал... Я скажу тебе почему, многострадальный мой предок. По очень простой причине — я не смею.

Инспектор помотал головой.

— Ты точно рехнулся, — пробормотал он. — Как это — ты не смеешь? Это что, причина? Хорошо, пускай это будет Нокс. Но дело, сынок, дело в суде. Дай нам что-то более определенное, с чем мы могли бы поработать. Ты же знаешь, я поддержу тебя, сколько смогу, если ты уверен в своей правоте.

— Как хорошо я тебя знаю, — усмехнулся Эллери. — Отцовство — это прекрасно. Что может быть прекраснее? Разве что материнство... Папа, сейчас я больше ничего не могу сообщить, ничего серьезного. Но кое-что я тебе скажу, а ты волен принимать это как хочешь, учитывая ненадежность источника... Самое значительное событие в этом поганом деле еще только должно произойти!

## Глава 30

# НОРА

Именно в этот момент между отцом и сыном возникло довольно серьезное отчуждение. Психологически состояние инспектора понятно: отягощенный заботами и переполненный эмоциями сверх меры, он боялся, что сорвется при малейшем движении хранившего молчание Эллери. Что-то было не так. Старик это чувствовал, но был не в состоянии нащупать конкретную причину и реагировал типично: горячился, громко кричал на подчиненных, но все это время его гнев косвенно был направлен на поникшую голову сына.

Несколько раз за день инспектор делал вид, что собирается уйти из кабинета. Но Эллери сразу оживал, и между ними разыгрывались сцены, в которых все больше было раздражения.

— Тебе нельзя уходить. Ты нужен здесь. Пожалуйста.

Один раз инспектор взбунтовался и вышел, тогда Эллери, напряженный, как сеттер в стойке, так разнервничался, что прокусил губу до крови. Но инспектору не хватило твердости, и он вернулся обратно, злой и красный, опять нести непонятную вахту рядом с сыном. Эллери сразу

же посветлел лицом и снова сгорбился над телефоном; напряжение не отпускало, но он хоть был доволен, что можно всей душой отдаться, очевидно, сложнейшей задаче — ждать, ждать...

С монотонной регулярностью в кабинете раздавались телефонные звонки. Кто звонил, что все это означало, инспектор не знал, но всякий раз, как только телефон просыпался, Эллери срывал трубку с поспешностью приговоренного к смерти, который ждет вести о помиловании. Но все сообщения несли ему одно разочарование — он серьезно их выслушивал, кивал, роняя несколько неопределенных фраз, и клал трубку на рычаг.

Один раз инспектор попытался вызвать к себе сержанта Вели и открыл, что сержант, обычно такой надежный сотрудник, не появлялся в управлении с вечера, что никто не знает, где он, и даже его жена не может объяснить его отсутствие. Это было серьезно. Нос старого джентльмена вытянулся, а челюсти щелкнули, не суля добра сержанту. Но спрашивать у сына он не стал из гордости, а Эллери, лелеявший, вероятно, каплю обиды на отца, посмевшего в нем усомниться, решил его не просвещать. В течение дня инспектору потребовалось вызывать разных членов своей команды по вопросам, не связанным с

делом Гримшоу, и, к его глубокому изумлению, обнаружилось, что несколько человек, в том числе самые доверенные его сотрудники — Хэгстром, Пигготт, Джонсон, — тоже куда-то запропастились.

Эллери спокойно сказал:

— Вели и остальные выполняют важное задание. По моим указаниям. — Он не мог больше смотреть на мучения старика.

— По твоим указаниям! — Инспектор задохнулся от гнева, красной пеленой закрывшего от него белый свет. — Ты кого-то выслеживаешь, — с усилием выговорил он.

Не сводя глаз с телефона, Эллери наклонил голову.

Каждые полчаса Эллери принимал загадочные телефонные донесения. Угроза открытого бунта уже миновала, инспектор твердой рукой обуздал, наконец, свой бешеный темперамент и с мрачной решимостью погрузился в болото рутинных дел. День все тянулся и тянулся. Эллери заказал в кабинет ленч, и они съели его молча, причем Эллери все время держал телефон под рукой.

* * *

Обедали они тоже в кабинете инспектора — без

аппетита, механически двигая челюстями во мраке. Никто не подумал включить свет. Тьма сгустилась, и инспектор с отвращением бросил дела. Они просто сидели и молчали.

И вот, сидя в запертой комнате, Эллери снова почувствовал былую нежность к отцу, какая-то искра пробежала между ними, и Эллери заговорил. Он говорил быстро, уверенно, словно эти слова выкристаллизовались у него в голове за долгие часы холодного размышления. И по мере того как он говорил, отцовская обида постепенно выветривалась, и сквозь глубокие морщины пробилось такое изумление, какое редко теперь посещало это много повидавшее лицо. Он то и дело повторял:

— Не могу поверить. Это невозможно. Да как же так?

И когда Эллери завершил рассказ, на мгновение в глазах инспектора появилось виноватое выражение: он и извинялся, и прощал сына, и одобрял его. Все это исчезло так же быстро, но с этого момента инспектор тоже стал следить за телефоном, как за одушевленным существом.

В час, когда он обычно заканчивал работу, инспектор вызвал секретаршу и отдал несколько таинственных распоряжений.

Через пятнадцать минут уже все сотрудники, находившиеся в управлении, знали, что инспектор Квин сегодня больше здесь не появится — уехал домой, чтобы отдохнуть перед неминуемым сражением с адвокатами Джеймса Дж. Нокса.

На самом деле инспектор Квин сидел в темном кабинете и вместе с Эллери ждал у телефона, который теперь был соединен с оператором центральной телефонной станции полиции по выделенной линии.

Перед зданием, у тротуара с включенным двигателем стоял полицейский автомобиль с двумя сотрудниками. Они ждали с тем же упорством, что и два человека, сидевшие в сером каменном здании наверху, за запертыми дверями и в темноте.

Время перевалило за полночь, когда, наконец, телефон пронзительно зазвонил.

Оба Квина вскочили с мест, готовые начать охоту. Эллери схватил трубку и рявкнул в микрофон:

— Ну?

Мужской голос прогудел ответ.

— В путь! — крикнул Эллери, бросая трубку. — К дому Нокса, папа!

На бегу надевая пальто, они кинулись из кабинета к стоявшему наготове автомобилю. Сильный голос Эллери выкрикнул распоряжения, и автомобиль тоже рванулся вперед, вскоре повернул черный нос на север и, ревя сиреной, помчался в верхнюю часть города.

Однако ехали они не к особняку Джеймса Нокса на Риверсайд-Драйв, а на Пятьдесят четвертую улицу, где находились церковь и дом Халкиса. Сирена смолкла за несколько кварталов от места назначения. На своих резиновых ногах машина прокралась на темную улицу, бесшумно скользнула к тротуару и быстро выбросила на него Эллери и инспектора. Не медля ни секунды, они ушли во тьму, сгустившуюся у входа в подвал пустого дома Нокса, стоявшего рядом с домом Халкиса...

Они двигались как призраки, не издавая ни звука. Из черного пятна рядом со щербатой лестницей возникли широченные плечи сержанта Вели. Луч света коснулся Квинов, сразу погас, и сержант прошептал:

— Лиса в норе. Нужно работать быстро. Ребята обложили место со всех сторон. Не уйдет. Живо, шеф!

Инспектор, державшийся теперь очень спокой-

но и твердо, ответил кивком, и Вели осторожно толкнул дверь в подвал. Неожиданно ниоткуда возник еще один мужчина. Квины молча взяли у него из рук фонарики, и по команде инспектора каждый обернул свой фонарик носовым платком, после чего трое мужчин крадучись вошли в пустынный подвал. Сержант, который, очевидно, знал эту территорию не хуже местных котов, уверенно показывал путь. Слабый и мутный свет их фонарей едва рассеивал тьму. Детективы миновали призрачную печь и начали подниматься по лестнице из подвала в дом. На верхней площадке Вели остановился, шепотом перебросился словом еще с одним подошедшим к нему человеком, молча сделал знак рукой и направился в темноту коридора первого этажа.

Пройдя на цыпочках часть коридора, они замерли. Где-то впереди заметны были узкие полоски слабого света, похоже из-под двери и над ней.

Эллери тихонько коснулся руки сержанта Вели, тот повернул огромную голову. Эллери шепнул ему что-то. Вели ухмыльнулся — хотя в темноте этого, конечно, не было видно, — опустил руку в карман пальто и вытащил револьвер.

Вели рискнул коротко мигнуть фонарем, и еще несколько черных теней, осторожно двигаясь,

приблизились к ним. Начались тихие переговоры между Вели и одной из теней, которая голосом напоминала детектива Пигготта. Да, все выходы перекрыты... По сигналу сержанта группа двинулась дальше, к источнику слабого света. Затем остановилась. Вели сделал глубокий вдох, поманил к себе Пигготта и другого детектива — Джонсона, наверное самого тощего из всех, рявкнул: «Давай!» — и трое мужчин — Вели, с его железными плечами, в центре — с налету вышибли дверь и ввалились в комнату. Эллери и инспектор сразу за ними. Они осветили уже неприкрытым, ярким светом фонарей нею комнату, поймали и удержали лучами фигуру намеченной ими добычи, застывшую с маленьким фонариком посреди пыльной, необставленной комнаты над двумя одинаковыми холстами, расстеленными на полу...

На миг повисла полная тишина, но потом тут же, с невообразимой быстротой, чары рухнули. Закутанный издал короткий рык и сдавленный вопль — как зверь. Пантерой крутанулся на месте, белая рука метнулась в карман пальто, откуда-то возник отливающий синевой автоматический пистолет. И ад выпустили на свободу — ограниченный, маленький, но настоящий ад.

Ад вырвался на волю, когда темная фигура устремила кошачий взгляд прямо на высокий силуэт Эллери Квина, со сверхъестественной точностью выделив его среди людей, сгрудившихся на фоне дверного проема. Палец нажал на спусковой крючок пистолета, и в ту же секунду, на едином вздохе загрохотали, закашляли полицейские револьверы. А сержант Вели ринулся вперед, как курьерский поезд. Закутанный вдруг обмяк и повалился на пол нелепой кучей тряпья.

Эллери Квин с тихим изумленным стоном широко раскрыл глаза и тоже упал — на ноги своего помертвевшего отца.

Десять минут спустя лучи фонарей освещали сцену столь же тихую, насколько безумной она была перед этим. Плотная фигура доктора Дункана Фроста склонилась над Эллери, раскинувшимся навзничь на подстилке из пальто, побросанных детективами на грязный пол. Инспектор Квин, белый как облако, холодный, твердый и хрупкий, как фарфор, стоял над врачом, неотрывно глядя в безжизненное лицо Эллери. Все молчали, даже мужчины, окружавшие тело противника Эллери, лежавшего на полу посреди комнаты.

Доктор Фрост мотнул головой:

— Выстрел так себе. Все будет хорошо. Небольшое поверхностное ранение в плечо. Вот, он уже приходит в себя.

Инспектор глубоко вздохнул. Веки у Эллери задрожали и открылись, он тут же сморщился от боли и потянулся рукой к левому плечу. Наткнулся на повязку. Инспектор присел на корточки.

— Эллери, старичок, ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

Эллери удалось улыбнуться. Он встряхнулся и встал-таки на ноги, с ненавязчивой помощью нескольких рук.

— Ух ты, — не удержался он и скривился. — О, здравствуйте, доктор. Когда вы появились?

Он осмотрелся, наткнулся взглядом на группу молчаливых детективов. Пошатываясь, он шагнул к ним, и сержант Вели отодвинулся в сторону, по-детски пробормотав извинение. Правой рукой Эллери ухватил за плечо Вели и тяжело к нему привалился, уставясь вниз, на тело. И никакого торжества, одна тоска, холодный свет фонарей, пыль, хмурые мужчины и серо-черные тени вокруг.

— Умер? — облизнув губы, спросил Эллери.

— Четыре пули в живот, — проворчал Вели. — Мертвее уж не будет.

Эллери повел головой и нашел два пестрых куска старого холста: они скромно лежали в пыли, там, куда их кто-то отбросил.

— Ну, — он грустно усмехнулся углом рта, — во всяком случае, это-то мы раздобыли. — И снова посмотрел вниз, на тело. — Грубая ошибка, очень грубая для вас, мистер. Вы как Наполеон — выиграли все сражения, кроме последнего.

Он поежился и, повернувшись, обнаружил рядом с собой инспектора. Пожилой человечек наблюдал за ним ввалившимися глазами.

Эллери слабо улыбнулся:

— Ну, папа, теперь можно отпустить беднягу Нокса. Он добровольно вызвался на роль жертвы и достиг своей цели... Вот оно, твое дело, — лежит в пыли на полу в доме Нокса и больше никому не причинит вреда. Одинокий волк, повинный во всем. Шантажист, вор, убийца...

Они опустили глаза и еще раз посмотрели на мертвеца. А мертвец смотрел на них, словно тоже их видел, — но только никогда прежде они не замечали у него этой вызывающей злобной усмешки, которая теперь несмываемо прилипла к лицу помощника окружного прокурора Пеппера.

## Глава 31
## АПОФЕОЗ

— Ну что вы, мистер Чини, — сказал Эллери, — у меня нет причин отказывать вам в должном объяснении. Вам и, конечно... — Тут затрезвонил звонок, и Эллери подождал, пока Джуна сбегает открыть. На пороге гостиной появилась мисс Джоан Бретт.

Мисс Джоан Бретт, встретив здесь мистера Алана Чини, видимо, была изумлена не меньше, чем мистер Алан Чини поразился встрече с мисс Джоан Бретт. Алан вскочил и вцепился в спинку великолепного виндзорского, резного из ореха кресла, а Джоан вдруг потребовалась опора, и она прислонилась к косяку.

Это будет правильно, подумал Эллери Квин, придерживая перебинтованную руку и поднимаясь с дивана, именно так следует все завершить... Он был еще бледноват, но впервые за последние недели совершенно спокоен. Вместе с ним поднялись со своих мест еще трое мужчин: необычно сконфуженный отец, окружной прокурор, не совсем освоившийся после вчерашнего шока, и

отважный денежный мешок мистер Джеймс Дж. Нокс, ничуть не пострадавший, по-видимому, от недолгого тюремного заключения. Джентльмены поклонились, но не получили ответной улыбки от молодой дамы, зачарованно замершей в дверях при виде молодого человека, недвижно повисшего на кресле.

Затем ее голубые глаза заметались и поймали улыбку Эллери.

— Я думала... Вы просили меня...

Эллери подошел к ней, решительно взял за руку и подвел к глубокому креслу, в которое она неуверенно погрузилась.

— Да-а, вы думали... Я вас просил... О чем же, мисс Бретт?

Она заметила перевязанное плечо и вскрикнула:

— Вы ранены!

— На это я отвечу, как принято у истинных героев: «Пустяки. Царапина». Садитесь, мистер Чини!

Мистер Чини сел.

— Ну давайте! — нетерпеливо воскликнул Сэмпсон. — Не знаю, как остальным, но мне вы просто обязаны все объяснить, Эллери.

Эллери опять устроился с удобствами на диване и одной рукой изловчился достать сигарету

и закурить.

— Теперь, надеюсь, все чувствуют себя как дома, — констатировал он. Встретив взгляд Нокса, он обменялся с ним улыбкой. — Объяснить... Разумеется, я готов.

Эллери начал говорить. И целых полчаса, пока слова сыпались из него, как попкорн из пакета, Алан и Джоан сидели, чинно сложа руки на коленях, и ни разу не взглянули друг на друга.

— Итак, четвертая версия — их было четыре, как вам известно, — начал Эллери. — Версия Халкиса, в которой мистер Пеппер водил меня за нос. Версия Слоуна, которую мы можем обозначить как тупиковую ситуацию для Пеппера и меня, поскольку я с самого начала в нее не поверил, но не мог обосновать свое неверие, пока не выступил Суиза. Версия Нокса, в которой уже я водил за нос мистера Пеппера — то есть сравнял счет, как вы увидите. И версия Пеппера, которая оказалась верной, — четвертая и окончательная версия, удивившая всех вас, но на самом деле простая, как яркий солнечный свет, которого бедняга Пеппер уже никогда не увидит...

Он ненадолго задумался.

— Разумеется, разоблачение вроде бы достойного молодого человека, помощника окружного

прокурора, как главного инициатора преступлений, задуманных с нерядовым воображением и величайшей безмятежностью, должно приводить в замешательство, если не знать, как и почему он это сделал. Однако мистер Пеппер попался в ловушку моей старой и беспощадной союзницы логики, которую греки называли «logos» и которая, я верю, принесет еще много бед грядущим интриганам.

Эллери стряхнул с сигареты пепел прямо на ковер, чистейший благодаря усердию юного Джуны.

— Теперь я признаюсь, что вплоть до событий, развернувшихся в обширных владениях мистера Нокса на Риверсайд-Драйв, до писем с шантажом и кражи картины, — до этих событий у меня не возникало ни малейшего подозрения по поводу истинного преступника. Иначе говоря, остановись Пеппер на убийстве Слоуна, он мог бы остаться в стороне. Но в этом преступлении, как и в других делах, не таких выдающихся, он пал жертвой собственной алчности и собственными руками сплел паутину, в которую в конечном счете попался.

Таким образом, поскольку ряд событий в доме Нокса на Риверсайд-Драйв стали определяющи-

ми, то позвольте мне начать с них. Вы должны помнить, что вчера утром я обобщил основные характеристики убийцы, и теперь их необходимо повторить. Первое: он должен был иметь возможность сфабриковать улики против Халкиса и Слоуна. Второе: он должен был написать письма с шантажом. Третье: чтобы напечатать последнее письмо с требованием денег, он должен был попасть в дом Нокса.

Эллери улыбнулся:

— Но эта последняя характеристика, как я ее раскрыл вчера утром, была ошибочной и предназначалась для того, чтобы ввести в заблуждение, — я это сделал намеренно, по причинам, которые станут понятны в дальнейшем. После того прелестного краткого псевдообъяснения в управлении мой мудрый предок в частной беседе указал, где я был «не прав». Дело в том, что я умышленно придал фразе «в доме Нокса» значение «служащие у Нокса», хотя быть в доме Нокса, очевидно, могли не только они. Понятие «в доме Нокса» включает как постоянный его штат, так и сторонних людей. Иначе говоря, тот, кто напечатал второе письмо, не обязательно должен был входить в число постоянных обитателей этого дома, а мог просто получить туда доступ. Прошу

принять это во внимание.

Следовательно, мы начнем с этого тезиса: второе письмо, как показывают обстоятельства, должен был написать некто, находившийся в доме в момент его написания, этот некто и был убийцей. Но мой сообразительный предок указал, что и это не обязательно. Почему, спросил он, человек, напечатавший письмо, не мог быть соучастником? Возможно, убийца нанял его, чтобы напечатать письмо, когда сам оставался вне стен этого дома. В таком случае это означало бы, что убийца не мог законным образом проникнуть в дом Нокса, иначе он напечатал бы письмо сам... Это тонкий и абсолютно справедливый вопрос, но вчера утром я намеренно не стал его поднимать, поскольку он не отвечал моей цели — заманить в ловушку Пеппера.

Ну хорошо! Если теперь мы сможем доказать, что убийца не мог иметь сообщника в доме Нокса, это будет означать, что второе письмо напечатал сам убийца, находясь в этот момент в кабинете мистера Нокса.

Однако прежде чем доказывать отсутствие в деле сообщника, сначала мы должны установить невиновность самого мистера Нокса, иначе наша логическая задача не будет иметь решения.

Эллери лениво выдохнул облако табачного дыма.

— Невиновность мистера Нокса устанавливается весьма просто. Это вас удивляет? Однако она смехотворно очевидна. Она устанавливается по факту, которым во всем мире владеют лишь три человека: мистер Нокс, мисс Бретт и я. Соответственно, Пеппер — как вы поймете, — будучи не в курсе этого важнейшего факта, допустил первую ошибку в цепи интриг и контринтриг.

Вот этот факт. В то время, когда Гилберт Слоун еще всеми считался убийцей, мистер Нокс добровольно — заметьте это — в присутствии мисс Бретт проинформировал меня, что в ночь, когда они вдвоем с Гримшоу посетили Халкиса, Халкис занял у него — Нокса — тысячедолларовый банкнот и продал его Гримшоу, как своего рода аванс платежа по долговому обязательству. И Нокс видел, как Гримшоу спрятал сложенный банкнот под заднюю крышку корпуса часов. С этим банкнотом, спрятанным в часах, он и вышел из дома. Мы с мистером Ноксом сразу же поехали в управление и нашли банкнот на том же месте — тот самый банкнот, в этом я немедленно удостоверился, обнаружив, что он был выдан мистеру Ноксу в банке, как он и говорил, за

день до посещения Халкиса. Итак, сам этот факт, что тысячедолларовый банкнот ведет к мистеру Ноксу, о чем он знал лучше, чем кто-либо еще, означал, что если бы мистер Нокс убил Гримшоу, он должен был любыми средствами помешать полиции найти банкнот. Конечно, это ему было бы несложно. Задушив Гримшоу, зная о банкноте и о том, где он спрятан, он сразу вытащил бы его из часов. Даже в том случае, если бы он был всего лишь связан с убийцей — как соучастник, — он успел бы позаботиться, чтобы банкнот был изъят из корпуса часов, поскольку часы находились у убийцы довольно долгое время.

Но когда в управлении мы заглянули в часы, банкнот оказался на месте! Итак, если мистер Нокс был убийцей, то почему он не вытащил банкнот, как я сказал только что? И еще, он не только не забрал банкнот, но по доброй воле обратился ко мне и рассказал, где он находится, — зачем? Ведь ни я, ни другие представители правоохранительных сил не подозревали о его существовании. Теперь вы понимаете, что его действия настолько не соответствовали тому, что он должен бы делать, будь он убийцей или соучастником, что в тот момент я был вынужден себе признаться: Ну, кто бы ни был виновен в этих

убийствах, Джеймс Нокс здесь точно ни при чем.

— Ну слава богу, — проскрипел Нокс.

— Но обратите внимание, — продолжал Эллери, — куда привело это заключение, которое, будучи отрицательным, так мало в то время для меня значило. Ведь только убийца или его возможный сообщник, если таковой существовал, мог написать письма с шантажом, напечатанные на половинках долгового обязательства. Поскольку мистер Нокс не был убийцей или сообщником, он не мог напечатать эти письма, хотя они были напечатаны на его собственной машинке, как я показал вчера, рассуждая о знаке фунта. Следовательно, — и это был поистине поразительный вывод, — человек, напечатавший второе письмо, намеренно воспользовался машинкой мистера Нокса! Но с какой целью? Только для того, чтобы оставить улику с неверно напечатанной цифрой 3 и намеком на символ фунта! Естественно, это было сделано специально — чтобы вывести нас на след машинки мистера Нокса и натолкнуть на мысль, что мистер Нокс написал письмо, то есть он и есть убийца. Еще одно ложное обвинение, уже третье, а первые два были без успеха нацелены на Георга Халкиса и Гилберта Слоуна.

В задумчивости Эллери нахмурил брови:

— Теперь мы продвигаемся к рассуждению, требующему больше интеллекта. Смотрите! Всем должно быть очевидно, что настоящий преступник, обвиняя Джеймса Нокса в убийствах и вероятной краже, исходит из того, что полиция примет такую возможность. Со стороны настоящего убийцы было бы недомыслием пытаться представить Джеймса Нокса преступником, если он заранее знает, что полиция такую версию отвергнет. Следовательно, настоящему убийце ничего не было известно о тысячедолларовом банкноте: в противном случае он не стал бы возводить вину на мистера Нокса. Этот момент требует исключить одну особу, как некую математическую вероятность, даже не на том основании, что она была следователем музея Виктории — каковой факт конечно же не освобождал ее от подозрения автоматически, хотя и позволял предположить ее невиновность. Это прекрасная молодая дама, и у нее на щечках все еще горит краска смущения. Мисс Бретт присутствовала в кабинете, когда мистер Нокс рассказал мне о тысячедолларовом банкноте, и, если бы она была убийцей или хотя бы сообщницей убийцы, она не стала бы фабриковать улики против мистера Нокса и не допустила бы, чтобы это сделал убийца.

Заслышав эти речи, Джоан оскорбленно выпрямилась. Затем она чуть улыбнулась и откинулась на спинку кресла. Алан Чини прищурился. Он изучал ковер у себя под ногами с таким тщанием, словно ему показали драгоценный образец ткацкого мастерства, заслуживающий всяческого внимания со стороны молодого антиквара.

— Следовательно, — как же много этих «следовательно», — продолжал Эллери, — из списка людей, которые могли напечатать второе письмо, я исключил и мистера Нокса, и мисс Бретт. Ни один из них не мог быть ни убийцей, ни соучастником убийцы. Оставался только штат — слуги. Отыскал бы я среди них самого убийцу? Нет, поскольку ни один слуга физически не мог сфабриковать ложные улики против Халкиса и Слоуна в доме Халкиса — всех посетителей дома Халкиса очень скрупулезно вносили в список, и в нем не присутствует ни один из работающих у мистера Нокса. А если кто-то из слуг мистера Нокса был сообщником убийцы, человека постороннего для дома Нокса? Существует ли вероятность, что убийца использовал этого слугу просто потому, что у того был доступ к пишущей машинке Нокса?

Нет, — с улыбкой ответил на свой вопрос Эл-

лери, — и я могу это доказать. Использование машинки в ложном обвинении против мистера Нокса показывает, что это с самого начала входило в план убийцы, поскольку единственным конкретным вещественным доказательством, которое убийца замышлял оставить против мистера Нокса, было второе письмо, напечатанное на машинке мистера Нокса. В этом суть интриги с фабрикацией обвинения. Прошу заметить, что даже если злоумышленник не знал заранее, как конкретно бросить тень на мистера Нокса, то, по крайней мере, он намеревался воспользоваться какой-либо особенностью машинки. Разумеется, фабрикуя улики против мистера Нокса с помощью машинки, убийца получил бы очевидное преимущество, если бы напечатал на ней оба письма. Однако только второе напечатано на этой машинке; первое печаталось на «ундервуде» где-то вне дома мистера Нокса, а в доме всего одна-единственная пишущая машинка, «ремингтон»... Следовательно, если убийца не воспользовался «ремингтоном» мистера Нокса для первого письма, это ясно показывает, что тогда у него не было доступа к машинке мистера Нокса. Но весь домашний штат имел доступ к этой машинке — все они служат у мистера Нокса

не менее пяти лет. Следовательно, ни один из них не был сообщником убийцы, в противном случае он мог бы напечатать на машинке Нокса и первое письмо.

Тем самым мы установили, что убийцей или соучастником не могли быть ни мистер Нокс, ни мисс Бретт и никто из слуг, работающих в этом доме! А второе письмо все-таки было написано в доме Нокса!

Эллери швырнул сигарету в огонь.

— Теперь мы знаем, что автора анонимок, каким-то образом пробравшегося в кабинет мистера Нокса, чтобы написать второе письмо, не было в кабинете — или вообще в доме — мистера Нокса, когда он печатал первое письмо, иначе он бы воспользовался этой машинкой и для первого письма. Еще мы знаем, что после получения первого письма в доме Нокса не бывало посторонних, за исключением одного человека. Итак, если первое письмо мог написать кто угодно из внешнего мира, то написать второе мог только один человек — тот, кто имел доступ в дом перед получением второго письма. И теперь разъясняется еще один момент. С самого начала я себя спрашивал, зачем вообще понадобилось первое письмо? Оно показалось мне чересчур много-

словным, и я не совсем понял, с какой целью оно было написано. Обычно шантажисты наносят удар в первом же письме и не позволяют себе завязывать тягучую, весело-нахальную переписку. Они не объявляют себя шантажистами в первом письме и не ждут случая написать второе и потребовать денег. Объяснение оказалось психологически идеальным: первое письмо имело для убийцы важнейшее значение и конкретную цель. Какую же цель? Да получить доступ в дом Нокса! Зачем ему требовалось проникнуть в дом Нокса? Чтобы иметь возможность напечатать второе письмо на машинке Нокса! Все сходится.

Так кто же тот единственный человек, который получил доступ в дом в период времени между двумя письмами? И каким бы странным, невероятным, поразительным ни показался ответ, но вы никуда не денетесь от того факта, что наш коллега, следователь, помощник окружного прокурора Пеппер провел в доме Нокса несколько дней (вспомните — по его собственному предложению), с одной официальной целью — дождаться второго письма!

Хитро! Это было чертовски изобретательно.

Первая моя реакция была естественна — я не мог заставить себя в это поверить. Невозможно!

Меня ошеломило это открытие — ведь я в первый раз взглянул на Пеппера как на предполагаемого убийцу, но направление было понятно. Я не мог отбросить подозреваемого — теперь уже не подозреваемого, а логически вычисленного преступника, — просто потому, что воображение отказывалось верить результатам работы мысли. Надо было проверить эту версию. И я прошел все дело с самого начала, чтобы понять, соответствует ли Пеппер — и если да, то как — известным нам фактам.

Итак, Пеппер сам опознал в Гримшоу клиента, которого он защищал пять лет назад; естественно, как преступник он должен был это сделать — а вдруг следствие все-таки обнаружит существовавшую между ним и жертвой связь, но уже после того, как он сказал бы, что не знает убитого. Кстати, мелкий штрих, не определяющий, но тем не менее важный. По всей вероятности, эта связь установилась между ними, как минимум, пять лет назад, когда Гримшоу, похитив картину из музея Виктории, возможно, обратился к своему адвокату и попросил последить за событиями, пока он, Гримшоу, сидит в тюрьме, а картина, за которую еще не было заплачено, уже была у Халкиса. Как только Гримшоу вышел из тюрьмы,

он, естественно, пошел к Халкису за деньгами. Несомненно, за всеми дальнейшими событиями стоит Пеппер, хотя он все время оставался в тени. Думаю, о знакомстве и сотрудничестве Гримшоу и Пеппера мог бы рассказать Джордан, бывший партнер Пеппера по юридической фирме, но также не исключено, что ему неизвестна криминальная сторона их отношений.

— Мы собрали о нем информацию, — подал голос Сэмпсон. — Он уважаемый адвокат.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Эллери. — Пеппер не стал бы открыто заключать союз с мошенником, кто-кто, только не Пеппер... Но нам требуется подтверждение. Как проявляется мотив преступления, если мы предположим, что Пеппер задушил Гримшоу?

Вечером в ту пятницу, после встречи Гримшоу, мистера Нокса и Халкиса, после того, как Гримшоу получил долговое обязательство на предъявителя, мистер Нокс расстался с Гримшоу и уехал, а Гримшоу так и стоял перед домом Халкиса. Почему? Вероятно, хотел встретиться со своим союзником — в таком выводе нет ничего странного, если учесть собственные заявления Гримшоу о его «единственном партнере». А Пеппер, должно быть, ждал Гримшоу где-то

поблизости. Вероятно, они отошли в сторонку, и Гримшоу рассказал Пепперу все, что произошло в доме. Пеппер, поняв, что Гримшоу ему более не нужен, что Гримшоу даже опасен для него, что, убрав Гримшоу с дороги, он сможет получить у Халкиса деньги и ни с кем ими не делиться, решает убить партнера. Долговое обязательство — весомый мотив, поскольку, будучи выписано на предъявителя при тогда еще живом, вспомните, Халкисе, оно давало своему владельцу возможность получить полмиллиона долларов. В резерве еще оставался мистер Джеймс Дж. Нокс — еще один объект для последующего шантажа. Пеппер убил Гримшоу или в темном месте рядом с входом в подвал пустующего дома Нокса, или в самом подвале — дубликатом ключа он уже обзавелся. Во всяком случае, он оказался в подвале с мертвым Гримшоу, обыскал тело, взял долговое обязательство, часы Гримшоу (вдруг пригодятся позднее как ловушка) и пять тысяч долларов, которыми Слоун подкупил Гримшоу накануне вечером, чтобы тот убрался из города. К тому моменту, когда Пеппер задушил Гримшоу, он уже, конечно, держал в уме некий план избавления от тела или предполагал просто бросить его в том подвале. Но когда уже на следующее утро

Халкис неожиданно умер, Пеппер определенно сразу понял, что у него появилась уникальная возможность похоронить тело на кладбище, в гробу Халкиса.

Вдобавок ему повезло. В день похорон Халкиса Вудраф сам позвонил в бюро окружного прокурора и заявил о пропаже завещания, а Пеппер попросил — вы сами упомянули об этом, Сэмпсон, когда бранили Пеппера за слишком сильный интерес к мисс Бретт, — да, он попросил поручить ему поиски. Вот вам еще одно психологическое указание на мистера Пеппера.

Итак, получив идеальный предлог для доступа во владения Халкиса, Пеппер понял, как удачно все для него складывается. В среду ночью, после похорон, он вытащил тело Гримшоу из сундука в подвале, пронес через темный двор на кладбище, где было еще темней, выкопал землю над склепом, спрыгнул в яму, открыл гроб Халкиса — и наткнулся на стальной ящик. До этого момента он, вероятно, понятия не имел, куда подевалось завещание. Решив, что это неплохая вещь для шантажа еще одного персонажа трагедии, Слоуна, — ясно же, что только у Слоуна был мотив и случай похитить завещание и подсунуть его в гроб перед погребением, — Пеппер просто дол-

жен был присвоить завещание. Он запихнул тело Гримшоу в гроб, положил на место крышку, выбрался на поверхность, опустил дверь склепа, забросал яму землей, забрал инструменты, которыми работал, и завещание в стальном ящике и ушел с кладбища. У нас имеется еще одно косвенное и совершенно непредвиденное подтверждение версии Пеппера. Он сам говорил, что тогда после полуночи наблюдал, как мисс Бретт мародерствует в кабинете. В ту ночь Пеппер, по его собственным словам, засиделся допоздна, и вполне естественно предположить, что после того, как мисс Бретт ушла из кабинета, он занялся этой жуткой работой — похоронами.

Теперь попробуем приспособиться к истории миссис Вриленд: она видела Слоуна, как он ходил в ту ночь на кладбище и обратно. Слоун, должно быть, узнал о подозрительной деятельности, которую развил Пеппер, последовал за ним, увидел все, что сделал Пеппер, даже присутствовал при захоронении тела и присвоении завещания и понял, что Пеппер убил... но кого именно — едва ли Слоун мог разобрать во тьме.

Джоан пожала плечами:

— А такой... такой милый молодой человек. Просто невероятно.

— Эта история должна послужить для вас суровым уроком, мисс Бретт, — строго проговорил Эллери. — Держитесь тех, в ком вы уверены... О чем это я? Да! Итак, Пеппер чувствовал себя в полной безопасности. Тело похоронено, и никто его не хватится, не говоря уж об эксгумации. Но на следующий день, когда я заявил, что завещание, скорее всего, спрятано в гробу, и предложил это проверить, Пепперу пришлось думать и принимать решение буквально на ходу. У него был только один способ помешать открытию убийства — вернуться на кладбище и достать тело. Но тогда опять надо будет как-то от него избавляться. Рискованное предприятие, куда ни кинь. С другой стороны, почему не обернуть это себе на пользу? И вот, обойдя дом Халкиса, он оставляет улики, указывавшие на мертвеца — я имею в виду Халкиса — как на убийцу. Познакомившись на примере с моим особенным, «фирменным» способом рассуждений, он намеренно стал забавляться со мной, подкидывая не очевидные улики, а неуловимые намеки, которые, он не сомневался, я обязательно замечу. У него могли быть две причины выбрать убийцей Халкиса. Во-первых, такая версия взывала к моему воображению и доставляла Пепперу лишнее развлечение. Во-вто-

рых, что гораздо важнее, Халкис умер и не мог отрицать ничего, на что Пеппер намекал этими уликами. Это решение вообще становилось идеальным, поскольку в случае его принятия никто из живых не пострадал бы — ведь Пеппер все же не был обычным убийцей, привыкшим сеять смерть.

Далее, как я подчеркивал с самого начала, Пеппер не мог сфабриковать ложные улики, если бы не знал, что мистер Нокс, как владелец похищенной картины, в силу этого будет хранить молчание и не признается, что в ту ночь он был третьим участником встречи, — ложный след, по которому Пеппер хотел направить следствие, указывал, что лишь два человека участвовали в переговорах тем вечером. А вот кто владелец краденой картины — об этом мог знать только партнер Гримшоу, как неоднократно мы доказывали ранее. Следовательно, Пеппер должен был быть тем неизвестным, который пришел с Гримшоу к нему в номер в отеле в тот вечер, когда у него отбоя не было от посетителей.

Версия с Халкисом лопнула после того, как мисс Бретт вспомнила и рассказала о противоречиях с чайными чашками. Тут Пепперу, конечно, стало очень неуютно. Но в то же время он должен

был убедить себя, что это не провал, не ошибка, поскольку существовал ведь небольшой риск, что кто-нибудь заметил, в каком виде были чашки, прежде чем у него, Пеппера, появилась возможность ими заняться. С другой стороны, когда мистер Нокс неожиданно поведал свою историю, открыв, что он был третьим участником встречи, Пеппер осознал, что все его труды оказались напрасными, и, более того, я теперь понял, что улики были намеренно сфабрикованы и специально оставлены, чтобы их нашли. Но Пеппер находился в превосходном положении — он всегда знал, что именно мне известно, — представляю, как он смеялся про себя над моими самодовольными выступлениями. Короче говоря, Пеппер тотчас же решил с выгодой использовать свое уникальное положение и устраивать последующие события таким образом, чтобы подтверждать изложенные мной теории. Халкис умер, его долговое обязательство, находившееся в руках у Пеппера, стало пустой бумажкой, и он это знал. Какие у него еще ресурсы? Шантажировать мистера Нокса по поводу картины нельзя, поскольку мистер Нокс неожиданно обманул его ожидания и рассказал о ней полиции. Правда, мистер Нокс сказал, что его картина — всего

лишь копия и стоит не так дорого, но Пеппер не поверил, чувствуя, что мистер Нокс просто хитрит, — как оно и было на самом деле, сэр. Проницательный Пеппер догадался, что вы лжете.

Нокс обиженно хмыкнул.

— Во всяком случае, — миролюбиво продолжил Эллери, — единственным источником дохода для Пеппера осталась картина, и он решил выкрасть ее у мистера Нокса. Он был уверен, что мистер Нокс владеет не копией, а подлинником Леонардо. Но сначала нужно было расчистить поле, ведь полиция шныряла повсюду в поисках убийцы.

Так мы приблизились к делу Слоуна. Почему вторым Пеппер решил подставить Слоуна? У нас накопилось уже достаточно фактов и умозаключений, чтобы ответить на этот вопрос. Некоторое время назад я касался его в разговоре с тобой, папа, — помнишь тот вечер?

Старик молча кивнул.

— Ведь если Слоун видел Пеппера на кладбище и затем понял, что это убийца Гримшоу, то Слоун знал о виновности Пеппера. Но как Пеппер мог узнать, что Слоуну все известно? Слоун видел, как Пеппер взял из гроба завещание. Даже если он этого не видел, он мог это понять, когда гроб открыли, а ящика там не оказалось. Слоун хотел

уничтожить это завещание и, очень может быть, встретился с Пеппером, обвинил его в убийстве, но пообещал молчать об этом, если получит завещание. Пеппер, столкнувшись с такой угрозой своей безопасности, должен был договориться со Слоуном — он будет держать завещание у себя, чтобы гарантировать молчание Слоуна. Но в глубине души он уже задумал избавиться от Слоуна, единственного живого свидетеля его преступления.

Поэтому Пеппер организовал «самоубийство» Слоуна, которое должно было показать, что Слоун убил Гримшоу. Слоун прекрасно подходил по всем мотивам, и с помощью обгоревшего завещания в подвале, ключа от подвала в комнате Слоуна и часов Гримшоу в стенном сейфе Слоуна Пеппер создал прекрасный след из вещественных доказательств, ведущий к его жертве. Между прочим, папа, твой сотрудник Риттер не ошибся при обыске пустого дома Нокса. Дело в том, что, когда Риттер проводил обыск, этого клочка бумаги в печи еще не было! Пеппер сжег завещание позднее, аккуратно оставив вписанное Халкисом от руки имя Альберта Гримшоу, и положил пепел и клочок бумаги в печь через некоторое время после того, как в доме побывал Риттер...

Что касается собственного револьвера Слоуна, из которого он якобы застрелился, то Пеппер, несомненно, нашел и взял его в комнате Слоуна, когда подбрасывал ключ в коробку с табаком.

В общем, чтобы заткнуть Слоуну рот, его требовалось убить. Но Пеппер знал, что у полиции возникнет вопрос: «Почему Слоун покончил с собой?» Очевидно, достаточной причиной была бы уверенность Слоуна в близком аресте, Которая могла бы у него появиться, если бы обнаружились веские доказательства его вины. Пеппер спросил себя: как мог Слоун узнать о предстоящем аресте, чтобы полиция приняла такое объяснение? Его могли предупредить. Все это, как вы понимаете, только предполагаемые рассуждения Пеппера. Как оставить улику, означающую, что Слоун был предупрежден? А проще простого! Так мы приходим к мистическому телефонному вызову, который, как мы усыновили, поступил из дома Халкиса вечером перед «самоубийством» Слоуна.

Помните, почему мы поверили, что Слоун получил информацию о наших намерениях? А помните, как Пеппер в нашем присутствии набирал номер Вудрафа, чтобы договориться о встрече и идентифицировать обгоревший фрагмент завещания? Он ведь сразу положил трубку и сказал,

что линия занята. Еще через минуту он снова набрал номер и на этот раз переговорил со слугой Вудрафа. Так вот, в первый раз он просто набрал номер галереи Халкиса! Он знал, что вызов можно проследить, и это идеально соответствовало его планам. Когда Слоун ответил, Пеппер, ни слова не говоря, просто положил трубку. Слоун, вероятно, был весьма озадачен. Но этого было достаточно, чтобы установить вызов из дома в галерею. И это было особенно умно, поскольку все происходило у нас на глазах. Кстати, еще одно слабенькое психологическое подтверждение виновности Пеппера, поскольку ни один человек, имевший основания предупредить Слоуна, не сознался бы, что звонил ему.

Пеппер немедленно вышел из дома Халкиса, и мы предполагали, что он встретится с Вудрафом, чтобы подтвердить подлинность клочка завещания. Но прежде чем ехать к Вудрафу, он заскочил в галерею — вероятно, сам Слоун его впустил — и убил Слоуна, добавив несколько деталей, чтобы все это выглядело самоубийством. Эпизод с закрытой дверью, который в конце концов опроверг версию о самоубийстве, — это даже не ошибка Пеппера. Он не знал, что пуля прошла через голову насквозь и вылетела через откры-

тую дверь. Голова Слоуна упала на ту сторону, через которую вылетела пуля, и, естественно, Пеппер не возился с телом Слоуна больше, чем это было необходимо, если он вообще к нему прикасался. Удар пули в стену большого помещения не произвел никакого звука, ведь там толстый ковер. Так что все очень логично: Пеппер, жертва обстоятельств, уходя, сделал почти инстинктивный для убийцы жест — он закрыл дверь. И тем самым непреднамеренно расстроил собственные планы.

Самоубийство Слоуна существовало как общепризнанный факт почти две недели. Убийца понял, что игра закончена, и застрелился — все так считали. Руки у Пеппера были развязаны, и он мог переключиться на картину мистера Нокса. Теперь, когда полиция утешилась, получив своего убийцу, план Пеппера состоял в том, чтобы похитить полотно. При этом он хотел выставить мистера Нокса не убийцей, а вором, укравшим Леонардо у самого себя, чтобы не возвращать его в музей. Но когда появился Суиза и дал показания, которые разрушили теорию самоубийства Слоуна, и об этом узнали все, Пеппер понял, что полиция продолжит поиск убийцы. И он изменил свой план. Почему бы не сделать мистера Нокса

не только похитителем его собственной картины, но и убийцей Гримшоу и Слоуна? В чем план Пеппера был плох — и вовсе не по его ошибке, — так это в том, что у него были все основания считать, что теоретически мистер Нокс годится на роль убийцы. Он же не знал, что мистер Нокс рассказал мне про тысячедолларовый банкнот — причем в тот момент, когда я не имел резона делиться этим даже с отцом, поскольку в то время господствовала теория Слоуна. Вот Пеппер и кинулся жизнерадостно вперед, сооружая из мистера Нокса двойного убийцу и вора и не ведая, что я уже загнал его в угол, только имени еще назвать не мог. Однако когда появилось второе письмо, прямо указывающее на мистера Нокса, — а я точно знал, что он не виновен, — то я сразу увидел в нем ловушку и, как я уже показал, заключил, что преступником был сам Пеппер.

— Эй, сын, — в первый раз за все это время подал голос инспектор. — Отдохни, выпей. У тебя же в горле пересохло. Кстати, как твое плечо?

— Терпимо... Теперь вам становится понятно, почему первое письмо с шантажом могло быть написано где угодно, но только не в доме Нокса и как этот факт снова укачивает на Пеппера. У Пеппера не было предлога «поселиться» в доме

мистера Нокса, чтобы таким образом отыскать тайник с картиной и написать второе письмо. Но, отправив первое письмо, он своего добился — его назначили в этот дом следователем. Вы можете вспомнить, Сэмпсон, что он сам и вызвался, и это еще один грамм на весы с виновностью Пеппера.

Отправка второго письма, напечатанного на пишущей машинке Нокса, была предпоследним шагом в плане по шельмованию Нокса. Завершающим, конечно, была кража картины. Все то время, пока Пеппер дежурил в доме, он искал картину. Естественно, он не подозревал, что их две. Обнаружив в галерее скользящую панель, он похитил полотно, вынес его из дома и спрятал в пустом доме Нокса на Пятьдесят четвертой улице — бесхитростный выбор тайника! Затем послал второе письмо с шантажом. С его точки зрения, ловушка была готова. После этого ему оставалось только достоверно сыграть роль добродетельного и бдительного стража закона из команды мистера Сэмпсона, помочь возложить вину на мистера Нокса как автора второго письма, если бы я случайно не понял значение знака фунта, и в конце концов, после успешного завершения дела, обменять картину на деньги не слишком щепетильного коллекционера или через скуп-

щика краденого.

— А как насчет охранной сигнализации? — спросил Джеймс Нокс. — В чем состояла идея?

— Ах это! — отозвался Эллери. — Видите ли, после того как он украл картину и написал письмо, он испортил вашу систему охранной сигнализации. Он рассчитывал, что мы все отправимся к месту назначенной передачи денег, а вернемся с пустыми руками. По его плану мы должны были догадаться, что нас обманули, и письмо имело целью выманить нас из дома, чтобы украсть картину. Это было бы очевидным объяснением. И тогда мы возложили бы вину на вас, мистер Нокс, мы бы сказали: «Смотрите! Нокс испортил собственную охранную сигнализацию, чтобы заставить нас думать, будто этим вечером картину украл посторонний человек. Хотя на самом деле ее вообще не крали». Сложный план, для постижения которого требуется полная сосредоточенность. Но он иллюстрирует замечательную остроту мышления Пеппера.

— Мне все это представляется довольно ясным, — вдруг сказал окружной прокурор, следивший за ходом рассуждений Эллери, как терьер за норой. — Но я хочу подробнее узнать об эпизоде с двумя картинами, почему вы арестовали мистера

Нокса и все, что с этим связано.

В первый раз суровое лицо Нокса смягчилось улыбкой, а Эллери рассмеялся во весь голос.

— Мы постоянно напоминали мистеру Ноксу, что ему нужно быть «хорошим парнем», «настоящим скаутом», и в ответ на ваш вопрос, Сэмпсон, я вам расскажу, насколько хорош он оказался. Должен вам сказать, что легенда про две старые картины, которые отличались лишь интенсивностью светотени, — это просто болтовня и театральность. В тот день, когда поступило второе письмо с шантажом, я, построив цепочку дедукции, уже знал все — ловушку Пеппера, его виновность, его намерения. Но я находился в необычном положении: у меня совсем не было доказательств, которые позволили бы вам осудить его, если бы в тот момент мы его обвинили и арестовали. Более того, он где-то спрятал ценнейшую картину. Если бы мы его разоблачили, то, возможно, никогда не нашли бы картину, а я был обязан проследить за возвращением Леонардо законному владельцу, музею Виктории. С другой стороны, сумей я заманить Пеппера в такую ситуацию, чтобы накрыть его с Леонардо в руках, то одно это послужило бы хорошим доказательством для обвинения и, кроме того, картина была

бы спасена!

— Значит, вся эта чепуха об оттенках плоти и все прочее было выдумано? — спросил Сэмпсон.

— Да, Сэмпсон, это был мой личный маленький спектакль, который я сыграл для мистера Пеппера, как и он играл со мной. Я доверил секрет мистеру Ноксу, поведал ему все — какие улики сфабрикованы против него и кто это сделал. Тогда он мне рассказал, что, купив у Халкиса подлинник Леонардо, он заказал с него копию, и признался, что собирался вернуть эту копию в музей, если бы давление полиции стало слишком сильным. Возвращая копию, мистер Нокс просто сказал бы, что именно ее он купил у Халкиса. Конечно, в этом случае эксперты сразу же опознали бы в ней явную копию, но рассказ мистера Нокса нельзя было бы оспорить, и поэтому он, вероятно, остался бы с подлинником. Итак, мистер Нокс спрятал копию в фальшивой секции батареи, а подлинник — за панелью, и Пеппер украл подлинник. Но существование двух картин подсказало мне идею: использовать чуть-чуть правды и очень много фантазии.

От этих воспоминаний в глазах Эллери заплясали чертики.

— Я рассказал мистеру Ноксу, что собираюсь

его арестовать — исключительно с тем, чтобы доставить Пепперу удовольствие, — обвинить, изложить аргументацию по делу против него и вообще сделать все необходимое, чтобы убедить Пеппера в полном успехе его козней. И должен сказать, мистер Нокс отреагировал превосходно. Он хотел маленького реванша от Пеппера за попытку его опорочить, хотел расплатиться за свое первоначальное противозаконное намерение подсунуть музею копию и потому согласился сыграть роль моей жертвы. Мы позвонили Тоби Джонсу — это все было в пятницу днем — и вместе сочинили историю, которая, я был уверен, заставит Пеппера действовать. Кстати, на тот случай, если бы Пеппер не проглотил наживку, мы записали на диктофон разговор, в котором открыто обсуждались все подробности предстоящего спектакля. Просто хотели оставить свидетельство, что арест Нокса был не настоящим намерением а только частью крупной игры, направленной на задержание убийцы.

Итак, рассмотрим положение, в котором оказался Пеппер, услышав от эксперта прекрасно изложенную небылицу, пересыпанную громкими историческими ссылками и именами итальянских художников. На самом деле суще-

ствовала лишь одна старая картина, написанная маслом на этот конкретный сюжет, — и эту картину написал Леонардо. Никогда не было никаких «старых записей» и «легенды». И нет копии «той же эпохи», а копия мистера Нокса — это современная мазня, выполненная в Нью-Йорке, что распознает любой человек, сведущий в искусстве. Все это было моим собственным вкладом в маленькую очаровательную контринтригу... Итак, Пеппер узнал из достойных доверия уст Джонса, что есть лишь один способ определить, какая из картин принадлежит кисти Леонардо, а какая является «копией той же эпохи». И для этого просто требуется положить две картины рядом! Пеппер должен был сказать себе то, что я хотел, чтобы он сказал: «Значит, я не могу определить, какой картиной владею — подлинником или копией. Ноксу ни в чем верить нельзя. Поэтому я должен положить обе картины рядом и сравнить — и поскорее, поскольку эта картина, вероятно, какое-то время будет храниться в архиве окружного прокурора, но надолго здесь не задержится». Он должен был себе сказать, что, если после сравнения положит в архив копию, ему ничего не будет грозить: ведь даже эксперт, по его собственному признанию, не сможет понять,

что произошла замена.

Это был действительно гениальный ход, — мечтательно пробормотал Эллери, — и я могу себя с ним поздравить. Что — разве аплодисментов не будет? Естественно, если бы мы имели дело с искусствоведом, эстетом, художником, пусть даже дилетантом, я бы никогда не рискнул просить Джонса рассказать нам эту смешную историю. Но я знал, что Пеппер только юрист и у него не было причин не принять на веру всю историю целиком, тем более что все остальное не выглядело наигранным — арест и заключение в тюрьму Нокса, обнародование этих историй в газетах, уведомление, отправленное в Скотланд-Ярд. Я знал, что ни вы, Сэмпсон, ни ты, папа, не разгадаете эту небылицу, поскольку, как бы я ни уважал ваши личные способности детективов, об искусстве вы знаете так же мало, как наш Джуна. Единственно кого я имел основания опасаться, так это мисс Бретт — поэтому я в тот же день рассказал ей достаточно о своих кознях, чтобы она была готова должным образом продемонстрировать удивление и ужас при «аресте» мистера Нокса. Кстати, у меня есть повод поздравить себя еще с одной удачей — как я выступил! Ведь правда, я дьявольски здорово разыграл свою роль? — Эл-

лери усмехнулся. — Вижу, здесь мои таланты не ценят... Во всяком случае, Пепперу было нечего терять, а приобрести он мог все, и он просто не мог не поддаться искушению на каких-то пять минут положить две картины рядом и сравнить... Именно этого я и добивался.

В то время как я обвинял мистера Нокса у него в доме, сержант Вели уже обыскивал квартиру и служебный кабинет Пеппера — очень неохотно, нужно признать, поскольку он так сильно привязан к моему отцу, что сама мысль об измене вызывает дрожь во всей его огромной персоне. Не исключено, что Пеппер спрятал картину дома или на работе, — хотя такой шанс был невелик. Разумеется, картины там не оказалось, но в этом следовало убедиться. В пятницу вечером я позаботился, чтобы Пепперу было поручено перевезти картину в ведомство окружного прокурора, где она была бы ему доступна постоянно. В тот вечер и весь вчерашний день он ничего не предпринимал. Но, как всем вам теперь хорошо известно, вчера вечером он забрал картину из официального архива и отправился к тайнику в пустом доме Нокса, где мы и застали его с обеими картинами — подлинником и копией. Поскольку мы не знали, где Пеппер прятал Леонардо, то,

конечно, сержант Вели его люди, как ищейки, весь день ходили за ним по пятам, и я получал частые отчеты о его перемещениях.

Он целил мне в сердце, — Эллери осторожно потрогал свое плечо, — но, к счастью для грядущих поколений, лишь ранил меня, из чего следует, что в тот мучительный момент Пеппер понял, наконец, что я победил, сражаясь его собственным оружием.

И это, я полагаю, означает finis[41].

Все дружно завздыхали и задвигались. И, словно по заранее продуманному плану, появился Джуна с чаем. На некоторое время все позабыли о деле и просто болтали — но следует заметить, что ни мисс Джоан Бретт, ни мистер Алан Чини не участвовали в разговоре, — а затем Сэмпсон сказал:

— Я хочу прояснить один момент, Эллери. Вы чуть не сломали себе голову, анализируя события, связанные с письмами, чтобы учесть возможность появления сообщника. И это дало блестящие результаты! Но... — в испытанной манере обвинителя в суде, он торжествующе ударил указательным пальцем по воздуху, — как быть с

---

**[41] ПРИМЕЧАНИЯ: 41**
Конец (лат.).

вашим первоначальным анализом? Помните, вы называли первую характеристику автора письма — сфабриковать ложные улики против Халкиса в доме Халкиса мог только убийца?

— Да, — задумчиво прищурился Эллери.

— Но вы ничего не сказали о том, что сфабриковать эти улики мог сообщник убийцы! Как вы могли посчитать, что это убийца, и отбросить саму возможность существования сообщника?

— Не волнуйтесь так, Сэмпсон. Объяснение вообще-то очевидно. Сам Гримшоу сказал, что у него есть лишь один партнер, — верно? Опираясь на факты, мы показали, что этот самый партнер убил Гримшоу, — верно? Потом я сказал, что партнер, убив Гримшоу, имел сильнейший мотив, чтобы попытаться свалить на кого-то свое преступление, в первом случае на Халкиса, и поэтому, сказал я, убийца сфабриковал улики. Вы меня спрашиваете, почему нет ни какой логической вероятности, что ложные улики подбросил сообщник? По очень простой причине: убивая Гримшоу, убийца намеренно освобождался от сообщника. Стал бы он убивать сообщника, чтобы затем сделать разворот кругом и взять еще одного с целью подбросить ложные улики? Кроме того, со стороны интригана фабрикация улик против

Халкиса была полностью произвольным действием. Иначе говоря, для выбора «приемлемого» убийцы в его распоряжении был весь мир. Вот он и выбрал самого подходящего по обстоятельствам — умершего... А освободиться от одного сообщника и взять другого — это неловкий и никуда не годный прием. Поэтому, признавая преступника человеком умным, я утверждал, что он сам сфабриковал ложные улики.

— Ладно, сдаюсь! — воскликнул Сэмпсон, вскинув руки.

— А миссис Вриленд, Эллери? — проявил любопытство инспектор. — Я-то считал, что они со Слоуном любовники. Но это не согласуется с ее свидетельством, что она видела Слоуна ночью на кладбище.

Эллери размахивал очередной сигаретой.

— Одна деталь. Судя по рассказу миссис Слоун о том, как она следила за мужем, у Слоуна с миссис Вриленд был роман. Но я думаю, что Слоун, поняв, что только через жену он может наследовать галерею Халкиса, решил бросить возлюбленную и с того момента посвятить себя завоеванию благосклонности жены. Естественно, миссис Вриленд, будучи такой, какова она есть, — и к тому же отвергнутой возлюбленной,

— реагировала обычным способом и попыталась навредить Слоуну как можно сильнее.

Вдруг проснулся Алан Чини. Старательно избегая встречи взглядом с Джоан, он спросил:

— А что вы скажете о докторе Уордсе, Квин? Куда он к дьяволу подевался? Почему он скрылся? Где в этом деле его место, если оно, конечно, вообще есть?

Джоан Бретт с интересом изучала свои руки. Эллери пожал плечами:

— Наверное, мисс Бретт могла бы ответить. У меня с самого начала возникло подозрение... Я прав, мисс Бретт?

Джоан подняла голову, тоже старательно не глядя в сторону Алана, и очаровательно улыбнулась:

— Доктор Уордс — мой коллега. Правда! Он один из самых умных следователей в Скотланд-Ярде.

Надо думать, для мистера Алана Чини это была отличная новость. Он закашлялся, чтобы скрыть изумление, и принялся изучать ковер еще внимательнее.

— Понимаете, — продолжала Джоан, не переставая улыбаться, — я ничего не говорила о нем вам, мистер Квин, потому что он сам мне запретил. Его очень раздражало развитие событий,

и он исчез, чтобы выслеживать Леонардо без вмешательства официальных лиц.

— Значит, именно вы добились, чтобы его приняли в доме Халкиса. Таков был ваш замысел?

— Ну да. Когда я поняла, что это дело мне по зубам, я написала о своей беспомощности в музей, а музей обратился в Скотланд-Ярд, где до тех пор ничего не знали о краже — дирекция стремилась сохранить это дело в тайне. У доктора Уордса действительно есть лицензия на медицинскую практику, и в нескольких предыдущих делах он действовал как врач.

— Он ведь приходил к Гримшоу в «Бенедикт» тем вечером? — спросил окружной прокурор.

— Конечно. В тот вечер я не могла сама следить за Гримшоу, но передала записку доктору Уордсу, и он проследил за ним, видел, как Гримшоу встретился с неопознанным мужчиной...

— С Пеппером, разумеется, — пробормотал Эллери.

— ...и бродил по вестибюлю отеля, когда Гримшоу и этот субъект Пеппер входили в лифт. Он видел, как поднимались Слоун, миссис Слоун и Оделл; наконец он поднялся сам, но не входил в комнату Гримшоу, а просто произвел разведку вокруг. Он видел, как все они ушли, кроме перво-

го. Естественно, он не мог вам об этом рассказать, не раскрыв себя, а этого он не хотел... Ничего не обнаружив, доктор Уордс вернулся в дом Халкиса. На следующий вечер, когда приходили Гримшоу и мистер Нокс, — хотя тогда мы не знали, что это мистер Нокс, — доктор Уордс, к сожалению, был на прогулке с миссис Вриленд, знакомство с которой он поддерживал... гм... как бы это сказать? — руководствуясь интуицией.

— Где же он теперь, интересно? — равнодушным тоном спросил Алан, обращаясь к узору на ковре.

— Я полагаю, — ответила Джоан проплывавшему перед ней облаку табачного дыма, — что доктор Уордс теперь в открытом море и направляется домой.

— А-а, — произнес Алан с большим удовлетворением.

* * *

Когда Нокс с Сэмпсоном ушли, инспектор вздохнул, по-отечески пожал руку Джоан, похлопал по плечу Алана и отправился по какому-то своему делу, вероятно на встречу с ордой журналистов или с некоторыми высокопоставленными начальниками, чье душевное состояние явно

пострадало от молниеносных зигзагов дела Гримшоу-Слоуна-Пеппера.

Оставшись один с гостями, Эллери вдруг заинтересовался повязкой на раненом плече — как хозяин он всегда вел себя крайне нелюбезно. В результате Джоан и Алан поднялись и довольно сухо начали прощаться.

— Как! Уже уходите? — воскликнул Эллери. Он сполз с дивана и глупо им улыбнулся. Тонкие ноздри Джоан цвета слоновой кости чуть-чуть дрожали, а Алан стал тереть носком ботинка сложный узор на ковре, который так основательно увлек его в этот вечер. — Подождите, не уходите пока. У меня есть кое-что, чем вы особенно заинтересуетесь, мисс Бретт.

С таинственным видом Эллери поспешно вышел из гостиной. Гости застыли на месте, дуясь и украдкой посматривая друг на друга, как дети. Они одновременно вздохнули, когда из спальни появился Эллери с широким рулоном холста под правой рукой.

— Вот, — торжественно сказал он Джоан. — Вот она, та штуковина, из-за которой загорелся весь сыр-бор. Пеппер убит, процесса не будет, поэтому нам больше не нужен злосчастный Леонардо...

— Вы же не... вы же не отдаете его... — медленно

начала Джоан.

Алан Чини поднял голову.

— Именно отдаю. Ведь вы собираетесь обратно в Лондон? Позвольте предложить вам честь, которую вы заслужили, лейтенант Бретт, — привилегию лично вернуть Леонардо в музей.

— О! — Розовые губки, подрагивая, образовали эллипс, и энтузиазма в этой фигуре не чувствовалось. Она приняла скатанный холст и переложила его из правой руки в левую, потом обратно. Было ясно, что она не знает точно, как ей быть с этим рулоном — этой древней мазней, из-за которой три человека лишились жизни.

Эллери подошел к серванту и достал бутылку. Старая коричневая бутыль приятно мерцала и светилась. Эллери тихо сказал Джуне несколько слов, и неоценимый его помощник убежал к себе на кухню, чтобы вскоре вернуться с сифоном, содовой водой и другими атрибутами искусства составления напитков.

— Скотч с содой, мисс Бретт? — весело спросил Эллери.

— Ох, нет!

— Может быть, коктейль?

— Вы очень любезны, мистер Квин, но я не пью. — Замешательство исчезло, и по абсолютно

непонятной для менее проницательного мужского взгляда причине мисс Бретт снопа приняла холодный вид.

Алан Чини пожирал бутылку глазами. Эллери начал колдовать со всеми этими предметами, и вскоре в высоком стакане запузырилась янтарная шипучая жидкость. Эллери подал его Алану с видом понимающего человека, передающего стакан другому понимающему человеку.

— Это восхитительно, — проникновенно сказал Эллери. — Вы ведь в этом знаете толк... Как... Вы?.. — И Эллери изобразил сильнейшее изумление.

Потому что мистер Алан Чини под строгим взглядом мисс Джоан Бретт действительно отказывался от дневной выпивки — и это мистер Алан Чини, неисправимый пьяница!

— Нет-нет, — упрямо бормотал он. — Нет, спасибо, Квин. Я бросил пить. Меня это не привлекает.

Казалось, луч теплого света коснулся черт мисс Джоан Бретт. Тот, кто слабо чувствует ценность слова, мог бы сказать, что она засияла. На самом деле вся ее холодность волшебным образом растаяла, без всякой на то причины она вспыхнула и опустила глаза вниз, и теперь уже ее туфелька принялась протирать ковер, а Леонардо, оцененный каталогами в миллион долларов, заскользил

из-под ее руки, как будто бы это просто какой-то яркий настенный календарь.

— Фу! — воскликнул Эллери. — А я-то думал... Ну ладно! — С неубедительным разочарованием он пожал плечами. — Знаете, мисс Бретт, — сказал он, — это как в одной из тех старинных мелодрам, которые представляли маленькие труппы. В конце третьего акта герой порывает с прошлым, начинает новую жизнь и все такое. Я и правда слышал, что мистер Чини решил заняться коммерческой стороной имущества своей матери. Оно ведь теперь весьма значительное, так, Чини?

Алан кивнул, едва дыша.

— А когда стихнет весь этот юридический ураган, вы будете, вероятно, управлять галереей Халкиса.

Эллери еще поболтал немного, но вскоре заметил, что гости ничего не слышат. Джоан импульсивно повернулась к Алану. Они постигали — или как это еще называется? — то, что их связало. Джоан снова вспыхнула и обратилась к Эллери, сочувственно наблюдавшему за ними.

— Все-таки не думаю, — сказала Джоан, — что я вернусь в Лондон. Это... С вашей стороны было очень любезно...

А когда за ними закрылась дверь, Эллери посмотрел на холст, выскользнувший из нетвердой руки мисс Джоан Бретт и развернувшийся на полу, вздохнул и, невзирая на неодобрительно сдвинутые брови молодого Джуны, который даже в этом нежном возрасте придерживался суровых норм трезвости, в полном одиночестве прихлебнул из стакана. Судя по тому, какое расслабленно-довольное выражение появилось через минуту на худощавом лице Эллери, напиток действительно был неплох.